118
PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

КРАСНЫЙ АРХИВ

3 (88)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ СССР и РСФСР

Содержание

Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.— О высшей школе. Речь товарища В. М. Молотова на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г. — Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова. — К истории всеобщей стачки на Юге России в 1903 г. — Андижанское восстание в 1898 г. — К истории франко-русского соглашения 1859 г. — Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1938

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1938

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.

Товарищи!

Разрешите провозгласить тост за науку, за ее процветание, за здоровье людей науки.

За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой (аплодисменты).

За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всесилие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки (аплодисменты).

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (аплодисменты).

Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (аплодисменты). Вспомните 1917 год. На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утвер-

ждая, что Ленин находится «в бреду». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с'ума», что его следовало бы упрятать куда-нибудь подальше. Против Ленина (выли тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоялся пойти против течения, против косности. И Ленин победил (аплодисменты).

Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки.

Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Папанин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. Но кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?

Вот какие еще бывают «чудеса» в науке.

Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется ПЕРЕДОВОЙ наукой.

За процветание нашей передовой науки!

За здоровье людей передовой науки!

За здоровье Ленина и ленинизма!

За здоровье Стаханова и стахановцев!

За здоровье Папанина и папанинцев! (аплодисменты).

★ ★ ★

О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

(Речь тов. В. М. Молотова на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая с. г.)

Товарищи, разрешите передать вам, Первому всесоюзному совещанию работников высшей школы и в вашем лице всем работникам высшей школы и советскому студенчеству, большевистский привет Центрального Комитета Партии и Совета Народных Комиссаров Союза. **(Бурные аплодисменты. Раздаются возгласы: «Да здравствует наш великий учитель товарищ Сталин, ура! Да здравствует большевистская партия! Да здравствует верный соратник товарища Сталина товарищ Молотов!» Бурные аплодисменты).**

I. Развитие высшего образования в СССР

Товарищи, наша высшая школа прошла к настоящему времени очень важный период своего развития. Прошло двадцать учебных лет высшей школы при советской власти. Прошло последнее десятилетие, в течение которого мы произвели коренную перестройку высшей школы.

В 1928 году вопрос о высшей школе встал перед нами, как одна из крупнейших политических задач. Это стало ясно после разоблачения шахтинских вредителей из лагеря буржуазных специалистов. Тогда обнаружилось с особой силой, как еще вообще слаба советская страна техническими силами, как еще живуче буржуазное влияние и как раскинута работа иностранной агентуры в среде старых специалистов и как мы были тогда бедны кадрами новых, действительно советских специалистов.

Как и в других важных делах, тов. Сталин был главным инициатором реорганизации вузов и втузов на протяжении 1928—1929 гг.

Центральный Комитет большевистской партии должен был вплотную заняться данным вопросом. В результате этого сеть наших вузов и количество учащихся в них значительно увеличились. Технические и другие вузы были переданы наркоматам, непосредственно заинтересованным в подготовке кадров. Состав учащихся в вузах значительно обновился, в первую очередь, за счет детей рабочего класса. Удельный вес высшей школы в общественной жизни страны значительно поднялся. Высшая школа стала на ноги в соответствии с новыми требованиями советского государства.

Ваше совещание собралось в момент, когда мы уже можем сказать, что реорганизация вузов в основном закончена. Вузы в нашей стране построены. Дело не только в количестве вузов и в количестве учащихся в них, дело не только в обновленных учебных программах, планах и т. п. Реорганизация вузов в основном завершена, завершена в том смысле, что они построены теперь применительно к потребностям государства, строящего социализм.

Это не значит, что мы вполне удовлетворены положением в области высшего образования, что у нас нет крупных недостатков в этом деле. Напротив, об этих недостатках нам еще придется говорить. Но теперешние вузы это уже не те вузы, которые мы имели в первые годы советской власти и даже десять лет тому назад. Если взять в целом наше высшее образование, наши высшие школы, технические и военные, педагогические и медицинские, а также другие, то мы уже имеем такую организацию этого дела, которая в основном отвечает всем важнейшим потребностям советского государства. Не трудно указать на многие недостатки и, если хотите, на целые провалы в некоторых отраслях нашего высшего образования. Для того и созвано Всесоюзное совещание работников высшей школы, чтобы оно помогло развернуть борьбу с этими недостатками по-настоящему, со всей энергией и организованностью. Ваша задача облегчена тем, что сеть основных вузов построена, что все дело высшего образования получило уже достойный Советского Союза размах и у нас имеется все необходимое для дальнейшего развития высшей школы, для расцвета высшего образования.

Сравните положение нашей высшей школы с высшей школой капиталистических государств и вы увидите колоссальную разницу в пользу СССР. Судьбы высшей школы в капиталистических государствах и в Советском Союзе, как и всякое другое крупное общественное явление, отражают коренное различие в развитии двух миров — капиталистического и социалистического. В странах капитализма высшая школа переживает тяжелую пору кризиса, упадка. Другое дело в СССР. У нас обратная картина.

Возьмем имеющиеся в печати последние данные о высшей школе в капиталистических странах. Получаем такую картину о числе учащихся в вузах: во Франции и в Германии по 74 тыс., в Италии — 73 тыс., в Великобритании (по метрополии) — 51 тыс. У всех четырех так называемых «великих держав» Европы, вместе взятых, количество учащихся в вузах достигает 270 тысяч. Добавим к этому, что количество учащихся в вузах Японии составляет 146 тысяч. Таким образом, у Германии, Италии, Англии, Франции и Японии, вместе взятых, количество учащихся в вузах составляет несколько больше 400 тысяч. Сравните с положением в СССР. Один Советский Союз, с его 550 тыс. учащихся в высшей школе, имеет студентов больше, чем все вузы великих держав Европы вместе с Японией. **(Аплодисменты).** Мы имеем право гордиться таким положением. Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция Советского Союза могут гордиться тем, что наша высшая школа стоит на высоком уровне развития, что рабоче-крестьянское государство проявляет к этому делу такую заботу, которая не по плечу почтенным буржуазным государствам. **(Аплодисменты).**

Вы знаете также, что для ряда буржуазных государств характерно, что за последние годы количество вузов и учащихся в них не только не увеличивается, а сокращается. Высшая школа в буржуазных странах не только недоступна трудящимся, но она во многих случаях переживает упадок по сравнению даже с прежними годами.

Несмотря на это, во всех буржуазных странах растет безработица среди ученых профессий. Это относится не только к Европе, но и к Америке. Есть уже такие отрасли интеллигентного труда, где половина специалистов с высшим образованием остается без работы, а зачастую и без обеспеченного куска хлеба. Поищите-ка у нас безработного ученого, безработного специалиста! Если бы кто-нибудь нашел у нас безработного ученого, мы бы ему дали премию! **(Аплодисменты. Смех).** У нас обратное положение. Советская высшая школа выпускает

теперь уже ежегодно до ста тысяч специалистов, а у нас все еще большой недостаток в специалистах во многих отраслях работы. В наших условиях такие вещи, как «безработица ученых профессий», звучат просто дико.

Говорят и так, что люди ученых профессий в капиталистических странах наказаны тяжелой безработицей за то, что многие из них слишком долго проявляют неспособность понять реакционность и гнилость современного капитализма. В этом замечании есть зерно правды. Ученые люди и специалисты буржуазного общества — выходцы из имущих слоев, из буржуазных и мелко-буржуазных классов. От этого общества сейчас нельзя ждать хорошего, передового общественного воспитания. Поэтому буржуазные и мелко-буржуазные интеллигенты нередко отличаются неспособностью понять, что капиталистический строй уже отжил свой век. Многие из них продолжают цепляться за этот строй, а он жестоко отплачивает им ростом безработицы среди ученых профессий. Но если рабочие и многие крестьяне в буржуазных странах все больше проникаются революционным отрицанием капитализма, то по этому пути неизбежно должна пойти и все большая часть интеллигенции, в первую очередь из ее демократических слоев.

Капитализм уже во многих странах, можно сказать, добился того, что в рабочем классе он имеет своего непримиримого врага. Количество недовольных растет не только среди рабочих, но и среди крестьян, среди мелких служащих, среди кустарей. Количество недовольных растет и среди интеллигентных профессий — учителей, врачей, инженеров, агрономов, профессоров, писателей, ученых. Все большее количество людей в буржуазных странах, в том числе и среди выходцев из привилегированных слоев общества, из ученых профессий, из интеллигенции, убеждается в том, что капитализм уже не способен обеспечить развитие культуры, развитие науки, не способен служить делу прогресса. Эти люди обращают свои взоры в нашу сторону. Но мало убедиться в неспособности капитализма служить делу прогресса, мало и того, чтобы понять опасность фашизма, который порождается современным гниющим на корню капитализмом. Надо еще найти дорогу из капитализма к новому строю. И вот это вызывает интерес к Советскому Союзу, к нашей работе, к нашему культурному строительству, к развитию техники и науки в СССР. Нас изучают, на нашем примере проверяют свою критику капитализма и пути построения нового общества. Все это накладывает на нас ответственность не только перед общественным мнением нашей страны, но и перед общественным мнением всего прогрессивного человечества. **(Бурные аплодисменты).**

II. Решающая задача высшей школы в наши дни

На вашем совещании много говорилось о недостатках нашей высшей школы. И это правильно. Этих недостатков немало. Вместе с ростом наших требований к высшей школе эти недостатки нам становятся яснее, а эти требования растут и будут расти и дальше.

Построив мощную сеть вузов в соответствии с гигантскими требованиями государства, мы еще далеко не навели должного порядка в этом деле. За какую бы отрасль высшей школы мы ни взялись, мы это чувствуем на каждом шагу.

Возьмите планирование в строительстве вузов. У нас есть значительные отрасли народного хозяйства и культуры, которые плохо обеспечены подготовкой кадров специалистов. Состояние подготовки нацио-

нальных кадров специалистов в ряде республик также неудовлетворительно. Многое еще недоделано в этой области.

Вопросам учебных планов и программ в высшей школе ваше совещание уделило большое внимание. Это было необходимо. Нужно покончить с частыми изменениями учебных планов и программ, внести устойчивость в это дело. Разобраться во всем этом, установив соответствующие современным требованиям учебные программы и покончив с излишней, затрудняющей учебу многопредметностью, значит — ликвидировать ряд вредительских безобразий, серьезно мешающих развитию высшей школы.

Теперь возьмите вопрос о руководящих кадрах вузов. Подбору директоров и профессорско-преподавательских кадров уделялось в последнее время немало внимания. Но и в этой области много слабых мест. Мало подобрать, надо еще руководить этими кадрами. Между тем ГУУЗ'ы нередко работают очень слабо. Да и Комитету высшей школы надо еще много поработать над подбором руководящих кадров вузов и над правильным проведением штатно-окладной системы.

Сравнительно мало здесь говорилось о студенческих организациях. Между тем в высшей школе они играют важную роль. От их работы многое зависит в создании благоприятных условий для учебы, в обеспечении сознательной дисциплины среди студенчества, в общественном воспитании молодежи. Нельзя не отметить сказанную на этом совещании речь студентки Макаровой. Своим выступлением, в частности насчет безразличного отношения руководителей вузов к вновь вступающим в высшую школу, тов. Макарова подчеркнула, насколько еще у нас силен бюрократизм, бездушное отношение к учащейся молодежи. Она справедливо также защитила свой библиотечный вуз, потому что в нашей стране, где в народе развились такие громадные потребности в книге, в знаниях, библиотечное дело приобрело большое государственное значение. Надо, чтобы студенческие организации больше давали о себе знать в нужных случаях.

Работа Комитета высшей школы должна сказаться еще и в строительстве вузов, и в заботе о технической базе высшей школы, и в дальнейшем улучшении бытовых условий студенчества, и во многом другом. Сильнее должны почувствовать помощь со стороны Комитета и наши наркоматы. Но уже теперь можно сказать, что по сравнению с первым периодом работы Комитета, когда к руководству пробрались буржуазные перерожденцы-вредители, Комитет заработал по-новому. **(Аплодисменты).**

Можно и должно говорить о многих недостатках в высшей школе. Их действительно много. В докладах и речах на этом совещании говорили об этом. Но сейчас необходимо сосредоточить внимание на главном. Следует признать, что среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является **недостаток хороших учебников.** Это признают и профессора и студенты. О недостатке учебников здесь говорилось немало. Но следует этот вопрос поставить не на ряду с прочими, а в качестве вопроса первостепенной важности.

У нас немале учебников. Есть старые неплохие учебники, есть и обновленные хорошие учебники. Подготовляется издание новых и новых. На 1938 год намечен большой план издания учебников. Но это вовсе не значит, что указанный план издания учебников сколько-нибудь серьезно подготовлен. Этот план надо подвергнуть проверке, не сводя дело к формальному утверждению. Справедливо также указание на то, что даже подготовленные учебники не всегда обеспечиваются своевременным изданием. Но главный вопрос лежит не в издательской области. Ударение необходимо поставить на подготовке, на составлении учебников. Насколько серьезен вопрос об учебниках, соответ-

ствующих нашим теперешним требованиям, вы знаете по примеру издания одного учебника для средней школы. Составленный профессором Шестаковым и его группой учебник истории СССР получил, как известно, не первую, а вторую премию. Но чтобы получить этот учебник, над ним немало пришлось поработать и Центральному Комитету ВКП (большевиков). **(Аплодисменты).**

Чтобы по-настоящему обеспечить издание хороших учебников, надо проделать очень большую работу. Надо прежде всего умело собрать необходимые для этого научно-преподавательские силы. Надо много, настойчиво и серьезно поработать над их организацией по соответствующим отраслям. Осуществить правильное руководство этим делом, значит — провести действительно серьезную и очень умную работу.

Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготовлять учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи. Высшая школа должна иметь и будет иметь хороший советский учебник. **(Аплодисменты).**

Что студенты в этом нуждаются — нечего доказывать. Достаточно сказать, что не найдется таких вузов, которые были бы по-настоящему обеспечены хорошими учебниками. Студенты жаждут получить хороший советский учебник. Они заждались его. Такой учебник облегчит и всю работу профессуры вузов. Без соответствующих учебников даже хорошее преподавание частично обесценивается, а с этим нельзя мириться. Стоит вопрос и об издании учебников по таким темам, как Сталинская Конституция, колхозное строительство, социалистическое планирование, народно-хозяйственный учет и др.

Мы можем теперь по-серьезному поставить вопрос об учебниках для высшей школы. У нас есть научно-преподавательские кадры, которые с честью справятся с этой большой задачей. Профессора и преподаватели, старые ученые и молодые научные работники, должны взяться за это дело, как за одну из важнейших и неотложных государственных задач. Мы обязаны создать для этого необходимые организационные предпосылки, облегчить работу соответствующих авторов и авторских групп. Тут найдется работа для многих, работа интересная и исключительно ценная для советского государства. Можно не сомневаться, что эта работа приведет к более серьезной критической проверке наших учебных программ и планов и поставит ряд новых вопросов в высшей школе, да и в области науки.

Пока мы сорганизуем издание этих учебников, нам придется еще много переиздавать старых учебников. Даже тех, которые нас уже далеко не удовлетворяют. Надо признать, что высшая школа нуждается в новых учебниках, в таких советских учебниках, которые дадут ей прочную базу для дальнейшего развития. Если в прошлом большевикам много приходилось заниматься агитационными брошюрами и резолюциями, то теперь наши задачи посложнее, и пусть лучше будет поменьше резолюций, но побольше хороших советских учебников. **(Аплодисменты).**

Если в этом вопросе ваше совещание даст должный толчок, оно сделает большое дело. Нельзя забывать о многих недостатках в высшей школе, но надо отдать отчет, в чем здесь заключается главный недостаток. Тогда нам будет ясно, что здесь **решающая задача** заключается в том, чтобы **обеспечить высшую школу хорошими учебниками,** достойными нашего великого дела, дела социализма. Тогда мы безу-

словно поднимем нашу высшую школу на новую, более высокую ступень, и она еще лучше заблестит своими новыми успехами. **(Аплодисменты).**

III. Значение идейно-политического воспитания

Почему мы, большевики, придаем такое большое значение идейно-политическому воспитанию? Почему? Потому что размах нашего дела, размах дела социализма, требует этого. Размах нашего дела настолько велик, проводимое советской властью переустройство жизни вносит такие коренные изменения, что в наших условиях нельзя замыкаться только в повседневные дела и текущие нужды, а необходимо сознательно относиться к генеральному пути нашего развития, к историческим событиям, участниками которых мы являемся. Мы, большевики, считаем, что верным компасом в исторических событиях может служить ленинизм, раскрывающий их действительную сущность. Овладеть ленинизмом — в этом важнейшая задача работников высшей школы, в этом важнейшая задача советского студенчества.

Чтобы пояснить свою мысль, я остановлюсь на том, как ленинизм понимает задачу перехода от капитализма к социализму. Ленинизм учит, что социализм можно построить только из того материала, который оставил нам капитализм, что социализм можно построить руками не каких-то там искусственно выращенных, вне капиталистического общества воспитанных, «чистеньких», праведников-социалистов, которых в жизни нет и не может существовать, а руками тех людей, которые существуют, с их действительными недостатками и достоинствами, которые выросли и воспитывались в недрах самого капиталистического общества. О великом значении этих ленинских мыслей нам говорят все новые и новые факты нашего времени. Поэтому я процитирую здесь одно из замечательных высказываний В. И. Ленина по этому вопросу. Беру статью Ленина «Успехи и трудности Советской власти», написанную в марте 1919 года. Вот что писал здесь Ленин:

> «Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что эта забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.
>
> Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным мировоззрением, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях,— и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя — все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас

нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов.

Если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взяли власть, когда мы получили советский аппарат!

Это одна половина задачи, и это бóльшая половина задачи. Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах.

Так поставлена задача во всех областях — задача противоречивая, как противоречив весь капитализм, труднейшая, но выполнимая. Не потому, что мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без пятна и упрека; нет, извините, нам надо все устроить теперь, не через двадцать лет, а через два месяца, чтобы бороться против буржуазии, против буржуазной науки и техники всего мира. Тут мы должны победить. Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам — трудно, но можно; и если мы это сделам, мы победим».

Вы видите, что Ленин с самого начала совершенно определенно ставил вопрос о том, как именно, из какого именно материала можно построить социализм, и вы видите, как мы уже далеко продвинулись по этому пути. Он жестоко высмеивал рассуждения на тему о том, что для строительства социализма сначала нужно воспитать «хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей», «людей, которые в парниках будут приготовлены». Опрокидывая эти рассуждения едкой насмешкой, он говорил: «Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе». Он указывал на то, что в капиталистическом обществе наряду с буржуазией и другими господами положения существуют пролетарии, из которых капитализм выковывает героическую армию борцов за социализм и которые при умелой тактике могут повести за собой миллионы крестьян и мелкого городского люда. Но он указывал также и на то, что этого недостаточно, что необходимо включить в дело строительства социализма, идущего на смену капиталистическому обществу, инженеров, учителей, агрономов и других интеллигентов, которые вышли из имущих классов, воспитаны в буржуазном духе. Ленин указывал, что без привлечения буржуазных специалистов нельзя приступить к строительству социализма. Он уже тогда говорил: «У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего.

Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов». Ленин без обиняков говорил: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем». Ленин указал путь, каким создать новое из старого, как использовать старый материал в интересах нового общества. Мы шли по этому пути, по пути ленинизма, и вы видите: социализм победил. **(Бурные аплодисменты).**

Но, чтобы строить из этого материала новое общество, надо ясно видеть цель и пути ее осуществления. Ограничив свой кругозор привычными в буржуазном обществе понятиями и повседневными мелкими заботами, нельзя понять поставленной историей перед людьми нашей эпохи коренной задачи, задачи переустройства и обновления общества. Без усвоения такого учения, как марксизм-ленинизм, освещающего генеральный путь исторического развития, раскрывающего смысл современных событий, нельзя быть сознательным участником исторических событий нашего времени.

Это не значит, что достаточно записаться в коммунисты, налепив на себя соответствующий ярлык, и этим получишь право на имя передового человека нашей эпохи. Мы теперь хорошо знаем, что под коммунистов, под защитников ленинизма, подкрашиваются и злейшие наши враги. Кое-кого из таких людей события даже на время захватывают и поднимают высоко. Но фальшь рано или поздно все равно обнаружится. В больших событиях нашей эпохи иногда на поверхность выплывают, играя известную роль, и разные ловкие люди, набрасывающие на себя маску сочувствия социализму, а на самом деле не верящие в то, что можно жить без подачек от господ с тугой мошной, без прислужничества буржуазии.

После событий последнего времени мы хорошо знаем, что среди этих примазавшихся к советской власти и большевистской партии людей было немало старых и новых платных агентов буржуазии, агентов белогвардейщины и иностранных разведок. Надо признать, что мы проявили недопустимую доверчивость ко многим из них, что мы, даже борясь с ними, слишком долго считали их идейными людьми, представляющими политическое течение. На самом деле все эти троцкисты, бухаринцы и им подобные давно уже превратились в банду шпиков и убийц, вредителей и диверсантов. В этой среде оказалось немало матерых агентов царской охранки, растленных провокаторов и предателей, за жалкую мзду выполнявших гнуснейшие поручения белогвардейских и иностранных разведок, усердно ползавших перед ними на брюхе. Этим господам пришлось изловчаться в двурушничестве, пришлось по-змеиному изворачиваться в предательстве. Все эти господа, имена которых вам известны по последним судебным процессам, показаны теперь перед всем миром в их подлинном виде, без масок, и вы знаете, что более отвратительного зрелища, чем этот человеческий хлам, кажется, нельзя представить.

Да, ведь, это и есть те люди, которых старое общество, господствующие классы капитализма хотели бы иметь в нашей среде, чтобы разлагать наше дело, чтобы подрывать его успехи. Это люди, через которых буржуазия еще стремилась и стремится вернуться снова к власти, расчистить снова место для своего господства. Вся эта орава убийц, шпиков и вредителей была последней ставкой буржуазии. На их подрывную и разлагающую двурушническую работу рассчитывали бело-

гвардейцы и меньшевики, эсеры и иностранные шпионы-разведчики. Ничего идейно более высокого, морально более прочного у старого общества для борьбы с социализмом не осталось. Все эти троцкисты и бухаринцы вместе с их подручными всякого рода — ничто иное как отребье буржуазного общества, его агентура, представляют идейный и моральный облик этого общества, если еще позволительно здесь говорить о каких-либо идеях, о какой-либо морали. Мы хорошо знаем теперь, кто эти люди, проституированные до конца. Они в своем отвратительном оголенном обличии отражают идейно-моральный облик гниющих, доживающих свой век буржуазных классов. Мы и отправили их туда, куда история в не таком отдаленном будущем отправит, должно быть, и само капиталистическое общество. **(Бурные аплодисменты).**

Ленин указывал на то, что построение социализма из материала, оставленного капитализмом, задача противоречивая. Старое не уступает дорогу новому без боя, без упорной борьбы. С другой стороны, новое, а значит и новые люди, могут вырасти и закалиться только в борьбе с этим старым, смело расчищая дорогу социализму. Чтобы обеспечить возможность разобраться в этих противоречиях, найти правильный путь и итти вместе с передовыми людьми нашего времени, нужна постоянная работа по идейно-политическому воспитанию масс, по идейно-политическому воспитанию молодежи, а также самих руководящих кадров и специалистов всех отраслей. Тогда не придется долго ждать того момента, когда мы разгромим до конца всех и всяких буржуазных перерожденцев, как бы они ни двурушничали, ни изловчались, ни изворачивались. **(Аплодисменты).** У нас быстро растет и крепнет опора нашего дела в народных массах. Опора нашего дела — наши стахановцы и ударники заводов, фабрик и колхозов, герои труда, техники и науки, герои военного дела, авиации и Арктики, растущая в своих знаниях и общественном опыте советская молодежь. **(Аплодисменты).** Перед неуклонным ростом этих сил потуги наших врагов бессильны. Желание сознательно участвовать в рядах строителей нового общества и честно служить до конца своей родине все больше захватывает людей всех поколений нашей страны.

Уроки последних политически разоблачительных судебных процессов весьма существенны. Теперь мы особенно хорошо запомнили указание товарища Сталина о том, как опасна в наше время политическая беспечность. Пополнились и наши представления в вопросе о государстве, в вопросе о государстве вообще и о социалистическом государстве, находящемся во внешне капиталистическом окружении, в частности. Больше чем когда бы то ни было мы поняли политическую роль шпионских разведок иностранных государств и вместе с тем необходимость своей собственной хорошей разведки. Наши представления в вопросе о государстве стали еще конкретнее, и это облегчит нам более правильное использование аппарата государства в деле строительства нового, коммунистического, общества.

Из борьбы с врагами народа мы вышли отнюдь не ослабленными. Напротив, мы еще больше окрепли и еще больше уверены в полной победе нашего дела. **(Аплодисменты).**

Как отразились эти события на нашей практической работе, можно судить хотя бы по такому примеру. Я имею в виду работу промышленности в этом году. За 1937 год, в результате разоблачения вредительства, нам пришлось произвести значительную смену кадров в промышленности. Вместо многих, чрезмерно кичившихся своим долгим опытом, а на деле политически переродившихся и запутавшихся во вредительстве «коммунистов» и инженеров-специалистов, нам пришлось за последние месяцы выдвинуть много новых людей, главным образом, из невидных ранее практиков и молодых специалистов. В некото-

рых отраслях промышленности пришлось заменять целый слой политически прогнивших работников. Теперь можно уже судить о первых результатах этого обновления руководящих кадров в промышленности.

Как известно, 30 ноября 1937 года была опубликована производственная программа промышленности на 1938 год. Эта программа предусматривала рост продукции промышленности в этом году на 15,3% против прошлого года. При теперешних масштабах нашей промышленности такой рост промышленной продукции за один год представляет громадную величину, не говоря уже о том, что это ярко подчеркивает преимущества социалистического строя перед капиталистическим, где опять развертывается глубокий экономический кризис. Справляются ли с поставленной задачей наши теперешние хозяйственные кадры?

Сравним производственную продукцию января этого года с январем прошлого года. Оказывается, в январе мы имели увеличение продукции против января 1937 года на 5,5%. Мы пошли вперед, но увеличение против прошлого года было еще сравнительно небольшое. Февраль этого года дал увеличение промышленной продукции на 9% против февраля прошлого года. Этим был сделан дальнейший шаг вперед. Март против марта прошлого года дал увеличение промышленной продукции уже на 12%. Нарастание темпов роста промышленности здесь достаточно видно. Теперь мы имеем данные и об апреле месяце. Апрель дал увеличение промышленной продукции против апреля прошлого года на 15%. **(Бурные аплодисменты).**

Как видите, наша промышленность вошла уже в русло выполнения годового плана. Это не значит, что у нас нет отсталых и плохо работающих отраслей промышленности. Ни о каком успокоении на достигнутом уровне не может быть и речи. Но вам понятно, что такой подъем и такое нарастание темпов роста промышленности может происходить только на здоровой основе. На наших глазах новые кадры овладевают руководством промышленностью. Смена политически провалившихся руководителей, расчистка хозяйственного аппарата от врагов-вредителей отнюдь не ослабила промышленность. Новые кадры уже подбирают к рукам порученное дело, успешно справляясь с ним. Это показатель того, как выросли наши хозяйственные кадры, какими резервами мы уже располагаем и как уверенно мы можем двигаться вперед, организуя правильное выдвижение новых сил, правильное воспитание и руководство ими. Подобные успехи стали возможны благодаря тому, что весь рабочий класс и вся масса трудящихся нашей страны быстро растет в своей общественной сознательности и в своем умении организовать труд. У нас все дети охвачены начальной школой, и быстро растет среднее образование. То, что средняя школа стала доступна для миллионов юношей и девушек, имеет громадное значение. То, что высшая школа сделала за последние годы в подготовке новых кадров специалистов, уже начинает давать свои серьезные плоды. Мы должны дорожить каждым старым специалистом и беречь их, но главной силой среди квалифицированных специалистов стали уже специалисты нового поколения, число которых растет с каждым днем.

Насколько в культурном отношении выросли уже народы Советского Союза, насколько выросли и кадры наших специалистов, мы видим на каждом шагу по фактам, относящимся к нашему хозяйственному фронту. Мы всячески стремились и стремимся продлить период мирной передышки — на это всегда были направлены усилия советской власти и большевистской партии, усилия нашего великого руководителя и вождя народов товарища Сталина. **(Бурные продолжительные аплодисменты. Все встают).**

Мы не даром прожили эти годы мирной передышки. Уже немало сделано в деле подготовки новых советских кадров специалистов. В этой области теперь решает дело идейно-политическое воспитание. Еще год тому назад тов. Сталин говорил:

«Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет».

Чтобы двигаться уверенно вперед, чтобы обеспечить расцвет сил нашей родины, мы должны помнить об этих указаниях тов. Сталина, помнить о значении идейно-политического воспитания в наше время.

Когда-то про победу немцев во франко-прусской войне 70—71 гг. говорили, что в этой победе решающую роль сыграла школа, учитель. Действительно, в тот период Германия сделала немало, чтобы поднять образование в своей стране. И это, наряду с другими моментами, сыграло очень крупную роль в победе немцев над французами. В нашей стране за последние годы проведена невиданная по размерам и значению работа по поднятию культуры, по развитию народного образования, по созданию кадров высоко-квалифицированных специалистов. Наша страна уже не та, какой она была в первых боях против иностранных интервентов в 1918—20 гг. И если даже тогда полуразрушенная войной, культурно отсталая и истощенная страна справилась с широко организованным внешним нападением, то теперь, когда материальный и культурный уровень народа значительно поднялся, когда политически и морально народы Советского Союза небывало сплочены под нашим большевистским знаменем, для полного успеха нашего дела достаточно того, чтобы каждый гражданин Советского Союза выполнил свой долг, долг честного сына своего народа. **(Бурные аплодисменты).**

Как надо понимать политические задачи настоящего момента, об этом недавно снова напомнил товарищ Сталин в письме к комсомольцу Иванову. Он писал:

«Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...».

Чтобы выполнить эту задачу, наша интеллигенция, работники высшей школы, студенты и студентки должны помнить о стоящей перед ними задаче: овладеть ленинизмом, сделаться в большевистском смысле сознательными участниками великого дела строительства социализма. Вам, работникам высшей школы, дано передовое место не только в рядах культурных работников, но и во всех отраслях работы нашего государства. Вам много дано, и поэтому велика ваша ответственность перед народом. **(Аплодисменты).**

Всей вашей работе и работе каждого из вас в отдельности обеспечена мощная поддержка государства. Вы найдете сильное и высокое чувство удовлетворения в своей работе, идя в-ногу со своим народом, большевистское знамя которого высоко развевалось на недавних выборах в Верховный Совет Союза и снова реет в высоте на выборах в Верховные Советы советских республик! **(Бурные аплодисменты, возгласы в честь вождя народов, любимого друга ученых, студентов, профессоров и преподавателей — товарища Сталина и в честь товарища Молотова).**

★ ★ ★

Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова

Опубликование документов Морского министерства, относящихся к полярной экспедиции Г. Я. Седова, дает возможность осветить отношение военно-морской и правительственной бюрократии царской России к первой русской экспедиции на Северный полюс.

По многим причинам экспедиция Седова представляет для историка большой интерес. Трагическая развязка этой смелой попытки проникнуть в центр Арктики произошла в первый год империалистической войны, почти накануне революции. Седов, таким образом, как бы замыкает собой длинный ряд русских исследователей, отважно выступавших на завоевание Арктики в тяжких условиях равнодушия и противодействия правящих классов. В тоскливые дни зимовки на Земле Франца-Иосифа, в 1913 г., Седов много читал и делал о прочитанном заметки в своей тетради. Здесь он однажды записал с чувством горечи: «Гельвальд: Правительство обыкновенно менее поддерживает научные экспедиции, чем торговые...» Но даже и эта мысль, заимствованная Седовым у географа-европейца, слишком снисходительно звучала бы по адресу русского правительства, которое с феодальной тупостью веками тормозило экономическое развитие Севера. Достаточно напомнить хотя бы об указе XVII в., запрещавшем русским мореходам пользоваться северным морским путем из Архангельска и Печоры в Сибирь. «...Русским людям морем в Мангазею (Обская губа) от Архангельского города ездить не велеть» — гласил этот указ. Это запрещение на 250 лет законсервировало экономическое развитие северной Сибири...

И в XX в. царская Россия, обладая наибольшими пространствами в пределах Арктики, выступила последней в деле ее изучения, показав и здесь свою культурную, государственную и экономическую отсталость.

В своей докладной записке об экспедиции Седов с полным основанием говорил о полярных путешествиях: «Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей (открытие полюса — *С. Н.*), что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием. Здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все культурные страны, включительно до Японии (к южному полюсу) и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор».

Но уже очень скоро после представления в Морское министерство этого документа Седову пришлось, как мы ниже увидим, убедиться в том, как мало царское правительство заинтересовано было в научных завоеваниях, с каким пренебрежением относилось оно к «народной гордости и чести страны».

Особое положение Седова в истории завоевания Арктики — не только в том, что он был первым русским, дерзнувшим на поход к полюсу, не только в научных достижениях его экспедиции, но, главным образом, в том обстоятельстве, что непосредственно вслед за ним в Арктику пришли уже советские исследователи. Зимовщики, поселившиеся в бухте Тихой после «Св. Фоки», были

советские полярники, доставленные на Землю Франца-Иосифа ледокольным пароходом «Седов» (1929 г.).

Несколько слов о личности Седова. Георгий Яковлевич Седов был чужим в обществе морских офицеров царского флота, формировавшемся в подавляющем большинстве из дворян. Он родился в семье рыбака, на хуторе Кривая Коса, что на берегу Азовского моря. Об обстановке, в которой провел детство и юность будущий путешественник, бесстрастно свидетельствует канцелярия войскового наказного атамана: «...Отец погибшего ст. лейт. Седова — Яков Седов из имущества имеет лишь хату, построенную из камыша и глины, стоющую 120 р., с крайне бедной в ней обстановкой, состоящей из трех старых столов и четырех таких же стульев...» Седов был в юности матросом и грузчиком. Лишь его поразительная энергия помогла ему в этих условиях учиться, чтобы получить сначала звание штурмана дальнего плавания, а потом и чин прапорщика военного флота. Он поступает в гидрографическое управление, участвует в съемке берегов Ледовитого океана и в других экспедициях, в 1909 г. уже командует экспедицией в устье Колымы, в 1910 г. производит съемку на севере Новой Земли. Служебные его успехи довольно велики: в 1911 г., в декабре, он был произведен «за отличие по службе» в капитаны, а через 3 месяца даже переведен из «адмиралтейства» во флот — в чине ст. лейтенанта [1]. Неутомимая трудоспособность, смелость, заражающая бодрость духа и уверенность в собственных силах отличали Седова. Он был чужд профессиональным и политическим предрассудкам военной и морской среды того времени. В 1908 г. он выпустил брошюру: «Право женщин на море». Это было воззвание, удивительное по непосредственному чувству. Ничего нового в сравнении с другими реформистскими программами женского равноправия в этой брошюре не было. Он писал: «Женщина есть тоже человек, одаренный разумом и добрым сердцем... ее не любить и не уважать нельзя, и игнорировать ее труд и мысли — большая несправедливость...» Но надо учесть, что это писал морской офицер, военный. Следует отметить также одно замечание в его брошюре: «О военных кораблях не говорю, потому что считаю существование их вообще непрочным и несоответствующим стремлению человечества».

Матросы, которыми командовал Седов, научные работники, с которыми делил он труды и бедствия экспедиции на полюс,— все оставили о нем отзывы, исполненные глубокого уважения. Но совершенно иначе относилась к нему та каста, к которой он сам формально принадлежал. Царские офицеры и чиновники морского министерства питали к Седову глубокую неприязнь,— это было проявлением дворянского кастового презрения к «черной кости», к выходцу из бедняков, к «выскочке».

Когда возникла необходимость послать за Седовым спасательную экспедицию, командовать ею было предложено целому ряду лиц: кап. 1 ранга Коломейцеву, кап. 2 ранга Новопашенному, кап. 1 ранга Вяземскому, отставному контр-адмиралу Цвингману, Трояну, Иванову 6-му, Паттону и др. Начальник Главного гидрографического управления М. Е. Жданко докладывал по этому поводу в Главный морской штаб:

«Что касается лиц, которым предложено принять на себя начальствование экспедицией, то все просили время на размышление, а затем все отказались... В заключение считаю долгом сказать, что из сношений с нашими морскими офицерами я не мог не видеть, насколько непопулярен, чтобы не сказать более, Седов среди них, и я очень сомневаюсь, чтобы нашелся русский морской офицер, который по доброй воле отправился бы на розыски Седова». Вряд ли можно было с более циничной откровенностью охарактеризовать подлинное отношение офицерской среды не только к самому Седову, но и к спасению

[1] Офицерский чин во флоте, как и в гвардии, считался выше такого же чина в армии. Военнослужащие адмиралтейства в отличие от привилегированных флотских офицеров носили сухопутные чины, почему этот перевод Седова является известным повышением.

чести и престижа своей страны. «Благородные» капитаны и контр-адмиралы не пытались даже скрывать, что желают гибели Седову и его экспедиции.

Когда в августе 1914 г. в Архангельск пришел после двухлетнего отсутствия корабль экспедиции Седова «Св. муч. Фока», то почти первым побуждением местных и петербургских властей было — расследовать, не был ли Седов убит своими спутниками, матросами Линником и Пустошным. Родилась версия, казавшаяся правдоподобной: Седов отправился из бухты Тихой к полюсу в сопровождении двух «грубых, простых» матросов; известный своей непреклонной настойчивостью лейтенант Седов, должно быть, шел на Север и вел за собой матросов, невзирая ни на какие трудности; матросы могли убедиться в смертельной опасности, грозящей им в случае дальнейшего удаления от зимовки, и, видя, что Седов назад не повернет ни за что, могли сговориться и убить командира...

Было наряжено следствие и оно очень скоро привело к полной реабилитации смелых товарищей Седова. Был представлен подлинный дневник Седова, веденный им до 16 февраля (ст. стиля)[1], когда силы оставили его окончательно. Подозрение в убийстве отпало, матросов отпустили.

Действительных причин гибели Седова мы должны искать за тысячи километров от о. Рудольфа, где похоронили его матросы,— в Петербурге. Достаточно проследить обстоятельства, при которых формировалась и снаряжалась экспедиция, чтобы убедиться в обреченности Седова, ибо судьба задуманного им смелого предприятия всецело оказалась, и не могла не оказаться в условиях царской России, в руках бюрократов морского министерства, титулованных офицеров царского флота, враждебных Седову, и вожаков своекорыстной националистической шайки, возглавляемой владельцем «Нового Времени» Сувориным, менее всего заботившейся о создании нормальных условий для экспедиции и о сохранении жизни ее отважных участников.

22 марта 1912 г. Седов подает свою докладную записку начальнику Главного гидрографического управления. Вслед за обоснованием необходимости экспедиции на полюс (научные наблюдения, открытия и «народная гордость и честь страны») Седов дает подробную программу, в которой, помимо конечной цели — открытие полюса, намечается широкая научно-исследовательская работа, настолько широкая, что она одна, даже без пункта, касающегося полюса, могла бы оправдать вдесятеро большие затраты. Седов просил для своей экспедиции 60—70 тыс. рублей.

Почти одновременно появились и первые заметки об экспедиции Седова в газетах. Члены Государственной думы — 51 чел., в числе которых были такие влиятельные люди как Балашов, Маклаков, Шингарев, Челноков и Милюков, внесли законодательное предположение об отпуске средств на экспедицию из государственного казначейства. Признавая просимую Седовым сумму недостаточной, авторы «предположения» просили отпустить из казны 50 т. р., с тем, чтобы остальные 100 т. р. были собраны у научных учреждений, обществ и частных пожертвователей. Председатель Совета министров Коковцов препроводил это заявление на заключение к морскому министру. Ответ Григоровича мог только порадовать Седова. Помимо «полного сочувствия идее экспедиции» морской министр высказывал также и то соображение, что «для надлежащего оборудования экспедиции необходима сумма не менее 150 т. р.».

Казалось, идея экспедиции родилась под счастливой звездой. Все только то и делали, что выражали сочувствие, симпатии и даже корили Седова за излишнюю скромность при составлении сметы.

Заседание Совета министров, разбиравшее вопрос об отпуске денег, состоялось почти через месяц после благоприятного заключения морского министра. Совет министров в деньгах решительно отказал, а план Седова осудил, как имеющий «несколько непродуманный характер». Внешне это событие, после

[1] Опубликован впервые в журн. «Советская Арктика» № 3, 1938 г., в нашей статье «Об экспедиции Георгия Седова».

ряда благоприятных предзнаменований, кажется совершенно неожиданным и непонятным.

Но после первого отзыва морского министра, как мы уже сказали, прошел месяц, и за этот месяц многое произошло. Сведения об этом мы находим в статье Л. Брейтфуса («Записки по гидрографии» за 1918 г.). Под предлогом, что предназначенные для экспедиции деньги должны были пройти через морское министерство, при гидрографическом управлении была создана комиссия по рассмотрению планов Седова. Председательствовал ген.-лейт. Вилькицкий, членами состояли кап. 1 ранга Бухтеев, кап. 2 ранга Колчак (будущий «верховный вершатель»), подп. Мордвинов, Брейтфус и др.

Можно было предвидеть, что решит этот ареопаг, который был Вилькицким собран конечно со специальной целью скомпрометировать Седова и сорвать экспедицию. Седову был устроен строгий экзамен. Даже в изложении Брейтфуса, выдерживающего тон строгой объективности, чувствуется, с каким злорадством комиссия нащупывала слабые места в плане Седова, с особой тщательностью и издевательским многословием, подчеркивая его неосведомленность в некоторых вопросах. В результате, выразив лицемерное сочувствие идее похода к полюсу, комиссия признала проект Седова «недостаточно обоснованным и продуманным».

Совету министров осталось лишь повторить в вольном изложении этот приговор, вышедший из недр «заинтересованного» морского ведомства.

Так закончился крушением первый этап подготовки экспедиции. Титулованная офицерская знать нанесла болезненный удар Седову и его делу, а правительственная тупость проявилась во всем блеске.

После провала попытки получить деньги из казны правыми кругами была поднята «общественная» кампания по сбору средств на экспедицию Седова. Так называемый «Седовский комитет», в который вошли П. Балашов, М. Суворин и др., открыл сбор пожертвований. «Новое время» вело активную пропаганду за посылку экспедиции. Дело завоевания полюса использовалось Суворины и К° как средство усиления собственного политического влияния. Чуть ли не каждый день в «Новом времени» печатались статьи, заметки и корреспонденции об экспедиции. Эти старания лишь повредили делу Седова. Попытка возбудить широкое общественное сочувствие к экспедиции была обречена на неудачу уже потому, что она исходила от «Нового времени» — газеты продажной, черносотенной, газеты, которая, по выражению Ленина, торговала всем «начиная от политических убеждений, кончая порнографическими объявлениями». Кадетская либеральная печать заняла по отношению Седова почти враждебную позицию.

Всероссийская подписка, широко разрекламированная «Комитетом», дала за полгода всего несколько более 12 т. р. Жалкие пожертвования, регистрировавшиеся в «Новом времени», были большей частью так мизерны, что казались выражением насмешки и издевательства. Офицерское собрание армии и флота прислало 75 р. 05 к. На «общем собрании Русского общества любителей мироведения» было собрано «среди любителей мироведения и их гостей» — 14 р.

Но Седов, вопреки противодействию правительства, при равнодушии буржуазной общественности и явной враждебности со стороны своих «сослуживцев», все же отправился в плавание. Нужно было обладать недюжинной энергией и мужественной преданностью своему делу, чтобы так, как Седов, преодолевать многочисленные чинимые ему препятствия. Через какие только мытарства он ни прошел. Достав с большим трудом радиоаппарат, он так и не получил радиста, аппаратура осталась в Архангельске. Судовладелец Дикин буквально накануне отправления неожиданно отказался вести «Фоку», снял почти всю команду, и Седову пришлось набирать первых попавшихся людей. Какие-то купцы снабдили Седова порченной солониной. Другие продали ему заведомо негодных собак.

О настроении, в котором Седов был, когда уходил на «Фоке» в экспедицию, можно судить по одному письму, отправленному им уже с Новой Земли в 1913 г.

«Как видите,— писал Седов,— мы в 1912 г. не попали на Землю Франца-Иосифа, а нашли себе тихую пристань на Новой Земле. Я это отчасти предвидел, но рвался в рейс, чтобы скорее избавиться от тех мучений, которые я переносил от окружающих. Для меня было бы уже пыткой остаться дома до 1913 г. Кроме того, кто знает, мои враги сумели бы за это время победить меня и отнять у меня родное мое, мной созданное дело...»

Все сказанное выше дает основание судить о причинах, толкнувших Седова на такой безумный шаг, как его поход к Северному полюсу. Для нас ясно, что он не хотел возвращаться в Петербург после неудачи его, так смело задуманной и так слабо оснащенной, экспедиции на полюс. Седов не мог надеяться на то, что ему дадут возможность возобновить поход на полюс, ставший для него делом жизни. С полным правом можно сказать, что Седов был убит, убит бюрократической тупостью царского правительства и злобным недоброжелательством «чистокровного» морского офицерства.

Не описывая подробно ход экспедиции, отметим только основные ее этапы и события. Выйдя в августе 1912 г. из Архангельска на судне «Св. Фока», экспедиция встретила в Баренцовом море чрезвычайно неблагоприятную ледовую обстановку и вследствие этого зазимовала у Новой Земли, а не на Земле Франца-Иосифа как предполагалось по плану. На Новой Земле Седов и его спутники сделали много научных наблюдений, произвели несколько санных экспедиций по северной части Новой Земли, причем Седов впервые обогнул на санях северную оконечность острова, а В. Ю. Визе и геолог Павлов пересекли остров на 76° сев. широты. Материалы научных работ экспедиции Седова на Новой Земле были весьма ценны.

3 сентября 1913 г. «Фока» освободился от сковывавших его льдов и стал пробираться на север, к Земле Франца-Иосифа. Это плавание было очень тяжелым, ежедневно судно могло быть затертым, разбитым или унесенным движением ледяных полей. При бедности снаряжения, бывшего на «Фоке», ледяной дрейф представлял большую опасность, усугублявшуюся почти полным исчерпанием топливных запасов. Командный состав предложил Седову вернуться в Архангельск. Седов отклонил этот совет и продолжал вести корабль к Земле Франца-Иосифа.

Вскоре, достигнув Земли Франца-Иосифа, экспедиция вновь была затерта льдами и стала на вторую зимовку. Седов назвал бухту, где зимовал «Фока» — Тихой.

Вторая зима проходила в очень трудных условиях. Топлива не было, топили звериным салом и понемножку сжигали переборки между каютами. Среди матросов и членов экспедиции появилась цынга.

15 (2) февраля 1914 г. Седов, в сопровождении Ленинка и Пустошного, добровольно согласившихся сопровождать своего командира, вышел в поход на полюс. Отправляясь, Седов оставил приказ, в котором писал:

«Итак, сегодняшний день мы выступаем к полюсу: это событие и для нас и для нашей родины. Об этом дне уже давно мечтали великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и др. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь — осуществить их мечту и сделать посильное идейное и научное завоевание в полярном исследовании на гордость и на пользу нашего отечества.

Пусть же этот приказ, пусть это, может быть, последнее мое слово послужит Вам всем памятью взаимной дружбы и любви. До свидания, дорогие друзья!».

В пути болезнь Седова, как и следовало ожидать, усилилась. Вскоре он уже не мог итти. Он приказал привязать себя к нарте и, задыхаясь от кашля, —

теряя сознание, не выпускал из рук компаса, чтобы видеть — не везут ли его матросы на юг, домой.

Он умер 5 марта. Последняя запись, сделанная в дневнике его слабеющей рукой, когда вокруг палатки ревела при 40° морозе злая арктическая вьюга, гласит:

«Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо. При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы. Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные, под 82° с. широты».

Матросы с большими трудностями вернулись на «Фоку». Здесь в их отсутствие умер от цынги механик И. Зандер.

Наступила весна. Члены экспедиции предприняли научные экскурсии по архипелагу Франца-Иосифа. 30 июля «Фока» покинул бухту Тихую, а в конце августа пришел в Архангельск. Обратное плавание «Фоки» было чрезвычайно тяжелое. Не было топлива — «Фока» сжигал постепенно самого себя, обшивку, стеньги, бимсы, мебель. Во время этого похода произошел взрыв недовольства среди команды против оставшегося за начальника экспедиции ветеринара И. Г. Кушакова. Этот человек, проявивший себя в экспедиции как ярый черносотенец и карьерист, играл самую отвратительную роль и был ненавидим всеми. После того как он ударил Линника по лицу, матросы отказались подчиняться приказаниям и потребовали от командного состава «обращения, которому вас учил покойный начальник».

В публикуемых документах значительное место занимает переписка по вопросу организации спасательных экспедиций — одной несостоявшейся (в 1913 г.) и другой — практически ничего не достигшей (1914 г.) Обращает на себя внимание то единодушие, с которым правительство (морской, финансов и др. министры) отвергли ходатайство о посылке в 1913 г. вспомогательного судна, на которое рассчитывал Седов.

Спасательная экспедиция 1914 г. была организована под давлением общественного мнения. Стоял вопрос о престиже правительства не только внутри страны, но и за границей. О трех пропавших экспедициях — Русанова, Брусилова и Седова, знали во всем мире.

Вот почему, отказав Седову в минимуме необходимых ему средств, теперь царское правительство пошло на значительные расходы по организации запоздавшей спасательной экспедиции Ислямова (несколько пароходов, радио, самолет). Но несмотря на сравнительно большой размах спасательной экспедиции, она не принесла ничего. Изнуренные спутники Седова на полуразрушенном «Св. Фоке» своими силами добрались до Архангельска.

О том, как были встречены участники экспедиции на родине, можно судить по публикуемым ниже документам. И правительство, и «общественность», возглавляемая «Комитетом», оказались последовательными до конца. Любопытна для характеристики нравов история с выплатой содержания матросам. «Комитет», расплатившись с офицерским составом, не нашел денег, чтобы уплатить матросам. Поголодав достаточно долго, матросы 17 сентября по чьему-то совету обратились с телеграммой «на высочайшее имя». Последовала благожелательная резолюция. Через 9 дней Жданко телеграфирует в Архангельск: «Деньги по ассигновании будут переведены губернатору. Объявите команде об этой заботливости о них морского министра». Но даже 13 октября матросы еще не получили следуемых им денег. Они голодали, мерзли, семьи их терпели бедствие. И это — после двухлетнего героического похода, после «высочайшей» резолюции!

Но особенно ярко и в предельно концентрированной форме выразилось отношение царской бюрократии к делу Седова и к его памяти в переписке по поводу пенсии отцу отважного полярника. Ее заключительный аккорд, сообщение канцелярии Главного гидрографического управления Якову Евтеевичу Седову о том, что «Морское министерство не имело и не имеет никакого отношения к полярной экспедиции» Седова — выразил все: и презрение к делу освоения

Севера, и личную неприязнь министерских чиновников к памяти смелого, благородного путешественника, и барскую ненависть к крестьянину-бедняку.

Трагическая фигура Седова стоит как бы у самой границы новой эпохи завоевания Арктики.

Исследование Арктики приняло совершенно иной размах при Советской власти. Невиданная широта и научная продуманность мероприятий Советского государства на Севере открыли новую эру в истории завоевания Арктики. Дело завоевания Арктики стало в Советской стране действительно делом народной гордости и чести.

Уже не смельчаки-одиночки, подобно Седову, вступают в бой с суровой природой Севера. Большевистски спаянные, организованные отряды советских полярников ведут планомерное победное освоение Арктики.

По сталинскому плану освоен великий северный морской путь, о котором мечтали лучшие умы человечества в течение ряда веков. Далеко на Север простирается густая сеть советских зимовок, наших научных и хозяйственных аванпостов.

Но не только размах работы и ее научная продуманность отмечают деятельность Советского союза на севере, ее отмечает и глубокая большевистская забота о людях, бесстрашно работающих в тяжелых полярных условиях, возможная только в нашей социалистической стране.

Весь советский народ гордится результатами работы и подвигами советских полярников. Они вызывают восхищение всего передового и прогрессивного человечества.

Только недавно верные сыны родины «Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки» (Сталин).

С. Нагорный.

I. Организация экспедиции

Докладная записка капитана Г. Я. Седова начальнику Главного гидрографического управления, 9 марта 1912 г.[1]

Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана начали привлекать к себе всеобщее внимание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами были в Северном Ледовитом океане промышленники, устремлявшиеся туда за добычей богатого морского зверя, а затем и путешественники с научной целью. Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на восток, многие для открытия новых земель и физического изучения вообще океана и, наконец, многие для открытия Северного полюса, чтобы разъяснить мировую загадку, как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием; здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все страны света включительно до Японии (к Южному полюсу) и только не было русских, а между тем

[1] Подлинник. Ленинград, Центральный Государственный военно-морской архив, (ЦГВМА), ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, лл. 2-3. Материалы подготовлены к печати т. Варфоломеевым, комментарии составлены т. А. А. Шиловым. К публикации приложена карта экспедиции Седова, помещенная в статье Л. Л. Брейтфуса, помещенной в «Записках по гидрографии» т. 42, 1918 г., вып. I, стр. 48.

горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова[1] и не угасли до сих пор.

Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия Северного полюса за Норвегией. Он хочет идти в 1913 г., а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг.

Программа плавания экспедиции к Северному полюсу.

1. Экспедиция выходит из Архангельска в Северный Ледовитый океан около 1 июля 1912 г.

2. Первый курс экспедиция держит к берегам Земли Франца-Иосифа где и зимует.

3. Во время зимовки на Земле Франца-Иосифа экспедиция, по возможности, исследует берега этой земли, описует бухты и находит якорные стоянки, а также изучает остров в промысловом отношении: собирает всевозможные коллекции, могущие встретиться здесь по различным отраслям науки; определяет астрономические пункты и делает целый ряд магнитных наблюдений; организует метеорологическую и гидрологическую станции; сооружает маяк на видном месте у наилучшей якорной бухты.

4. С первыми лучами солнца в 1913 г. экспедиция идет дальше к северу или на судне или пешком по льду со шлюпками и собаками, в зависимости от состояния океана. На Земле Франца-Иосифа оставляется запас провизии в домике, который экспедиция имеет в виду построить. Если судно будет оставлено на Земле Франца-Иосифа и экспедиция пойдет к полюсу пешком, то вместе с ним будет оставлена и часть экипажа, которая, до возвращения полюсной партии, будет заниматься беспрерывными метеорологическими, гидрологическими и др. наблюдениями.

5. Полюсная партия во главе с начальником экспедиции идет с необходимым запасом провизии и инструментами к полюсу с таким расчетом, чтобы в течение всего светлого времени года (с марта по сентябрь, приблизительно около 6 месяцев) достигнуть полюса и вернуться обратно к своему судну или в Гренландию, в зависимости от состояния океана и обстоятельств, а затем уже и в Россию.

6. В полюсную партию войдут 4 человека, собаки, шлюпки, сани, нарты, палатка и двуколки, в которых вместо колес будут лыжи или полозья в зависимости от дороги. Партия также будет хорошо снабжена охотничьими ружьями и съедобными лепешками для людей и собак.

7. Если понадобится итти на судне и севернее Земли Франца-Иосифа, то тогда экспедиция оставляет судно с частью экипажа у границы льдов, а сама пешком идет дальше. От полюса обратно экспедиция возвращается по возможности к судну. Если же выгоднее будет

---

[1] В 1765 г. по инициативе М. В. Ломоносова, полагавшего, что «Сибирский океан в отдалении от берегов сибирских на пять или семь сот верст в летние месяцы ото льдов бывает свободен», была организована русская экспедиция под начальством кап. В. Я. Чичагова, но не на Северный полюс, а на Шпицберген для отыскания проходов к Берингову проливу. Экспедиция должна была пройти от Шпицбергена через полярный бассейн к Северной Америке и затем следовать вдоль ее северных берегов на запад к Берингову проливу. Плавания экспедиции как в 1765 г., так и в следующем 1766 г., окончились полною неудачею (А. Соколов. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПБ, 1854).

пробиться к ближайшему берегу Гренландии [1], то экспедиция к судну не вернется. Судно в обоих случаях, будет ли оно ждать возвращения партии на Земле Франца-Иосифа или у границы льдов, по заранее составленному условию, выждав известный срок, уходит без партии домой, если она к этому сроку не подоспеет.

8. Во все время путешествия экспедиция будет вести метеорологические, гидрологические и др. наблюдения.

9. Экспедиция предполагает вернуться обратно: ранее — осенью 1913 г. и позднее — летом 1914 г.

Личный состав.

1) Начальник экспедиции, он же командир судна
2) Помощник командира судна (штурман)
3) Геолог
4) Естествовед, он же оператор
5) Механик
6) Художник, он же фотограф
7) 8 матросов

Всего 14 человек

Программа плавания составлена сообразно со средствами в 60—70 тысяч рублей.

Об изложенном вашему превосходительству доношу.

Капитан Седов [2].

Законодательное предположение об отпуске из Государственного казначейства средств на организацию экспедиции к Северному полюсу.

(Внесено за подписью 51 члена III Государств. думы, 17 марта 1912 г. [3]).

Все цивилизованные народы издавна снаряжают полярные экспедиции, имеющие двоякую цель: во-первых, преследуется, если так можно выразиться, цель узко-географическая — исследование полярных стран в географическом отношении и, в частности, достижение до сих пор для человечества недостижимой точки, именуемой Северным полюсом; вторая цель более широкого характера,— собрание всевозможных научных материалов по геологии, метеорологии, гидрологии, гидрогра-

---

[1] Г. Я. Седов не оставлял мысли об обратном пути с полюса в направлении Гренландии. Отправляясь в последнее путешествие, он взял с собой карты сев. части Гренландии. Нельзя не признать, что такой марш в случае затяжки путешествия имел значительные выгоды: помощь в движении со стороны дрейфа льдов и обилие промысловых животных в северной части Гренландии.

[2] Рапорт Г. Я. Седова по несколько отличному экземпляру напечатан Л. Л. Брейтфусом в его статье «Очерк экспедиции к Северному полюсу ст. лейт. Г. Я. Седова» в «Записках по гидрографии», т. 42, 1918 г., вып. I, стр. 19—94. Там же сообщен биографический очерк Седова, рассказана история основных моментов снаряжения экспедиции, сообщены замечания комиссии, образованной при Главном Гидрографическом управлении, на проект Седова, дано изложение общего хода экспедиции на основании приказов (ряд их приведен полностью) Седова и отчетов участников, а также дана характеристика научных результатов, достигнутых экспедицией.

[3] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, лл. 7-8. Заявление 51 члена Государственной думы было препровождено 14 апреля 1912 г. (№ 2311) председателем совета министров В. Н. Коковцовым морскому министру И. К. Григоровичу с просьбою дать заключение для рассмотрения дела в Совете министров.

Из 51 члена III Государственной думы, подписавших настоящее законодательное предположение, 42 принадлежало к правым группам (умеренно-правые, русская национальная фракция, правые октябристы) и 7 — к конституционно-демократической фракции «к.-д.»).

фии, по изучению магнитных явлений и решение многих научных вопросов естествоведения, связанных с условиями полярной жизни.

К величайшему сожалению, среди наций, употреблявших свои силы и средства на изучение полярных стран, Россия занимает едва ли не последнее место. Между тем, казалось, должно было бы быть наоборот. Ни одна страна в мире не связана с крайним севером такими неразрывными и такими многообразными узами, как именно Россия. Стоит взглянуть на карту, чтобы увидеть, какая огромная безбрежная страна примыкает к Северному Ледовитому океану, а, следовательно, живет в приполярных условиях. Кроме того, Россия обладает и всеми данными для удачного снаряжения и выполнения полярных экспедиций. Большое число всевозможных инородцев, вроде самоедов, якутов, чукчей, с одной стороны, а с другой, так называемых, поморов, то есть русских, акклиматизировавшихся на дальнем севере, дает превосходный материал для личного состава экспедиции этого рода. Эти люди способны выдержать какие угодно невзгоды и в совершенстве знают все условия жизни на севере.

Из научных задач, быть может, наиболее важными представляются наблюдения метеорологические. Именно там, на крайнем севере, зарождаются циклоны, от которых в значительной степени зависит метеорологическое состояние атмосферы Российской империи. Исследование на месте условий зарождения циклонов, быть может, дало бы ключ к разрешению задачи, над которой упорно трудятся в настоящее время наши метеорологи, именно, дать земледельческой России новые указания на пути к правильной разработке теории атмосферических явлений. Важность этой задачи для страны, о которой давно сказано, что ее счастье зависит от трех майских дождей,— не требует доказательств.

Если до настоящего времени Россия уделяла этому вопросу недостаточно внимания, то это происходило, главным образом, потому, что вообще мы бедны культурными силами по сравнению с теми огромными задачами, которые ставит нам необъятная ширина нашего отечества. Надо ожидать, что с накоплением культуры и в этом отношении мы пойдем вперед более усиленным шагом.

Намерение кап. Седова посвятить свои силы полярной экспедиции является показателем, что постепенно русская культурная энергия накопляется и что появляются люди, желающие отдать свою жизнь на служение великим национальным, вернее общечеловеческим, задачам. Высшее законодательное учреждение страны не должно оставаться равнодушным зрителем того, как благородные порывы людей, стремящихся отдать свою жизнь для науки, разбиваются об отсутствие материальных средств к выполнению этих задач.

По предположению кап. Седова стоимость экспедиции исчисляется в 70 000 р., в согласии с нижеследующей сметой.

СМЕТА

1. Судно в полном вооружении	20 000 р.
2. Собаки, нарты и корм для собак	2 000 »
3. Теплое платье	3 000 »
4. Запас провизии на 3 года	10 000 »
5. Запас материалов и топлива	2 000 »
6. Кинематограф и фотография	2 000 »
7. Ружья и принадлежности	1 000 »
8. Домик и разные инструменты и печи	1 000 »
9. Шлюпки, карбасы, лыжи и двуколки	1 000 »
10. Геодезические, мореходные и другие инструменты	3 000 »
11. Карты, таблицы, книги и чертежные принадлежности	500 »
12. Разные мелкие расходы	500 »
13. Содержание личного состава	24 000 »
Всего	70 000 р.

Самый беглый просмотр этой сметы свидетельствует о крайней бережливости, руководившей ее составителем. Прежде всего обращает на себя внимание расход на судно, исчисленный в 20 000 р. Однако, по объяснению кап. Седова, скромность этой цифры объясняется благоприятным стечением обстоятельств. В одном из северных портов как раз в настоящее время продается прекрасное судно, действительная стоимость которого определяется в сотни тысяч рублей. Это судно, вместимостью в 200 тонн, нарочито приспособлено для северных экспедиций, имея полярные обводы, двойную обшивку и пр. Именно особенностью постройки и объясняется то обстоятельство, что судно не находит обычных покупателей и потому может быть куплено за дешевую цену.

Если в объяснениях крайне низкой цифры, исчисленной на покупку судна, кап. Седов дал удовлетворительные разъяснения, то этого нельзя сказать относительно других предметов сметы. 10 000 р.— на провизию, 1 000 р.— на ружья, 24 000 р.— на содержание личного состава,— нельзя не признать цифрами слишком низкими. Чрезмерная экономия при оборудовании далеких и тяжелых экспедиций может иметь роковой исход. При самом скромном исчислении, оставаясь в рамках строгой необходимости и не расширяя личного состава экспедиции, намеченного кап. Седовым в 15 человек, расходы по оборудованию экспедиции надо считать от 100 до 150 тыс. р.

По мысли членов Государственной думы, вносящих настоящее законодательное предположение, эта сумма должна составиться из нескольких источников. 50 000 р. предполагается отпустить из средств Государственного казначейства, остальные же деньги должны пополнить научные учреждения и общества и частные жертвователи. Вероятно имп. Академия Наук, а также Русское имп. географическое общество не откажутся внести свою лепту в дело, которое должно служить не только прославлению русского имени, но, главным образом, на пользу науки.

При оценке настоящего предположения, естественно, рождаются вопросы: насколько кап. Седов пригоден к выполнению поставленной им задачи, насколько он способен быть начальником очень тяжелой экспедиции и достаточно ли подготовлен своими прежними трудами для борьбы с суровостью полярной стихии? Ответ на эти вопросы вполне благоприятен. Как прямым своим начальством, так и другими лицами, компетентными в этом деле, кап. Седов аттестован с самой лучшей стороны.

В виду изложенного, предлагаем Государственной думе принять нижеследующий проект закона: о б а с с и г н о в а н и и и з к а з н ы с р е д с т в н а о р г а н и з а ц и ю э к с п е д и ц и и к С е в е р н о м у п о л ю с у.

1. Отпустить из средств Государственного казначейства в 1912 г. 50. 000 р. в распоряжение морского министра для выдачи пособия на организацию экспедиции к Северному полюсу.

и 2. Указанный в отделе первом расход отнести на счет сбережений от назначений по государственной росписи расходов на 1912 г.

Настоящее законодательное предположение просим передать в бюджетную комиссию к вопросу о желательности [1].

[П о д п и с и].

[1] Предположение 51 члена Гос. думы было передано в бюджетную комиссию, которая, рассмотрев его и выслушав заявление н-ка Гл. гидрографического управления Вилькицкого о целесообразности и важности в научном отношении предполагаемой экспедиции, признала осуществление этого мероприятия желательным.

Письмо морского министра И. К. Григоровича председателю Совета министров В. Н. Коковцову, 20 апреля 1912 г.[1]

М. г. Владимир Николаевич,

В ответ на письмо от 14 сего апреля, за № 2311, имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о моем полном сочувствии идее экспедиции лейт. Седова[2], при условии достаточного снабжения этой экспедиции, соответственно современным научным и практическим требованиям.

В таком случае, если даже экспедиции и не удастся достигнуть полюса, то научный материал, который она может доставить, составит чрезвычайно ценный вклад в сравнительно скудную область наших знаний по географии приполярных пространств.

Вместе с сим я полагаю, что для надлежащего оборудования экспедиции необходима сумма не менее 150 тысяч рублей.

И. Григорович.

Выписка из особого журнала Совета министров, 17 мая 1912 г.[3]

(По законодательному предположению 51 члена Государственной Думы об отпуске из Государственного казначейства средств на организацию экспедиции к Северному полюсу).

В Государственную думу, за подписью 51 члена сей Думы, внесено было 17 марта 1912 г. законодательное предположение об отпуске из средств Государственного казначейства 50 тыс. р. в распоряжение морского министра для воспособления устраиваемой кап. Седовым экспедиции к Северному полюсу. Внесшие указанное предположение лица объяснили при этом, что общий расход на оборудование означенного предприятия выразится в сумме приблизительно от 100 до 150 000 р. и что недостающие, сверх казенного пособия, средства будут собраны путем пожертвований частных лиц, а равно научных учреждений и обществ, в том числе имп. Академии Наук и имп. Русского географического общества.

Рассмотрев настоящее дело, в связи с поступившими по оному заключениями министерств морского, иностранных дел, народного просвещения, финансов и торговли и промышленности, совет министров нашел, что мысль об организации силами русских мореплавателей всестороннего исследования приполярных областей заслуживает, конечно, принципиального сочувствия. Но, по удостоверению заинтересованных ведомств, изложенные в записке 51 члена Государственной думы соображения об условиях практического осуществления обсуждаемого путешествия представляются недостаточно обоснованными, причем вообще намечаемая экспедиция лейт. Седова носит несколько непродуманный характер. Вследствие сего и имея в виду, что, при отсутствии уверенности в возможности пополнить необходимые на оборудование экспедиции ассигнования за счет поступлений от частных жертвователей и обществ, Государственному казначейству пришлось бы, по всей вероятности, понести издержки, значительно превышающие 50 000 р., совет министров признал, что при обсуждении вышеупомянутого законодательного предположения в общем собрании Государственной думы правительству, через представителя морского ведомства, следует высказаться за отклонение сего предположения.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета министров.

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 16.

[2] Г. Я. Седов приказом от 14 апреля 1912 г. из капитанов по адмиралтейству был переведен во флот с чином старшего лейтенанта.

[3] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 46.

Рапорт ст. лейт. Седова начальнику Главного гидрографического управления, 30 июня 1912 г.[1]

Прошу ваше превосходительство, не признаете-ли возможным войти с ходатайством перед его высокопревосходительством морским министром об отпуске меня в первую русскую экспедицию к Северному полюсу, отправляющуюся в настоящем 1912 г.

Не признаете ли также возможным, ваше превосходительство, в виду того, что экспедиция с материальной стороны обставлена бедно, исходатайствовать мне, в случае разрешения отпуска, и сохранение какого либо содержания от казны[2].

Старший лейтенант Седов.

Рапорт ст. лейт. Седова начальнику Главного гидрографического управления, 28 августа 1912 г.[3]

Доношу вашему превосходительству, что сего числа прибыл благополучно в губу Крестовую, где успел сделать астрономические наблюдения для определения времени.

По пути «Фока» выдержал у Маточкина Шара жестокий шторм от ONO. Сбило волной две шлюпки и порвало кливер[4]. Наливаюсь водой и иду дальше на север к восточному берегу Земли Франца-Иосифа и, в случае не встречу здесь льдов, пройду в Теплиц-бай, где базировался Абруцкий[5]; в крайнем случае высажусь где-либо в другом месте в зависимости от состояния льдов.

Команда всей экспедиции состоит из 22 человек. Провизии взято на них на два года. Топлива для парохода взято на 30 дней полного хода, так что в виду недостатка времени с одной стороны и неимения топлива с другой — «Фока», вероятно, вынужден будет зазимовать на Франце-Иосифе. К полюсу направляюсь на 60 собаках с двумя рабочими и географом Визе. Около 1 марта 1913 г. экспедицию поручу командиру судна Захарову. Экспедиция снабжена очень хорошо инструментами. Гидрометеорологических инструментов экспедиция имеет 2 комплекта: один получен из Главного гидрографического управления, а другой — частью от отдела торгового мореплавания, а частью от Главной физической обсерватории. Хронометр один получил еще от судно[6], итого их в экспедиции 6. Секстан оказался довольно хороший на судне. Компас тоже. Начали уже аккуратно вести метеорологические и гидрологические наблюдения. В Крестовой губе нашел метеорологическую станцию, к большому сожалению, не действующей; промышленники говорят, что ее разрушило ветром. Если удастся, сделаю астрономические наблюдения на северной оконечности Новой Земли.

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 53.

[2] Ходатайство Г. Я. Седова было удовлетворено: 17 июля 1912 г. Главный морской штаб уведомил Главное гидрографическое управление, на службе которого состоял Седов, о разрешении Седову двухлетнего отпуска с сохранением содержания (там же, л. 61).

[3] Подлинник, ЦГВМА, ф. 1402, д. № 8525, лл. 70—71.

[4] Кливер — косой парус в носовой части судна.

[5] Итальянская экспедиция герц. Абруцкого была организована в 1899 г. для достижения от Земли Франца-Иосифа высоких полярных широт, а при удаче — Северного полюса. В августе 1899 г. экспедиция достигла бухты Теплиц на западном берегу острова Рудольфа, самого северного из архипелага Франца-Иосифа, где ее судно «Stella Polare» было затерто льдами и едва не погибло. В марте 1900 г. из базы в бухте Теплиц под начальством капитана Каньи отправилась полюсная партия, достигшая в конце апреля только шир. 86° 34′ N, после чего с большим трудом вернулась обратно. (См. кн. «К Северному полюсу. Первая итальянская полярная экспедиция под начальством герц. Абруцкого». СПБ).

[6] Так в подлиннике.

Позвольте теперь ваше превосходительство представить вам список экипажа экспедиции:

1. Ст. лейт. (Георг. Як.) Седов — начальник экспедиции . . .	1
2. Штурман дальн. плавания — командир судна (Ник. Петр.) Захаров	1
3. Штурман мал. плавания — штурман судна (Ник. Макс.) Сахаров	1
4. Механик судна — (Ив. Андр.) Зандер	1
5. Помощник механика — (Март. Андр.) Зандер	1
6. Геолог (Мих. Алексеев.) Павлов	1
7. Доктор (Пав. Григорьев.) Кушаков	1
8. Географ — метеоролог (Влад. Юльев.) Визе	1
9. Фотограф — художник (Ник. Вас.) Пинегин	1
10. Команды верхней и нижней	13
Всего . . .	22 чел.[1]

Просил комитет на будущий год прислать пароход навестить нас и привезти угля, а также 3 человека людей для метеорологической станции, которых мы оставим после себя на Земле Франца-Иосифа, чтобы не прерывать наблюдений метеорологической станции.

В заключение считаю долгом принести искреннюю благодарность вашему превосходительству за снабжение экспедиции инструментами и за содействие вообще.

Ст. лейт. Седов.

1912 г. 28 августа. Губа Крестовая.

II. Организация спасательной экспедиции

Законодательное предположение об отпуске из Государственного казначейства средств на покрытие расходов по экспедиции Седова к Северному полюсу и на снаряжение дополнительной экспедиции.

(Вынесено за подписью 40 членов IV Государственной думы. 24 апреля 1913 г.)[2]

В средних числах августа прошлого года отправилась из Архангельска русская полярная экспедиция лейт. Г. Я. Седова, поставившая своею задачею научное обследование и всестороннее изучение полярных стран, а также достижение Северного полюса. С того времени экспеди-

---

[1] Из Архангельска Седов вышел 27/14 августа 1912 г. с 27 человеками команды. Пять из них (боцман Степ. Точилов, машинист А-др Куракин, повар А-др Самутин, матросы Степан Комков и Анат. Иванов) за болезнью и негодностью были списаны (7 сент.) 26 авг. 1912 г. при первой же остановке судна в Крестовой губе Новой Земли. Незадолго до окончания первой зимовки у Панкратьевых островов Новой Земли Седов (3 июля) 20 июня 1913 г. отправил на баркасе кап. Захарова, пом. механика М. Зандера, плотника Мих. Карзина и матросов Вас. Катарина, Иоганна Томиссара в Крестовую губу с письмами и копиями работ экспедиции с тем, чтобы они могли захватить первый пароход, заходящий на Новую Землю. Седов надеялся организовать доставку угля, в котором нуждалась экспедиция, на Землю Франца-Иосифа. Но вследствие небрежности кап. Захаров захватил только второй пароход, зашедший на Новую Землю, когда организовать доставку угля на Землю Франца-Иосифа было уже слишком поздно. Таким образом после зимовки 1912—1913 г. на Новой Земле к Земле Франца-Иосифа с Седовым, кроме руководящего состава (Сахаров, Ив. Зандер, Павлов, Кушаков, Визе, Пинегин), отправилось десять человек команды: Григ. Линник, А-др Пустошный, Андр. Инютин, Плат. Коноплев, Вас. Лебедев, Иос. Кизино, Ив. Пищукин, Ник. Коршунов, Ник. Кузнецов, Мих. Шестаков. Механик судна Ив. Андр. Зандер умер от цынги 14/I марта 1914 г. во время зимовки «Фоки» в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, д. № 8525, л. 110.

ция находится в плавании, и о судьбе ее не имеется ровно никаких сведений. Были газетные сообщения о гибели экспедиции [1], но таковые оказались совершенно неосновательными и категорически опровергнуты компетентными лицами. Наиболее вероятные предположения говорят за то, что, действительно, экспедиции Седова пришлось встретиться с большими трудностями в пути, вследствие особенно неблагоприятных стихийных условий, но что, благодаря прочности и устойчивости судна, а также благодаря безграничной отваге и огромному опыту начальника экспедиции Г. Я. Седова, удалось победить препятствия и добраться до базы, может быть, с некоторым уклонением от первоначального плана.

Снаряжение экспедиции, как известно, было выполнено Особым комитетом на частные средства.

Однако, задача Комитета остается далеко незаконченной. На очереди стоит много вопросов, настоятельно требующих удовлетворительного разрешения. Главнейшим для настоящего времени является вопрос финансовый. При снаряжении экспедиции Седова Комитет, за отсутствием наличных денежных средств, вынужден был прибегнуть к займам на сумму 28 053 р. 31 к. для покрытия неотложных расходов. Далее, на обязанности Комитета лежит повременная уплата содержания семьям участников экспедиции, чем вызывается ежемесячный расход в размере 1 000 р., а в общей сложности эта денежная обязанность определяется суммою в 19 913 р. Затем, Комитет имеет неоплаченные счета на сумму 5 305 р. 17 к., а также хозяйственные и канцелярские расходы в размере 800 р. Кроме того, Комитет принял на себя обязанность уплатить «Обществу помощи поморам» по закладной крепости, в случае гибели судна «св. муч. Фока», 10 000 р., а равно принял уплату долга Пономареву в сумме 1 500 р. Наконец, наступающею весною предстоит снаряжение дополнительной экспедиции на Землю Франца-Иосифа для отыскания базы Седова и для изучения Севера, что также вызовет расход в 110 000 р. Таким образом, общая сумма необходимых денежных средств, нужных Комитету по этим запросам, исчисляется в 175 571 р. 48 к.

Вследствие недостаточной осведомленности общества об источниках средств на снаряжение экспедиции Седова, частные пожертвования как в период снаряжения экспедиции, так и в настоящее время, поступают весьма слабо. Например всероссийская подписка пожертвований, разрешенная с выс. его имп. вел. соизволения, дала совершенно ничтожные результаты. Поэтому невозможно рассчитывать на этот способ изыскания средств. Равным образом не соответствуют серьезности задачи многие другие способы, как устройство разных увеселительных развлечений или цветков и т. п., тем более, что эти способы слишком широко практикуются в последнее время и, конечно, перестали привлекать сочувствие публики.

Но нужно заметить, что столь слабый приток пожертвований не знаменует собою безразличного отношения общества к задаче Комитета. Наоборот, общество очень заинтересовано судьбою экспедиции Седова [2], общество вполне сочувственно относится к его идее, имеющей в основе своей национальное значение, но общество понимает, что по-

---

[1] В конце октября и в ноябре 1912 г. после возвращения с Новой Земли пяти человек команды, сообщивших о плохом состоянии судна «св. Фока», в газетах («Новое время», «Речь», «С.-Петербургские ведомости») стали появляться заметки о гибели экспедиции Седова. Слухи об этом, оказавшиеся неверными, распространялись со слов норвежских промышленников, сообщавших о том, что «св. Фока» раздавлен льдами.

[2] Весной 1913 г. в печати появилось много статей о судьбе Седова и его экспедиции.

ставленная цель слишком серьезна, чтобы находиться в зависимости от случайных явлений щедрости отдельных лиц, и полагает, что на помощь экспедиции, снаряженной путем частной инициативы, должно притти государство широкими средствами. В крайнем же случае когда общество узнает, что экспедиция Седова покинута на произвол судьбы, оно не замедлит своею поддержкою, по примеру своих друзей англичан. Кстати, не лишним будет напомнить общеизвестный факт, что не только английский народ, но и правительство Англии в событиях, имеющих национальное значение, проявляли большую чуткость и содействие. Так при снаряжении экспедиции капитана Скотта к Южному полюсу ему было отпущено из казны 20 000 фунт. стерлингов.

Можно с уверенностью сказать, что общество находится в неведении относительно средств Комитета. И это подтверждается следующими соображениями. В начале деятельности Комитета поступали довольно крупные пожертвования. Но затем разговор о средствах для снаряжения экспедиции Седова был перенесен в Государственную думу, где встретил большое сочувствие, и общество успокоилось. Оно поняло, что идея представляет государственное значение, и осуществление ее должно быть проведено законодательным путем. Общество с этих пор, склоняясь пред авторитетом законодательных органов, стало в выжидательное положение, тем более, что и государь император выказал свое внимание пожертвованием 10 000 р. Дальнейшая судьба вопроса — отклонение его советом министров — осталась для общества неизвестною. Вот почему в настоящее время приходится констатировать слабый приток частных пожертвований.

Правительство создало препятствия на пути осуществления полярной экспедиции Седова, когда энергичный Седов и его достойные сотрудники были здесь с нами [1]. Но теперь, когда по новому пути, проложенному частной инициативою, отважные путешественники пошли к достижению своей героической цели, теперь, когда они подвергаются среди вечных льдов смертельной опасности, теперь не время взвешивать и рассуждать о точности или неточности составляемых планов и избранных маршрутов. Ясно доказано, что при всей спешности и, может быть, неполной законченности снаряжения экспедиция всесторонне обдумала свою задачу и отважно преследует заветную цель. Теперь нужна скорая и солидная денежная поддержка по упомянутым выше запросам. Совершенно излишне доказывать, что промедление в посылке дополнительной экспедиции может погубить все дело.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

1. При снаряжении экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу в распоряжении Комитета состояло денежных средств в общей сложности . .	12 885 р. 75 к.
Затем пожертвование государя императора . .	10 000 » — »
	22 885 р. 75 к.
2. Расходы за наличный расчет сделаны следующие:	
а) покупка разных материалов, продуктов питания и инвентаря	33 320 р. 14 к.
б) фрахт судна и уплата долга	4 108 » 25 »
в) авансы участникам	9 087 » 18 »
г) расходы почтово-телеграфные, канцелярские и проч.	1 376 » 06 »
д) суточные, разъездные и представительство .	1 724 » 35 »
е) прочие расходы	1 323 » 08 »
	50 939 р. 06 к.

[1] Имеется в виду отказ Совета министров в отпуске на снаряжение экспедиции 50 000 р. из средств Государственного казначейства.

3. Таким образом, сумма наличных расходов превысила приход на	28 053 р. 31 к.
И эта сумма была получена путем займа.	
4. С октября месяца 1912 г. по 1 марта 1913 г., всего за пять месяцев, Комитет выслал, согласно условию, содержание семьям участников экспедиции, по расчету ежемесячно 925 р., а всего	4 625 » —
В этот же промежуток времени комитет израсходовал на содержание канцелярии и др. предметы	800 » —
Итого	5 425 р. —

И эта сумма опять-таки получена путем займа.

5. Далее, Комитет имеет неоплаченные счета за материалы, взятые для экспедиции Г. Я. Седова:	
а) музыкальной фирмы Циммерман	1 019 р. 34 к.
б) фирмы И. И. Чижева	989 » 83 »
в) фирмы Патэ	3 165 » —
г) фирмы Н. П. Константинова	131 » —
Итого	5 305 р. 17 к.

6. По договору с участниками экспедиции и лицами судового состава Комитет является обязанным уплатить им за все время плавания, в общей сложности 29 000 р. вознаграждения, но в счет этой суммы уплачено авансом 9 087 р. и выслано семьям 4 625 р. За вычетом этих уплаченных сумм остается долгу за Комитетом	15 288 р. —
Следовательно, задолженность Комитета в настоящее время выражается в следующих цифрах:	
а) перерасход по снаряжению экспедиции	28 053 р. 31 к.
б) содержание семей участников и канцелярские	5 425 » —
в) на уплату счетов	5 305 » 17 к.
г) на выдачу вознаграждения участникам или их наследникам	15 288 » —
Итого	54 071 р. 48 к.

Эта сумма представляется срочною и обязательною.

7. По статье расхода — фрахт судна — Комитет, кроме уплаченной суммы, принял обязательство уплатить «Обществу помощи поморам» по закладной крепости, в случае гибели «св. Фоки»	10 000 р. —
А также принял уплату частного долга	1 500 » —
Итого	11 500 р. —

С причислением этой последней суммы к сумме срочных долговых обязательств, общий размер долга Комитета выражается в	65 571 р. 48 к.

Снаряжение дополнительной экспедиции

1. Первою надобностью представляется подыскание на фрахт вполне пригодного судна, что, вместе с страховкою, вызовет расход в	25 000 р. 00 к.
Если же среди судов, имеющихся в Архангельске, не окажется подходящего судна, то, в связи с необходимостью приобретения его со стороны и для производства ремонта, расход по этой статье увеличится на	30 000 р. —
2. Состав экспедиции определяется в 4 офицерских чина, доктора и 8 матросов, на содержание которых потребуется:	
а) для 4 офицеров и доктора	10 000 р. —
б) для 8 матросов	4 000 » —
3. Приобретение и установка безпроволочного телеграфа	7 000 » —

4. Наем специалиста по телеграфу	2 000	р. 00 к.
5. Снабжение экспедиции продуктами питания .	8 000	» —
6. Снабжение научными инструментами	10 000	» —
7. Судовой безпроволочный телеграф	4 000	» —
8. Одежда и прочий инвентарь	5 000	» —
9. Организационные расходы	5 000	» —
Итого	110 000	р. —

Примечание: Смета дополнительной экспедиции превышает смету основной, главным образом, в виду фрахта судна. В основной экспедиции только случай дал возможность столь дешево взять судно. Вновь надеяться на подобный случай нет никакого основания. Почти полное отсутствие судов, годных для подобного рода экспедиций, принуждает взять судно иностранное, чем вызывается увеличение расхода и неизбежные случайности.

На основании этих соображений, мы предлагаем Государственной думе, в порядке ст. 55 учр. Гос. думы, признать желательным нижеследующее законодательное предположение, которое просим передать предварительно на заключение по вопросу о желательности в комиссию по направлению законодательных предположений.

Отпустить из средств Государственного казначейства в распоряжение Комитета, с высочайшего соизволения учрежденного для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран 175 571 р. 48 к.

[Подписи] [1].

Письмо председателя Совета министров В. Н. Коковцова морскому министру И. К. Григоровичу, 7 мая 1913 г.[2]

Иван Константинович,

Имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству присланный мне секретарем Государственной думы печатный экземпляр заявления 40 членов названной думы об отпуске из Государственного казначейства средств на покрытие расходов по экспедиции Седова к Северному полюсу и на снаряжение дополнительной экспедиции, покорнейше прося вас, милостивый государь, не отказать сообщить мне ваше заключение по содержанию настоящего законопроекта, для рассмотрения сего дела в Совете министров до 3 июня сего года, после какого срока упомянутое законодательное предположение может быть предложено к слушанию в Государственной думе (учр. Гос. думы, изд 1908 г., ст. 56).

Коковцов.

---

[1] Законодательное предположение об отпуске дополнительных средств по экспедиции Г. Я. Седова внесено исключительно членами правых групп IV Государственной думы. Это предположение было передано в комиссию по направлению законодательных предположений, докладчик которой, Половцев 2-й, 22 июня 1913 г. сообщил, что комиссия, рассмотрев проект о снаряжении экспедиции для спасения Седова, пришла к убеждению, что он состоит из двух частей: 1) о возмещении расходов Комитета по организации экспедиции Седова и 2) о снаряжении второй экспедиции. По первому пункту комиссия нашла, что так как экспедиция Седова была осуществлена на частные средства, то на Комитет и падает вся ответственность за нее, а потому вопрос о возвращении Комитету затраченных средств снят. По поводу второй части предположения комиссия пришла к выводу о необходимости снаряжения экспедиции для спасения Седова и его спутников. В то же время комиссия решила, что поручить Комитету организацию этой экспедиции слишком рискованно вследствие его неподготовленности, а потому организовать ее должно само правительство.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 109. Аналогичное письмо было послано и министру торговли и промышленности Тимашеву и др. сановникам.

Письмо морского министра И. К. Григоровича председателю Совета министров В. Н. Коковцову, 9 мая 1913 г.[1]

Владимир Николаевич,

В ответ на письмо от 7 сего мая, за № 3282, имею честь известить ваше высокопревосходительство, что относительно отпуска денег из Государственного казначейства на покрытие расходов по экспедиции ст. лейт. Седова я считаю долгом высказаться отрицательно.

В заседании Совета министров 17 мая 1912 г.[2], после всестороннего обсуждения, было признано, что экспедиция Седова носит характер несколько непродуманный, а условия практического осуществления ее представляются недостаточно обоснованными, и что поэтому правительству следует высказаться за отклонение законодательного предположения от 17 марта 1912 г. об отпуске из Государственного казначейства средств на организацию этой экспедиции.

Поэтому было бы совершенно непоследовательно отпустить теперь из Государственного казначейства деньги суммою 65 571 р. 48 к. на покрытие долговых обязательств, вызванных расходами по этой экспедиции, расходами, которые на свой страх и риск и вопреки взглядам и решению правительства, произвел Комитет по снаряжению экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран.

Что же касается снаряжения дополнительной экспедиции, то на этом вопросе я позволю себе остановиться несколько подробнее.

После отправления экспедиции Седова не произошло никаких новых обстоятельств, вызывающих необходимость такой дополнительной, вспомогательной экспедиции, и, следовательно, посылка ее и нужные на нее средства должны были уже входить в план организации экспедиции Седова. Отпуск от казны на дополнительную экспедицию является, таким образом, как бы покрытием долговых обязательств Комитета, взявшего на себя организацию и связанные с нею расходы.

Экспедиция Седова снаряжена на два года. Со времени отправления ее из Архангельска прошло всего 9 месяцев, а потому тревожиться о ней еще преждевременно.

Относительно судьбы экспедиции, по моему мнению, могут быть такие предположения:

1. В своем письме от 28 августа 1912 г. из Крестовой губы Седов пишет, что экспедиция его вполне снабжена всем необходимым на два года и что только запас угля у него мал.

Принимая во внимание то, что осенью у западных берегов Новой Земли господствуют северные ветры, и что состояние льдов там же в прошлом году было особо неблагоприятное, надо думать, что до Земли Франца-Иосифа, т. е. до своей базы, Седов не мог дойти и зазимовал где-нибудь на западном берегу Новой Земли.

Седову, конечно, известно, что пароходы Архангельско-Мурманского товарищества совершают рейсы из Архангельска на Новую Землю, и он, несомненно, воспользуется первым же рейсом парохода этого товарищества, чтобы подать о себе весть. Если же этой вести мы не получим, то можно будет предположить, что или

2) экспедиция достигла своей базы, т. е. Земли Франца-Иосифа и выполняет теперь свою задачу, или

3) затерта льдами где-либо на пути от губы Крестовой к Земле Франца-Иосифа.

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. 8525, лл. 107—108.
[2] См. выше, стр. 27.

Если допустить второе предположение, то в снаряжении дополнительной экспедиции нет нужды, так как экспедиция Седова, как я уже имел честь доложить, снабжена, по словам ее начальника, всем необходимым на два года.

Если же допустить третье предположение, то дополнительная экспедиция не принесет экспедиции Седова никакой пользы.

Таким образом, и относительно отпуска денег из государственного казначейства суммою 110 000 р. для снаряжения дополнительной экспедиции я считаю правильным высказаться тоже отрицательно.

Я полагал бы желательным и даже необходимым лишь то, чтобы Комитет, снарядивший экспедицию Седова, исполнил просьбу ее начальника, изложенную в его письме от 28 августа 1912 г., т. е. отправил бы на Землю Франца-Иосифа уголь и трех человек рабочих, для чего не нужно снаряжать экспедицию, а достаточно зафрахтовать небольшую промысловую шхуну, каких много имеется в Норвегии и вообще за границей.

И. Григорович.

Письмо товарища министра финансов С. Ф. Вебера управляющему делами канцелярии Совета министров Н. В. Плеве, 25 мая 1913 г.[1]

Николай Вячеславович,

При письме от 7 сего мая за № 3284, ваше превосходительство изволили препроводить на заключение министерства финансов законодательное предположение 40 членов Государственной думы об отпуске из Государственного казначейства средств на покрытие расходов по экспедиции Седова к Северному полюсу и на снаряжение дополнительной экспедиции.

Как видно из означенного законодательного предположения, всего испрашивается к отпуску на означенную надобность в распоряжение Комитета по снаряжению экспедиции ст. лейт. Седова 175 571 р. 48 к., из которых 65 571 р. 40 к.— на покрытие долговых обязательств Комитета по этой экспедиции, а 110 000 р.— на дополнительную экспедицию.

По поводу сего имею честь сообщить вашему превосходительству, для доклада совету министров, следующие соображения министерства финансов по настоящему предположению.

Прежде всего необходимо заметить, что дополнительная экспедиция, как видно из настоящего законодательного предположения, предназначается для отыскания базы Седова и изучения Севера. Но снаряжение экспедиции для выполнения первой из этих задач представлялось бы необходимым только в том случае, если бы имелись твердые данные о гибели Седова или о том, что он находится в критическом положении и, следовательно, нуждается в помощи. Между тем, со дня отправления экспедиции Седова к Северному полюсу протекло еще не столь много времени, чтобы могли уже возникать серьезные опасения об участи личного состава экспедиции. Седов вышел к Северному полюсу из Архангельска только 14 августа 1912 г., т. е. всего лишь около девяти месяцев тому назад, и, как видно из настоящего законодательного предположения, инициаторы его сами находят наиболее вероятным, что Седов достиг уже базы.

Что же касается снаряжения экспедиции для изучения Севера, то таковое едва ли отвечало бы состоявшемуся в прошлом году постанов-

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, лл. 121—124.

лению Совета министров по однородному делу, касавшемуся посылки экспедиции Седова. На рассмотрении Совета министров в 1912 г. было законодательное предположение 51 члена Государственной думы об отпуске из казны 50 000 р. на организацию Седовым полярной экспедиции к Северному полюсу. В этом предположении указывалось, что общий расход на оборудование этого мероприятия при самом скромном исчислении составит от 100 000 р. до 150 000 р., и что недостающие, сверх испрашиваемых 50 000 р., средства будут собраны путем пожертвований.

Совет министров, рассмотрев означенное предположение, в особом журнале его от 17 мая 1912 г., высказал, что изложенные в записке 51 члена Государственной думы соображения об условиях практического осуществления экспедиции Седова недостаточно обоснованы, и что эта экспедиция носит непродуманный характер. Поэтому, и имея в виду, что при отсутствии уверенности в возможности пополнения необходимых средств за счет пожертвования, Государственному казначейству пришлось бы понести издержки, значительно превышающие 50 000 р., Совет министров высказался за отклонение означенного законодательного предположения.

Засим, вследствие всеподданнейшего ходатайства членов Государственной думы Балашова и Шульгина, государь император в 15 день июня 1912 г. всемилостивейше соизволил выразить согласие на выдачу от имени его величества в пособие экспедиции Седова из 10 000 000 фонда на экстренные непредусмотренные сметами надобности — 10 000 р., но при этом его величеству благоугодно было указать, что это воспособление экспедиции может быть отпущено не ранее, как явится полная уверенность в том, что экспедиция обеспечена собранными денежными средствами в таких размерах, которые были бы достаточны для надлежащей организации экспедиции как в техническом, так и в научном отношениях. Означенное пособие было выдано Комитету по снаряжению экспедиции ст. лейт. Седова к Северному полюсу по получении уведомления этого комитета о том, что экспедиция вышла из Архангельска в море.

Между тем, как видно из настоящего законодательного предположения 40 членов Государственной думы, в распоряжение Комитета ко времени отправления экспедиции, не считая 10 000 р., пожертвованных государем императором, состояло пожертвований всего лишь на сумму 12 885 р. 75 к.

Таким образом, из приведенных в настоящем законодательном предположении сведений усматривается, что экспедиция при отправлении ее не была обеспечена достаточными денежными средствами. При этом условии, в случае принятия настоящего законодательного предположения, экспедиция оказалась бы снаряженною не на частные средства, как предполагалось, а почти исключительно на средства Государственного казначейства и, следовательно, могла бы получить значение не частного предприятия, а как бы правительственной экспедиции, что не отвечало бы однако ни постановлению Совета министров по настоящему вопросу, ни тем условиям, на которых обычно снаряжаются и отправляются правительственные экспедиции.

В частности же министерство финансов не может не отметить, что в смету расходов по экспедиции включены такие суммы, которые в настоящее время, во всяком случае, не могут подлежать отпуску, как например, 10 000 р. на уплату «Обществу помощи поморам», по закладной крепости, в случае гибели судна «св. Фока», на котором Седов отправился в экспедицию, и о гибели которого не имеется еще никаких сведений, а равно 30 000 р., исчисленные на тот случай, если в

гор. Архангельске не найдется подходящего судна для дополнительной экспедиции и придется приобрести покупкою специальное судно и отремонтировать его.

С. Вебер.

Письмо министра торговли и промышленности С. И. Тимашева председателю Совета министров В. Н. Коковцову, 26 мая 1913 г.[1]

Владимир Николаевич,

Письмом от 7 мая сего года, за № 3283, ваше высокопревосходительство изволили просить моего заключения по содержанию законодательного предположения 40 членов Государственной думы об отпуске из Государственного казначейства средств на покрытие расходов экспедиции Седова к Северному полюсу и на снаряжение дополнительной экспедиции.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему высокопревосходительству нижеследующее.

Как видно из означенного законопроекта, правительственное воспособление Комитету для снаряжения экспедиции к Северному полюсу необходимо, с одной стороны, на снаряжение дополнительной экспедиции на Землю Франца-Иосифа для отыскания базы Седова, всего 110 000 р., и с другой, на покрытие задолженности Комитета, выражающейся в настоящее время в сумме 65 571 р. 48 к.

Что касается первого вопроса — посылки дополнительной экспедиции, то цель ее — притти на помощь находящемуся, повидимому, в затруднительном положении кап. Седову,— не может не вызвать полного сочувствия. Тем не менее и в настоящем случае я не могу не указать на те сомнения, которые возникают у меня в связи с предположениями об отпуске на снаряжение дополнительной экспедиции средств из Государственного казначейства.

Вопрос о желательности оказания правительственного пособия на организацию экспедиции к Северному полюсу уже возникал однажды по почину 51 члена Государственной думы, внесших 17 марта истекшего года законопроект об ассигновании на эту надобность 50 000 р. По поводу этого предположения я уже имел случай отметить, что поспешность, с которой происходила организация и снаряжение экспедиции кап. Седова, далеко не соответствовала исключительной трудности задуманного предприятия. Малая известность лиц, принявших участие в экспедиции, и сравнительно незначительная сумма расходов по ее организации вызывали опасение, как бы это не оказало вредного влияния на исход предприятия и не потребовало бы от правительства новых ассигнований на исправление недочетов первоначального снаряжения. Теперь, повидимому, опасения эти до известной степени оправдались, и на помощь первой экспедиции приходится посылать вторую дополнительную, причем на расходы, связанные с посылкой этой дополнительной экспедиции, согласно новому предположению 40 членов Государственной думы, испрашивается уже значительно большая сумма — 110 000 р. Тем не менее и теперь в новом законодательном предположении вопрос о подготовке экспедиции, надлежащем выборе личного состава, покупке соответствующего судна и т. п. остается совершенно неразработанным, и нет никакой гарантии, что и эта вторая экспедиция не окажется через некоторое время в столь же затруднительном положении, как и первая.

Еще более сомнительной представляется потребность в ассигновании

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 121.

из казны воспособления Комитету на покрытие его обязательств. Из представленных данных не вполне ясно, в какой мере эти обязательства являются срочными и не могут ли они, хотя бы в некоторой части, быть покрыты имеющими поступить частными пожертвованиями. Так, например, наличие обязательства Комитета уплатить «Обществу помощи поморам», в случае гибели «св. Фоки», 10 000 р., едва ли требует ассигнования уже в настоящее время, когда не имеется сколько-нибудь положительных данных о положении, в котором находится это судно, и вообще вопрос о покрытии обязательств Комитета, как не имеющий срочного характера и не связанный непосредственно с вопросом о посылке дополнительной экспедиции, казалось бы, было более целесообразно разрешить независимо от этого последнего.

С. Тимашев.

Письмо председателя Совета министров В. Н. Коковцова морскому министру И. К. Григоровичу, 4 июля 1913 г.[1]

Иван Константинович,

Рассмотрев в заседании 28 июня 1913 г. законодательное предположение 40 членов Государственной думы об отпуске из Государственного казначейства средств на покрытие расходов по экспедиции Седова к Северному полюсу и на снаряжение дополнительной для розыска ее экспедиции, в связи с отзывами по сему предмету заинтересованных ведомств, и вполне присоединяясь к изложенным в сих отзывах соображениям о неприемлемости такового предположения, Совет министров нашел, что в этом смысле представителю министерства торговли и промышленности и надлежит высказаться в Государственной думе при обсуждении в ней настоящего дела.

В. Н. Коковцов.

Доклад комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран председателю Совета министров, 12 января 1914 г.[2]

14 августа 1912 г. отправилась из г. Архангельска русская полярная экспедиция ст. лейт. Георгия Яковлевича Седова, поставившая своею задачей научное обследование и всестороннее изучение полярных стран, а также достижение Северного полюса. В сентябре прошлого 1913 г. прибыли с Новой Земли в г. Архангельск с парохода «св. Фока» капитан Захаров и четыре человека команды, которых ст. лейт. Седов отправил на родину, как слабых здоровьем. В распоряжение Захарова была дана парусная шлюпка, на которой, покинув экспедицию в начале июня и прождав на Заячьем острове до 9 августа, он тронулся в путь, имея последние известия от Седова от 2 августа. Захаров счастливо добрался до пролива Маточкин Шар, где встретил пароход Мурманского общества и на нем возвратился в г. Архангельск, откуда прибыл в г. С.-Петербург и доставил в комитет донесения Седова и его сотрудников: Визе, Павлова и доктора Кушакова. Эти донесения с многими картами были рассмотрены здесь учеными специалистами и признаны в научном отношении в высокой степени интересными.

Из отчетов, присланных Седовым, видно, что после безуспешной борьбы с полярными льдами на пути к Земле Франца-Иосифа он при-

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1912 г., д № 8525, л. 147.
[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493, лл. 1—4 об.

нужден был возвратиться со своим судном к берегам Новой Земли, где встал на зимовку у Панкратьевых островов под 76° северной широты. Во время зимовки ст. лейт. Седов произвел мензульную съемку Панкратьевых островов и близлежащих берегов Новой Земли, а весной предпринял санную экспедицию вдоль берега материка Новой Земли, обогнув ее к северной оконечности, и спустился к югу вдоль Карской стороны до мыса Виссенгер-гоф. На этом пути он произвел компасную съемку берегов в масштабе пяти верст в дюйме и определил ряд астрономических пунктов. На обратном пути удалось произвести повторные астрономические наблюдения и, таким образом, заключить хронометрический рейс. Карта, составленная ст. лейт. Седовым, обнаружила значительные расхождения с существующими картами, достигающими в некоторых пунктах до 15 верст [1].

Географ Визе и геолог Павлов прошли со своими партиями от места зимовки на противоположный берег Новой Земли, произведя гидрографические и геологические исследования по своей специальности. [2]

Таким образом, экспедиция Седова обогнула впервые Новую Землю с севера сухим путем и первая пересекла ее поперек в самом широком месте под 76° северной широты. Во время зимовки производились правильные метеорологические и гидрологические наблюдения на специально оборудованной станции.

В своем донесении ст. лейт. Седов сообщил о намерении итти на землю Франца-Иосифа и просил прислать судно с углем.

К концу зимовки на Новой Земле (т. е. в августе 1913 г.) у Седова было всего около 1 200 пуд. угля и запас дров, который он сделал на Новой Земле.

Если экспедиция добралась до Земли Франца-Иосифа, то к лету 1914 г. у них топлива не будет, так как собранного ими леса, который служил им для отопления на Новой Земле, у берегов Земли Франца-Иосифа они не найдут. Может быть даже, что для спасения от стужи они начали жечь свое судно.

Комитет считает, что продолжать исследование полярных стран и тем более итти к полюсу после двух зимовок в очень тяжелых условиях будет не под силу экспедиции и может быть гибельным для ее состава, тем более, что все запасы экспедиции были рассчитаны на два года, т. е. до осени 1914 г. Таким образом, теперь идет вопрос о спасении экспедиции, которая уже сообщила нам о своих трудах на пользу науки у северных берегов Новой Земли, почти совершенно не исследованных.

Для спасения экспедиции необходимо приобрести или зафрахтовать крепкое судно, пригодное для плавания в полярных льдах; назначение этого судна будет — найти экспедицию Седова и привезти ее обратно в Россию. Судно это должно, выйдя в июле из г. Архангельска, итти к месту зимовки Седова, у Панкратьевых островов, где Седов должен был оставить сведения о себе и затем в зависимости от найденных известий, итти далее, вероятно, к Земле Франца-Иосифа.

На снаряжение такой экспедиции необходима сумма в 111 600 р. Но этим еще не исчерпываются все расходы: участники первой экспеди-

---

[1] Об экспедиции Седова весною 1913 г., предпринятой для съемки западного, северного и северо-восточного берегов Новой Земли, см. указанный выше очерк Л. Л. Брейтфуса («Записки по гидрографии», т. 42, 1918, вып. I, стр. 57—59, 80—81).

[2] Об экспедиции В. Ю. Визе и М. А. Павлова, пересекших Новую Землю весною 1913 г., см. тот же очерк Л. Л. Брейтфуса (стр. 54—57, 81—82) и статью Визе в «Известиях Архангельского общ-ва изучения русского севера», 1917 г., №№ 7—10 («Пересечение Новой Земли под 76° сев. широты»).

ции поручили комитету выплачивать содержание их семьям, оставшимся на родине, и это содержание составляет 11 735 р. 62 к., а если прибавить просимое в приложении о личном составе 7 200 р., то это составит в общем 130 500 р.

У Комитета есть долговые обязательства, оставшиеся после ухода экспедиции Седова в общей сумме 38 700 р., да еще, в случае гибели Седова, надо заплатить 16 300 р. вместо страховки за судно.

Таким образом для снаряжения вспомогательной экспедиции нужно 130 500 р., а если покрыть и долги Комитета по первой экспедиции, то на 55 000 р. больше, т. е. 185 500 р.

В настоящее время Комитетом принимаются разные меры для привлечения пожертвований на снаряжение вспомогательной экспедиции, но пожертвования поступают очень тихо, и без поддержки правительства нет надежды собрать необходимую сумму для снаряжения новой, вспомогательной экспедиции.

Теперь уже поздно говорить о тех ошибках и недочетах, которые были допущены при отправлении экспедиции Седова. Надо спасать экспедицию, которая верит, что их не забыли и что их самоотверженные труды будут оценены наукой и по достоинству.

Комитет почтительнейше просит ваше высокопревосходительство об испрошении высочайшего соизволения на отпуск если не всей суммы, то хотя бы более значительной ее части, и тогда, имея уверенность в получении основной суммы, комитет мог бы безотлагательно приступить к снаряжению экспедиции.

Комитет уже имеет несколько предложений о зафрахтовании судов со стороны архангельских промышленников, и при наличии необходимых средств снаряжение экспедиции может быть осуществлено в течение 3-4 месяцев.

Вспомогательная экспедиция могла бы при удаче возвратиться в том же году позднею осенью, но в виду трудности задачи, на нее возлагаемой, необходимо предвидеть зимовку в полярных странах и составить расчеты на 16 месяцев, т. е. с июня 1914 г., по 1 октября 1915 года.

За председателя комитета генерал-лейтенант А. Варнек[1].

Доклад заведующего гидро-метеорологическою частью Главного гидрографического управления Л. Л. Брейтфуса начальнику управления М. Е. Жданко, 17 января 1914 г.[2].

В настоящее время в водах Северного Ледовитого океана находятся три русских экспедиции, отправившихся в 1912 г., именно: Г. Я. Седова, Г. Л. Брусилова, и В. А. Русанова. Первая экспедиция, по всей вероятности, находится сейчас около Панкратьевских островов на западном берегу Новой Земли и хотя положение ее непосредственно

[1] Доклад, как видно из современной газетной прессы, был лично представлен членом Комитета ген.-лейт. Варнеком председателю Совета министров Коковцову, который обещал свое содействие. Комитет очевидно надеялся, что поручаемая ему организация спасательной экспедиции, поможет поправить его расстроенные денежные дела. Однако, как видно из дальнейших документов. Комитет был совершенно устранен, и организацию экспедиции приняло на себя Главное гидрографическое управление.

Одновременно с кампанией за Седова, поднятой Комитетом, шел нажим на правительство и со стороны Русского географического общества, выдвинувшего вопрос об организации экспедиций не только для спасения Седова, но и для розысков пропавших бесследно Брусилова и Русанова. В результате изложенных обстоятельств Совет министров в своем заседании 18 января 1914 г., обойдя вопрос о Комитете, высказался за организацию «казенной спасательной экспедиции».

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8492, л. 4.

опасным не представляется, но имеется основание полагать, что без посторонней помощи ее возвращение будет связано с значительными опасностями для участников[1]. Что же касается других двух экспедиций, то судьба их возбуждает самые тяжелые опасения, и требуются немедленные шаги к их розысканию и оказанию им помощи[2].

В виду изложенного, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что по имеющимся у меня данным розыски и помощь упомянутым экспедициям могла бы быть оказана со стороны архангельских морских промышленников Е. В. Могучего, г. Масленникова и С. М. Субботина, имеющих специальные для плавания во льдах суда: паровые — «св. Николай», «Андромеда» и «Жемчуг» и моторное — «Дмитрий Солунский», и, что стоимость снаряжения одного из названных судов колеблется от 8 000 до 10 000 р. в месяц.

Заведующий гидро-метеорологической частью Л. Брейтфус.

Письмо министра внутренних дел Н. А. Маклакова морскому министру И. К. Григоровичу, 22 января 1914 г.[3]

М. г. Иван Константинович,

Вице-председатель имп. Русского географического общества возбудил от имени совета общества ходатайство об организации помощи находящейся в водах Ледовитого океана экспедиции Г. Я. Седова и к розыску пропавших без вести экспедиций Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова.

По взгляду, выраженному д. т. сов. Семеновым-Тянь-Шанским, названные экспедиции, организованные по идейным ли побуждениям, или по соображениям практического характера, будучи руководимы самоотверженными людьми, не щадившими собственной жизни, имели конечною целью принести государству пользу и славу теми способами, на которые решится не каждый. И если самые предприятия не были достаточно хорошо оборудованы, чтобы бороться с трудностями плавания и успешно выжидать время для достижения конечных целей, то тем более должны быть оценены и поддержаны в тяжелую минуту энергия и самоотверженность их участников. Имп. Русское географическое общество, не принимавшее участия в организации названных экспедиций, ныне однако озабочено трудным их положением, зная, сколь рискованны и тяжелы подобные предприятия, даже когда они оборудованы наиболее совершенным образом.

---

[1] Экспедиция Седова 7 сентября (26 августа) 1913 г. окончательно оставила Новую Землю и направилась к мысу Флора на Земле Франца-Иосифа. В январе 1914 г. экспедиция зимовала в бухте Тихой на той же Земле, причем зимовка протекала в очень тяжелых условиях: страдания от холода вследствие отсутствия топлива и болезнь (цынга) большей части команды. Сам Седов, несмотря на цынгу, деятельно готовился к своей последней полюсной экспедиции, в которую он и выступил 2 февраля 1914 г. с двумя матросами: Линником и Пустошным.

[2] Экспедиция лейт. Георг. Львов. Брусилова, имевшая целью пройти северо-восточным проходом в Тихий океан, вышла из Петербурга в августе 1912 г. В начале октября того же года судно Брусилова «св. Анна» было затерто льдами у западного берега полуострова Ямал; с конца октября начался ледовый дрейф, вынесший судно в 1913 г. в Полярный бассейн. Во время вторичной зимовки во льдах судно в январе 1914 г. находилось севернее Земли Франца-Иосифа. После ухода с судна по льду штурмана Альбанова с 13 матросами в апреле 1914 г. о судьбе экспедиции не имелось никаких сведений: вероятно, судно погибло, раздавленное льдами. Из всего состава экспедиции осталось в живых только два человека: штурман Альбанов и матрос Конрад, подобранные в августе 1914 г. экспедицией Седова у мыса Флоры. (См. ст. Л. Брейтфуса «Полярная экспедиция лейтенанта Брусилова», «Записки по гидрографии», т. 38, 1914 г., вып. 4, прилож. I.).— О судьбе экспедиции В. А. Русанова, уже погибшей в 1913 г., см. ниже примечание к стр. 42.

[3] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8497, лл. 1—3.

Всецело присоединяясь к последнему мнению, я не могу не отметить, что оно в значительной степени совпадает с суждением Совета министров от 18 сего января по вопросу об организации помощи предприятию Г. Я. Седова. В виду того же, что для снаряжения к сему особой вспомогательной экспедиции предоставлено действовать вашему высокопревосходительству, по соглашению с министром торговли, о вышеизложенном ходатайстве совета имп. Русского географического общества я считаю долгом немедля довести до вашего сведения.

Предполагая засим, что вашему высокопревосходительству достаточно известны данные, могущие послужить к отысканию экспедиции Седова, я покорнейше просил бы относительно экспедиции Брусилова затребовать нужные сведения непосредственно от имп. Русского географического общества.

Что касается, наконец, экспедиции В. А. Русанова, то в вверенном мне министерстве имеются о ней следующие данные.

Экспедиция вышла 26 июня 1912 г. из Александровска на Мурмане на специально приобретенном в Норвегии парусно-моторном судне «Геркулес», водоизмещением в 63,42 тонны, длиною 73,6 ф., шириною 19,6 футов и с керосиновым мотором в 30 лошадиных сил. Целью экспедиции являлось, главным образом, обследование в угольно-промышленном отношении, западных берегов Шпицбергенского архипелага. Допускалась возможность зимовки на Шпицбергене, в виду чего экспедиция была снабжена запасами продовольствия на полтора года.

Успешно выполнив свои главные задачи, экспедиция покинула Шпицберген в первых числах августа 1912 г., после чего от нее дошло единственное сообщение в виде краткой записки, оставленной В. А. Русановым 18 августа 1912 г. в самоедской колонии Маточкин Шар на Новой Земле. Записка эта гласила: «Юг Шпицбергена остров Надежды окружены льдами; занимались гидрографией; штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединение, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы»[1].

В минувшем 1913 г. ваше высокопревосходительство, по возбужденному мною ходатайству, командировали к западным берегам северного острова Новой Земли посыльное судно «Бакан», которому поручено было исследовать берега острова с целью отыскания Седова и Русанова. Означенное судно продвинулось, однако, к северу весьма мало, и действия его не увенчались успехом[2].

[1] Экспедиция геолога В. А. Русанова, покинув Шпицберген, в августе 1912 г. пошла к Новой Земле, имея целью пройти северо-восточным проходом до Берингова пролива. После приведенной в документе записки сведений о Русанове не имелось до 1934 г., когда у берега Хар. Лаптева были обнаружены остатки погибшей экспедиции. Проникнув в 1912 г. в Карское море, Русанов вынужден был зимовать около упомянутого берега, где судно его «Геркулес» было вероятно раздавлено льдами. Выждав окончания полярной ночи в 1913 г., Русанов и его спутники направились пешком к устью Енисея и во время путешествия погибли.

[2] Посыльное судно «Бакан» в марте 1913 г. было отправлено в обычное плавание для охраны промыслов в Северном Ледовитом океане. Находясь в Архангельске, командир судна получил 23 июля 1913 г. телеграмму морского министра с приказанием «при предстоящем плавании к берегам Новой Земли пройти вдоль западного берега ее возможно севернее, насколько позволят обстоятельства, погода и состояние льдов, и собрать сведения об экспедициях Русанова и Седова» (Глави. морск. штаб № 9170 (1913), л. 263). Во исполнение этого приказания командир судна телеграфировал 1/14 августа 1913 г. морскому министру о том, что он дошел по западному побережью Новой Земли до 75° шир. (до полуострова Адмиралтейства), т. к. дальнейшему продвижению помешали льды, но не нашел никаких следов экспедиции Седова и Русанова. Как известно, Седов в это время еще зимовал около Панкратьевых островов (приблизит. около 76° шир.).

Вместе с тем, летом того же 1913 г. министерством внутренних дел были приняты меры к получению через посредство местных властей всякого рода сведений, которые могли быть собраны путем опроса местного населения прибрежных к Белому морю и Ледовитому океану губерний и областей. Меры эти также не достигли цели. Затем, осенью 1913 г. получены были сведения о выброшенном на отмель в устье Печоры, у Гуляевских кошек, остове разбитого судна и найденных в нем предметах. Первоначально предположено было, что остов представляет остатки «Геркулеса», однако произведенное исследование убедило в противном, причем успело попутно выяснить, что обнаруженный остов не мог представить собою также остатков судна экспедиции Брусилова.

Подтверждая свою покорнейшую просьбу озаботиться одновременно с организациею помощи предприятию Седова, также розыском экспедиций Брусилова и Русанова, о последующем прошу ваше высокопревосходительство почтить уведомлением.

Н. Маклаков.

Письмо председателя Совета министров В. Н. Коковцова морскому министру И. К. Григоровичу, 23 января 1914 г.[1]

М. г. Иван Константинович,

Совет министров, рассмотрев в заседании 18 сего января заявленное Комитетом для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран ходатайство об отпуске средств из казны на расходы по посылке Комитетом судна для спасения лейт. Седова и других участников предпринятой в августе 1912 г. полярной экспедиции, а также на покрытие долгов названного Комитета, признал необходимым, независимо от вышеуказанного ходатайства, предоставить морскому ведомству взять на себя при участии министерства торговли и промышленности организацию казенной спасательной экспедиции для доставления Седова и его спутников в Архангельск, с тем, чтобы расходы по упомянутому предмету ограничены были возлагаемою на экспедицию исключительно спасательною задачею.

Уведомляя о сем, для зависящих, в чем следовать будет, распоряжений, прошу вас, и пр.

Коковцов.

Письмо морского министра И. К. Григоровича министру внутренних дел Н. А. Маклакову, 31 января 1914 г.[2]

М. г. Николай Алексеевич,

Вследствие письма от 22 сего января, за № 2357, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что вполне разделяю выраженную в письме желательность принять меры к спасению пропавших без вести Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова, полагаю, что для этой цели необходима организация специальной экспедиции. Нельзя поручить попутный розыск г. г. Русанова и Брусилова экспедиции для спасения ст. лейт. Седова, так как район Северного Ледовитого океана, где надо искать г.г. Русанова и Брусилова, не совпадает с районом, где находится экспедиция ст. лейт. Седова.

Если на основании ходатайства имп. Географического общества будет признана необходимость таковой правительственной экспедиции, то, независимо от состоявшегося 18 сего января постановления Совета

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493, л. 7.
[2] Там же, д. № 8497, л. 6.

министров, потребуется распоряжение об организации ее с ассигнованием необходимых средств[1].

И. Григорович.

Отношение начальника Главного гидрографического управления М. Е. Жданко во второй департамент министерства иностранных дел, 31 января 1914 г.[2]

Для организации, согласно постановления Совета министров от 18 сего января, спасательной экспедиции для оказания помощи ст. лейт. Седову требуется зафрахтовать парусно-моторное или парусно-паровое морское судно, приспособленное для плавания во льдах, на каковых судах норвежские промышленники производят охоту на морского зверя в водах Северного Ледовитого океана.

На основании вышеизложенного Главное гидрографическое управление, которому морским министром поручена организация упомянутой спасательной экспедиции, имеет честь просить второй департамент министерства иностранных дел не отказать в своем содействии к получению через наших консулов в портах Норвегии указанных в приложении к сему сведений[3].

Так как для организации экспедиции остается очень мало времени, то управление просит второй департамент не отказать в любезности доставить эти сведения в возможно скором времени.

Ген.-лейт. Жданко.

Письмо начальника Главного гидрографического управления М. Е. Жданко начальнику Главного морского штаба А. И. Русину, 12 февраля 1914 г.[4]

Вследствие личной просьбы помощника вашего превосходительства сего 12 февраля уведомить вас о том, что сделано по Главному гидрографическому управлению по делу о снаряжении экспедиции для поисков ст. лейт. Седова и его спутников, имею честь сообщить вашему превосходительству следующее:

24 января сего года морской министр получил от председателя Совета министров письмо, за № 512, с уведомлением, что Совет минист-

---

[1] Совет министров в заседании от 20 февраля 1914 г. постановил: «печальный опыт предпринятых Седовым, Русановым и Брусиловым экспедиций указывает на чрезвычайную опасность такого рода предприятий, в особенности же, если последние организуются без надлежащей подготовки. Как заявил по этому поводу морской министр, все перечисленные экспедиции снаряжены были без указанной подготовки и нужного оборудования, под начальством лиц, мало сведущих и не отдававших себе, повидимому, ясного отчета в принимаемой ими на себя тяжелой ответственности. Очевидно, что в таких условиях гибель означенных экспедиций представлялась вполне естественною и даже почти неизбежною. Между тем, в результате сего, правительство оказывается ныне вынужденным спешно и с затратою немалых средств принимать меры к спасению легкомысленно, на свой страх и риск, пустившихся в плавание людей. В предупреждение подобных печальных случаев следовало бы, по мнению Совета министров, по примеру Англии, чтобы на будущее время все вообще морские северные экспедиции, хотя и посылаемые на средства частных обществ и лиц, поставлены были под правительственный контроль и могли пускаться в плавание лишь с разрешения подлежащего начальства. Только этим путем удастся внести в это дело надлежащее упорядочение и оградить казну от расходов по разного рода спасательным арктическим экспедициям». (ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8497, лл. 73—74).

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493, л. 31.

[3] Одновременно с обращением в министерство иностранных дел гидрографическое управление запросило общество для изучения русского Севера в Архангельске о присылке в управление сведений «о судах паровых и моторных, пригодных для спасательной экспедиции к северу Новой Земли и Земли Франца-Иосифа» (Там же, л. 27).

[4] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493, лл. 75—77.

ров, рассмотрев 18 января ходатайство Комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу об испрошении высочайшего соизволения на отпуск 185 тыс. р. в распоряжение Комитета для розысков Седова и для доставки его и его спутников обратно в Россию,— признал необходимым, независимо от этого ходатайства, предоставить морскому ведомству взять на себя, при участии министерства торговли и промышленности, организацию казенной спасательной экспедиции для доставления Седова и его спутников в Архангельск с тем, чтобы расходы по упомянутому предмету ограничены были возлагаемою на экспедицию исключительно спасательною задачею.

Письмо это того же 24 января было направлено в Главное гидрографическое управление со следующею резолюциею морского министра: «Начальнику Главного гидрографического управления. Желательно сегодня же выслушать предварительный доклад».

Того же 24 января в 11½ ч. утра я доложил морскому министру, что необходимо немедленно послать телеграммы в Архангельск и в порта Норвегии с запросами, нет ли там подходящих судов для экспедиции, а на место начальника экспедиции я считал бы первым кандидатом капитана II ранга Колчака, а затем кап. I ранга Коломейцева и кап. II ранга Новопашенного.

Морской министр дал следующие руководящие указания для снаряжения экспедиции: судно может быть русское или иностранное —безразлично; желательно судно деревянное, обшитое железом; судно может быть зафрахтовано или куплено; задача экспедиции исключительно спасательная; при снаряжении экспедиции иметь в виду, что ей придется, быть может, зимовать; направить экспедицию прямо на Панкратьевы острова, а если Седова там не окажется, то руководствоваться теми сведениями, которые он оставит о себе на этих островах; приступить немедленно к собиранию сведений о подходящих судах.

Вместе с этим морской министр изволил заметить, что хотя и он считает кап. II ранга Колчака наиболее подходящим кандидатом на место начальника экспедиции, но не находит возможным оторвать его от дела, а потому следует запросить других кандидатов и вообще всех тех, кто мог бы взяться за дело организации и затем начальствования этой серьезной и ответственной экспедицией.

Вследствие указаний морского министра того же 24 января посланы письма кап. I р. Коломейцеву и кап. II р. Новопашенному, а затем посланы телеграммы следующим лицам с предложением взять на себя снаряжение и начальствование экспедицией: кап. I р. Вяземскому, отставным контр-адмиралам Цвингману и Трояну, кап. I р. Иванову 6-му, кап. II р. Паттону, ст. сов. Брейтфусу (передано лично) и отставному кап. I р. Балку.

Относительно судов запрошены архангельские судовладельцы Масленников, Бурков и Могучий, и, при содействии ст. сов. Брейтфуса, наши консулы в Христиании, Бергене, Дронтгейме, Вардэ, Тромсэ и Гаммерфесте.

Запрошены также архангельское Общество изучения русского Севера, директор Правления морских промыслов в Норвегии, доктор Иорт и профессор Нансен.

Постепенно стали приходить письма и телеграммы с предложением купить или зафрахтовать промысловые зверобойные суда. Из всех 14 предложенных судов наиболее подходящими являются: норвежская шхуна «Герта» в 253 регистровые тонны, которую очень рекомендуют проф. Нансен и доктор Иорт, а также две небольшие зверобойные шхуны «Фритьоф» и «Сверре» в 100 регистровых тонн каждая. Все шхуны с вспомогательными паровыми двигателями.

Из числа русских промысловых судов наиболее подходящим является шхуна «Андромеда», зимующая на Мурмане.

Что касается лиц, которым предложено принять на себя начальствование экспедицией, то все просили время на размышление, а затем все отказались.

Кап. II р. Новопашенный и кап. I р. в отставке Балк обещали дать ответ сегодня.

Ст. сов. Брейтфус, бывший 10 лет начальником нашей научно-промысловой экспедиции на Мурмане, много раз бывавший на Новой Земле и имеющий обширные связи в Норвегии, предлагает свои услуги немедленно ехать в Норвегию для осмотра судов и заготовления снаряжения [1].

Наш консул в Гаммерфесте г. Цур-Мюлен считает самым лучшим купить в Христиании шхуну «Герта» и советует с этим делом спешить, так как, по сведениям норвежских газет, англичане снаряжают экспедицию на Шпицберген и послали некоего г. Кемпеля в Норвегию для покупки подходящего судна.

Вследствие этого послана телеграмма в Берген доктору Иорту с просьбой оставить первое право на покупку судна «Герта» за русскими.

В заключение считаю долгом сказать, что из сношений с нашими морскими офицерами я не мог не видеть, насколько не популярен, чтобы не сказать более, Седов среди них [2], и я очень сомневаюсь, чтобы нашелся русский морской офицер, который по доброй воле отправился бы на розыски Седова.

Всегда готовый к услугам М. Жданко.

Особое мнение представителей министерства торговли и промышленности о посылке ледокола «Ермак» для розысков экспедиции ст. лейт. Седова, 21 февраля 1914 г. [3]

Высказанные в заседании совещания 21 февраля сего года [4] суждения о желательности и необходимости посылки ледокола «Ермак» для поисков лейт. Седова основаны были, главнейшие, на том соображении, что посылаемое судно должно быть исключительной крепости, в виду возможной встречи с льдами, почему обыкновенный пароход или даже пароход обычного ледорезного типа для намечаемой задачи не годится.

В случае справедливости такого взгляда, необходимо притти к заключению, что ледоколу «Ермак» при посылке в полярные моря угрожала бы возможность встречи с весьма серьезными льдами, а при та-

---

[1] 13 февраля 1914 г. Л. Л. Брейтфус получил предписание начальника Главного гидрографического управления выехать в Норвегию для осмотра предлагаемых для продажи и фрахтования подходящих судов и, в благоприятном случае, для заключения купчей крепости, а также для совещания с проф. Нансеном и с другими осведомленными в снаряжении полярных экспедиций лицами относительно деталей организации экспедиции (ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493).

[2] Непопулярность Седова в среде флотских офицеров не имела ничего общего с его личными качествами. Она может быть объяснена только его крестьянским происхождением. Перевод Седова по царскому повелению во флот с чином старшего лейтенанта был воспринят офицерской массой, как нарушение принципа пополнения командного состава флота исключительно дворянами. Седов в самом деле был «белой вороной»,—единственным крестьянином в среде флотских офицеров.

[3] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493, лл. 142—143.

[4] Совещание для обсуждения вопросов, связанных с снаряжением экспедиции для поисков Седова, было организовано, по распоряжению морского министра, 21 февраля 1914 г. в Главном гидрографическом управлении под председательством начальника последнего М. Е. Жданко. На совещании присутствовали представители Морского генерального штаба, Главного морского штаба, Главного гидрографического управления, министерства внутренних дел, торговли и промышленности и Русского географического общества.

ких условиях, конечно, нельзя исключать предположения о возможной его аварии и даже необходимости зимовки в Ледовитом океане. Такое предположение тем более основательно, что посылки ледокола «Ермак» в полярные моря до сего времени неизменно оканчивались повреждениями судна или от льда, или от посадки на мель, весьма возможной и в будущем при плавании в малоисследованных водах Ледовитого океана, вследствие большой его осадки. Такое опасение тем более основательно, что до сего времени участие в полярных плаваниях судов типа «Ермак» в практике других государств не наблюдается, и наш опыт в этом отношении не представляется утешительным. Но в таком случае оказалась бы недостигнутой и основная цель посылки «Ермака», а именно, спасение лейт. Седова, а напротив, быть может, представилось бы необходимым изыскивать меры к спасению экипажа «Ермака».

Нежелательность посылки ледокола «Ермак» усугубляется еще рядом весьма существенных соображений другого порядка:

1. Ледокол «Ермак» представляет из себя весьма крупную ценность свыше 1 500 тыс. руб. и выполняет огромные общегосударственные задачи по продлению навигации в Балтийском море. Поэтому рисковать судном для выполнения задачи, которая могла бы быть осуществлена иным способом, представляется неправильным.

2. С финансовой точки зрения посылка ледокола выразилась бы весьма крупными расходами, так как плавание было бы еще более серьезное, чем предпринятое в 1905 г., на которое пришлось отпустить 128 тыс. руб.[1].

3. С посылкою ледокола «Ермак» связаны весьма серьезные технические трудности. За 15 лет котлы ледокола ни разу не подвергались капитальному ремонту и в предстоящее лето предполагалось произвести испытание холодным давлением для решения вопроса о необходимых исправлениях. Одна перемена всей кирпичной кладки, необходимость коей выяснилась, займет $1^1/_2$ месяца. Засим, крайне сложным является вопрос снабжения углем. «Ермак» может принять 3 080 тонн угля, имея при этом осадку до 28 фут.; последнее снабжение углем должно быть произведено у края льда, т. е. около берегов Новой Земли, для чего нужен транспорт с углем не менее 600—800 тонн. Наконец, особенно значительными должны быть расходы по снабжению экипажа около 100 человек всем необходимым на случай зимовки.

4. Снаряжая экспедицию для спасения человеческих жизней, необходимо помнить в то же время риск экспедиции для спасателей и посему нежелательно подвергать опасности экипаж свыше 100 человек, комплектование которого при этом может оказаться весьма трудным.

По всем изложенным соображениям представители министерства торговли и промышленности полагают, что спасение экспедиции ст. лейт. Седова должно быть осуществлено с принятием всех мер для обеспечения успеха, но без посылки для этой цели ледокола «Ермак», участие которого в экспедиции представляет серьезный риск; более же целесообразным и выгодным было бы отправить для розысков экспедиции лейт. Седова вместо «Ермака» другое крепкое, но более дешевое судно, причем весьма подходящим казался бы бывший китобой — теперь ледокол транспорт «Колывань», находящийся в настоящее время в Ревеле в распоряжении коменданта крепости имп. Петра Великого.

С. Веселого, М. Линден.

---

[1] В 1905 г. ледокол «Ермак» должен был сопровождать караван судов через Карское море к устью Енисея. Экспедиция эта была снаряжена министерством путей сообщения для доставки северным путем рельс для Сибирской жел. дороги. В конце августа 1905 г. «Ермак» сел на камни около остр. Вайгач, был снят с большим трудом и, из-за недостатка угля, возвратился в Кронштадт.

Представление морского министра И. К. Григоровича в Совет министров, 4 марта 1914 г.[1]

В силу постановления Совета министров в заседании 18 января сего года о предоставлении морскому ведомству взять на себя, при участии министерства торговли и промышленности, организацию правительственной спасательной экспедиции для доставления Седова и его спутников в Архангельск, Главным гидрографическим управлением морского министерства были собраны сведения о судах как русских, так и иностранных, которые можно купить или зафрахтовать для указанной цели, а также о лицах, которые могли бы руководить экспедицией.

Затем, 21 февраля по моему распоряжению, было созвано совещание под председательством начальника Главного гидрографического управления из представителей флота, Морского генерального штаба, Главного морского штаба, Главного гидрографического управления, министерства внутренних дел, министерства торговли и промышленности и имп. Русского географического общества.

Члены совещания, обсудив всесторонне означенный вопрос, как относительно личного и судового состава, так и относительно организации береговых поисковых партий, постановили единогласно (за исключением представителей министерства торговли и промышленности) следующее:

1) Необходимо послать ледокол «Ермак» и с ним два промысловых паровых судна, из коих одно должно быть куплено и снаряжено для возможной зимовки на Земле Франца-Иосифа и для глубоких разведок там, а другое — зафрахтовано для осмотра западного берега Новой Земли от Панкратьевых островов к северу до мыса Желания.

2) Начальник экспедиции и весь личный состав — русский.

3) В случае, если Седов не будет найден на Новой Земле, искать его на Земле Франца-Иосифа, а потому экспедиция должна иметь все необходимое для снаряжения береговых поисковых партий на собаках, число которых должно быть не менее 50.

Настаивая на необходимости послать ледокол «Ермак», совещание имело в виду то обстоятельство, что именно «Ермак» — единственный русский ледокол, который обладает теми качествами, которые безусловно необходимы для выполнения указанной серьезной задачи снаряжаемой экспедиции, именно:

1. По своей крепости и по образованию подводной части своего корпуса «Ермак» представляет полную гарантию не быть раздавленным полярными льдами.

2. По количеству угля, которое он может принять в угольные ямы и в трюмы, «Ермак» способен свободно совершить плавание от Кронштадта до Земли Франца-Иосифа и обратно в Кронштадт, не возобновляя запасов топлива.

Всякий же другой ледокол, не обладающий таким большим радиусом действия, необходимо вызовет еще посылку вспомогательного транспорта с углем, а если этот транспорт будет затерт льдом, то экспедиция очутится в положении критическом.

На это обстоятельство совещанием было обращено особенное внимание. Единственный «Ермак», вполне снаряженный и снабженный, оставив последний порт, становится автономным и не нуждается в вспомогательном транспорте с углем.

3. По величине своих трюмов «Ермак», если даже половина трюмов будет отдана под уголь, может принять массу грузов экспедиции по

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8493, лл. 233—234.

части провизии, теплого платья, корма для собак, снаряжения санных партий и т. п., то-есть всего того, для чего на двух промысловых судах, которые пойдут с «Ермаком», не оказалось бы, быть может, места.

Перечисленные достоинства «Ермака» и были причиною того, что совещание высказалось не только за желательность, но и за необходимость послать именно «Ермак», так как он один может справиться с намеченной задачей с наименьшим риском и с наибольшею уверенностью в успехе. Риск в посылке «Ермака» для него самого очень невелик потому, что, имея при себе промысловые небольшие суда, «Ермак» может посылать их ближе к берегам, а сам держаться вдали от них на больших глубинах.

Кроме того, в видах уменьшения риска от повреждения льдом, начальнику экспедиции будет дана инструкция отнюдь не форсировать лед, не заходить глубоко во льды, а обходить их по кромке.

При соблюдении указанных мер предосторожности благополучное возвращение «Ермака» в срок к предстоящим зимним работам в Балтийское море можно считать почти обеспеченным.

Подойдя к островам Панкратьевым, «Ермак», если бы Седова там не оказалось, может, не теряя времени, направить одно из судов для осмотра западного берега Новой Земли к северу до мыса Желания, а с другим судном, снаряженным для возможной зимовки, итти немедленно к Земле Франца-Иосифа, подойдя к которой, снабдить это судно всем необходимым, выгрузить на него или на берег все запасы, топливо, собак и пр. и тотчас же направиться в обратный путь в Балтийское море.

Вполне соглашаясь с изложенным мнением совещания, письмом от 1 сего марта, за № 2132, я сообщил это мнение министру торговли и промышленности и просил заключения его высокопревосходительства по вопросу о назначении «Ермака» в состав спасательной экспедиции.

Письмом от 2 сего марта, за № 2248, копия с которого при сем прилагается, министр торговли и промышленности уведомил меня, что он находит необходимым организовать спасательную экспедицию без участия «Ермака», вследствие серьезного для него риска [1].

Представляя вышеизложенное на благоусмотрение Совета министров, считаю долгом доложить, что участие «Ермака», этого единственного нашего ледокола большого радиуса действия, я считаю необходимым для наибольшего обеспечения успеха этой спасательной экспедиции, снаряжаемой самим правительством.

Морской министр ген.-адъютант Григорович.

Начальник Главного гидрографического управления
ген.-лейт. Жданко.

Письмо председателя Совета министров И. Л. Горемыкина морскому министру И. К. Григоровичу, 19 марта 1914 г.[2]

М. г. Иван Константинович.

Рассмотрев в заседании 13 сего марта представления морского министерства от 4 и 13 того же марта, за №№ 2266 и 1314 (по Главному гид-

[1] Вместо письма министра торговли и промышленности от 2 марта 1914 г. помещается, как более полное, особое мнение представителей того же министерства, высказанное ими в совещании при Главн. гидрографическом управлении 21 февраля (см. стр. 46).

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8494, л. 62.

рографическому управлению), по поводу возникшего между названным министерством и министерством торговли и промышленности разногласия по вопросу о назначении ледокола «Ермак» в состав правительственной экспедиции для розысков ст. лейт. Седова и его спутников, Совет министров, за изъявленным вашим высокопревосходительством согласием не настаивать на ваших первоначальных по сему делу предположениях, присоединился к соображениям т. сов. Тимашева о необходимости отказаться от предположенного назначения упомянутого ледокола.

И. Горемыкин.

Донесение заведующего гидро-метеорологическою частью Главного гидрографического управления Л. Л. Брейтфуса из Христиании в Главное гидрографическое управление, 2 марта 1914 г.[1]

Во исполнение возложенного на меня Главным гидрографическим управлением поручения имею честь донести следующее.

Прибыв 17 февраля в Христианию, я занялся выяснением вопроса о наиболее целесообразном снаряжении экспедиций на поиски лейт. Седова и Брусилова и геолога Русанова, для чего немедленно вошел в сношение с проф. Нансеном, капитаном Свердрупом, членом снаряжающейся ныне экспедиции к Северному полюсу Роальдом Амундсеном, физиком Биркеландом, секретарем этой экспедиции Леоном Амундсеном, д-ром Иортом и другими[2], и пришел к заключению, что при снаряжении этих экспедиций необходимо исходить из того предположения, что, не имея надобности в зимовке в необитаемых полярных странах, тем не менее надо быть готовым к ней, и поэтому снаряжение следует рассчитывать на 16 месяцев.

Таким образом, задача экспедиции прежде всего должна заключаться в том, чтобы осмотреть в течение навигации 1914 г. те берега, около которых можно рассчитывать встретить наши бедствующие экспедиции. Одному из судов следует осмотреть западный берег Новой Земли, от Крестовой губы до мыса Желания, а затем берега южных островов архипелага Франца-Иосифа, а если позволят льды, то и берега Британского канала, не заходя однако на судне севернее места зимовки Нансена и Иогансена. Другому же судну — осмотреть восточный берег Новой Земли, остров Уединения, западную часть вновь открытой Земли имп. Николая II[3] и берега сибирского материка к западу от мыса Челюскина. При этом в северной части Новой Земли, на мысе Флора и у берегов восточных Карского моря надлежит устроить пять складов провизии, топлива, одежды и пр.

В дальнейшем выяснилось, что лучшим выполнителем задач наиболее тяжелой из этих экспедиций, именно Карской, мог бы явиться

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8497, л. 47.
На документе помета: «Морской министр разрешил купить оба судна «Герту» и «Эклипс» и пригласить Свердрупа начальником экспедиции на «Эклипс» для поисков Русанова и Брусилова. Подписал ген.-лейт. Жданко».

[2] Некоторые подробности о переговорах в Христиании Л. Л. Брейтфуса можно найти в двух его письмах от 24 февраля 1914 г. и в справке 26 февраля, находящихся в том же деле (лл. 24, 25, 28).

[3] Земля имп. Николая II — архипелаг «Северная Земля, открытый в 1913 г. экспедицией Б. А. Вилькицкого, во время второго плавания ледоколов «Таймыр» и «Вайгач».

кап. Свердруп [1], командир судна «Фрам» экспедиции Нансена и самостоятельный начальник экспедиции в Гренландские воды.

Я вошел с ним в сношение и получил его согласие принять на себя начальствование в этой экспедиции. Затем мною осмотрено в Сандефиорде судно «Герта», рекомендованное проф. Нансеном и д-ром Иортом, а также судно «Эклипс» [2], найденное и рекомендованное нашим генеральным консулом А. Ловягиным, и другие суда.

Осмотр судов произведен мною сначала совместно с правительственным техником Нильсеном, а затем кап. Свердрупом совместно со специалистом по деревянным судам г. Касперсеном. Оба осмотра привели к заключению, что суда «Герта» и «Эклипс», несмотря на свой возраст, вполне свежи и прочны и пригодны для службы в полярных условиях.

Кап. Свердруп высказался в том смысле, что суда эти хороши и их следует приобрести, так как они прослужат еще много лет, и такая страна как Россия всегда найдет для них применение. Стоимость этих судов, их фотографии, планы палубы, табели элементов, списки инвентаря, акты осмотра г. Нильсеном, и, наконец, ведомость ремонта, составленную Свердрупом, я уже имел честь представить управлению. Я имел также честь сообщить, что кап. Свердруп готов не только начальствовать экспедицией в Карское море и избрал для этого судно «Эклипс», как могущий взять наибольший запас угля и провизии, но и что он готов также заведывать, как снаряжением обоих судов в плавание, так и руководить их ремонтом. На основании только-что полученных мною от кап. Свердрупа данных, имею честь представить при сем составленную мною примерную смету стоимости снаряжения двух экспедиций — на пароходе «Герта» в Баренцово море для поисков Седова и на пароходе «Эклипс» для поисков Брусилова и Русанова.

Что касается начальника для экспедиции за Седовым, то я считаюсь с тем, что его ищут в Петербурге.

Возвращаясь к смете должен сообщить, что, по мнению кап. Свердрупа, смета эта в общем может быть несколько сокращена, а в случае окончания экспедиций в навигацию 1914 г., на что он сильно рассчитывает,— расход, кроме того, сократился бы еще на две трети. Устройство радиотелеграфа кап. Свердруп предлагает в виду того, что он может иметь, по его мнению, огромное значение для наших транспортов «Таймыр» и «Вайгач» [3], которые могли бы таким путем получать

---

[1] Отто Свердруп, спутник Нансена, совершивший вместе с ним в 1893—1896 гг. знаменитый дрейф на «Фраме» в качестве капитана последнего. Назначенный начальником экспедиции на «Эклипсе», Отто Свердруп в поисках Седова непосредственного участия не принимал, так как «Эклипс» был отправлен в Карское море на поиски Русанова. Согласно плану спасательная экспедиция Свердрупа должна была осмотреть побережье Сибири от устья р. Енисея до мыса Челюскина, а также остр. Уединения. Выйдя из Александровска на Мурмане в августе 1914 г., после зимовки у мыса Вильде, О. Свердруп выполнил задание, но не нашел никаких следов погибшей экспедиции Русанова, и в сентябре 1915 г. вернулся в Архангельск. См. отчет представителя морского ведомства на «Эклипсе» и врача судна И. Тржемесского в «Записках по гидрографии», т. 40, 1916 г., вып. 3 (экспедиция на «Эклипсе» для поисков экспедиции лейт. Брусилова и геолога Русанова).

[2] «Эклипс» — впоследствии пароход «Ломоносов» был приписан к Архангельскому порту; в 1931 г. ходил к Земле Франца-Иосифа.

[3] Ледокольные транспорты «Таймыр» и «Вайгач» имели задание пройти северо-восточным путем из Владивостока до Александровска на Мурмане. Во время навигаций 1912 и 1913 гг. оба транспорта из-за тяжелого состояния льдов вынуждены были, не дойдя до мыса Челюскина, вернуться во Владивосток. В 1915 г. «Таймыр» и «Вайгач», после зимовки в 1914—1915 г. во льдах к востоку от архипелага Норденшельда, прибыли в Архангельск.

сведения о состоянии льдов к западу от мыса Челюскина, а кроме того, радиотелеграф принес бы пользу и тем судам, которые пойдут в предстоящую навигацию из Европы в устье Енисея.

Кап. Свердруп, кроме того, рекомендует командировать в его экспедицию на «Эклипсе» русского геолога, в виду ожидаемых попутных географических открытий.

Донося о вышеизложенном и признавая настоящий план экспедиций вполне рациональным и целесообразным, считаю долгом обратить внимание управления на то обстоятельство, что я, по своему скромному убеждению, полагал бы всякое промедление в переговорах не в пользу дела; выработанный план может разрушиться, не говоря уже о том, что и кап. Свердруп может получить другое, для него не менее выгодное, предложение.

В заключение моего донесения не могу не отметить, что в здешнем генеральном консуле Ловягине я встречаю постоянное участие и содействие к облегчению исполнения возложенного на меня поручения.

Заведующий гидро-метеорологической частью Л. Брейтфус.

Письмо заведующего гидро-метеорологическою частью Главного гидрографического управления Л. Л. Брейтфуса из Христиании начальнику управления, 22 (9) марта 1914 г.[1]

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Михаил Ефимович.

Получив вашу депешу от (20) 7 сего месяца, № 2353, с разрешением снаряжать экспедицию в Карское море под начальством Свердрупа, а также, помимо «Герты», покупать и «Эклипс» и принять все условия Свердрупа, изложенные в моем донесении Главному гидрографическому управлению от (15) 2 сего месяца, я немедленно занялся составлением контракта со Свердрупом и переводом его на норвежский язык, а также назначил капитану Свердрупу свидание на утро (21) 8 марта в Христиании.

Должен признаться, что получив (16) 3 сего месяца вашу депешу с отклонением услуг кап. Свердрупа[2] и назначением послать в Карское море «Андромеду», я ни на один момент не допускал, чтобы такому решению комиссии суждено было осуществиться, а потому решил выждать до получения вами моего донесения от (15) 2 сего месяца и до поры до времени ничего не сообщать Свердрупу. Таким образом, действия с моей стороны вызывались еще и тем обстоятельством, что местное общество и пресса серьезно заинтересовались моими переговорами с Свердрупом, а потому преждевременный отказ от услуг Свердрупа, т. е. отказ в связи с изменением самого плана экспедиции, мог вызвать здесь весьма нежелательную для нашего дела критику. Ни я, ни Свердруп не имели покоя от корреспондентов и других интересующихся этим вопросом лиц. У меня даже было намерение ехать для объяснений в Петербург. Хочу надеяться, что к счастью для спасаемых ваша депеша № 2353 даст делу снова нормальный ход.

Вчера я имел продолжительную беседу с Свердрупом, познакомил его с формою контракта, который завтра нами должен быть подписан у

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8497, л. 56.

[2] Жданко 16(3) марта 1914 г. телеграфировал Брейтфусу, что принужден отказаться от предложения Свердрупа, так как комиссия при морском министерстве решила послать в экспедицию только русских, с чем согласился и морской министр. Однако, после получения донесения Брейтфуса это распоряжение было отменено.

нотариуса, и поэтому я считаю возложенную на меня миссию на правильном пути.

Что касается покупки судов, то «Герту» мне удалось уторговать до 50 тыс. крон. Купчая капитаном будет заключена на предстоящей неделе. Таким образом все расходы, сопряженные с покупкой этого судна а также ремонт (до 8 тыс. крон) и моя поездка сюда входят в первоначальную стоимость судна (60 тыс. крон). Задерживаются формальности за отсутствием владельца, который в Англии. Владелец «Эклипса» тоже отсутствует и вернется сюда лишь завтра. За «Эклипса» я предлагаю максимум 100 тыс. крон (первоначально хотели 150 тыс. крон). Я лично не дал бы за «Эклипса» более 80 тыс. крон, но сейчас время для продажи таких судов довольно бойкое. До сих пор меня запугивали Шеклтоном, а сейчас, когда англичане уже купили новое судно «Поларис», построенное здесь Нансеном, Шеклтоном и К-о, меня продолжают пугать австрийцами, которые на-днях ожидаются сюда для снаряжения экспедиции к Южному полюсу. Подходящих для нашей задачи судов действительно мало, и долго торговаться, правда, рискованно. Но с другой стороны обидно платить бешеные деньги за суда, которые для норвежцев не имеют никакой ценности, так как эти суда построены для продажи [1] за дельфинами, которых сейчас почти нет.

Вчера ко мне явился некий Ярвсон, русский, запасной машинный квартирмейстер, служивший у меня в 1908 г. на «Андрее Первозванном», а позже на «св. Фоке». Сколько я знал, Ярвсон должен был сейчас находиться с Брусиловым в качестве механика на «св. Анне». Оказывается, что Ярвсона не отпустила его жена норвеженка, имеющая в Тронгейме небольшой отель. Ярвсон желает поступить механиком на одно из наших покупаемых судов. Он знает русский и норвежский языки; ему 37 лет и человек он крепкого здоровья. От Ярвсона я старался узнать о численности участников экспедиции Брусилова, но он мне этих указаний дать не мог, так как он оставил Брусилова в Тронгейме. Ярвсон отзывается о Брусилове как о хорошем моряке, но человеке легкомысленном, и прибавляет, что судно «св. Анна» очень прочное, что запасов у него хватит на 2 года, но команда скверная и состав ее международный. Для выяснения численности состава этой экспедиции я уже обратился с телеграфным запросом к администрации гор. Александровска на Мурмане, где была последняя остановка «св. Анны» (не считая Югорский Шар, где, как мне известно, никто с судна не списывался).

В заключение имею честь сообщить, что имел несколько бесед с начальником норвежской экспедиции к Северному полюсу Роальдом Амундсеном и последний просил меня передать вашему превосходительству о необходимости получить для его экспедиции комплект карт берегов Сибири вместе с указанием местоположения вновь открытых земель. Об этом я уже имел честь телеграфировать в управление. Адрес Амундсена: Христиания, Роальду Амундсену.

Л. Брейтфус.

Заявление владельца судна «Андромеда» капитана II разр. Е. В. Могучего начальнику Главного гидрографического управления М. Е. Жданко, 15 марта 1914 г. [2]

Ваше превосходительство.

Настоящим имею честь заявить вам, ваше превосходительство, что я согласен предоставить в ваше распоряжение мне лично принадлежащий

[1] Так в подлиннике.
[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8494, л. 10.

пароход «Андромеда», для поисков лейт. Седова, с 1 июня с. г. на четыре месяца, т. е. в течение июня, июля, августа и сентября месяца с. г. за плату в руб. 9 000 (девять тысяч рублей) ежемесячно.

В случае (если) пароход «Андромеда» к этому времени не вернется обратно, то я согласен взять за последующие месяца по руб. 5 000 (пять тысяч рублей) в месяц, считая по этой норме и за возможную зимовку парохода «Андромеда» во льдах около Новой Земли.

В случае гибели парохода «Андромеда» при этих поисках, прошу в обеспечение стоимости сего парохода внести на мое имя 57 тыс. руб. или же на эту сумму выдать мне обязательство. При заключении сего контракта следует мне получить для расходов по снаряжению парохода, как и 11 человек команды, включая капитана, авансом не менее 15 000 (пятнадцать тысяч) руб. Если пароход не вернется к 1 ноября 1915 г., то следует (якобы считая пароход «Андромеда» погибшим) со мною учинить полный расчет.

Пароход «Андромеда» обязуюсь поставить в ваше распоряжение с 1 июня с. г., но лишь по благополучному возвращению его из льдов в конце апреля или в первых числах мая месяца с. г., так как он ныне на промысле тюленей в горле Бѣлого моря.

При приходе парохода «Андромеда» с лейт. Седовым обратно, ранее вышеусловленных четырех месяцев, это условие считать выполненным и следует мне получить полную плату за четыре месяца. Выполнение сей экспедиции считать также выполненной и в том случае, если пароход «Андромеда» вернется без лейт. Седова, но с точными, верными сведениями о нем. В случае же лейт. Седов, в ожидании мурманского парохода, сидит где-либо в колонии самоедов, куда пароход «Андромеда», по какой-либо случайности не может попасть, и лейт. Седов до прихода туда моего парохода выедет на каких-либо других судах, то по приходе парохода «Андромеда» обратно в Архангельск считать экспедицию мною выполненной и уплатить мне следуемые деньги. Если пароходу «Андромеда» придется притти обратно в ноябре или декабре месяце, когда уже Архангельск закрыт льдом, то лейт. Седова следует привести в одно из становищ Мурманского берега.

Причитающиеся мне деньги следует мне уплатить ежемесячно, принимая в расчет выданный мне аванс при заключении сего контракта в 15 тыс. руб.

Судовладелец капитан II разр. Епимах Васильев Могучий.

Представление морского министра И. К. Григоровича в Государственную думу, 16 марта 1914 г.[1]

17 мая 1912 г. в совете министров было рассмотрено законодательное предположение 51 члена Государственной думы об отпуске из Государственного казначейства средств на организацию экспедиции к Северному полюсу под начальством ст. лейт. Седова.

Совет министров нашел план экспедиции недостаточно обоснованным и продуманным, вследствие чего и высказался за отклонение указанного предположения.

Организованный затем по частному почину «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу» взял на себя как изыскание средств, так и всю подготовку экспедиции ст. лейт. Седова, и 14 августа того же 1912 г. экспедиция эта, снабженная провизией на два года, вышла из Архангельска на промысловом судне «св. Фока».

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8494, лл. 17—23.

В сентябре 1913 г. Комитетом было получено известие, что экспедиция зимовала на Новой Земле у Панкратьевых островов и что ст. лейт. Седов намерен итти на Землю Франца-Иосифа и, имея весьма небольшой запас угля, просит прислать судно с углем.

12 января 1914 г. Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу обратился к председателю Совета министров с ходатайством об отпуске средств из казны на расходы по снаряжению экспедиции для спасения Седова и его спутников, так как запасов провизии у Седова остается лишь до осени сего года и продолжать экспедицию к полюсу после двух тяжелых зимовок представляется едва ли возможным.

Совет министров в заседании 18 января сего года, рассмотрев это ходатайство, постановил предоставить морскому ведомству взять на себя, при участии министерства торговли и промышленности, организацию казенной спасательной экспедиции для доставления Седова и его спутников в Архангельск.

Кроме экспедиции Седова, в 1912 г. отправились в полярные страны еще две частные экспедиции: В. А. Русанова и лейт. Брусилова.

Экспедиция Русанова на парусно-моторном судне «Геркулес» отправилась в июне 1912 г. на Шпицберген для обследования в угольно-промышленном отношении западных берегов Шпицбергенского архипелага.

Последнее известие об этой экспедиции от средины августа 1912 г. гласит, что Русанов, выполнив свою задачу на Шпицбергене, предпринял плавание в Карское море кругом северной оконечности Новой Земли.

Что касается, наконец, экспедиции лейт. Брусилова, то эта экспедиция, на промысловой паровой шхуне «св. Анна», была организована осенью 1912 г. на частные средства с промышленной целью. Последнее известие об экспедиции получено из Югорского Шара о выходе шхуны «св. Анны» в Карское море в сентябре 1912 г.

Так как обе последние экспедиции, Русанова и Брусилова, были снабжены провизией только на полтора года, то положение их является более, чем критическим, и министерство внутренних дел по ходатайству имп. Русского географического общества, вошло в Совет министров с представлением о необходимости снаряжения особой экспедиции для розысков Русанова и Брусилова.

Совет министров, рассмотрев это представление в заседании 20 февраля сего года, постановил поручить морскому ведомству послать для поисков Русанова и Брусилова промысловое судно осмотреть берега Карского моря и острова Уединения.

В силу двух вышеприведенных постановлений Совета министров, морским министерством, по Главному гидрографическому управлению, были собраны сведения о судах как русских, так и иностранных, которые можно купить или зафрахтовать для плаванья в полярных водах, а также о лицах, которым можно было бы поручить снаряжение и руководство экспедициями для розысков Седова, Русанова и Брусилова.

Кроме того, для выяснения плана и деталей снаряжения экспедиции для поисков Седова, состоялось особое совещание, под председательством начальника Главного гидрографического управления, из представителей флота, Морского генерального штаба, Главного морского штаба, Главного гидрографического управления, министерства внутренних дел, министерства торговли и промышленности, Русского географического общества и сведующих в полярных экспедициях лиц.

Что касается подходящих судов для экспедиции и лиц, которым можно было бы вверить командование этими судами, то по всем собранным сведениям выяснилось, что все немногие русские промысловые

суда, пригодные для плавания во льдах, слишком малы по водоизмещению, чтобы принять на себя все необходимые грузы на случай зимовки экспедиции, и из них только паровая шхуна «Андромеда» и моторная шхуна «Татьяна» пригодны для экспедиции, лишь как подсобные суда, почему и пришлось искать более пригодные суда заграницей.

Из большого числа предложенных судов морское ведомство остановилось на двух деревянных промысловых паровых судах достаточной грузоподъемности — «Герта» и «Эклипс», приспособленных специально для плавания во льдах.

Суда эти были осмотрены командированным от морского ведомства лицом вместе с норвежским правительственным техником, известным полярным мореплавателем Свердрупом и специалистом по деревянным судам, и всеми этими лицами признаны вполне подходящими для целей экспедиции. «Герту» же, кроме того, особенно рекомендовал и проф. Нансен.

Выбор русских капитанов для судов экспедиции представил большие затруднения, ибо лиц, достаточно опытных в плаваниях во льдах, весьма мало.

Наилучшею репутациею из них пользуются капитаны Поспелов и Ануфриев, которые и приглашены на службу в экспедиции, один капитаном «Андромеды», а другой — капитаном «Герты».

На основании всех этих данных и согласно с мнением вышеупомянутого особого совещания намечен следующий план экспедиции для розысков Седова:

Организовать под начальством кап. I ранга Ислямова экспедицию из трех судов: промыслового парового судна «Герта» (купленного в Норвегии), промыслового парового судна «Андромеда» и моторного промыслового судна «Татьяна» (зафрахтованных в Архангельске).

Все эти три судна идут к Панкратьевым островам и, если Седова там не окажется, то начальник экспедиции на «Герте», приняв с «Татьяны» запасы провизии и угля, а также 50 собак (купленных для экспедиции в Западной Сибири), направляется к Земле Франца-Иосифа, «Андромеда» идет для осмотра северо-западного берега Новой Земли от Панкратьевых островов до мыса Желания, а «Татьяна», сдав грузы на «Герту», возвращается в Архангельск

«Герта», если Седов не будет сразу найден на Земле Франца-Иосифа, остается там на зимовку и санными партиями, а также помощью гидроаэроплана, ищет Седова.

Если Седов не будет найден, то начальник экспедиции, устроив на Земле Франца-Иосифа склад провизии и теплой одежды, возвращается на «Герте» к осени 1915 года в Архангельск.

Личный состав экспедиции следующий: начальник экспедиции, помощник его, авиатор и врач; на «Герте» капитан, два помощника и 13 человек команды; на «Андромеде» капитан, два помощника и 9 человек команды; на «Татьяне» капитан, два помощника и 11 человек команды. Весь этот личный состав русский.

Все суда снабжаются всеми необходимыми припасами на 16 месяцев.

Что касается экспедиции для розысков Брусилова и Русанова, то, во исполнение постановления Совета министров, морское ведомство пыталось найти русское судно с русским капитаном, которому можно было бы поручить обход берегов Карского моря и острова Уединения, но, не найдя ни одного, достаточно опытного и авторитетного капитана для выполнения этой весьма ответственной и трудной задачи, вынуждено было согласиться на предложение известного полярного мореплавателя, норвежского капитана Свердрупа, взять на себя организацию этого дела и руководство им.

За невозможностью найти русское промысловое судно достаточной грузоподъемности, приспособленное для плавания во льдах, пришлось для этой второй экспедиции купить в Норвегии деревянное паровое промысловое судно «Эклипс» грузоподъемностью в 440 регистровых тонн.

Снабжение этой экспедиции, на случай вынужденной зимовки в Карском море, рассчитано также на 16 месяцев.

Стоимость обеих экспедиций, согласно прилагаемой приближенной смете, выражается суммою в 575 тыс. р., причем, сверх сего, должна быть гарантирована казною стоимость двух зафрахтованных судов: «Андромеды» в сумме 57 тыс. р. и «Татьяны» в сумме 50 тыс. руб.

Представляя об изложенном Государственной думе, испрашиваю разрешение:

1. Отпустить из Государственного казначейства в 1914 г. сверхсметный кредит в размере 575 тыс. рублей на расходы по организации экспедиции для розыска экспедиций ст. лейт. Седова, лейт. Брусилова и В. А. Русанова.

2. Уплатить владельцам судов «Андромеды» и «Татьяна», в случае гибели этих судов во время экспедиции, стоимости их, в размере 107 тысяч рублей.

3. Отнести означенные в отделах 1 и 2 расходы на счет свободной наличности Государственного казначейства.[1]

Морской министр ген.-ад. Григорович.

Доклад начальника Главного гидрографического управления М. Е. Жданко морскому министру И. К. Григоровичу, 19 марта 1914 г.[2]

При поисках экспедиций ст. лейт. Седова, лейт. Брусилова и Русанова весьма полезно было бы иметь возможность послать с судна летчика на гидроаэроплане для рекогносцировки берега или состояния льда в районе, окружающем судно.

При благоприятных условиях атмосферы такая воздушная рекогносцировка может заменить весьма затруднительную и требующую большого времени санную экспедицию для осмотра берега, позволить судну выбрать наилучший путь во льдах и уменьшить для него вероятность быть затертым льдами.

---

[1] 28 марта 1914 г. представление морского министра по постановлению Госуд. думы было передано в думскую комиссию по военным и морским делам, которая рассмотрела его в своем заседании 23 апреля т. г. в присутствии начальника Главного гидрографического управления М. Е. Жданко. Комиссия «не встретила препятствий к организации казенных спасательных экспедиций» и, признавая крайне трудными задачи, поставленные перед ними, «высказала желание о необходимости привлечения к выполнению этой задачи частных лиц, путем установления премий, выдаваемых лицам, которые доставят означенных полярных исследователей, либо сообщат о них сведения».

3 июня 1914 г. Гос. думой был принят следующий законопроект, который 18 июня получил утверждение Николая II:

«1) Отпустить из средств Государственного казначейства в 1914 г. 480 тыс. рублей на поиски экспедиций ст. лейт. Седова, лейт. Брусилова и Русанова.

2) В случае гибели во время означенных в отделе I поисков зафрахтованного для сего частного судна возместить владельцу этого судна стоимость его в сумме 57 тысяч рублей.

3) Отнести означенный в отделе I расход на счет ожидаемых сбережений от назначений по государственной росписи расходов на 1914 г.» (ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8494, лл. 94, 186, 190—192, 216). Поправка чл. Гос. думы Вострогина, предлагавшего сократить премиальную сумму, отклонена. Кроме того, были исключены расходы по зафрахтованию судна «Татьяна», т. к. выяснилось, что оно не годится для плавания в северных водах.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г. д. № 8497, л. 78.

На основании вышеизложенного Главное гидрографическое управление испрашивает разрешение вашего высокопревосходительства снабдить суда «Герта» и «Эклипс», предназначенные для экспедиции по розыску ст. лейт. Седова и по розыску лейт. Брусилова и Русанова, гидроаэропланами и назначить на каждое судно по одному летчику из офицеров специалистов авиаторов[1].

Ген.-лейт. Жданко.

Доклад начальника Главного гидрографического управления ген.-лейт. М. Е. Жданко морскому министру И. К. Григоровичу, 28 марта 1914 г.[2]

Во исполнение словесных приказаний вашего высокопревосходительства по делу о снаряжении экспедиции для поисков ст. лейт. Седова, а также отдельной экспедиции для поисков лейт. Брусилова и В. А. Русанова мною исполнено следующее:

1. Собраны сведения о русских промысловых судах, пригодных для плавания в полярных водах, и зафрахтовано единственное подходящее русское судно «Андромеда».

2. Командирован в Христианию ст. сов. Брейтфус для подыскания подходящих судов в Норвегии, и куплены там два промысловых судна «Герта» и «Эклипс».

3. Законтрактован норвежец кап. Свердруп для начальствования экспедицией, отправляющейся в Карское море для поисков Русанова и Брусилова, и

4. Закуплены при посредстве тобольского губернатора 50 ездовых собак.

Докладывая об изложенном на утверждение вашего высокопревосходительства, испрашиваю вместе с этим разрешение на дальнейшее спешное выполнение нижеследующего:

1. Зафрахтовать промысловое судно «Татьяна» или, если оно окажется не вполне подходящим, то какое-либо другое.

2. Заказать два гидроаэроплана.

3. Заказать автомобиль — сани.

4. Заказать для экспедиции, отправляющейся на розыски ст. лейт. Седова, провизию и теплое платье.

5. Командировать вторично в Христианию ст. сов. Брейтфуса для окончательных расчетов с владельцами купленных судов.

6. Устроить радио-станции на «Герте», «Эклипсе» и «Андромеде» и

7. Приступить к найму личного состава для судна «Герта».

Ген.-лейт. Жданко.

---

[1] На документе помета: «Гидроаэропланы приобрести, когда будут отпущены деньги. На назначение летчика согласен. И. Григорович».

Вместо двух гидроаэропланов был куплен в Париже в 1914 г. один гидроплан Фармана, доставленный в июле 1914 г. в Александровск на Мурмане. Первым арктическим летчиком был поручик Нагурский, совершивший в сентябре — октябре 1914 г. на указанном гидроплане несколько полетов у западных берегов Новой Земли. Донесения Нагурского в Главное гидрографическое управление см. в деле № 8496 (лл. 174, 178—181); см. также статью М. Жданко: «Первый гидроаэроплан в Северном Ледовитом океане», «Записки по гидрографии», т. 38, 1917 г. вып. 5.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д., № 8494, л. 93.— На документе резолюция морского министра: «Обождать решение Государственной думы. И. Г.».

Письмо заведующего гидро-метеорологическою частью Главного гидрографического управления Л. Л. Брейтфуса из Христиании кап. И. И. Ислямову, начальнику экспедиции для поисков Седова и его спутников, 25 апреля 1914 г.[1]

Многоуважаемый Исхак Ибрагимович,

Прошу извинить, что только сегодня отвечаю на ваши два письма и депешу, а также, что и сегодня не могу сколько-нибудь обстоятельно ответить на ваши вопросы.

Радиотелеграф для обоих судов уже заказан, но относительно некоторых деталей устройства приемника до настоящего времени идут переговоры со специалистом из Берлина, находящимся сейчас здесь. Радиус действия во всяком случае будет днем не менее 600 километров. Энергия для станции будет получаться от особого мотора, который будет использован также и для электрического освещения всего судна.

Для «Андромеды» специалисты обещают устроить станцию с радиусом в 400 км (расстояние между мачтами только 40 фут.).

Что касается провианта, то список и цены я смогу вам выслать не раньше, чем завтра. Провианты заготовлены Р. Амундсеном для его полярной экспедиции, отложенной за неимением материальных средств на 1—2 года, и исследованы известным физиологом проф. Гочар'ом. Значительную часть этого провианта забирает Свердруп.

Пианино, конечно, желательно во всякой экспедиции, и я полагаю, что к приобретению его не встретится серьезных препятствий.

Ремонт и снаряжение обоих судов идет правильным темпом. Между фор-мачтою и трюмным люком строятся рубки, в которых поместятся добавочные офицерские каюты и радиостанция. На «Герте» вы получаете в кормовом помещении салон и каюту с отдельным ходом на корму, как на «Бакане». Командное помещение также расширяется, и глухие, в виде гнезд, двойные койки переделываются на ординарные и доступные для воздуха. Рангоут также приводится в порядок (пока главным образом стоячий такелаж). Моторы для судовых баркасов готовы. Заказано теплое платье и шерстяное белье, а также сапоги, палатки, сани, лыжи. Вместо готовых спальных мешков решено захватить оленьи шкуры и кожу и шить мешки в пути.

Не рискуя оставлять машину без внимания до вашего приезда, я пригласил на месяц машинного квартирмейстера I ст. Ярвсона (аттестат за № 159 от 12 апр. 1901 г.), который и перебирает машину и чистит котел. Он готов поступить к нам и для дальнейшей службы.

Не знаю, как у вас, но здесь находить людей очень трудно, и Свердруп до сих пор не может собрать необходимую для «Эклипса» команду. Нужного вам матроса, бывавшего на мысе Флора, до сих пор найти не удалось. Есть islods (лоцман для льдов), бывавший на Франца-Иосифа Земле, но он пьяница и может ходить лишь на таких судах, где нет спирта. Может быть, его и придется взять.

Вы интересовались вопросом о динамите. Свердруп динамит не берет, а берет — шестигранные шашки в 3 дюйма диаметра, начиненные, надо полагать, пироксилином. Взрываются они электрическим током.

В общем могу сказать, что здесь дело снаряжения двигается сопя и с норвежской тупостью и неповоротливостью, но все-таки довольно успешно, и суда будут готовы к выходу в море в конце июня нового стиля. Другой вопрос, что делается у вас, т. е. нашли ли вы команду, закупите ли во время русский провиант и будет ли все из России к сроку

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8494, лл. 237—240.

(напр., к 14 (1) июля) доставлено в Александровск. В том числе и собаки и уголь. Не легкая задача для вас.

Ведь вопрос относительно «Андромеды» также не решен, а между тем время все идет и идет. Собственно, ваша экспедиция должна быть готова раньше экспедиции Свердрупа, так как навигация около западных берегов Новой Земли открывается иногда уже в мае — начале июня. Премия в 75 тыс., р., назначенная Государственною думою за отыскание Седова, возымела в Норвегии сильное действие и, наверное, многие бросятся к берегам Новой Земли.

Вот все, что сейчас могу сообщить вам, многоуважаемый Исхак Ибрагимович.

Искренно уважающий вас

Л. Брейтфус.

P. S. Прошу вас не забыть о навигационном вооружении не только «Герты», но и «Эклипса» (особенно карты, хронометры, секстаны и т. п.).

Телеграмма начальника Главного гидрографического управления ген.-лейт. М. Е. Жданко, владельцу судна «Андромеда», Е. В. Могучему, 11 мая 1914 г.[1]

Смета сильно сокращена[2]. Можно зафрахтовать «Андромеду» только на четыре месяца для скорейшей посылки прямо с Мурмана на Панкратьевы острова за Седовым на следующих условиях: фрахт за четыре месяца 36 тысяч рублей без гарантии стоимости судна. Расходы по страхованию судна правительство берет на себя. Капитану Поспелову[3], если доставит Седова, награда три тысячи рублей. На «Андромеде» будет послан представитель морского ведомства, который привезет вам контракт. По подписании контракта будет переведен фрахт за первый месяц; за остальные помесячно вперед. Если согласны, то телеграфируйте, когда «Андромеда» может отправиться и куда прислать представителя.

Жданко.

Предписание кап. И. И. Ислямова штурману дальнего плавания И. А. Абрашитову, 19 мая 1914 г.[4]

1. С получением сего предписания вы имеете отправиться через Архангельск на Мурман в становище Щельпино на пароход «Андромеда», зафрахтованный для поисков ст. лейт. Седова и его спутников.

2. По вашем приезде в Щельпино «Андромеда» должна выйти к Панкратьевым островам и по возможности немедленно.

3. Если у Панкратьевых островов лейт. Седов и его спутники будут вами найдены, то вы имеете предъявить ст. лейт. Седову полученный от меня пакет и перевозите ст. лейт. Седова и его спутников в Архан-

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8494, лл. 292—293.

[2] После одобрения законопроекта об организации спасательной экспедиции комиссией Государственной думы по военным и морским делам (23 апреля 1914 г.) и бюджетной комиссией (10 мая), дальнейшее благоприятное прохождение законопроекта, очевидно, считалось, обеспеченным. Поэтому Главное гидрографическое управление, несмотря на то, что законопроект был окончательно утвержден 18 июня, сочло возможным предпринять некоторые меры к организации спасательной экспедиции к Новой Земле, чтобы не упустить удобного для плавания времени.

[3] Капитаны-поморы Поспелов и Ануфриев пользовались наилучшей репутацией знатоков полярного плавания. Первый из них был приглашен капитаном на «Андромеду», второй — на «Герту».

[4] ЦГВМА, ф. 1914 г., № 8494, лл. 31—33.

гельск или в ближайшее становище на Новой Земле, в зависимости от состояния спасаемых, от положения льдов и других обстоятельств, и немедленно извещаете начальника Главного гидрографического управления и меня телеграммой с ближайшего телеграфного пункта.

4. Если же ст. лейт. Седова и его спутников на Панкратьевых островах нет, то вы, оставив здесь соответствующую записку в незапечатанном конверте, спускаетесь к югу вдоль западного берега Новой Земли, заходя в нижеследующие пункты: Крестовая губа, Маточкин Шар, Малые Кармакулы, Белужья губа, Черная губа, Петуховские о-ва и собирая сведения о ст. лейт. Седове, а также и об экспедициях лейт. Брусилова и В. А. Русанова и оставляя также для меня соответствующие записки. Найденные вами на Панкратьевых островах документы вы забираете с собою и сдаете их в Крестовой губе надежному лицу под расписку. О содержании взятых вами документов вы помечаете в оставляемой вами для меня записке.

5. Я полагаю выйти на «Герте» 1 июля ст. ст. из Александровска к Крестовой губе, куда и вы имеете прибыть, обойдя все или некоторые, сколько успеете, из упомянутых населенных пунктов и имея в виду, что я около 5 июля ст. ст. рассчитываю быть у Крестовой губы.

6. Если же льды не позволят вам подойти к Панкратьевым островам, то вы держитесь у кромки льда или, в зависимости от обстоятельств, спускаетесь к ближайшему населенному пункту Новой Земли, откуда и делаете повторные попытки пробиться к Панкратьевым островам.

7. На случай, если экспедиция Седова будет нами найдена и окажется, что члены этой экспедиции нуждаются в медицинской помощи, вы имеете получить от врача экспедиции необходимые медикаменты, а также взять с собой запас свежей провизии на 17 человек на один месяц. Вас будет сопровождать на «Андромеде» фельдшер.

8. На заготовление провизии, путевое довольствие и предстоящие расходы вы имеете получить аванс под отчет — тысячу рублей.

9. Все время нахождения на «Андромеде» вы имеете вести в двух экземплярах дневник, в который вы должны вносить главнейшие эпизоды вашего плавания. В распоряжение и управление пароходов вы не вмешиваетесь, так как вы посылаетесь от морского ведомства лишь для наблюдения за исполнением пароходом «Андромеда» данного ему поручения.

10. Во всех случаях, не предусмотренных настоящей инструкцией, вы поступаете согласно вашему усмотрению, имея в виду главнейшую цель экспедиции, т. е. поиски ст. лейт. Седова и его спутников.

Настоящее предписание вы имеете представить владельцу парохода «Андромеда» капитану II раз. Е. В. Могучему [1] и капитану названного парохода Г. И. Поспелову.

Капитан I ранга Ислямов.

Телеграмма владельца судна «Андромеда» Е. В. Могучего начальнику Главного гидрографического управления ген.-лейт. М. Е. Жданко, 5 июня 1914 г. [2]

Честь имею сообщить вашему превосходительству, что сегодня «Андромеда» вышла на Новую Землю для поисков Седова. Благодарим вас на добрых пожеланиях.

Могучий.

---

[1] Аналогичная инструкция была дана кап. Ислямовым владельцу парохода «Андромеда», кап. Е. В. Могучему (т а м ж е, л. 35).

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8495, л. 159 — О плавании «Андромеды» к берегам Новой Земли в 1914 г. см. статью Л. Брейтфуса, Северные полярные экспедиции 1912 г. и их поиски, «Записки по гидрографии», т. 39, 1915 г., вып. 2

Инструкция начальника Главнего гидрографического управления ген.-лейт. М. Е. Жданко начальнику экспедиции для поисков Седова кап. I р. И. П. Ислямову 9 июня 1914 г.[1]

1. В состав вверенной вам экспедиции назначаются: пароход «Герта» и вспомогательные суда «Андромеда» и «Печора».

2. Вам поручается принять все зависящие от вас меры для нахождения экспедиции ст. лейт. Седова и его спутников и доставления их в Архангельск. Ст. лейт. Седов, согласно сведениям от 2 августа 1913 г., провел зиму с 1912 на 1913 год у Панкратьевых островов на Новой Земле и намеревался осенью 1913 г. итти на Землю Франца-Иосифа.

С целью облегчить вам разведки, пароход «Андромеда» вышел уже 5 сего июня из становища Щельпино на Мурмане к Панкратьевым островам.

3. Никаких научных задач экспедиция на преследует.

4. В конце июня сего года пароходы «Герта» и «Печора» должны притти в Александровск на Мурмане, откуда вы на «Герте» в первых числах июля имеете выйти к Панкратьевым островам.

Что же касается парохода «Печора», на котором находится груз как для вверенной вам экспедиции, так и для экспедиции кап. Свердрупа, то вы посылаете этот пароход к избранному по соглашению с кап. Свердрупом пункту на западном берегу Новой Земли и там, по принятии кап. Свердрупом с этого парохода груза, даете дальнейшие указания, куда итти пароходу «Печора».

Если экспедиция ст. лейт. Седова будет вами найдена, то вы отправляете ее и судно этой экспедиции «св. Фоку», совместно с пароходом «Андромеда», в Архангельск.

5. Если состояние парохода «св. Фока» таково, что является сомнение в том, чтобы он мог достичь Архангельска, то вы весь состав экспедиции ст. лейт. Седова пересаживаете на пароход «Андромеда» или «Печора», или, наконец, на срочный почтовый пароход для следования в Архангельск.

6. По отправлении ст. лейт. Седова со спутниками в Архангельск вы идете в Карское море, и, принимая все предосторожности, чтобы не быть затертым льдами, осматриваете это море в целях розыска экспедиций лейт. Брусилова и В. А. Русанова.

7. Если лед не позволит вам подойти к Панкратьевым островам, то вы или держитесь у кромки льда или спускаетесь южнее в ближайшую бухту на западном берегу Новой Земли и производите воздушные разведки, причем стараетесь войти в сношение с жителями самого северного населенного пункта Новой Земли, пользуясь для этого и пароходом «Андромеда».

8. Если эти разведки не дадут результата, то выжидайте более благоприятных условий для плавания, стараясь все время достичь Панкратьевых островов.

9. Если вам удастся достичь места зимовки парохода «св. Фока» и из документов, там оставленных, вы узнаете, что ст. лейт. Седов ушел на Землю Франца-Иосифа, то, взвесив на месте все обстоятельства, или производите разведку вдоль берега Новой Земли помощью аэроплана или идете к Земле Франца-Иосифа, к мысу «Флора», взяв предварительно весь ваш груз с «Печоры», а затем, если возможно, идете проливами к Теплиц-бай. Делать ли разведки у мыса «Флора» или прямо следовать к Теплиц-бай, предоставляется вам решить на месте.

10. Если экспедиция ст. лейт. Седова будет найдена на Земле Франца-Иосифа в текущем году, то вы должны приложить все усилия, чтобы этой же осенью вернуться на Мурман или в Архангельск.

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8495, лл. 172—173.

11. Если в текущем году будет установлено с очевидностью, что экспедиция ст. лейт. Седова погибла, то вы немедленно возвращаетесь в Архангельск.

12. Если на Земле Франца-Иосифа сразу не найдете ст. лейт. Седова и его спутников, то остаетесь на зимовку в этом архипелаге с пароходом «Герта».

13. Главнейшая ваша задача после того, как вы устроитесь на зимовку, будет разведка на Земле Франца-Иосифа с целью отыскать ст. лейт. Седова и его спутников.

14. Если поиски ст. лейт. Седова на Земле Франца-Иосифа будут безуспешны, то летом 1915 г. устроив на этом архипелаге склады провизии и теплого платья, вы должны при первой возможности вернуться в Архангельск или на Мурман.

15. Если к Земле Франца-Иосифа, которая не каждый год бывает доступна для судов, вас не допустят льды, то вы держитесь у их кромки на меридиане мыса «Флора» до последней возможности и затем возвращаетесь в Александровск на Мурмане.

16. Помощью радиотелеграфа вы возможно часто должны доносить в Главное гидрографическое управление о ходе дел в экспедиции.

Начальник Главного гидрографического управления
ген.-лейт. Жданко.

Телеграмма представителя морского ведомства на судне «Андромеда» штурмана Абрашитова начальнику Главного гидрографического управления, 26 июля 1914 г.[1]

На полуострове Панкратьева найдена записка Седова, извещающая, что экспедиция покинула зимовку 22 августа 1913 г., пошла к мысу Флора и, что на Северном Панкратьевском острове на вершине знака устроен склад провизии, где оставлены и карты. Был у знака. Устроено помещение для склада, но карт и провизии не нашел. Видимо, Седов их не оставлял[2]. На знаке Северного Панкратьева острова оставили копию записки Седова и на Панкратьевом полуострове свой дневник с копией записки Седова. Жду дальнейших распоряжений.

Абрашитов.

Телеграмма и. о. начальника экспедиции Седова П. Г. Кушакова Николаю II, 17 августа 1914 г.[3]

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что экспедиция ст. лейт. Седова сего числа прибыла на судне «св. муч. Фока» в становище Рынду на Мурмане. 15 августа 1912 г. экспедиция ушла на Землю Франца-Иосифа, 1 сентября у острова Северного Крестового экспедиция поворотила на север на мыс Флора, но встретила

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8492, л. 22.

[2] Знак на Северном Панкратьевом острове (неподалеку от места зимовки Седова 1912—1913 г.) был устроен заранее П. Г. Кушаковым, но «Фока» не мог подойти к острову, так как последний был окружен льдами. Поэтому и провизия и копии карт северных частей Новой Земли, снятых весною 1913 г., были оставлены в норвежском домике на южной оконечности Большого Заячьего острова (группа Горбовых островов).

[3] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, лл. 33—36.

непроходимые льды и возвратилась обратно, решив перезимовать у Панкратьевых островов. 22 августа 1913 г. экспедиция вторично отправилась на Землю Франца-Иосифа и прибыла благополучно на мыс Флора 1 сентября. 4 сентября экспедиция ушла Британским каналом в Теплиц-бай, но принуждена была остановиться на вторую зимовку у острова Гуккера.

В декабре месяце начались на судне заболевания. 2 февраля (1914 г.) начальник экспедиции лейт. Седов передал мне командование экспедицией и отправился с двумя матросами к Северному полюсу. 1 марта скончался больной механик судна Иван Зандер. 6 марта возвратились оба матроса полюсной партии и сообщили, что Седов заболел в пути и скончался 20 февраля у острова кронпринц Рудольф-Ланд, где и похоронен. С появлением солнца больные на судне начали поправляться.

17 июля (1914 г.) экспедиция сняла фальшборта судна, стеньги и среднюю палубу для отопления машины и ушла к мысу Флора, куда и прибыла 20 июля. На берегу мыса Флора было усмотрено с судна два человека, оказавшихся штурманом Албановым и матросом Кондрадом с судна «св. Анна» экспедиции лейт. Брусилова. Судно «св. Анна» было затерто льдами в 1912 г. в Карском море у полуострова Ямала на широте 71° 45 минут и сейчас дрейфует вокруг Земли Франца-Иосифа. 10 апреля сего года штурман Албанов с 13 матросами покинул судно на 83° сев. широты и 60° 45″ восточной долготы и пешком по льду отправился на Землю Франца-Иосифа. Пройдя 40 верст трое из матросов повернули обратно на судно, а остальные продолжали путь. 9 июня штурман Албанов достиг Земли Александры и оттуда повернул на мыс Флора; часть команды шла берегом, а часть со штурманом Албановым отправилась морем на двух каяках. Мыса Флора достигли только двое; остальные погибли в пути.

26 июля экспедиция, погрузив две постройки с мыса Флора и взяв с собой штурмана и матроса экспедиции Брусилова, отправилась около берегов Земли Франца-Иосифа для розыска погибших людей. После безрезультатных поисков экспедиция ушла в Архангельск. До 7 августа экспедиция, пробиваясь сквозь льды, сожгла запасные снасти, части бимсов и все помещения кают и вышла из льдов под 76° сев. широты, а затем все время шла под парусами. Судно имеет течь до 40 дюймов в сутки.

Члены экспедиции и команда просят повергнуть к стопам вашего императорского величества свои верноподданнические чувства.

И. о. начальника экспедиции ветеринарный врач коллежский ассесор

Павел Кушаков[1].

Рапорт кап. И. И. Ислямова, морскому министру И. К. Григоровичу, 13 сентября, 1914 г.[2]

29 июня сего года главное судно экспедиции для поисков ст. лейт. Седова и его спутников, пароход «Герта», вышел из Христиании и, испытав около Ставангера и Бергена радиотелеграф, заходил для приема провизии и снаряжения в Тромсе. 16 июля «Герта» прибыла в Алексан-

[1] В аналогичной телеграмме комитету по снаряжению экспедиции Седова от 17(30) августа 1914 г. Кушаков просил выслать в Архангельск распоряжение, «как поступить с судном, с четырьмя живыми медведями, оставшимися собаками, медвежьими и моржовыми шкурами, продовольственной и хозяйственной частью экспедиции». Вместе с тем Кушаков просил выслать часть денег для предварительного расчета команды (там же, л. 42).

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, лл. 111—113.

дровск на Мурмане, где уже находился с запасом угля второй пароход экспедиции «Печора»; третий пароход «Андромеда» в это время был уже у Новой Земли.

За время стоянки в Александровске я оказался старшим из военных чинов, и мне пришлось совместно с администрацией решать вопросы, связанные с обстоятельствами военного времени. Смею думать, что только благодаря присутствию экспедиции не сгорел г. Александровск, так как, несмотря на повторные, очень тревожные, сведения о близости неприятельских судов и требования администрации сжечь запасы каменного угля, расположенные в самом городе, я это требование не выполнил. Таким образом начавшаяся на Мурмане паника не приняла стихийных размеров, чему способствовал также и отказ мой разбить казенный винный склад. Вместе с тем приемлемые, по моему мнению, требования администрации мною выполнялись: так, 20 июля в распоряжение исправника г. Александровска были назначены офицер и 6 человек команды с «Герты», которые вышли в море на административном пароходе «Мурман»; на другой же день «Мурманом» был приведен в Александровск большой немецкий пароход с грузом досок. Что появление неприятеля было возможно, видно из того, что если бы действительно германские военные суда пришли в Белое море, то им ничего бы ни стоило закупорить выход из Архангельска.

27 июля с пароходом «Герта» снялся с якоря для следования к Новой Земле. Не успел еще пароход выйти с рейда, как нас догнала шлюпка с радиотелеграммой с острова Вайгача, в которой «Андромеда» извещала, что Седов в прошлом году ушел к мысу Флора. Поэтому «Герта» вернулась на якорное место ввиду необходимости изменить план поисков. С этой целью «Андромеде» было приказано итти опять в Крестовую губу и ждать там пароход «Печору», который должен был устроить склад угля и провизии в этой губе. «Андромеда» имела получить с «Печоры» запасы и устроить на Панкратьевых островах склад в больших размерах. (Согласно контрактов с этими пароходами и условий страхования «Андромеда» не могла подыматься выше Панкратьевых островов, а «Печора» — выше Крестовой губы; поэтому на «Печоре» был отправлен аэроплан, который имел задачей облетать северо-западный берег Новой Земли, что и выполнил впоследствии.)

Я же на «Герте» с собаками, лесом, полным запасом угля в ямах и на палубе пошел 30 июля прямо к мысу Флора на Земле Франца-Иосифа. 2 августа, пройдя параллель 75° сев. широты, «Герта» вступила во льды и через день к вечеру оказалась совершенно затертой; упорно идя к северу, мы могли выбиться из льдов лишь 15 августа в шир. 77½°; 16 августа «Герта» подошла к мысу Флора. На этом мысу ввиду войны с Австрией, экспедицией поднят русский флаг в знак присоединения архипелага, впервые открытого австрийцами, к владениям его императорского величества, о чем и оставлена записка на мысе на русском и английском языках.

Узнав из найденных на Флоре записок, оставленных участниками экспедиций Брусилова и Седова о гибели 9 человек команды парохода «Анна» [1] и об уходе «Фоки» к югу с намерением придерживаться бере-

---

[1] Штурман В. И. Албанов, участник экспедиции Брусилова, в апреле 1914 г. вместе с 13 матросами покинул затертую льдами к северу от архипелага Франца-Иосифа шхуну Брусилова «Анну». Три матроса вскоре вернулись на судно, девять погибло в пути, а оставшиеся в живых Албанов и матрос Кондрад 29 июля (2 авг.) были подобраны «Фокою» около мыса Флора. 26 июля (8 авг.) 1914 г. «Фока» покинул Землю Франца-Иосифа и направился к Мурманскому берегу.— См. книгу В. И. Албанова, На юг, к Земле Франца-Иосифа, Петр., 1917 г.

гов Новой Земли, и устроив на Флоре склад провизии, теплой одежды, и оружия, «Герта» осмотрела берег архипелага до мыса Ниль; при этом на мыс Грант была свезена партия, но решительно никаких следов пребывания людей экспедиции Брусилова на этом мысу, к сожалению, не оказалось. Затем «Герта» пошла к Панкратьевым островам, продолжая разыскивать «Фоку».

На обратном пути полоса льда была пройдена в два дня. Встретив на Панкратьевых островах «Андромеду» с аэропланом, устраивавшую здесь склад провизии и угля, «Герта» поднялась на север далее мыса Нассау до границы неприступных ледников, после чего пошла в Крестовую губу, имея ввиду войти в сношение с Петербургом по радиотелеграфу через Вайгач или Югорский Шар. «Печора», стоявшая в Крестовой губе, была выслана в крейсерство сначала в Маточкин Шар, а потом на 250 миль к западу; обратный путь она освещала ракетами и вернулась в Крестовую 28 августа. Так как по радиотелеграфу вступить в сношение с Петербургом не удалось, то «Герта» 30 августа, приняв уголь с «Печоры», пошла в Малые Кармакулы, которые находятся по прямому направлению через горы Новой Земли от Югорского Шара в расстоянии всего 200 километров. «Печоре» и «Андромеде» было отдано приказание (согласно контрактов с ними) не позже 4 сентября выйти в обратный путь — «Андромеде» на Мурман, а «Печоре» в Архангельск. В Малых Кармакулах принят на «Герту» для доставки в Архангельск капитан II ранга французского флота Бенар[1], находившийся на Новой Земле с научной целью. Так как ни подать, ни получить ни одной буквы по радиотелеграфу «Герте» не удалось и здесь, то пароход пошел ко входу в Белое море, где и вступил 4 сентября в сношение с радиотелеграфной станцией Исакогорка, которая передала мне приказание начальника Главного гидрографического управления итти в Архангельск[2], так как «Фока» 17 августа уже был на Мурмане. Следом за «Гертой» пришла в Архангельск «Печора», а на Мурман «Андромеда».

В настоящее время экспедиция ликвидируется; запасы свозятся на берег; аэроплан передается в распоряжение Морского генерального штаба.

Настоящее плавание парохода «Герта» дает еще одно доказательство возможности ежегодного сообщения с архипелагом Франца-Иосифа на судах подобного ей типа или вообще достаточно крепких. В частности круговой обход «Гертой» Баренцова моря надлежит признать очень быстрым, так как только при полном штиле и совершенно спокойном море это типичное китобойное судно может развить 6 узлов.

Экспедиция вела точные метеорологические и гидрографические наблюдения, производила морской промер и пополнила карту Баренцева моря рисунками Новой Земли и архипелага Франца-Иосифа. Из 8-ми виденных «Гертой» белых медведей убито 5; мясо их, а также мясо тюленей, было главной пищей для собак. Экспедиция встречала также и моржей, но не имела времени охотиться на них. Наинизшая температура в августе была 8°Ц. ниже нуля; заморозки по ночам образовывали на спокойной воде лед толщиною до 1½ вершков, опасный тем, что он не только спаивал отдельные льдины между собой, но и резал деревянную обшивку парохода.

Благодаря хорошей и обильной пище серьезных больных на «Герте»

---

[1] Ш. Бенар в 1914 г. пересек южную часть Новой Земли от губы Нехватовой. В 1908 г. Бенар, находясь во главе французской экспедиции, совершил пересечение северного острова Новой Земли от Крестовой губы до залива Незнаемого; в составе этой экспедиции был и В. А. Русанов.

[2] Телеграмма кап. Ислямову от нач-ка Главного гидрографич. управления Жданко от 31(18) августа 1914 г. (ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, л. 43).

не было вовсе; при этом выяснилось, что русские консервы гораздо вкуснее и питательнее норвежских.

О вышеизложенном вашему высокопревосходительству доношу [1].

Капитан 1 ранга Ислямов.

III. Ликвидация экспедиции Г. Я. Седова

Телеграмма матросов участников экспедиции Седова Николаю II, 17 сентября 1914 г. [2]

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь! Два года тому назад под командою ст. лейт. Седова мы отправились в экспедицию к Северному полюсу. Нам было обещано, что о семьях наших позаботятся, и мы смело шли за нашим начальником. Много лишений и много невзгод нам пришлось перенести вследствие недостаточного оборудования экспедиции. Чаша испытаний переполнилась, когда наш дорогой начальник, настойчиво преследуя свою заветную мечту водрузить русский флаг на Северном полюсе, погиб смертью идейного мученика. Мы возвращались домой изнуренные, жаждущие отдыха. На Земле Франца Иосифа, кроме Седова, погиб Зандер. Мы остальные были почти сплошь больные; двое лежат в больнице. Вместо отдыха на родине нас ждало горькое разочарование: нас бросили на произвол судьбы на полуразрушенном экспедиционном судне без гроша денег. Весь офицерский состав получил полностью следуемое жалованье и немедленно же уехал; нам же не заплатили заслуженного. Повергая к стопам вашего императорского величества наши верноподданнейшие чувства, мы слезно просим обратить монаршую милость на наше горестное положение.

Матросы, участники экспедиции, Григорий Линник, Александр Пустошный, Иосиф Кизино, Андрей Инютин, Михаил Шестаков, Платон Коноплев, Николай Коршунов, Иван Пищухин, Николай Кузнецов, Василий Лебедев, вдова механика Зандер.

Телеграмма начальника Главного гидрографического управления ген.-лейт. М. Е. Жданко кап. I ранга И. И. Ислямову, 18 сентября 1914 г. [3]

Передайте экипажу седовской команды на «Фоке», что министр принимает меры для уплаты им срочно всего ими неполученного.

Жданко.

Доклад Комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу морскому министру И. К. Григоровичу, 23 сентября 1914 г. [4]

Седовым при снаряжении экспедиции были назначены оклады в общей сумме в размере 34 тыс. р. (подробно в прилагаемой таблице).

[1] Сведения о ходе спасательной экспедиции, более подробные чем, в печатаемом рапорте, см. в статьях: Ислямова, Экспедиция для поисков ст. лейт. Седова, «Морской сборник», №№ 7—11, 1918 г. М. Жданко, «Спасательная экспедиция на судне «Герта», «Записки по гидрографии», т. 38, 1914 г., вып. 4.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, л. 128. На документе резолюция Николая II: «Необходимо удовлетворить эту просьбу».

[3] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8497, л. 131.

[4] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, лл. 158, 159.

Из них в настоящее время осталось неуплаченным чинам экспедиции, прибывшим в конце августа с. г. — 6672 р. 35 к.

За все время Комитет израсходовал свыше 81 500 р., задолжав слишком 45 тыс. р., из коих одному председателю Комитета М. А. Суворину около 37 тыс. р.

В настоящую страдную пору всякие поступления и пожертвования прекратились, а потому представляется невозможным уплатить немедленно самый тяжелый для Комитета долг — остаток содержания команде.

Необходимо заметить, что возможное осложнение при расчете следуемой команде суммы может внести составленная без ведома Комитета «судовая роль», в которой между прочим указано содержание помощнику капитана Сахарову по 125 р. в месяц, что составит за 25 месяцев плавания 3125 р., т. е. на 1625 р. более договорной суммы. Выдано ему 1703 р. 40 к. Таким образом, по судовой роли ему оставалось бы дополучить 1421 р. 60 к. Соответствующая претензия Сахаровым пока формально не предъявлена, да и вряд ли она была бы правильной, так как одновременно с составлением судовой роли Сахарову выдана была расписка о том, что содержание назначено ему лишь в размере 1 500 р. Но в виду возможности иска Сахарова и обеспечения такового имуществом экспедиции, может быть, будет признано справедливым депонировать указанную разницу — 1 421 р. 60 к. Комитету.

В той же судовой роли содержание механика И. А. Зандер определено также выше договорной суммы, а именно 150 р. в месяц. Но Зандер в марте с. г. скончался от цынги. По судовой роли его вдове и дочери причиталось бы свыше договора и выданного вдове пособия 601 р. Имея ввиду, что Зандер погиб во время тяжелой экспедиции, а вдова осталась без средств, Комитет полагал бы не только не оспаривать ее право на этот излишек (601 р.), но и назначить ей, сверх того, пенсию в размере рублей 30—40 в месяц.

Комитет также считал бы справедливым выдать единовременное пособие трем наиболее пострадавшим матросам рублей по 100 каждому, а именно — Коноплеву и Коршунову, которые ныне лежат в архангельской больнице и хотя медленно поправляются, но все же больны цынгой в довольно тяжелой форме, и Лебедеву, у коего ослаблено зрение.

Но и вообще говоря о всех тех участниках экспедиции, кои пробыли в суровом полярном плавании обе зимы, принимая к тому же во внимание, что экспедиция эта собрала бесспорно ценные научные материалы, Комитет считал бы возможным ходатайствовать о назначении означенным лицам дополнительного вознаграждения в размере трех-месячного оклада их содержания. Отдельно же Комитет позволяет обратить внимание на заслуги доктора Кушакова, которому пришлось по смерти Седова фактически нести обязанности начальника экспедиции, а по смерти Зандера еще и механика [1], причем он самостоятельно управлял машиной во время перехода от Земли Франца-Иосифа в Архангельск, за что справедливо было бы назначить Кушакову дополнительно 1 000 р., чем хотя бы сравнять его в окладе с г. г. Захаровым и Сахаровым.

Наконец, к числу претензий, несомненных формально и справедливых по существу и также требующих немедленного удовлетворения, относятся обязательства лицам, доставившим уголь и провиант со встреченных

---

[1] Это утверждение не соответствует истине. По смерти Зандера машину собрал, привел в действие и обслуживал кочегар и слесарь Николай Коршунов (бывший петербургский рабочий). В течение всего рейса Коршунов, несмотря на болезнь (у него после цынги были сведены ноги) управлял машиной, которая работала вполне исправно. Кушаков был только подручным у Коршунова.

пароходов и становищ во время последнего перехода, а именно — Могучему 435 р., Труфанову 350 р., Спаде 120 р. и Леурману 50 р.

Таким образом испрашиваемая Комитетом сумма составит, не считая пенсии вдове Зандер,

Остаток жалования по договору	6 672 р. 35 к.
Сахарову по судовой роли	1 421 » 60 »
Вдове Зандер » »	601 » —
Пособие трем матросам	300 » —
Трехмесячный оклад пробывшим оба года .	2 775 » —
Доктору Кушакову дополнительное вознаграждение	1 000 » —
Поставщикам	955 » —
Итого	13 724 р. 95 к.
	— 955
	12 769 р. 95 к.

Доклад морского министра И. К. Григоровича по Главному гидрографическому управлению в Совет министров, 25 сентября 1914 г.[1]

17 августа сего года возвратилось в Архангельск судно экспедиции ст. лейт. Седова «св. Фока» под командою врача экспедиции Кушакова, который принял начальствование над экспедицией, когда Седов с двумя матросами отправился с места последней зимовки экспедиции (на Земле Франца-Иосифа) к Северному полюсу.

Благодаря выдающейся энергии, отличной распорядительности и настойчивости врача Кушакова, который нес не только обязанности начальника экспедиции, но и судового механика, экспедиция после неимоверных трудов и лишений вернулась, хотя и в самом жалком виде, на родину.

В Архангельске все члены экспедиции получили от комитета по снаряжению экспедиции следуемое им по условию денежное вознаграждение, судовая же команда «св. Фоки» не получила ничего.

Истомленная, обессиленная, совершенно обносившаяся, и частью больная, команда целый месяц тщетно ожидала уплаты жалованья и, видя безплодность дальнейшего ожидания, обратилась 17 сентября по телеграфу к государю императору с изложением своего бедственного положения и с усердною просьбой обратить на нее милостивое монаршее внимание и помочь ей в ее бедах выдачею заслуженного жалованья.

На этой телеграмме собственною его императорского величества рукою написано: «Необходимо удовлетворить эту просьбу».

Команда «св. Фоки» обратилась и ко мне с подобной же телеграммой, в которой просит помочь ей в ее бедственном положении.

Комитет по снаряжению экспедиции Седова уведомил меня 23 сентября, что он не имеет средств удовлетворить справедливую просьбу команды «св. Фоки», и прислал список команды с указанием, сколько кому следует уплатить согласно заключенным условиям.

Вследствие сего и в силу высочайшей воли, выраженной надписью на упомянутой всеподданнейшей телеграмме, имею честь ходатайствовать перед Советом министров об отпуске в распоряжение морского

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, л. 154—155.

министерства 8 694 р. 95 к. для удовлетворения заслуженным жалованьем команды судна «св. Фока».

Кроме того, я полагал бы справедливым:

а) вознаградить врача Кушакова за все его тяжелые труды выдачею ему в награду 1 000 р.;

б) выдать в награду остальным членам экспедиции и команде судна «св. Фока» трехмесячный оклад жалованья, общей суммой в 2 775 р.;

в) выдать, кроме того, трем больным матросам пособие на лечение в общей сумме 300 р. (по 100 р. каждому).

Таким образом, общая сумма, испрашиваемая к отпуску, равняется 12 769 р. 95 к.

Что же касается пенсии вдове механика Зандера, о назначении которой ходатайствует Комитет, то, принимая во внимание действительно беспомощное положение вдовы Зандер, я считал бы справедливым назначить ей пожизненную пенсию в размере трехсот рублей в год.

Морской министр И. Григорович.

Телеграмма начальника Главного гидрографического управления М. Е. Жданко кап. I р. И. И. Ислямову, 26 сентября 1914 г.[1]

По представлению морского министра Совет министров постановил выдать из казны команде «Фоки» следуемое им жалование по рассчету Седовского комитета и, кроме того, награду членам экспедиции и пом. кап. Сахарову по триста рублей, команде по сто двадцати рублей и больным матросам Коноплеву, Коршунову и Лебедеву, сверх того, по сто рублей на лечение. Деньги по ассигновании будут переведены губернатору. Объявите команде об этой заботливости о них морского министра.

Жданко.

Телеграмма экипажа экспедиции Седова морскому министру, 13 октября 1914 г.[2]

Ваше высокопревосходительство! Наступили морозы, одежды и квартиры нет, бедствия усиливаются. Слезно просим ваше высокопревосходительство обратить внимание на безвыходное наше положение и освободить нас расчетом.

Экипаж Седовской команды.

Докладная записка вдовы ст. лейт. Седова Веры Валер. Седовой и участников экспедиции М. А. Павлова, Н. В. Пинегина и В. Ю. Визе морскому министру И. К. Григоровичу (октябрь 1914 г.)[3]

Летом 1912 г. ст. лейт. Г. Я. Седовым был организован Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и исследования полярных стран. Целью организации его была помощь в снаряжении экспедиции, главным же образом забота о ней и семьях участников ее во время плавания Седова. Уже вскоре после отъезда экспедиции Коми-

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, л. 167.
[2] Там же, л. 195.
[3] Там же, лл. 242—243.

тет фактически распался, так как большинство лиц, интересовавшихся отправлением экспедиции, по отъезде прекратили свою работу в Комитете по разным причинам, среди которых немаловажной была невозможность совместной работы с секретариатом.

При таких условиях было, конечно, трудно развить сколько-нибудь интенсивную деятельность, несмотря на явное сочувствие общества в последний год, и такое могучее средство для сбора пожертвований, как всероссийская подписка.

Поддержка семейств участников осуществлялась в слабой степени, они бедствовали; требование Седова о помощи в виде посылки судна с углем в 1913 г. также не было удовлетворено.

Последнее разрушало планы Седова и было причиною всех бедствий экспедиции в текущем году, считая конечно в числе их смерти Седова и Зандер.

В 1914 г. Комитет также не мог послать судна для возвращения экспедиции, и, если бы правительство не взяло последнего на себя, экспедиция была бы предоставлена своей судьбе, что, при менее счастливых обстоятельствах, неминуемо должно было привести, как к гибели научных материалов, так и личного состава.

Наконец, при возвращении «св. Фоки», Комитет не мог даже уплатить жалованья матросам, и имя экспедиции и русского офицера, с честью исполнившего свой долг, оказалось связанным со скандалом [1].

В настоящее время пред Комитетом должна бы стоять задача о доставлении членам средств для обработки научных материалов и издания трудов экспедиции, однако сделать это он конечно не в силах как за отсутствием средств, так и желания своей работой добыть их. Напротив, Комитет теперь требует, не имея в своей среде ни одного человека науки, сдачи научных материалов от членов экспедиции, не скрывая своего намерения использовать эти материалы для погашения долгов.

Очевидно, с целью же погашения долга и осуществления второй своей задачи «исследования полярных стран» Комитет не выдает научные материалы членов, посланные Седовым для ознакомления с работами экспедиции и обеспечения целости их с Панкратьева полуострова, не выдает также вдове Седова два личных дневника его, веденных за время санных путешествий.

Мы лишены возможности точно указать цифру долга Комитета, так как он не только не предложил нам при возвращении участвовать в своей работе, что имело место при жизни Седова до отплытия экспедиции, но даже категорически, в лице товарища председателя Гарязина, отказался поставить этот вопрос для обсуждения и до сих пор не пригласил нас ни на одно из заседаний.

Потому мы можем указать цифру долга только приблизительно: 4 тыс. р. мелких долгов и 36 тыс. р. М. А. Суворину, благодаря открытому кредиту которого осуществилась экспедиция.

Мы находим совершенно недопустимым возможность использования двухлетней тяжелой работы Седова и нас в смысле доходной статьи Комитета для погашения долга лицу, отправившему экспедицию и создавшему своим прекращением работы в Комитете все тяжелые условия и гибель Седова. Мы говорим о долге председателю комитета М. А. Суворину, так как долг в 4 тыс. р. разным лицам легко может быть погашен оставшимся инвентарем и промысловой добычей.

---

[1] Составители записки имели в виду арест на имущество экспедиции для удовлетворения экипажа зарплатой, неуплаченной за 2 года. В связи с этим в местной печати в Архангельске появились резкие статьи по адресу Комитета и всей экспедиции.

THIS CHART WILL BE
APPEARING AT THE E

L BE THE FIRST CHART

HE END OF THIS FILM.

На основании всего вышеизложенного мы полагаем, что наилучшим исходом из создавшегося положения было бы предоставление права вдове ст. лейт. Г. Я. Седова и членам экспедиции совместную ликвидацию экспедиции и заботу об обработке научных материалов, так как Комитет в настоящем своем составе последних заседаний (дворянин Гарязин, кап. II р. Белавенец, вице-адмирал Коландс, отставной мичман флота Серебренников, Белавенец 2-й, журналист Васильковский, купец Сойкин) совершенно к тому не способен, чему достаточным доказательством может служить хотя бы изданная Комитетом (по материалам, присланным после первого года) книга Васильковского «Северные полярные страны». Эта книга полна безграмотности и полного незнания полярных стран и, будучи выпущена в пользу раненых, успела достаточно скомпрометировать имя русской экспедиции.

Относительно материальной стороны дела мы знаем, что даже при использовании всех научных материалов, карт, фотографий, коллекций и пр., они смогут покрыть лишь незначительную часть долга в 36 тыс. р. Суворину, так что и с этой стороны существование Комитета представляется бесцельным и поведет лишь к тому, что труды экспедиции не будут опубликованы, а это после тех жертв, которые принесли правительство, общество и мы, будет тем более прискорбно, что экспедиция слишком известна и общество должно знать не только о наших бедствиях, но и [о] результатах работ.

Суммируя все вышеизложенное мы должны были придти к заключению: 1) что все поведение Комитета является скандализирующим и даже вредным, ибо, кроме предыдущей своей деятельности, он не скрывает намерений осуществить и дальнейшее «исследование полярных стран» и может снаряжать экспедиции, не исполнив ни одного из обязательств по отношению первой и 2) что лучшим исходом как для науки, так и для русского имени было бы полное прекращение его деятельности и передача всех материалов совместно вдове ст. лейт. Г. Я. Седова и членам экспедиции [1].

Все вышеизложенное имеем честь представить на усмотрение вашего высокопревосходительства.

Вдова ст. лейт. Вера Седова.

Члены экспедиции: Михаил Павлов, Николай Пинегин, Владимир Визе.

Доклад Комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран морскому министру И. К. Григоровичу, 27 октября 1914 г. [2]

На запрос ваш, Комитет имел честь представить подробный список справедливых претензий чинов экспедиции ст. лейт. Седова, а также ходатайство о награждении деньгами всех чинов экспедиции и пенсией вдову Зандера. В этом ходатайстве испрашивалось 300 руб. художнику Пинегину, но он до сих пор еще не сдал Комитету самовольно взятые им с судна экспедиции и принадлежащие Комитету кинематографический и фотографические аппараты, кинематографические ленты и негативы, а потому Комитет просит задержать выдачу наградных денег художнику Пинегину, пока он не сдаст все захваченные им вещи секретарю Комитета, кап. II р. Белавенец.

---

[1] В результате этого доклада была ревизия Комитета, которая подтвердила правильность изложенного.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, л. 243.

Матросы экспедиции, просившие через ваше высокопревосходительство о выдаче им содержания и удовлетворенные теперь по ходатайству Комитета пред вашим высокопревосходительством, награждены гораздо в большей мере, чем была их основная претензия, за которую они наложили арест на находящееся в Архангельске имущество Комитета, промыслы и коллекции, а потому Комитет просит, чтобы с чинов экспедиции были взяты росписки в полном их удовлетворении и заявление о снятии ареста. Ибо судебный разбор их уже теперь удовлетворенных претензий назначен в Петербургском окружном суде, и у Комитета нет удостоверения, что их претензии удовлетворены.

О сих двух просьбах Комитет почтительнейше просит ваше высокопревосходительство телеграфировать свое согласие архангельскому губернатору и не оставить Комитет уведомлением о последующем решении.

Председатель Комитета М. Суворин.
Секретарь, член комиссии Белавенец.

Сообщение морского министра И. К. Григоровича в Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и исследования полярных стран, 7 ноября 1914 г.[1]

Несколько случаев обращения ко мне участников экспедиции ст. лейт. Седова с просьбами по делам этой экспедиции вынуждают меня просить Комитет сообщить личному составу экспедиции, что морское министерство, не принимавшее никакого участия в организации этой экспедиции, не может входить в дела, всецело подлежащие компетенции Комитета, снаряжавшего экспедицию.

Зная то затруднение в денежных средствах, какое ныне, несмотря на щедрые пожертвования многоуважаемого Михаила Алексеевича Суворина, испытывает Комитет, и приняв во внимание бедственное положение команды судна «св. Фока» по возвращении ее в Архангельск, я считал долгом помочь исполнению просьбы команды об удовлетворении ее денежным содержанием, но входить в рассмотрение просьб участников экспедиции по различным делам их я не нахожу возможным.

Морской министр генерал-адъютант Григорович.

Прошение отца Седова Г. Я., Якова Евтеевича Седова, 28 ноября 1914 г.[2]

В 1912 г. мой сын лейт. Георгий Яковлевич Седов, бывший в морской экспедиции по открытию Северного полюса, и благодаря каким-то причинам, известно только единому богу, погиб.

Я человек старый, а равно и моя жена, неспособные к физическому труду для приобретения себе насущного хлеба, а он, т. е. сын Георгий, был нам единственным кормильцем. Не желая ранее беспокоить морскую экспедицию, я обратился с просьбою к всемилостивейшему монарху государю императору Николаю Александровичу и был осчастливлен единовременной поддержкой в сумме 100 р. Хотя я и этому был рад, но когда последует смерть, для нас неизвестно, а жить приходится и нужно чем-либо существовать. Думаю, что в морской экспедиции найдутся средства, дабы помочь отцу, сын которого погиб на пользу науке и родине.

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1914 г., д. № 8496, л. 245.
[2] Там же, л. 257.

На основании вышеизложенного покорнейше прошу администрацию морской экспедиции не отказать мне в вспомоществовании, дабы дожить, не имея крайней нужды в одежде, топливе и хлебе.

Проситель Яков Седов неграмотный, а за него по его личной просьбе расписался Никанор Зарубин.

Отношение канцелярии войскового наказного атамана войска Донского в Главное гидрографическое управление, 24 февраля 1915 г.[1]

По поручению войскового наказного атамана, канцелярия сообщает, что отец погибшего ст. лейт. Седова — Яков Седов, из имущества имеет лишь хату, построенную из камыша и глины, стоящую 120 р., с крайне бедною в ней обстановкою, состоящей из трех старых столов и четырех таких же стульев. Семья его состоит из него самого, 72-х лет, жены, 70-ти лет, и живущего отдельно от него сына, 46-ти лет. Последний живет очень бедно и никакой материальной помощи оказывать отцу не в состоянии. Сам Седов по своей старости ни к какому труду неспособен; существовал на те средства, которые получал от покойного сына. В пособии весьма нуждается.

За управляющего канцелярией Фролов.

Письмо и. д. генерала для поручений при морском министре В. Шрамченко начальнику Главного гидрографического управления М. Е. Жданко, 9 марта 1915 г.[2]

Милостивый государь, Михаил Ефимович,

Вследствие письма от 6 сего марта № 1812, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что морской министр, назначив отцу погибшего ст. лейт. Седова единовременное пособие в размере 100 рублей, вместе с тем приказал по Главному морскому штабу установленным порядком возбудить вопрос о назначении казаку Якову Седову пенсии из казны в размере 300 р. в год.

Всегда готовый к услугам В. Шрамченко.

Прошение Якова Евтеевича Седова в Военно-морскую экспедицию, 23 октября 1915 г.[3]

Мною было подано прошение на имя Военной морской экспедиции с просьбой о назначении мне пенсии за погибшего моего сына Георгия Седова в кругосветном плавании при открытии Северного полюса, в качестве лейтенанта, на которое прошение было сделано его высокопревосходительством г. военным министром (распоряжение) о дознании моего положения к существованию, которое дало, что я человек старый, неспособный к труду и жил только на помощь своего сына. Прошло уже 3 месяца и до сего времени я не получаю никакой резолюции. Я подавал прошение о возбуждении моего вопроса о назначении мне пенсии, так как мне было указано ходатайствовать о таковой его императорским величеством, как мною было подано прошение на высочайшее имя.

---

[1] ЦГВМА, ф. 1402, 1915 г., д. № 8987, л. 22.— На документе резолюция: «Я дал 100 р., просить пенсию по 25 р. в месяц. И. Григорович. 6/III—1915 г.».

[2] Там же, д. № 8500, л. 118.

[3] Там же, д. № 8501, л. 250.

В настоящее время жизнь так вздорожала, что окончательно нечем жить, а платить за местовое [1] необходимо, ибо я живу на земле казаков Донской области.

На основании вышеизложенного покорнейше прошу военно-морскую экспедицию сделать начальническое распоряжение об удовлетворении меня той пенсией, которую предложено было мне назначить его высокопревосходительством г. морским министром.

Проситель Яков Седов неграмотный, а за него по его личной просьбе расписался казак Потапий Фетисов.

Отношение Главного гидрографического управления атаману Ново-Николаевской станицы, Таганрогского округа, области Войска Донского, 3 августа 1916 г. [2]

Канцелярия Главного гидрографического управления, по приказанию его высокопревосходительства начальника управления, просит вас объявить проживающему на хуторе Кривая Коса Якову Евтееву Седову, что морское министерство не имело и не имеет никакого отношения к полярной экспедиции, снаряженной особым Комитетом под председательством М. А. Суворина (Петроград, Эртелев пер., д. № 6), которому и направлено прошение Седова от 25 июля с. г. о назначении ему пенсии за погибшего сына лейт. Седова [3].

Расписку Якова Седова в объявлении ему вышеизложенного канцелярия просит прислать ей.

Заведующий канцелярией (подпись)

★ ★ ★

[1] Яков Седов, не будучи казаком, но живя в казацком поселке, был обязан платить арендную плату за пользование усадебным участком, на котором стояла его хата.

[2] ЦГВМА, ф. 1402, 1913 г., д. № 9712, л. 20.

[3] Необходимо отметить, что отец Г. Я. Седова, не получив ни пенсии от морского министерства, ни пособия от Комитета, в мае 1917 г., подал прошение о назначении ему пенсии в «Главный исполнительный комитет при Государственной думе». Однако, тов. м-ра финансов Хрущев, которому было направлено это прошение, не счел возможным удовлетворить просьбу отца Седова (Главн. морск. штаб, д. № 43793, 1914 г., лл. 19—20).

К истории всеобщей стачки на юге России в 1903 г.

Всеобщая стачка на юге России в 1903 г. явилась крупнейшей вехой в истории рабочего движения в России.

Если петербургская стачка 1896 г. положила «прочное основание» стачечному движению по всей России [1], то всеобщая стачка 1903 г. явилась как бы итогом и завершительной ступенью предшествующего этапа борьбы пролетариата за 1895—1903 годы. Вслед за успешными наступательными экономическими стачками периода промышленного подъема 90-х годов, началась полоса политических стачек и демонстраций. Кризис начала XX в. содействовал нарастанию революционного подъема в стране, выразившегося в углублении классовой борьбы пролетариата, крестьянском движении и студенческих волнениях.

В 1901—1902 году рабочее движение переходит в «открытую политическую борьбу» [2], важнейшими моментами которой явились — стачка рабочих в марте 1902 г. в Златоусте (окончилась нападением войск на рабочих), батумская демонстрация в марте 1902 г., проведенная под руководством товарища Сталина, и ростовская стачка в ноябре 1902 г., превратившаяся в выдающуюся демонстрацию и явившаяся как бы прологом всеобщей стачки 1903 г. Ростовскую стачку В. И. Ленин причислял к действительно-революционным актам [3].

Фактически стачка, подобная ростовской, в 1903 г. имела место чуть ли не в каждом более или менее крупном городе юга России. «Опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе. Стачки охватывают целый район, в них участвуют более сотни тысяч рабочих, массовые политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов» [4].

Всеобщая стачка юга России знаменовала собою дальнейший, новый шаг вперед в развитии рабочего движения в России. Если в 1902 г. пролетариат «впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству» [5], то в отношении 1903 г. Ленин писал: «чувствуется, что мы накануне баррикад» [6]. Отмечая позднее в 1905 году значение ростовской стачки и южных массовых демонстраций 1903 г., Ленин относил их к действительно высоким и активным формам борьбы [7]. Общее значение стачек и демонстраций периода 1901—1904 гг. (в том числе и всеобщей стачки юга России в 1903 г.) Ленин видел в том, что они явились непосредственной подготовкой всеобщей октябрьской стачки 1905 года. Он указывал, что «русские рабочие рядом неуспешных и иногда особенно неудачных политических стачек 1901—1904 годов научились удачной стачке октября 1905 года» [8].

В подготовке всеобщей стачки 1903 г. ведущая роль принадлежала революционной социал-демократии, возглавляемой Лениным. Огромное значение в деле ее создания имела работа В. И. Ленина «Что делать», появившаяся в 1902 г. и многосторонняя теоретическая и организационная работа Ленина и «Искры» по

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 105.
[2] Там же, т. VIII, стр. 424.
[3] Там же, т. V, стр. 207.
[4] Там же, т. VII, стр. 106.
[5] Там же, Соч., т. VII, стр. 105—106.
[6] Там же, стр. 106.
[7] Там же, стр. 33.
[8] Там же, т. XVI, стр. 182.

подготовке II Съезда партии. Ленинская «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы» [1]. «Весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры» [2].

Инициатива всеобщей стачки юга России принадлежала Баку. Товарищ Сталин, вступивший в ряды социал-демократов в конце 90-х годов, неустанно боролся за создание в Закавказьи революционной пролетарской партийной организации, подобной той, за которую боролись Ленин и ленинская «Искра». В 1901 г. товарищ Сталин стал выдающимся организатором и руководителем Тифлисского комитета социал-демократической партии. В 1902 г. он развернул революционную боевую деятельность в Батуме, где под его руководством была организована первая стачка и политическая демонстрация. Арестованный 5 (18) февраля т. Сталин и из тюрьмы продолжал направлять работу тифлисской организации РСДРП. Батумская демонстрация 1902 г. сыграла решающую роль в подъеме революционной волны во всем Закавказьи. Оформившийся в 1901 г. в Баку социал-демократический комитет, развернул агитацию среди рабочих. В марте 1902 г. происходила первая в истории в Баку стачка на нефтяных промыслах. Революционное движение бакинского пролетариата непрерывно нарастало. Положение рабочих Баку в период кризиса было особенно тяжелым.

1 июля 1903 г. на двух фирмах Биби-Эйбатского района прекратили работу рабочие механических предприятий. К ним немедленно присоединились рабочие других фирм, забастовала также часть рабочих железнодорожного депо. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда и быта, постройки за счет капиталистов школ, больниц и т. п. 4 июля забастовка приняла характер всеобщей. Руководство стачкой принадлежало Бакинскому комитету Кавказского социал-демократического рабочего союза. С.-д. комитет выпускал листовки, разъясняющие смысл и значение стачки, формулировал совместно с рабочими требования стачечников.

Правительство прибегло к жестоким репрессиям. Рабочих принуждали к работе при помощи военной силы.

14 июля работы возобновились. Серьезных материальных улучшений забастовка бакинским рабочим не принесла, но значение ее в смысле сплочения рабочих было огромным.

Стачечное движение быстро распространилось на другие города Закавказья: Тифлис, Батум, Поти, Чиатуры. В Тифлисе всеобщая стачка была объявлена 14 июля. В этот день забастовали все заводы, железнодорожные мастерские и конно-железная дорога. 15 июля произошла стачка на ст. Михайлово Закавказ. ж. д., сопровождавшаяся кровавым расстрелом рабочих войсками. Руководимые Тифлисским комитетом РСДРП, стачки распространились по всей Закавказской железной дороге. 16—20 июля под руководством Батумского комитета РСДРП состоялась стачка в Батуме. Бастовали все рабочие. Бастовали рабочие Поти, Чиатур.

На другом конце Черноморского побережья вспыхнула забастовка в Одессе, положившая начало всеобщей стачке на Украине. Одесса в предшествовавшем 1902/1903 г. была одним из гнезд зубатовщины, пытавшейся упрочиться здесь среди ремесленных слоев города. Но всеобщая стачка в июле 1903 г. и рост социал-демократического влияния полностью вытеснили влияние зубатовщины. В период 1—4 июля в Одессе бастовали рабочие котельного цеха железнодорожных мастерских, которых поддерживали рабочие других цехов. 5 июля забастовали рабочие «Российского общества транспортирования кладей», 11 июля забастовали матросы и кочегары судов и рабочие ж. д. мастерских. В период 11—15 июля забастовали все судорабочие, рабочие городского трамвая, пригородных каменоломен и ж. д. мастерских. Забастовка превратилась во всеобщую. Начавшись с экономических требований, она благодаря руководству Одесского комитета РСДРП вскоре получила политическую окраску. Улицы города наводнили рабочие, демонстрировавшие под лозунгом: «Долой самодержавие», «Да

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 219.
[2] Там же, стр. 218.

здравствует политическая свобода!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует социал-демократия!». Стачка прекратилась только 19 июля.

Из Одессы стачка перекинулась в Киев. Киевский комитет вел активную агитацию за стачку, выпустив ряд прокламаций. Улицы Киева были наводнены войсками.

5 августа началась забастовка на ряде предприятий Екатеринослава. Против рабочих были двинуты войска.

В знак солидарности с бастующими Баку, Тифлиса, Одессы и других городов 21—23 июля бастовали рабочие Николаева, 28 июля — рабочие Елизаветграда, 12—14 августа — рабочие Керчи. 30 июля и в начале августа бастовали рабочие Конотопа.

Весть о стачках на юге России разнеслась с быстротой молнии. С призывом к стачке были выпущены прокламации Донским, Харьковским, Тульским, Нижегородским комитетами РСДРП и московской социал-демократической группой «Призыв». Петербургский комитет РСДРП, Тверской, Пермский, Казанский, Самарский, Саратовский и другие Комитеты выпустили прокламации с призывом к сплочению и политической борьбе.

Всеобщая стачка юга России положила начало переходу местной борьбы пролетариата к борьбе в обще-российском масштабе. В ней, как в своеобразной генеральной репетиции октябрьской стачки 1905 г., сказались все характерные черты, присущие последней. Вылившись во всеобщее выступление пролетариата ряда городов, всеобщая стачка 1903 г. вовлекла в борьбу против самодержавия и против капиталистов всю многонациональную рабочую массу юга России. В массовых сходках и демонстрациях наряду с рабочими участвовали их жены и дети. Застрельщиками забастовки в Баку являлись рабочие механических заводов, нефтяных промыслов, в Екатеринославе — рабочие железнодорожных мастерских — словом, рабочие металлисты, рабочие более крупных предприятий, более организованные и лучше оплачиваемые по сравнению с другими группами рабочих. Этим полностью подтверждалось ленинско-сталинское положение о ведущей роли в революционной борьбе наиболее передовых рабочих крупных предприятий и рабочих металлистов.

Собрания на виду у полиции происходили повсеместно: в Баку, Одессе и др. городах. «Пролетариат завоевывает для себя и для революционных социал-демократов с в о е г о комитета свободу массовых уличных собраний» [1].

Во время стачки рабочие проявили значительную степень организованности, дисциплинированности и сознательности. Стачки начинались по призыву местных с.-д. комитетов. Повсюду организованно предъявлялись требования, формулированные местными с.-д. организациями. Основными были лозунг свержения самодержавия, требование политической свободы, 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты.

Непосредственной своей задачей местные с-д. комитеты и стачечники считали всеобщую всероссийскую стачку и победоносное восстание против самодержавия. «Борьба загорелась и близок день, когда рабочие всех городов восстанут. Из края в край раздается клич: «Долой царя»,— читаем мы в листовке Тифлисского комитета [2]. «Шатающееся и колеблющееся самодержавие не устоит против напора могучих волн разбушевавшегося рабочего моря... И близок тот день, когда мускулистая рука рабочего освободит всю Россию, весь народ от векового рабства. И только в свободной стране мы вздохнем полной грудью, жадно вдохнем в себя воздух свободы — с новыми силами, с могучей верой пойдем дальше,— вперед — к завоеванию нового строя жизни. Мы тогда направим уж все свои силы, чтобы навсегда уничтожить наемное рабство и сломить силу капитала» [3],— читаем мы в листовке Одесского комитета.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 105—106.
[2] ЦАР, инв. № 26104.
[3] ЦАР, инв. № 228.

Рабочий класс проявил большую настойчивость и упорство в борьбе, стремясь шире развернуть стачки, оказывая сопротивление полиции и войскам. Подобно событиям в октябре 1905 г. всеобщая стачка юга России особенно ярко выявила ненависть пролетариата к полиции и стремление вовлечь солдат в ряды борцов революции. Выражением стремления привлечь солдат на сторону революционных рабочих являлись особые листовки — обращения к войскам, выпускаемые местными с.-д. комитетами. Такие листовки во время всеобщей стачки 1903 г. были выпущены в Одессе к морякам-солдатам, поставленным властями на место забастовщиков и к солдатам местного гарнизона после обстрела стачечников, в Киеве, в Екатеринославе. Эти листовки, соприкосновение с революционными рабочими, а также вынужденное участие солдат в зверских расстрелах стачечников безусловно поколебали морально-политическую устойчивость войск.

Влияние стачки 1903 г. было так глубоко, что в движение были вовлечены все слои пролетариата. Даже дворники «оказались на стороне рабочих, они помышляют о забастовке» (указывалось в одной из прокламаций Одесского комитета РСДРП) [1].

В период стачечной борьбы рабочие вели себя мужественно, героически. Бесстрашно выходили они навстречу войскам, пускали в ход против полиции и жандармерии камни, садились и ложились на рельсы, чтобы не допустить возобновления трамвайного движения (в Киеве и Одессе); едва их рассеивали, собирались на улицах снова. От взрослых рабочих не отставали подростки и женщины — работницы и жены рабочих, участвовавшие в массовых сходках и демонстрациях и подносившие камни при столкновениях с полицией и войсками. Мощный дух возмущения и протеста охватил массы.

«На событиях такого рода мы действительно наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный, с л е д у ю щ и й шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности» [2] — писал Ленин в конце 1902 г. еще по поводу ростовской стачки. Эти слова полностью приложимы и к стачкам и демонстрациям 1903 г.

В силу того, что на очереди дня стояла буржуазно-демократическая революция, стачки в России (в особенности стачки неэкономические) приобретали характер общенародный [3] и содействовали нарастанию общероссийского революционного подъема.

Всеобщая стачка 1903 г. на юге России, происходившая в переломный момент в развитии международного рабочего движения, связанного с переходом капитализма в империалистическую стадию развития, и совпавшая с II Съездом РСДРП, положившим начало созданию партии нового типа — партии большевиков,— знаменовала собой важнейший этап в превращении русского рабочего класса в авангард международного революционного движения. Одновременно она оказала очень существенное влияние на углубление предреволюционного кризиса в стране, показав пролетариат в роли вождя масс в борьбе против самодержавия, за его свержение.

Настоящая публикация отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение всеобщей стачки 1903 г., она имеет своей целью лишь показать тот широкий отклик, который имела стачка в ряде других рабочих центров России и деятельность местных социал-демократических организаций, в своих прокламациях освещавших ход и значение стачки, мобилизовавших рабочие массы на дальнейшую борьбу под общими лозунгами революционной социал-демократии.

---

[1] ЦАР, инв. № 14899.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. V, л. 209.

[3] См. об этом у Ленина, т. XVI, стр. 297.

Публикуемые вначале «Сведения», составленные в департаменте полиции, при всей их неполноте и тенденциозности (так, например, «Сведения» рисуют столкновение рабочих с полицией в Керчи 13 августа, сопровождавшееся расстрелом стачечников войсками, как вызванное попыткой рабочих разграбить агентство РОПИТ, тогда как подлинной целью рабочих было стремление освободить запертых в агентстве грузчиков грузин [1]) дают общее освещение хода стачки.

В публикацию не включены многочисленные прокламации, выпускавшиеся в городах, охваченных всеобщей стачкой, местными с.-д. организациями,— они входят в сборник документов, который в связи с 35-летием всеобщей стачки на юге России подготовлен к печати Центральным Архивом Революции. Здесь помещены лишь две прокламации Одесского комитета РСДРП, поскольку они дают яркое освещение хода стачки по целому ряду городов, и прокламации, выпущенные с.-д. организациями в других городах Украины, Петербурга, Москвы и др. рабочих центров России, а также отдельные полицейские сведения, освещающие тот отклик на события на юге России, которые они имели в этих городах.

Материалы подготовлены к печати и снабжены примечаниями тов. А. Кобяко.

О. Чаадаева.

Сведения о волнениях рабочих, происходивших в июле и августе 1903 года. [2]

Всеобщая стачка в Баку

2 июля [3] в г. Баку среди рабочих местных железно-дорожных мастерских началось брожение, перешедшее на следующий день в открытую забастовку. Забастовщики устно и письменно предъявили следующие требования: 1) увеличение заработной платы всем до полутора рубля и выше, 2) отмена сдельной платы, 3) плата за дни болезни, как за работу, 4) обратный прием товарищей, уволенных за недавние уличные демонстрации [4], 5) увольнение старших конторщиков и слесаря и 6) несколько мелких требований, касающихся благоустройства депо. Несмотря на увещания, рабочие упорно отказывались возвратиться к работам и препятствовали приступить к таковым непримкнувшим к забастовке.

---

[1] См. ниже августовскую прокламацию Одесского комитета РСДРП.

[2] Центральный Архив Революции (ЦАР, ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68; лл. 48—49. Заголовок подлинника.

Публикуемый документ является докладом департамента полиции, составленным на основании сообщений с мест для министра внутренних дел в конце августа 1903 г. Документ приводится в извлечениях с подзаголовками составителя и с перестановкой отдельных частей доклада в соответствии с той последовательностью, с какой стачка охватывала отдельные города.

[3] 1 июля началась забастовка в Биби-Эйбате на нефтяных промыслах Манташева и Бакинского нефтяного об-ва, 2 июля к забастовке присоединились рабочие всех заводов и промыслов Черного и Белого городов Баку (ДП, о.о., 1898 г., д. № 4, ч. 50, л. 21). Стачкой руководил Бакинский комитет Кавказского социал-демократического рабочего союза, проводя почти ежедневно многолюдные собрания, вырабатывая совместно с бастующими рабочими их требования. Бакинский комитет выпустил за время всеобщей стачки прокламации, отпечатанные в типографии Комитета: 1) «Ко всем рабочим, Чаша долготерпения нашего переполнилась», 2) «Шестое июля. Силою вещей забастовка, объявленная черногородскими и биби-эйбатскими товарищами»... 3) «Ко всем рабочим. Стачка делает поразительные успехи»... 4) «Ко всем рабочим. Товарищи! Борьба, начатая нами из-за лучших, более человеческих условий»... 5) «Ко всем рабочим. Товарищи! С того времени, как началась наша беспримерная борьба»... 6) «Ко всем рабочим. Товарищи! Сегодня приезжает к нам в Баку товарищ министра внутренних дел...».

[4] Имеются в виду уволенные участники демонстраций, организованных Бакинским комитетом Кавказского социал-демократического рабочего союза в Баку 2 марта, 27 апреля и 1 мая.

Вследствие сего движение почтовых и пассажирских поездов встретило значительное затруднение, а отправление из Баку товарных поездов совсем прекратилось. 4 июля забастовка железно-дорожных рабочих распространилась и на другие промышленные заведения, нефтяные промыслы и судорабочих города Баку и его окрестностей; конно-железная дорога перестала действовать, и всего к забастовке примкнуло около 20 тысяч человек.

7 июля вооруженная толпа рабочих стала ходить по городу и промыслам, причем с помощью огнестрельного оружия принудила примкнуть к забастовке остальных рабочих. Единственный источник водоснабжения — городской опреснитель остановлен, телефонное сообщение между Баку и Балаханами прервано, а в сем последнем поселке начался разгром заводов; что же касается железной дороги, то на таковой рабочие распоряжались поездами беспрепятственно; магазины были закрыты, а в Белом городе происходила даже перестрелка с казаками, во время которой был ранен один рабочий. В тот же день близ станции Кишлы состоялась сходка, на коей участвовало до 30 тысяч рабочих.

Ввиду малочисленности наличных войск, не бывших в силах поддержать должный порядок в городе, в Баку были направлены войска из гор. Тифлиса, прибывшие на место 8 июля и принявшие участие в рассеянии собравшихся группами и производивших беспорядки рабочих, а также в охране работ, где таковые начались. К огнестрельному оружию казаки прибегли один лишь раз, не причинив при этом никому вреда. С 9 июля рабочие постепенно стали приступать к работам, каковые с 14 того же июля возобновились повсеместно в Баку. Однако незначительные вспышки рабочих беспорядков, возбуждаемые постоянными поджогами вышек на нефтяных промыслах, продолжались до 22 июля, когда в городе и его окрестностях наступило полное спокойствие.

Всеобщая стачка в Тифлисе[1]

1 июля была назначена высылка из Тифлиса в Восточную Сибирь партии наборщиков обнаруженной в названном городе в 1900 году подпольной типографии, чем местные неблагонадежные лица воспользовались в целях устройства уличной демонстрации. К назначенному времени у вокзала собралась толпа рабочих в тысячу человек, которая, будучи здесь рассеяна полицией, направилась на станцию Навтлуг, где именно должна была происходить посадка в вагоны упомянутых административно-ссыльных. Подкрепленная рабочими некоторых фабрик, забастовавших в этот день, и возросшая до 2 500 человек, толпа расположилась на железнодорожном полотне, вследствие чего не могла быть разогнана казаками, подняла красный флаг и встретила отходящий поезд градом камней и выстрелов, на которые отвечали и чины полиции, ранившие с поезда 2 рабочих, из коих один 3 июля умер.

Одновременно с сим происходила манифестация и на Кахетинской площади, но произведшие ее рабочие, завидев приближающийся казачий разъезд, выбили окна в двух лавках и поспешили разбежаться. Затем последовал ряд стачек на местных фабриках и заводах, но порядок в городе не нарушался до 11 июля, когда забастовали каменщики, плотники, пекаря, наборщики и ломовики и в числе около 800 человек произвели вновь буйство на Кахетинской площади. Порядок был восстановлен казаками, причем 3 рабочих было ранено шашками. К 14 июля в город прибыли вызванные из окрестностей войска, и в тот же

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 66, л. 46—47.

день произошла всеобщая в Тифлисе забастовка [1]. Рабочие на бойнях, в хлебопекарнях и на конках были заменены нижними чинами, и главное внимание обращено на охрану железно-дорожных сооружений. Начавшаяся 14 июля общая стачка рабочих в г. Тифлисе охватила все отрасли труда. Кроме рабочих железно-дорожных мастерских, трамвая и всех фабрик и заводов, прекратили работу: ремесленные заведения, типографии, приказчики многих магазинов, рабочие городской бойни, ламповщики, ломовики, поденщики и даже прислуга гостиниц и ресторанов...

По постановлению Тифлисского губернатора, подвергнуты аресту в административном порядке на разные сроки 125 человек.

Для восстановления нарушенного порядка администрацией были приняты следующие меры: станция железной дороги в момент возникновения беспорядков была занята войсками, что, кроме предотвращения порчи имущества, дало возможность продолжать беспрепятственно движение поездов; при содействии и под охраной войск действие городского трамвая было восстановлено в день его прекращения; в рабочих кварталах были учреждены патрули и разъезды, которые, не допуская больших скоплений рабочих, в то же время служили охраной для рабочих, которые, прекратив работу под влиянием угроз более буйных из своих товарищей, вскоре опомнились и пожелали снова стать на работу.

Всеобщая стачка на Закавказской железной дороге [2]

Беспорядки в Тифлисе и Баку отозвались по всей линии Закавказской железной дороги, достигнув наибольшего напряжения на ст. Михайлово [3]. 14 июля здесь забастовали рабочие местного железно-дорожного депо и, образовав толпу, остановили шедший из Тифлиса товарный поезд и пытались отцепить паровоз от подходившего пассажирского поезда из Боржома. Так как никакие убеждения не действовали и рабочие стали бросать камни и стрелять из револьверов в вызванную из Сурама воинскую команду и местных полицейских стражников, то после нескольких предупреждений по толпе дан был залп, рассеявший ее, причем на месте оказалось 10 убитых и 18 раненых рабочих (из числа последних 4 человека впоследствии умерло).

В этот же день забастовало 60 рабочих на ст. Каспи, 600 человек на ст. Тороплин, 30 человек в Боржоме; в Шаропани [4] и Квирилах произошли беспорядки, для подавления коих были употреблены войска, за-

---

[1] Всеобщей стачкой Тифлисских рабочих руководил Тифлисский комитет РСДРП. Комитет выпускал прокламации, в которых были сформулированы требования бастующих рабочих, освещался ход стачки и события, сопутствующие ей. За время стачки выпущены след. прокламации: 1) «Всеобщая стачка в Баку...» 2) «Ко всем железнодорожным рабочим. Товарищи! Солидарность прежде всего». 3) «Тифлисский Комитет после совещания с 17 представителями рабочих с разных заводов и промышленных заведений выработал следующие требования»... 4) «Елизаветпольские товарищи! Мы затеваем трудную и неизвестную борьбу за свободу и лучшую долю»... 5) Товарищи! 14 июля весь Тифлис стал, как один человек»... 6) Последние события. Товарищи! Голицын вернулся»... 7) «Ко всем труженникам Тифлиса. Не думайте, товарищи, чтобы наше царское правительство»... 8) «Наших товарищей судят. Сегодня предстанут пред судом правительства»... 9) «Товарищи! Наши ожидания оправдались. Наемные суды вынесли нашим товарищам бесчеловечный приговор»...

[2] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68, л. л. 49 об-50.

[3] Работу по организации стачки на Закавказской жел. дор. проводил Тифлисский комитет РСДРП, члены которого выезжали на станции Михайлово, Шаропань, Квирилы, Баладжары, Сачхери и др., где они произносили речи политического характера, формулировали требования рабочих, распространяли прокламации.

[4] Во время стачки рабочих марганцевых копей на ст. Шаропань и Чиатуры среди забастовавших рабочих распространялись прокламации тифлисского комитета РСДРП с требованиями, предъявленными во время стачки Тифлисскими рабочими, а также прокламация Имеретинского социал-демократического рабочего комитета на грузинском языке о положении рабочих на марганцевых промыслах и их требованиях в связи с забастовкой.

бастовали и служащие на Военно-грузинской дороге, так что движение на оной прекратилось, а 17 июля прекратили работы рабочие марганцевых копей в Чиатурах. Последние, собравшись толпой в 4 тыс. человек и, подняв красный флаг, двинулись от вокзала, разбивая и поджигая навесы, будки, весы и др. имущество марганцепромышленников, после чего мелкими партиями ушли в м. Сачхери. Для восстановления порядка в Чиатуры был послан батальон пехоты. Наконец 19 того же июля в Поти возникла стачка портовых рабочих и железно-дорожных грузчиков, которые потребовали увеличения платы, недопустили к занятиям нежелавших оставить таковых и насильно удалили грузчиков с стоявшего в порту парохода, а также отказались от воскресных работ по выгрузке марганца из вагонов, чем нарушили правильность движения товарных поездов. Вследствие сего в Поти были вызваны для охранения порядка войска, а грузчикам увеличена поденная плата, что однако не заставило их отказаться от забастовки по воскресным дням.

Всеобщая стачка в Батуме[1]

Ввиду полученных сведений, что 17 июля в Батуме ожидаются волнения местных рабочих[2], военный губернатор Батумской области распорядился установлением наблюдения за настроением рабочих и учреждением с раннего утра конных разъездов в городе и его окрестностях. В назначенный день рабочие всех местных заводов спокойно начали свои занятия, но после утреннего перерыва демонстративно оставили работу, заставили прекратить работу и железнодорожных служащих и направились толпой в город. Против демонстрантов были направлены — конная полицейская стража, казаки и рота пехоты, встретившие и рассеявшие большую толпу рабочих, произведших беспорядки на Турецком базаре. Разбежавшиеся рабочие скрылись в лавках и мастерских, а затем, появившись вновь группами на улицах, угрозами заставили торговцев закрыть лавки, извозчиков уехать домой. На следующий день лавки в городе были открыты лишь после настоятельного требования администрации, а извозчики вовсе не выехали на биржу.

Толпа народа стояла на панелях и вела себя спокойно, по требованию конного разъезда или патруля расходилась, но по удалении таковых рабочие вновь занимали свои места, ожидая, повидимому, сигнала для возобновления беспорядков. В толпе замечались по временам лица, подающие сигналы маханием платка, причем одно из таких лиц было задержано, но тотчас же отбито товарищами и скрыто в духане. На Тифлисской улице численность толпы, имевшей при себе красные флаги, доходила до 2 тыс. человек; толпа эта была разогнана сотней казаков, обнаживших шашки, после чего рабочие образовали такое же скопище на противоположной стороне железнодорожного пути и стали бросать в полицейского чиновника и казачью команду камни, палки и куски старых шпал, махая бывшими у некоторых из них рапирами. После надлежащего предупреждения в толпу было произведено несколько выстрелов, рассеявших ее, причем подобрано 2 раненых. В ночь на 19 июля неизвестными злоумышленниками был испорчен железнодорожный путь в окрестностях Батума, вследствие чего охрана пути усилена и приняты меры к снабжению городских жителей провизией, а также произведены аресты духанщиков, дававших убежище разгоняемым полицией и войсками рабочим, и задержано около 60 буянов, наносивших

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68, лл. 50, об. 51.

[2] Всеобщей стачкой в Батуме руководил Батумский Комитет РСДРП; рабочие, входившие в состав Комитета, еще с весны 1903 г. подготавливали забастовку, ведя систематическую агитацию за необходимость политической борьбы. (М. Ю. вр. канц., 1903 г., д. № 17626, лл. 27—28).

побои извозчикам и резавших у них резиновые шины. Последующие дни прошли спокойно, и рабочие стали постепенно высказывать желание возобновить занятия.

Всеобщая стачка в Одессе[1]

1 июля в Одессе забастовали рабочие котельного цеха местных железно-дорожных мастерских, потребовавшие принятия на службу несправедливо уволенного, по их мнению, товарища, увольнения некоторых мастеров и увеличения расценка[2]. Забастовка была дружно поддержана прочими цехами и прекратилась лишь 4 июля после данного начальником дороги обещания удовлетворить требования рабочих. 5 июля забастовали недовольные низкой платой рабочие «Русского общества пароходства и торговли» и «Российского общества транспортирования кладей», а к вечеру к ним присоединились все портовые рабочие в числе около 4 тыс. человек, которые, не производя никаких беспорядков, потребовали увеличения поденной платы.

7 июля рабочие были собраны мерами полиции, и, по увеличении им заработной платы, почти все приступили к занятиям. 8 июля при выгрузке одного греческого парохода, группа забастовщиков-кавказцев недопустила 300 нанятых по пониженной цене рабочих приступить к выгрузке, несмотря на оказанную грузчикам поддержку со стороны полиции. 11 июля забастовали матросы и кочегары двух вышеупомянутых обществ; в тот же день железно-дорожные рабочие, в виду отказа начальства повысить заработную плату, возобновили забастовку. На следующий день они приступили к занятиям, но одновременно с сим забастовка распространилась на всех судорабочих, которые, не нарушая внешнего порядка и ведя себя в общем спокойно, старались воспрепятствовать возобновлению работы желающими. В целях предупреждения беспорядков в порт была выслана карантинная рота, а на берегу учреждены казачьи разъезды. Командирование на стоявшие в порту суда матросов с военных судов вызвало среди судорабочих сильное неудовольствие.

15 июля забастовали кучера и кондуктора городского трамвая, и на следующий день к ним присоединились рабочие некоторых заводов, пригородных каменоломен и железнодорожных мастерских. Постепенно забастовка распространилась на все промышленные заведения г. Одессы, причем рабочие стали принимать насильственные меры против незабастовавших товарищей, и уже 17 июля войска принуждены были разгонять толпу на улицах и за городом. 17 же июля толпа помешала своевременному отправлению из Одессы курьерского и почтовых поездов

---

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68, лл. 45—46.

[2] Забастовка в Одессе, начавшаяся на почве экономических требований, благодаря твердому руководству Одесского Комитета РСДРП, вылилась во всеобщую. Члены Комитета проводили общие собрания рабочих в Рубовом и Диковом саду, митинги на отдельных заводах, в мастерских, в порту, среди грузчиков, помогая рабочим выработать свои требования, объясняя значение борьбы под политическими лозунгами. В период июльской стачки Одесский Комитет выпустил следующие прокламации: 1) «К рабочим г. Одессы. По поводу стачки в железно-дорожных мастерских». 2) «К портовым рабочим. Товарищи! Вы забастовали»... 3) «К портовым рабочим. Товарищи! Стачка ваша растет и растет»... 4) «К рабочим забастовщикам г. Одессы»... 5) «К портовым рабочим. Товарищи! В мире есть царь — этот царь беспощаден — голод название ему —»... 6) «К морякам — солдатам, посланным на места забастовщиков». 7) «Ко всем кондукторам, кучерам, рабочим Одесского трамвая»... 8) «Известия о стачках в Одессе»... 9) «Рабочим и работницам г. Одессы. В четверг 17 июля небывалое событие взбудоражило весь город...» 10) «К солдатам. 18 июля произошло в Одессе нечто дикое и страшное»... 11) «К рабочим и работницам г. Одессы. Товарищи! Два дня дышали мы воздухом свободы»... 12) «Что дала июльская забастовка и чему она нас учит» и др.

и маневрированию паровозов, ввиду чего и здесь ее разгоняли войска, пустив в ход огнестрельное оружие, но не причинив никому вреда.

18 июля возбуждение рабочих достигло высшей степени; за городом собралась 15-тысячная толпа, среди коей агитировали революционеры, а затем рабочие двинулись группами с поднятым красным флагом в город, к вокзалу и в порт, разбили несколько булочных, пытались разгромить полицейский участок, а одного резника пожелавшего торговать, убили, но к вечеру были разогнаны войсками.

19 июля волнения стихли, большинство рабочих, убедившись в незаконности их действий и энергичном прекращении их начинаний войсками и полицией, приступило к занятиям, наиболее упорные забастовщики произвели еще последние попытки закрытия пекарен и мясных лавок, а также отбития от конвоя арестованных товарищей, но были частью разогнаны, частью же задержаны в числе 300 человек, после чего порядок в Одессе восстановлен.

Всеобщая стачка в Киеве[1]

20 июля в Киеве началась агитация за общую забастовку на всех фабриках и заводах. Утром 21 июля рабочие Киевских железнодорожных мастерских, придя в мастерские, отказались работать, предъявив различные требования, формулированные в печатных листках, распространенных ими в большом количестве по мастерским[2]. После переговоров с начальником железных дорог, рабочие не разошлись, а направились толпой по путям дорог мимо вокзала к паровозному депо, где насильно залили водой топки в паровозах и принуждали присоединиться к ним тех, кто продолжал работу; затем небольшая часть рабочих направилась по домам, большинство же вернулось в мастерские, но к работам не приступило. Были вызваны войска, оцепившие паровозное депо для охраны пути и мастерских. На требования расходиться некоторые из рабочих направились по домам, большинство же осталось в мастерских, где были разбросаны революционные воззвания с призывом к забастовке. Рабочие чего-то поджидали и только к 4 часам дня разошлись после увещаний, обещая на другой день стать на работу, при условии исполнения начальником дороги некоторых их требований.

В тот же день пополудни забастовали рабочие соседнего с означенными мастерскими завода Южно-Русского общества, которые оставались во дворе завода, ожидая чем окончится стачка железнодорожных мастерских. 23 июля забастовавшие железнодорожные рабочие собрались в мастерские, но к работам не приступили, ввиду чего админи-

---

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68 л. 53—55.

[2] Агитацию среди киевских рабочих за всеобщую стачку солидарности с бакинскими, тифлисскими и одесскими рабочими проводил Киевский комитет РСДРП. Еще 17 июля была выпущена прокламация «К борьбе», призывавшая рабочих к забастовке. В первый день июльской стачки, 21 июля, комитетом было выпущено 4 прокламации: 1) «Ко всем рабочим гор. Киева. Товарищи! Грозно прокатилась по всему Югу России волна рабочего движения»... 2) «К борьбе! Ко всем железнодорожным рабочим г. Киева»... 3) «Ко всем типографщикам г. Киева»... 4) «Ко всем рабочим заводов: Неедли и Унгермана, Фильверта и Дедина, Ольшанского, Графа и К-о»... За все время стачки, кроме указанных, Комитет выпустил еще ряд прокламаций: 1) «К борьбе! К рабочим города Киева. Товарищи! Бросайте немедленно работу»... 2) «Ко всем рабочим ф-ки Даболинга». 3) «Ко всем рабочим гор. Киева. Опять зверская расправа»... 4) «Ко всем булочникам г. Киева»... 5) «Ко всем рабочим г. Киева. Товарищи! На зверское преступление нашего правительства»... 6) «Ко всем рабочим г. Киева. Всеобщая стачка, охватившая огромным пожаром целый ряд городов»... 7) «Ко всем гражданам. Зверское преступление в духе Ивана Грозного»... 8) «Ко всем рабочим г. Киева. Товарищи! Забастовка окончилась»... 9) «К солдатам Киевского военного округа»... 10) «Значение всеобщей стачки в освободительной борьбе русского пролетариата»...

страцией дороги были вывешены объявления, приглашавшие рабочих, не желающих стать на работу, получить расчет. В обеденный перерыв рабочие разошлись и мастерские были закрыты. Придя после обеда к мастерским и найдя их запертыми, рабочие стали группироваться на железнодорожном пути, где к ним присоединились рабочие соседнего завода Южно-Русского общества, причем толпа, тысячи в две человек, заняла всю ширину пути. Все убеждения очистить путь не имели успеха, ввиду чего признано было необходимым удалить толпу при содействии войск. Рассеять толпу последним удалось без выстрела, но когда из одной кучки стали бросать в войска камнями, которыми были ушиблены помощник пристава, один офицер и несколько городовых, то войсками было сделано два залпа. На месте обнаружено двое убитых и девять раненых, из числа коих один умер.

25 июля, с самого утра, целый день по Киеву бродили кучки рабочих, группируясь в некоторых местах в большие толпы, которые приходилось разгонять войсками. На набережной Подола толпа рабочих, соединяясь с забастовавшими рабочими пароходных мастерских, стала буйствовать, выбивая камнями окна в паровых мельницах, фабриках и домах, врываясь в здания фабрик и требуя прекращения работ. Со стороны буйствовавших в прибывшие войска и полицию сыпался град камней, коими ранены пристав, помощник пристава, три околоточных надзирателя, семь городовых, казачий офицер, два казака и несколько рядовых. В толпу было сделано несколько залпов, коими трое ранены; один из них в больнице умер.

25 же июля, во время продолжавшихся в г. Киеве рабочих беспорядков, рабочие пароходных мастерских на Трухановом острове, захватив небольшой пароход «Маруся» и разъезжая среди стоящих на реке других пароходов, вовлекли в стачку их команды и, сняв последние с судов, перевезли их в город. Одновременно с сим происходили беспорядки на городских улицах, причем в восстановлявшие порядок полицейские и воинские команды из толпы рабочих бросались камни.

День 26 июля прошел несколько спокойнее, причем предполагавшаяся на Трухановом острове сходка рабочих не состоялась, а партия судорабочих, отправившаяся на лодках снять с пароходов непримкнувших еще к забастовке товарищей, при возвращении с последними в город была задержана войсками. В этот день в часового на вокзальной территории было произведено неизвестным лицом безуспешно 5 выстрелов из револьвера, а среди железнодорожных телеграфистов шла агитация в смысле присоединения их к стачке.

27 июля войска возвратились, по распоряжению командующего войсками округа, из лагерей в город, который был разделен на участки, вверенные для поддержания в них порядка начальникам отдельных войсковых частей, получивших приказание действовать оружием по собственному почину, без соглашения с гражданскими властями. В тот же день в городе предполагалась демонстрация в память убитых при подавлении беспорядков, причем были заготовлены флаги с революционными надписями и распространены воззвания от местных революционных групп, но благодаря своевременному аресту зачинщиков и руководителей демонстрации таковая не могла состояться.

День 30 июля прошел в Киеве спокойно и, благодаря охране города и находящихся в нем учреждений военной силой, забастовавшие рабочие местных железнодорожных мастерских и заводов, в числе до 4 тыс. человек, порядка на нарушали. Равным образом и следующий день прошел спокойно, причем рабочие, по приглашению администрации, стали постепенно приступать к работе.

1 августа работы в железнодорожных мастерских и большинстве фабрик и заводов возобновились, город принял обычный вид, и число

неприступивших к занятиям рабочих уменьшилось до тысячи человек, а 4 августа восстановлен полный порядок, и наряд войск для охраны города прекращен.

Всеобщая стачка в Николаеве[1]

21 июля в г. Николаеве забастовали рабочие судостроительного завода. Работавшие в котельной мастерской этого завода рассыпались по другим мастерским, заставляя своих товарищей прекратить работу; затем забастовщики отправились на соседний Черноморский завод и там силой заставили прекратить производство работ; отсюда они, неся красные флаги, направились массами по городу, остановили движение конки, разбили по пути окна в казенном винном складе. К этому времени были вызваны войска и с их помощью толпа была рассеяна. При этом несколько человек руководителей арестованы. При подавлении беспорядков градоначальник, контр-адмирал Энквист, получил удар камнем в голову, причинивший ему незначительное повреждение. 23 июля забастовавшие рабочие собрались около судостроительного завода узнать, когда начнутся работы. В числе собравшихся оказались агитаторы, разбрасывавшие прокламации[2]. Вся толпа направилась в торговый порт и к казенному элеватору с целью заставить прекратить работу в порту. Направленные немедленно к порту войска оттиснули толпу, часть которой, из пересеченной местности сделала около десяти револьверных выстрелов и бросала каменьями в войска, но тотчас же была рассеяна с задержанием нескольких агитаторов. Кроме того, в местах сходок арестовано 36 человек и в числе их несколько руководителей беспорядков.

Всеобщая стачка в Елизаветграде[3]

10 июля на заводе Яскульского в г. Елисаветграде забастовало 200 рабочих, после чего на дворе означенного завода найдены преступные воззвания к рабочим[4]. На следующий день забастовали рабочие трех соседних заводов, причем продолжалась агитация к забастовкам и на других заводах г. Елисаветграда, но 12 июля забастовки прекратились и на заводах восстановилось полное спокойствие. 28 июля забастовали каменщики, плотники, маляры, кровельщики и пекаря, потребовавшие сокращения рабочего времени и уничтожения сверхурочных работ, а на следующий день к ним присоединились весьма многочисленные в Елисаветграде мельники, которые насильно остановили те мельницы, где работы еще продолжались. Рабочие ходили группами по городу, врываясь в магазины, бросая камни и производя выстрелы

---

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68, л. 55.

[2] Социал-демократическая организация Николаева в выпущенных ею прокламациях выставила лозунг «Да здравствует надвигающаяся революция». С. д. организация Николаева выпустила 3 прокламации: 1) «Ко всем Николаевским рабочим. Долго копившееся недовольство рабочих прорвалось, наконец, наружу»... 2) «К Николаевским рабочим. Все наши предсказания сбываются гораздо скорее, чем можно было ожидать»... 3) «Ко всем Николаевским рабочим. Кончились Николаевские «беспорядки, массовые собрания рабочих разогнаны штыками»...

[3] ДП, о.о., 1898 г., № 4, ч. 68, л. 51.

[4] Елизаветградский комитет РСДРП выпустил прокламацию «К рабочим завода Яскульского. Товарищи! На вашу долю выпало необыкновенное счастье. Вы первые из заводских рабочих Елизаветграда осмелились заявить своему эксплоататору, что жить и работать так, как жили и работали до сих пор вы не можете и не желаете»... После окончания стачки, члены Елизаветградского комитета продолжали агитацию за всеобщую забастовку и выпустили прокламацию о продолжении борьбы за политическую свободу, за социализм.

в разгонявших их полицейских чинов. Вызванные войска восстановили порядок и задержали 56 зачинщиков, после чего порядок в городе был восстановлен, и работы на заводах и мельницах возобновились.

Всеобщая стачка в Екатеринославе[1]

В виду имевшихся указаний на возможность возникновения в Екатеринославе рабочих беспорядков, 4 августа были произведены обыски у 21 человека, которые и задержаны в качестве подстрекателей и руководителей беспорядков. Тем не менее в ночь на 5 августа были распространены гектографированные воззвания к булочникам[2], которые 5 августа забастовали и многие из них вышли толпой на улицу; вскоре к булочникам присоединились рабочие других цехов и началось распространение революционных воззваний, приглашающих к общей забастовке[3].

7 августа, около 8 часов утра, рабочие екатеринославских железнодорожных мастерских, в числе около 2200 человек, также забастовали. После личного увещания и. д. губернатора они сначала постепенно разошлись, сохраняя порядок, но затем часть их, около тысячи человек, сгруппировавшись на полотне дороги, двинулась на ближайшие заводы: Брянский, трубопрокатный и гвоздильный, где угрозами и насилием заставили рабочих прекратить занятия. Таким образом число забастовавших дошло до 9 тыс. человек. Часть их разошлась по домам, а около 2 тыс. человек собрались толпой к Брянскому заводу. Требования полиции разойтись и натиск конной полицейской стражи были встречаемы градом камней, которыми были ушиблены: тяжело — один городовой и один конный ординарец Керчь-Еникальского полка, легко — несколько офицеров, солдат и чинов полиции. Подходя к войскам, толпа увещевала солдат не стрелять в них, как своих братьев, а перестрелять офицеров, и бросить оружие. Когда все средства к мирному восстановлению порядка были исчерпаны, войскам предложено было действовать оружием. Действовавшей ротой был дан один залп, причем 8 человек оказались убитыми и 15 человек тяжело ранеными, из коих двое вскоре затем умерли. После этих выстрелов толпа рассеялась, но затем рабочие снова стали появляться большими группами в

---

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68, л. 57 об — 59.

[2] Эти гектографированные прокламации были выпущены Екатеринославским комитетом партии социалистов-революционеров 5 августа (см. ниже прокламацию Одесского комитета РСДРП, разоблачающую дезорганизаторские действия эсеров в Екатеринославе).

[3] За время всеобщей стачки Екатеринославский комитет РСДРП почти ежедневно выпускал гектографированные и печатные прокламации, в которых формулировались требования рабочих разнообразных профессий. По имеющимся данным были выпущены следующие прокламации: 1) «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава. Все рабочее население Кавказа и Юга России»... 2) «К рабочим Екатеринославских мастерских Екатеринославской жел. дор.»... 3) «К рабочим Брянского завода»... 4) К вагоновожатым и кондукторам Екатеринославского трамвая»... 5) К Екатеринославским ремесленникам: столярам, портным, переплетчикам, шапочникам и сапожникам»... 6) «К дворникам и ночным сторожам г. Екатеринослава»... 7) «К слесарям»... 8) «К Екатеринославским парикмахерам». 9) «К Екатеринославским солдатам». 10) «Ко всем рабочим, работницам гор. Екатеринослава». 11) «Товарищи! Начав всеобщую забастовку, мы должны вести себя, как подобает борцам за великое дело»... 12) «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава. Товарищи! События последних дней, как зарево лесного пожара, охватившее весь юг России»... 13) «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава. Товарищи! Всеобщая забастовка, начавшаяся 7-го августа, через 5 дней была совершенно закончена»... 14) «К обществу. Всеобщая забастовка и политический протест многотысячной рабочей массы широкой волной прокатились по Югу России»... 15) «Ко всему пролетариату. 2-го ноября суду Харьковской судебной палаты с участием сословных представителей предаются 56 наших товарищей»... 16) «Ко всем рабочим Екатеринославской губ. Совершился суд»...

разных пунктах города. В виду этого в Екатеринослав была вызвана вся 34 пехотная дивизия. К пяти часам вечера толпы забастовщиков были окончательно рассеяны. На следующий день тела убитых были похоронены под охраной войск.

В тот же день, 8 августа забастовка распространилась на железнодорожные мастерские и 4 завода, находящиеся в пригородном поселке Амур-Нижнеднепровске. В названных мастерских, несмотря на охрану работ войсками, рабочие бросали в незабастовавших товарищей камнями и грозили рассчитаться с ними впоследствии, ввиду чего те просили начальство освободить их от работы и, получив разрешение, спокойно разошлись по домам, на следующий же день собрались на работы в полном составе. В последующие затем дни работы в екатеринославских железнодорожных мастерских продолжались в половинном составе под охраной войск, прочие же заводы почти все примкнули к забастовке. Сборища рабочих у завода и на улицах рассеивались мерами полиции и войсками, но столкновений с последними более не происходило; в центре города были случаи, что из толпы стреляли в чинов полиции, причем однако никто не пострадал; в толпе усиленно распространялись революционные воззвания, а группой рабочих прекращено было движение электрического трамвая путем порчи машин.

10 августа на Чечелевской улице толпа отказалась разойтись и стала бросать камни в чинов полиции и войска. При рассеянии толпы казаками было задержано 30 человек наиболее упорно сопротивлявшихся приказаниям начальства и бросавших камни из строящегося дома, причем у них обнаружены революционные воззвания, а в предместьи города Чечелевке казаками застигнуты и разогнаны рабочие, собравшиеся на сходку, причем задержано 52 подстрекателя к беспорядкам, у коих также найдены революционные воззвания. 11 августа наступило некоторое успокоение рабочих, которые, хотя и в незначительном числе, явились на работу и беспорядков на улицах не производили. 14 августа восстановлено полное спокойствие, и рабочие екатеринославских и амур-нижнеднепровских мастерских, фабрик и заводов почти поголовно приступили к занятиям.

Всеобщая стачка в Керчи[1]

Утром 12 августа рабочие фабрик и заводов г. Керчи, недовольные продолжительностью рабочего дня и сравнительно небольшим заработком, забастовали, собравшись толпой в 1500 человек, к которой присоединились затем и посторонние лица, произвели беспорядки на городских улицах и на вокзале, где выломали окна и двери и выпустили пар из паровоза. Вызванные на место беспорядков войска рассеяли толпу, не прибегая к действию оружием. На следующий день для поддержания порядка в городе, по распоряжению керчь-еникальского градоначальника, были вновь выставлены на улицах и площадях войска. Несмотря на это, рабочие стали собираться в разных частях города группами; в 10 часов утра толпа в 200 человек направилась к агентству Русского общества пароходства, с целью разграбить контору и прекратить работу, но была встречена войсками, причем в происшедшем здесь столкновении со стороны рабочих был убит 1, ранено 4 человека, и арестовано 9 подстрекателей и коноводов, со стороны же войск — 2 нижних чина были тяжело ранены камнями, а 14 человек легко.

Вскоре после этого новая толпа рабочих двинулась к полицейскому участку, куда были препровождены арестованные, и требуя освобож-

[1] ДП, IV, 1898 г., д. № 4, ч. 68, лл. 59 об-60.

дения последних, произвела здесь беспорядки, сопровождавшиеся разбитием стекол в окнах; прибывшими войсками толпа была рассеяна.

14 августа в городе восстановлено полное спокойствие, войска введены в казармы. и рабочие всех фабрик и заводов приступили к занятиям, причем убеждения местного фабричного инспектора и обещание его урегулировать отношения хозяев к рабочим имели сильное влияние на прекращение беспорядков.

Прокламация Одесского Комитета РСДРП, сентябрь 1903 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К последним событиям на юге.

Кавказу принадлежит слава инициатора грандиозной стачки рабочих юга России. Стачка началась в Баку в первых числах июля и быстро охватила всех без исключения рабочих. 4 июля она распространилась на весь Черный и Белый город и на Биби-Эйбат, а 5 на Балаханы; 5 стала конка. Начали бастовать фабрики и мелкие ремесленные мастерские в городе. Вся промышленная жизнь города и окрестностей замерла. Рабочие ходили тысячными толпами по заводско-промысловому району и везде прекращали работы. Сопротивления почти нигде не было — все были уверены во всесилии рабочих. Полиция сопровождала толпу забастовщиков, не делая никаких попыток к вмешательству.

Вследствие стачки ж.-д. депо, товарные поезда стали. Команда прибывающих наливных шкун присоединяется к стачке, и всякий привоз и вывоз товаров прекращается. Станция вся завалена товарными поездами, рейд наполнен наливными шкунами. Прекратили работу решительно все рабочие; даже самый покорный народ — амбалы (персы), метельщики городских улиц, мусорщики и ассенизаторы присоединяются к забастовке, выставляя свои требования, даже часть ресторанной прислуги забастовала. Войска и казаков было слишком мало, чтобы они могли чему-нибудь помешать. Всего забастовало до 50 тыс. чел.

Начались грандиозные сходки, на которых собиралось от 3 до 20 и 30 тысяч человек. К сожалению, далеко не все оне были удачны: многие страдали недостатком, а то и полным отсутствием организованности. На сходках произносились речи как экономического, так и политического содержания. Даже на улицах происходят там и сям импровизированные сходки по нескольку сот человек с ораторами.

Для примера опишем одну из сходок — у Волчьих ворот 6 июля собралось 5—6 тыс. чел. Произносят речи о стачках, о требованиях, о необходимости политической борьбы. Собрание продолжается часа 2, в присутствии нескольких сотен казаков. Ежеминутно играет рожок и кажется, что казаки вот, вот бросятся на толпу, но все ограничивается одними военными упражнениями. Офицер несколько раз подъезжает к толпе и кричит ораторам: «прекратить!» В ответ раздается: «продолжать!». Собрание кончилось, все мирно расходятся. Толпа разсеялась по полю. В это время казаки начали теснить ее, они еще более разбивают ее и после этого хватают 2—3 чел. В это время кто-то развертывает знамя, но момент неудобный — толпа рассеяна. Часть ее спешит

[1] ЦАР, Инв. № 677. Прокламация отпечатана в типографии Одесского комитета РСДРП.

к знамени, но казаки оттесняют ее. Знамя держится с минуту, затем знаменосец бросает его и скрывается.

В город, вскоре по возникновении стачки, прибывают войска, и дальнейшие массовые сходки становятся невозможными. К тому же, несколько неудачных собраний разочаровывают рабочих. Полиция и казаки, пользуясь своим усилением, начинают прибегать к насилиям, избивая нагайками небольшие кучки рабочих. Буржуазия подымает голову; электрическую станцию, конку и ж.-д. мастерские пробуют пустить в ход при помощи матросов, солдат и полиции. Администрация и хозяева угрожают карами тем рабочим, которые не начнут работать. Неорганизованность и неподготовленность рабочих делают свое дело, и работы мало по-малу начинаются повсюду недели через две после начала стачки, причем рабочие добились по большей части лишь мелких уступок, да обещаний «рассмотреть их прочие требования».

В Тифлисе 2 июля потребовали сокращения рабочего дня до 8 час. вечера приказчики, требование которых было удовлетворено. Затем поднялись мелкие ремесленные мастерские с требованием 10 час. дня. С 11 забастовали мясники, потом пекаря, типографщики, а с 14 июля началась всеобщая забастовка жел.-дор. рабочих по линии Закавказской жел.-дороги. 16 началась всеобщая забастовка в Батуме, около 18 в Чиатурском горном округе (в области марганцепромышленности), где стачка сопровождалась, по малосознательности рабочих, насилиями, разрушением заводов и копей. В общем в кавказских забастовках участвовало до ста тысяч рабочих. На ст. Михайлове (между Тифлисом и Батумом) войска стреляли в толпу, причем 36 рабочих убито или изувечено.

В Екатеринославе события развивались следующим образом: в виду стачки, оба Екатеринославских комитета решили действовать сообща и избрали — стачечную комиссию [1], которая назначила всеобщую забастовку на четверг 7 августа. Настроение было довольно бодрое. Вследствие того, что соц.-рев. выпустили листок к булочникам раньше назначенного срока, во вторник 5 августа, последние забастовали. Это явление, доказывавшее отсутствие единства действий, повредило цельности забастовки. Булочники стояли всего 2 дня, хлеб продавался почти по обычной цене. Хозяева и обыватели переполошились, но скоро успокоились, так как через два дня, в четверг — день, назначенный для всеобщей забастовки, булочники возобновили работы. В среду вечером были распространены прокламации к отдельным заводам, но не в большом количестве. Листки с призывом к всеобщей стачке случайно не были выпущены во время.

Наступил четверг. Первые бросили работу железно-дорожные рабочие и часть Брянского завода. Громадную роль при этом сыграли женщины. Так, одна девушка вместе с толпой направилась к работающим цехам Брянского завода и со словами: «Товарищи, неужели вам не стыдно работать? Неужели вам так хорошо живется?» — приглашала бросить работу. «Идем, барышня, идем», раздавались голоса в ответ на ее приглашения, и все бросили работу. Вся эта громадная толпа, хотела было соединиться с остальными товарищами с других заводов, но полиция, казаки и солдаты действовали штыками и нагайками; толпа ответила градом камней. При этом одна женщина из толпы с ребенком на руках, сильно избитая, ударила камнем офицера, вслед за этим послышалась команда, и раздались выстрелы. Толпа даже не была предупреждена. Жертв много: 11 убитых, 14 раненых, трое из

1. В стачечную комиссию по проведению всеобщей стачки в Екатеринославе входили две социал-демократические организации, которые до этого работали самостоятельно, обе под именем Екатеринославского Комитета РСДРП. (См. История Екатеринославской соц.-дем. организации 1898—1903 г.г. стр. 398).

раненых умерло. Рассказывают, что когда офицер обратился было к фельдфебелю с командой стрелять, тот два раза напоминал, что патроны у них боевые. После этого толпа разошлась по домам, настроение было тяжелое, в городе не все мастерские остановились. Амур и Нижнеднепровск тоже работали еще в четверг. Только в субботу 9 августа они бросили работу. Арестов в тот день было мало, арестованных избивали самым беспощадным образом. Этим закончился первый день стачки, в этот день состоялась сходка, на которой говорилось о политической свободе.

В пятницу 8 августа собралась громадная толпа и хотела соединиться с другими товарищами, но напрасно. Полиция и солдаты были на готове. Толпа переругивалась с полицеймейстером. Последний обратился было к рабочим с речью, в которой указывал, что забастовка эта устроена по инициативе «социал-демократов мерзавцев». «Сам мерзавец» — послышались голоса,— наша забастовка». Полицеймейстер предлагал отправить к нему депутатов. Рабочие отказались — «в кутузку их отправите» — послышалось в ответ на его предложение. Рабочие отказались продолжать с ним переговоры. Выступил оратор с речью о необходимости политической свободы. Толпа отнеслась сочувственно, к концу речи полетели листки, которые читались с жадностью. На речи ораторов отвечали криками «Ура», во время этих речей, неподалеку от сборного пункта, полиция хоронила убитых товарищей. После этого толпа двинулась в город, чтобы соединиться с городскими рабочими и устроить собрание на проспекте. По дороге толпа везде прекращала работы. Дошли до городского театра. Там стояли уже казаки и солдаты. Казаки разогнали толпу, причем было много сильно избитых и арестованных. По участкам били самым жестоким образом.

В субботу было несколько собраний: большое собрание на Амуре и собрание в тысячу человек на Кайдаках, с речами политического характера. На Чечелевке происходили небольшие собрания в 500—600 чел., с речами различного содержания. Один социалист-революционер приглашал на вооруженную демонстрацию [1]; рабочие скептически, даже насмешливо, отнеслись к такому предложению. В самом городе никаких собраний не было.

В воскресенье состоялось снова большое собрание на Амуре. На этом собрании, состоявшем из темной массы, речи политического характера не встретили сочувствия. Казаки сначала разогнали толпу, но потом исправник дал на полчаса свободу сходок. Через полчаса он приехал, и один рабочий из толпы изложил ему общие требования. Исправник записывал, иронически поглядывая на толпу. Из бастующих предместий рабочие в город не пропускались.

В понедельник 11 собрания продолжаются. Во вторник 12, благодаря недостаточной организованности их и отсутствию среди них единодушия, а также под влиянием угроз администрации выслать забастовщиков на родину, часть рабочих Брянского завода, а также железнодорожные мастерские стали на работу. Стачечная комиссия закрылась. Амур и Нижнеднепровск держались лучше всех и стояли до среды 13 августа. Большинство выставленных рабочими требований, которые сводились к 8-часовому рабочему дню, повышению расценок, увольнению некоторых лиц из фабричной администрации и другие, остались без удовлетворения.

---

[1] Ленин в своей статье «Революционный авантюризм» (Собр. соч., том V, стр. 145—161), напечатанной в «Искре», №№ 23 и 24, критиковал новую политику соц.-рев. организации «террора вместе с массами», «систематического террора», ввиде вооруженных народных выступлений. В противовес этому, В. И. Ленин призывал организовывать демонстрации, и вести систематическую подготовку народного восстания.

Забастовки происходили во многих мелких городах. Так, в Конотопе, Черниговской губ., рабочие жел.-дорожных мастерских до 4 500 человек 30 июля бросили работу и предъявили требования: 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения больничных условий, школьного обучения для детей рабочих, устранения разных злоупотреблений. Стачка была совершенно неорганизована и прекратилась через 5 дней безрезультатно. По слухам, была всеобщая стачка и в Житомире — в начале августа [1]. Отдельные стачки были еще в Бердичеве [2], Немирове, Бобруйске [3] и других городах.

За последнее время, после грозных июльских событий, одесский пролетариат не перестает вести борьбу с капиталом. Там и сям по различным поводам вспыхивают стачки. Железно-дорожные рабочие Большого вокзала [4], по мере объявления расценок, цех за цехом бросали работу и требовали увеличения заработной платы. В некоторых цехах эти требования удовлетворены, а в некоторых готовятся к борьбе. На ст. Пересыпи грузчики (сносчики), под угрозой забастовки, добились повышения заработной платы в большем размере, чем они требовали во время всеобщей стачки. Назревавшая стачка на конфектной фабрике Крахмальникова провалилась, потому, что хозяин подкупил наиболее влиятельных из рабочих, лучшие же рабочие — социал-демократы не могли выступить, ввиду массовых расчетов по всем фабрикам и заводам Одессы. У рабочих Гена (на Дальницкой ул.) подготовляется стачка из-за монтера Ретмона и из-за правил внутреннего распорядка.

На Большом вокзале администрация вывесила объявление о возвращении заведующего Кваста вновь на службу (Кваст был удален по требованию рабочих во время забастовки 1 июля). Под угрозой забастовки объявление было сорвано, и вывешено другое, в котором объявляется о переводе Кваста в другое место. На Большом вокзале было арестовано 4 рабочих; 3 вскоре были выпущены, а один сидит сейчас — его обвиняют в распространении прокламаций.

В то время, когда все эти события пришли уже по большей части к концу, правительство совершало расправу со своими врагами в Таганроге. 23 человека из числа десятков тысяч народа, принимавшего участие в демонстрации в Ростове 2 марта тек. года [5], были преданы

---

[1] Всеобщая стачка в Баку, Одессе, Киеве подняла настроение екатеринославских рабочих и они начали предъявлять администрации требования о повышении зарплаты. Волынская группа социал-демократов 1 августа выпустила прокламацию «Ко всем работникам и работницам г. Житомира», с описанием всеобщих стачек в Баку, Тифлисе, Одессе, Николаеве, Киеве и призывом «присоединиться к этим славным борцам». Однако всеобщая стачка не состоялась, т. к. вслед за выходом прокламации произошли аресты членов группы, руководителей забастовки.

[2] В начале августа Бердичевская социал-демократическая группа русских рабочих выпустила прокламацию «Ко всем русским рабочим гор. Бердичева» о всеобщих стачках в Баку, Батуме, Тифлисе, Михайлове, Одессе, Киеве и др. городах. Рабочие призывались «приветствовать своих забастовавших товарищей всеобщей забастовкой». Прокламация распространялась по городу 9 и 11 августа; 12 августа началась всеобщая забастовка, в которой участвовало 3 500 рабочих. Рабочие выходили на улицы для демонстрации, во время которой было арестовано 20 агитаторов. Но агитация не прекращалась и 16 августа забастовали 300 рабочих машиностроительного завода «Прогресс». В город были вызваны 2 эскадрона войск.

[3] Сведений о забастовках в Немирове и Бобруйске не обнаружено.

[4] Речь идет о Большом вокзале г. Одессы.

[5] 2 марта 1903 г. в Ростове на Дону произошла организованная Донским комитетом РСДРП демонстрация рабочих. Несколько тысяч рабочих с красными знаменами, с пением революционных песен прошли по улицам города. В некоторых местах произошли стычки с полицией; 23 участника демонстрации были преданы военному суду. Многочисленные аресты среди рабочих и руководителей демонстрации 2 марта членов Донского комитета РСДРП ослабили революционное настроение ростовских рабочих. 16 и 23 июля в главных мастерских Владикавказских жел. дор. были попытки молодежи организовать забастовку, но присутствовавшие в мастерских жандармы арестовали организаторов забастовки, не дав им возможности собрать рабочих.

правительством, ради пущей острастки, военному суду по законам военного времени. Опасаясь, как бы сочувственно настроенное ростовское население не отбило демонстрантов во время суда, правительство, перенесло суд в Таганрог. Однако и здесь во время суда вспыхнула стачка[1], причем забастовщики толпами сопровождали подсудимых в суд и обратно. Заседания суда были, разумеется закрытыми, и после пятидневных заседаний суд вынес приговор, которым трое демонстрантов за мирную демонстрацию, приговорены к смертной казни, десятеро — к каторге, поселению, арестантским ротам и тюрьме. С чисто иезуитским лицемерием суд постановил ходатайствовать о замене смертной казни приговоренным к ней каторгой.

Товарищи! Мы должны своей грудью защищать те жертвы, которые удается выхватить из нашей среды правительству; и мы будем защищать их, продолжая их дело, развивая полное сознание своих товарищей, объясняя им смысл и значение каждого злодеяния правительства, устраивая все новые и новые демонстрации — до тех пор, пока одна общая исполинская демонстрация не охватит всей России и не сокрушит нашего злейшего врага — царское самодержавие. Из Одесской тюрьмы за последнее время отправлены две партии политических ссыльных в Сибирь.

Долой царское самодержавие!
Да здравствует политическая свобода!
Да здравствует социализм!

Одесский комитет российской социал-демократической рабочей партии

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩАМ!

Прокламация Одесского комитета РСДРП, август 1903 г.[2]

Российская социал-демократическая рабочая партия

ПРОЛЕТАРИЙ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

«Не нужно ни гимнов ни слез мертвецам,
Воздайте им лучший почет.
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!»

Грозная буря народного возмущения пронеслась над югом России. Рабочая масса в целом ряде городов властно заявляла о своих правах на лучшую долю и местами даже вступала в борьбу с выдвинутыми против нее войсками. Движение захватило не только крупные рабочие центры, но перешло даже в мелкие города и местечки.

Слухи о происходящих в Одессе и Баку «бунтах» быстро распространились по Киеву и взволновали рабочую массу. Начались подготовления к стачке. Железно-дорожные рабочие выработали ряд требований: 1) 8-час. рабочего дня, 2) повышения платы на 50 проц. и другие мелкие требования. 21 июля утром распространены были два листка Киевского социал-демократического комитета «к борьбе», в одном из них вкратце описывались события в Одессе и Баку, говорилось о солидарности всех рабочих, о необходимости поддержать одесских и бакинских товарищей; второй — с призывом к всеобщей стачке и формули-

[1] Суд над участниками демонстрации 2 марта 1903 г. в Ростове состоялся в Таганроге с 19 по 23 августа 1903 г. Таганрогские рабочие устроили однодневную забастовку 19 августа в день открытия судебного заседания.

[2] ЦАР, инв. № 9022. Прокламация отпечатана в типографии Одесского комитета РСДРП.

ровкой общих требований. В этот же день все цехи железно-дорожных мастерских забастовали. Рабочие собрались в мастерских. Явилась полиция и жандармы, чтобы вести с рабочими переговоры; рабочие требовали управляющего дорогой Немешаева, не желая разговаривать с полицией. На вопрос появившегося, наконец, Немешаева: «Чего вы хотите» — его забросали листками.

Считающий себя «либералом», Немешаев начал убеждать рабочих, что им у него живется очень хорошо, что он, конечно, готов рассмотреть предъявленные рабочими требования, но только просит их немедленно стать на работу. Между прочим он выразил удивление, что рабочие требуют повышения платы: «ведь расценки у вас высокие». В это время из толпы проталкивается старик-рабочий: «Да, высокие — вот я 20 лет работаю, а получаю всего 55 к.— на них с семьей не проживешь», Немешаев смутился — промахнулся: «Вы, кажется 60 к. получаете»,— неловко поправился он. Толпа разразилась хохотом,— «Вот спасибо начальнику, добрый он — 5 копеечек набавил». «Если будете так себя вести, я уйду»,— рассердился Немешаев. В это время губернатор Штакельберг, со страху спрятавшийся в ближайшую будку, закричал из будки жандармам: «Передайте им, что я рассею их солдатскими штыками». Рабочие отвечали смехом на приказ перетрусившего генерала. Вскоре толпа была окружена солдатами и казаками. Мало-по-малу рабочие начали расходиться.

Листки были разбросаны в этот день по многим другим заводам. На Южно-русском заводе рабочие обсуждали вопрос о забастовке. Из них только часть высказывалась за то, чтобы «примкнуть к одесским товарищам». Тут помогла делу полиция, окружившая завод. Едва показались полицейские мундиры, как собравшиеся единодушно решили забастовать. На другой день один за другим останавливались заводы, причем рабочие закричали, что бастуют потому, что забастовали одесские товарищи и железнодорожные, причем выставляли свои частные требования. Забастовали и булочники; 23 в железно-дорожных мастерских собралось несколько тысяч рабочих. Ораторы говорили речи на политические темы, возгласы «долой самодержавие» с увлечением подхватывались толпой. Войска, стоявшие у забора мастерских, обильно снабжались прокламациями, ввиду чего начальство приказало отодвинуть солдат на 30 шагов дальше от забора. Из мастерских толпа двинулась на Батыеву гору, где несколькими ораторами произнесены были речи. Вдруг появились спрятанные за горой казаки. Толпа с криками «на рельсы» бросилась вниз и расположилась на полотне железной дороги. Два поезда принуждены были остановиться. Губернатор Штакельберг, требуя разойтись, грозил толпе пулями и штыками. Рабочие отказались разойтись, требуя Немешаева; двое рабочих подбежали к губернатору и, разодрав на груди рубахи, подставляли ему грудь, крича: «Ты хочешь нашей крови, кровопийца, на пей!». В это время по данному сигналу казаки с шашками на-голо бросились рубить толпу. Дружными усилиями рабочие успели пробиться через солдатские ряды, как вдруг в тыл им раздается оглушительный залп, толпа дрогнула, остановилась. Хватая все попадавшееся под руки — кирпичи, булыжники, колья, рабочие повернули фронт и яростно бросились на солдат; раздался второй залп, толпа бросилась бежать к рабочей слободке Соломенье. Вдогонку им пущен был третий залп. На месте осталось 8 убитых и много тяжело раненых.

После обеда забастовали трамвайные рабочие и типографщики (1400 чел.), которые, не предъявляя пока никаких требований, заявили, что бастуют потому, что убили их товарищей. То же заявляли все бастовавшие после расстрела. На другой день забастовали и остальные заводы, строительные рабочие и многие ремесленные мастерские. Общие

требования были: 8-часовой рабочий день и увеличение платы на 50 проц. Город переполнен был солдатами, войска вернулись на зимние квартиры, казаки были стянуты со всей губернии. К вечеру настроение толпы было страшно раздраженное, во многих местах яростно избивали полицию. 24 с утра стали собираться толпы народа по Бибиковскому бульвару и запрудили его во всю улицу (версты 2). К 12 часам толпа двинулась на Крещатик и заполонила его. Появились войска. В толпе произносились речи, слышались возгласы: «долой самодержавие», пелись песни. К 1 часу дня часть толпы разошлась, другая часть тысяч в 5—6 с песнями и дружными криками: «долой самодержавие!» двинулась по Бибиковскому бульвару на Еврейский базар, здесь на толпу бросились 4 сотни казаков, которые встречены были градом камней. В несколько минут вся мостовая Еврейского базара была разобрана; 3 раза толпа отбивала нападение казаков, несколько раненых казаков было увезено с поля брани. Толпа опять разделилась — часть направилась к Шулявке (рабочая слободка) и собралась на лужайке, отделенной от улицы поросшим травой болотом и полусгнившим забором. Возгласы: «долой самодержавие!» раздались с новой силой. Казаки, разобрав забор, яростно ринулись к толпе, передние ряды завязли в болоте, задние на них напирали. Толпа осыпала их градом камней.

25 на Подоле собралось 3—4 тыс. забастовщиков судовых рабочих, грузчиков, мельничных и др. Появились казаки — их встретили камнями; раздался залп, причем убиты стоявшие в стороне лица, буфетчик и два плотовщика. Казаки изрешетили пулями пароход, на котором отчалили забастовщики. Полиция подстрекала бить евреев, но неудачно: на Жилянской одного такого агента русские рабочие жестоко избили.

Всего убитых, как нока выяснилось, 11 чел., тяжело раненых свыше 16, легко — 150. Арестовано 500 человек, все участки переполнены, многих высылают. С 25 настроение падает, на улицах уже мало видно рабочих.

1-го с затаенной злобой становятся на работу железно-дорожные рабочие, которым пригрозили, что мастерские закроют, удовлетворили только мелкие требования. Мало-по-малу принимались за работу и остальные заводы. Требования удовлетворены большею частью только мелкие. Генерал-губернатор Драгомиров строго-на-строго запретил фабрикантам какие-бы то ни было уступки, (вот оно, русское правительство, как заботится о рабочих). Он устроил совещание фабрикантов, на котором ругал их последними словами по-солдатски: «Допустили беспорядки, заставляете укрощать их военной силой — так я силой заставлю их работать, не надо никаких уступок»,— кричал, по обыкновению подвыпивший, генерал. Типографа Кульженко, который удовлетворил все требования рабочих, Драгомиров выгнал из собрания, пустив ему вдогонку «русское» слово. Озлобленные, с глубокой ненавистью к своим угнетателям, принялись киевские товарищи вновь за работу. Во время всеобщей забастовки они лицом к лицу столкнулись с своим лютым врагом — царским правительством без его обычной маски. Полномочный представитель царя — Драгомиров, гордящийся своей «солдатской» честностью, не хотел лгать и обманывать народ; он просто, без всяких уверений в дружбе и желания блага рабочему люду, приказал стрелять в него, а затем запретил фабрикантам, согласившимся удовлетворить требования рабочих, делать какие бы то ни было уступки. Вот по-истине царская «защита» труда.

В Елисаветграде волнения начались еще с 9 июля, когда возникла стачка на нескольких механических заводах. Стачка велась дружно и через 3 дня была выиграна. 23 июля, под влиянием слухов об одес-

ской забастовке на Банной площади собралась толпа строительных рабочих, к ним скоро присоединились мельничные и другие рабочие и ремесленники. Раздавались возгласы: «долой полицию!» На другой день на Сенной площади собралась толпа в 2—3 тысячи, многие рабочие вооружились дрекольем. Явились два баталиона солдат, которые прикладами начали бить толпу, рабочие защищались, под приставом Падейским убили лошадь. Толпа ринулась к мосту, желая итти в город. Полицейские, желая опередить толпу, распрягли стоявший вблизи ассенизационный обоз и поскакали на этих ассенизационных клячах к мосту, чтобы занять его; у моста толпа вновь была встречена прикладами и нагайками. Пока полиция и войска охраняли мост, толпе удалось проникнуть в город и двинуться по его главным улицам. Русские рабочие кричали встречавшимся евреям: «Евреи, идите вместе с нами!». Полиция подстрекала к еврейскому погрому, но русские отвечали: «Нам не евреев, а вас бить нужно». Вечером рабочие Эльворти, неучаствовавшие в забастовке, демонстративно толпой в две тысячи чел., прошли по главным улицам. Полицию встречали свистом и криками: «долой»!

Арестовано человек 40, в тюрьме их страшно избили.

В Керчи, под влиянием слухов об одесских «беспорядках», 8 августа забастовали рабочие Русского общества пароходства и торговли (грузины), требуя повышения платы с 25 на 35 руб. в мес., через два дня к ним присоединились остальные портовые рабочие. Полиция предложила рабочим собраться в гостинице и написать «прошение» портовому управлению о причинах своего недовольства. На собрании читались выпущенные местной социал-демократической организацией листки, в которых предлагалось никаких прошений не писать, а требовать удовлетворения от хозяев; на следующий день рабочие толпами ходили по мастерским и заводам, останавливая работу, выпуская пар из котлов.

12 августа на Воронцовской улице собрались несколько тысяч рабочих, распространяемы были листки местной социал-демократической организации, в которых формулированы были требования рабочих: 1) увеличение заработной платы, 2) уменьшение рабочего дня до 9 час., 3) обязательная бесплатная медицинская помощь, 4) страхование на случай смерти и увечья, 5) свобода стачек, собраний, союзов и пр. Заканчивались листки возгласами: «Долой полицию, долой жандармов» [1]. Явились градоначальник и жандармы, губернский жандармский генерал обратился к толпе с речью: «Я читал ваши листки, там, правда, требования все законные, их мы разберем и, может быть, некоторые удовлетворим. Но зачем же писать: «Долой полицию, долой жандармов», мы ведь — люди служащие». «А что вас по головке гладить, грабителей что-ли?» — послышалось из толпы. Несколько рабочих подбежали к градоначальнику и показывая на свою грудь, кричали: «На-те, бейте нас, режьте, кровопийцы, мерзавцы». Начальство уехало, сопровождаемое свистом и тюканьем.

Градоначальник вызвал пожарную команду и распорядился обливать толпу водой; рабочие перерезали кишку и пожарные с позором принуждены были удалиться. Толпа направилась к мельницам, остановила их, оттуда на вокзал, остановила поезд, выпустила из паровозов пар, забрала служащих и двинулась обратно в город. На дороге их уже

[1] Керченская социал-демократическая организация во время августовской всеобщей стачки выпустила три прокламации: 1) «Ко всем рабочим гор. Керчи. Товарищи! Весь юг охвачен грандиозным пламенем народного восстания»... 2) «Ко всем рабочим и работницам г. Керчи. Товарищи! Широкой волной разлилось недовольство рабочего люда», с перечислением указанных требований. 3) «Ко всем рабочим и работницам г. Керчи. Товарищи! Всеобщая стачка пронесшаяся недавно у нас в Керчи не прошла бесследно»...

встретили войска; один рабочий обратился к солдатам с краткой речью. На следующий день назначена была сходка на Митридат горе.

13 на Митридат горе собралось более 600 чел. Выступил оратор, говоривший о тяжелом положении рабочих, о значении политической борьбы. Возглас: «Долой самодержавие» дружно поддержан был собравшимися. Многие бросились целовать оратора. С Митридат горы рабочие направились к агентству, где были заперты грузчики грузины. Агентство охранялось солдатами, которые при виде толпы отворили ворота и хотели укрыться внутри, толпа хлынула за ними, солдаты обернулись и ударили в штыки, толпа ответила градом камней. Раздался залп, старик каменщик убит, несколько человек ранено. Рабочие бросились к трупу товарища, желая его отнести в больницу, но были отбиты полицией. Возмущенная толпа с криками: «в полицию», с намерением разбить полицейский участок, канцелярию градоначальника и жандармское управление, бросилась в город. В встречавшихся офицеров бросали камнями. Подошли к участку, где сидело около 30 чел., градом полетели камни в окна, начали разбивать ворота, откуда раздался залп, двое тяжело ранены (на следующее утро оба умерли).

Вслед за этим на толпу налетели солдаты и разогнали ее. 14 появились объявления керчинского градоначальника с приглашением на работу. В тот же день на табачной фабрике Месаксуди возобновились работы. Мало-по-малу стали на работу остальные заводы и мастерские.

В Феодосии 3 августа забастовали портовые рабочие, на другой день требования их были удовлетворены и стачка прекратилась [1].

Сообщают о целом ряде стачек в мелких городах и местечках: в Голте забастовали переплетчики [2], в Бобринце [3] и Голте портные.

Товарищи! До сих пор рабочий люд в России поднимался по отдельным фабрикам и заводам. Теперь движение охватило целый район — весь юг России, многие города подряд. Царское правительство встревожилось: оно увидело, что дело плохо, что не сегодня-завтра пожар охватит всю страну,— и тогда... наступит начало его конца...

Для того, чтобы час победы пришел скорее, для того, чтобы все наши усилия увенчались желанным успехом,— нам нужно дружнее ударить на врага — всей массой, во всей России одновременно.

Станем же, товарищи, под знамя Российской социал-демократической рабочей партии, она и только она ведет нас к лучшему будущему!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует социализм!

Одесский комитет российской социал-демократической рабочей партии

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

---

[1] В конце июля Феодоссийская организация РСДРП выпустила прокламацию о всеобщих стачках на Кавказе, в Одессе и Николаеве с призывом к рабочим «объединяться для свержения ненавистного самодержавия». Стачка 150 поденных портовых рабочих состоялась 4 августа, требования их сводились к следующим 3 пунктам: 1) уничтожить составленные конторами артели, отбивающие у поденных рабочих заработок, 2) установить плату за погрузку и выгрузку, одинаковую для всех контор; 3) отвести определенное место, где портовые рабочие могли бы собираться для найма на работы. Требования были удовлетворены.

[2] Кроме переплетчиков и портных в Голте 15 июля бастовали рабочие механических заводов Гейне — 85 чел. и Файтца — 61 чел. Рабочие требовали уменьшения рабочего дня на 1½ часа и добивались введения 10 час. рабочего дня вместо 11½ час. Агитировал за забастовку рабочий, приехавший из Одессы, который рассказал о стачечном движении в Одессе, Елизаветграде и др. гор.

[3] Сведений о стачке в г. Бобринце не обнаружено.

Прокламация Донского Комитета РСДРП. 22 июля 1903 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К рабочим и работницам Ростова и Нахичевани.

Товарищи! Смелее, смелее глядите вперед! Распрямите усталые члены, поднимите выше голову, смотрите в будущее с уверенностью и надеждой.

Не о новой гнусности, не о новом торжестве наших врагов, не о новых притеснениях, рабстве и цепях хотим мы сегодня говорить с вами.

Мы хотим сказать вам, что наши товарищи на юге, в Тифлисе и Баку, начали беспримерную, дружную и великую борьбу со своими врагами и эксплоататорами.

1 июля забастовали рабочие на нефтяных промыслах в Баку. Всего забастовавших на промыслах несколько десятков тысяч человек. Они предъявили требования: повышения расценок, уничтожения сверхурочных работ, отмены штрафов, вежливого обращения мастеров.

Весть о стачке с быстротой молнии разнеслась по городу, и к рабочим нефтяной промышленности присоединились рабочие в железнодорожных мастерских, трамвайщики, машинисты на товарных поездах, матросы военного и добровольного флота и сотни мелких заводов и мастерских.

Выставлены были следующие требования: 8-часовой рабочий день, окончание работы перед праздником в 2 часа, отмена обысков при выходе из мастерских, отмена обысков на улице, освобождение двух арестованных товарищей. В первый же день забастовки было устроено большое собрание, на котором присутствовало несколько десятков тысяч человек. Толпа стояла и слушала ораторов, а вдали расположились солдаты и казаки. Речи произносились на 3 языках: русском, армянском и грузинском. В следующие дни также продолжались собрания. Весь город преобразился: магазины, фабрики заперты; всюду группы лиц, толкующих о собраниях; всколыхнулось население, все заговорили о рабочем движении. И громадные толпы народа ежедневно стекались к месту собраний. Часть требований рабочих на нефтяных промыслах была удовлетворена, но они добиваются полной уступки и продолжают забастовку. Ожесточенные притеснениями и гнетом хозяев рабочие, наконец, подожгли промыслы.

Когда в Тифлисе узнали о стачке, то Комитет выпустил листок с призывом к стачке. Забастовка началась в железнодорожных мастерских 14 июля.[2] К ней присоединились в тот же день все табачные фабрики, рабочие трамвая, пекаря, мясники, лакеи в гостинницах. Стачка была всеобщей. В городе нет ни хлеба, ни мяса. На трамваях вместо кондукторов служат солдаты. Тифлисские рабочие требуют 8-часового рабочего дня, отмены сверхурочных работ, повышения заработной платы, устройства библиотек, читален и больниц для рабочих, принятия обратно на работу арестованных товарищей, выдачи 6 бесплатных билетов на проезд для рабочих жел.-дор. мастерских.

В первый день стачки было устроено большое собрание, на котором говорились речи. Рабочие держатся очень дружно. Когда на сходке пекарей арестовали несколько человек и отвели их в участок, то толпа

[1] ЦАР, Инв. № 10631. Прокламация отпечатана в типографии Донского комитета РСДРП.

[2] Речь идет о стачечном движении на Закавказской ж. д.

стала около участка, разбила окна и двери и требовала освобождения товарищей. Через несколько времени они были освобождены.

В Одессе в июле забастовали матросы, грузчики, трамвайщики. В Батуме также началась забастовка. Наконец в Грозном (на Кавказе) происходит стачка на нефтяных промыслах.

Известие о стачке проникло на ст. Михайлово (близ Тифлиса). Рабочие михайловского депо (около 150 чел.) решили тоже забастовать. Началась стачка, которая сопровождалась нападением на мастерские со стороны рабочих, тогда администрация решила прибегнуть к войску; был дан залп и жертвой его пало 25 человек. Еще один раз правительство обагрило свои руки кровью рабочих. Еще один раз оно сыграло позорную роль палача.

Пусть будет эта кровь, как волна, которая с каждым днем все сильней, поднимает народное возмущение. Волны эти все растут, окрашены кровью рабочих, и придет день, когда дружным напором они смоют ненавистное самодержавие.

Товарищи! Весь Юг охвачен стачкой. Ваши товарищи все, как один человек, бросили работу, предъявили свои требования. Они собираются на больших сходках, они заявляют свой протест против гнета и бесправия. За все слезы, пролитые в безысходной нужде, под игом капитала, за все оскорбления, которые переносим мы ежедневно от каждого чиновника, полицейского, жандарма, за все наши страдания — пусть будут ответом стачки в Баку и Тифлисе. Пусть видит правительство, что все ближе и ближе надвигается минута беспощадной борьбы. Пусть видит оно, что все его попытки сдержать, задушить рабочее движение, потопить его в море страданий, в море крови — безуспешные попытки, напрасные старания.

Сознание рабочих растет. Мы видим теперь перед собой уже не стачку отдельных мастерских, отдельной фабрики. Один завод, одна фабрика своей стачкой еще не составляет грозной силы: ее можно победить и заглушить, но когда бастуют в одно время все фабрики и заводы в городе, и когда вслед за этим стачка начинается во многих городах,— это показывает, что рабочие начинают понимать, что токарь, сапожник, пекарь, лакей, машинист — все они страдают от одного ига, у всех их один враг, и все они стремятся к одной цели: к лучшей жизни, к свободе. Эта всеобщая стачка показывает, что рабочие начинают сознавать свою солидарность, как класс тружеников, как класс угнетенных.

За демонстрацию 2 марта в Ростове наших товарищей хотят судить военно-окружным судом. Их ожидает, быть может, каторга, поселение в Сибири. Но напрасно думают тираны запугать борцов суровыми наказаниями. Напрасно ждут они, что им удастся остановить нашу борьбу, наше великое движение.

Стачки и демонстрации в Тифлисе, Баку, Одессе показали, как мало боятся наши товарищи суровых наказаний, как мало можно устрашить их тюрьмой и ссылкой.

И вы, ростовские рабочие, должны сознать свою солидарность с рабочими Баку и Тифлиса. Вы должны показать, что вам также дороги счастие и свобода, что вы так же готовы купить их долгой упорной борьбой. Вы должны выразить сочувствие забастовавшим. Вы должны присоединиться к стачке и выставить свои требования.

Товарищи, наши враги капиталисты и самодержавие, которые сковали нас по рукам и ногам крепкими стальными цепями, чувствуют теперь, что их крепость рушится. Стачка в Баку и Тифлисе как грозный призрак рабочего движения встает перед ними, они нас боятся, теряют почву под ногами. Быть может, достаточно одного еще удара, одной, новой стачки, чтобы они пошли на уступки. И вы, ростовские

рабочие, сможете нанести врагам этот удар. Вы должны начать всеобщую стачку, вы все братья, рабочие всех фабрик, заводов, мастерских, вы соединитесь в борьбе с одним общим врагом.

И если правительство подавило вспышки и волнения в отдельных городах и справляло свои победы над ними ссылками и тюрьмами, то всеобщая стачка во всем Юге покажет ему, что близок час его падения, близок час нашей победы.

Смелей же вперед товарищи! Вперед на борьбу. Борьба растет, борьба разростается, она зовет к себе всех честно мыслящих, всех угнетенных, всех униженных, и вы, ростовские рабочие без колебаний, без сомнений должны встать в ряды борцов. Бросайте работу и требуйте:

1) 8-часового рабочего дня.
2) Отмены штрафов.
3) Повышения расценок.
4) Отмены обысков при выходе из мастерских.
5) Вежливого обращения мастеров.
6) Бесплатной медицинской помощи.
7) Бесплатных фабричных школ.
8) Окончания работ в предпраздничные дни в 2 часа.

Да здравствует стачка!

Долой самодержавие!

Донской комитет социал-демократической рабочей партии

Из еженедельной записки департамента полиции Николаю II, 14 августа 1903 года, № 46. [1]

25 июля вечером в г. Ростове-на-Дону на одной из улиц собралась сходка рабочих до 200 человек, на коей двое ораторов говорили о происшедших беспорядках в г. Киеве [2], Одессе, Баку и других южных городах и приглашали рабочих устроить в городе общую забастовку, с целью поддержать волнующийся юг России. Прибывший вскоре наряд полиции разогнал сходку, причем были задержаны говорившие речи...

И. д. директора Зуев.

Прокламация Харьковского комитета РСДРП, (июль 1903 г.) [3]

Российская социал-демократическая рабочая партия

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ко всем рабочим и работницам г. Харькова.

В то самое время, когда на севере России, в Сарове, монахи выкопали из земли чучело, полусгнивший скелет попа, чтоб оживить в народе падающую в нем веру в небесное произволение и загробные награды за долготерпенье [4], в то самое время, когда министры доставили в Саров из Зимнего дворца сохранившееся там другое чучело — самодержавного царя, чтобы поднять в народе падающую любовь к царю

[1] ДП, оо. 1903 г. д. № 975 т. 2, л. 67.

[2] Донской комитет РСДРП 29 июля по поводу расстрела железнодорожных рабочих в Киеве выпустил прокламацию: «К рабочим и работницам Ростова и Нахичевани. Страшное известие пришло из Киева...»

[3] ЦАР, инв. № 10302.

[4] В начале июля 1903 г. В Сарове Тамбовской губ. происходили торжества открытия мощей Серафима Саровского в присутствии Николая II, членов царской семьи и высших сановников. Все телеграммы о всеобщих стачках на юге направлялись в Саров, оттуда же исходили распоряжения «действовать оружием» по забастовщикам.

и надежды на него; в то самое время на юге России разогнул над станком свою спину русский рабочий и, подняв гордо глаза, произнес на всю Россию:

«Не хочу я больше терпеть! Я не верю продажным попам, будто за мое долготерпение воздастся мне на том свете! Не верю я больше самодержавному царю и его любви к народу! Я слишком долго страдал и терпел. Я слишком много видел за последнее время, и я многому научился. Теперь уже меня не пугают ни чучело православия, в виде ободранного скелета попа, ни чучело самодержавия, в виде царской короны на пустой тыкве. Теперь я уже понял, что эти чучела лишь вороньи пугала у древа познания добра и зла политической свободы. Я понял, что если для меня возможен ад на земле, то возможен на земле и рай. И я получу его, этот рай, но не из царских рук, а добуду его своими мозолистыми руками». И вспыхнуло пламя борьбы в одном городе за другим. Произошло нечто еще невиданное и неслыханное на Руси: ряд всеобщих забастовок почти во всех крупных промышленных центрах юга России.

Впервые вспыхнуло в Баку.

В июне рабочие нефтяного завода Хатисова (200 чел.) объявили забастовку, выставив требования: увеличения заработной платы, изменения расценка, удаления управляющего. Управление завода обещало удовлетворить требования рабочих, но, когда рабочие принялись за работу, требование не было исполнено. Поэтому 2 июля была вторично объявлена стачка, к которой в тот же день присоединились рабочие завода Эйзеншмидта и железнодорожных мастерских (всего около 500 чел.). Завод Алисова передал полученные им заказы другим заводам. Но узнав об этом, рабочие и этих заводов, в свою очередь, забастовали. Забастовщики ходили по мастерским и заводам и просили остальных рабочих поддержать их. Отправлены были люди просить поддержки даже в другие города.

Постепенно, увеличиваясь, число забастовщиков достигло 5 июля 45 тысяч чел. Не работали рабочие всех заводов и мастерских всех нефтяных промыслов, железнодорожные рабочие, типографщики, сапожники, портные, маляры, мостовщики, строительные рабочие, матросы частных шкун, рабочие электрического освещения, служащие конки, дворники. Было сильное брожение среди приказчиков, ресторанных лакеев и даже, говорят, городовых. Работали только булочники. 7-го решили бросить работу, несмотря на отговоры забастовщиков и рабочие опреснительного завода. Но заготовленные заранее казаки сейчас же пустили в ход нагайки и работа была возобновлена. Город совершенно затих. Не раздавалось ни одного гудка на заводах (в Черном и Белом городе) и на промыслах: в Балаханах (20 верст от Баку) и на Биби-Эйбате (4 вер. от Баку); не ездила конка и товарные поезда. Газеты не выходили несколько дней. Электричество не горело.

Прошло лишь несколько дней и искры этого пожара разнеслись по всему Югу. То там, то сям вставали рабочие за бакинских товарищей и забастовывали из чувства солидарности с ними. В Тифлисе, Михайлове (станция между Тифлисом и Батумом), Батуме, Одессе, Николаеве, Киеве — забастовали почти поголовно все рабочие.

Замолкли все заводы, фабрики; остановились поезда, пароходы, конки; закрывались рестораны, булочные, мясные лавки, магазины; не выходили газеты; прекращалось газовое и электрическое освещение; останавливались работы: малярные, каменные, плотничьи, строительные; бастовали портные и сапожники. В некоторых местах не работали телеграф и телефон.

Обыватели запирались в дома и города казались вымершими. Зато полной жизнью жили рабочие.

Рабочие фабричные, заводские, железнодорожные, служащие конки, матросы, булочники, мясники, наборщики, лакеи собирались тысячами и десятками тысяч за городом, обсуждали положение дел, произносили политические речи, читали прокламации комитетов, выходившие десятками тысяч, развертывали красные знамена. Почти везде рабочие проходили демонстративно по улицам: в Тифлисе, Батуме, Одессе, Николаеве и Киеве; в последнем случае с жертвами со стороны рабочих. В Михайлове и Киеве железнодорожные рабочие пытались насильно присоединить к забастовке прислугу приходящих поездов, но поплатились за это десятками жертв. Повсеместно были выставлены одни и те же требования: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, соблюдение фабричного устава.

Кое-где мелкие предприниматели соглашались на требования рабочих, но последние, узнав, что уступки сделаны не всем рабочим, отказывались от них.

Так дружно встали рабочие в защиту своих обиженных товарищей. Прошел всего какой-нибудь десяток лет с тех пор как впервые стало пробуждаться у рабочего классовое сознание, и с тех пор он вырос до высоты западно-европейского рабочего.

Он понял, что интересы каждого рабочего одни и те же, служит ли он на фабрике, на заводе, в рудниках или у булочника, мясника, купца, ресторатора и пр. Он понял, что враг его не тот или иной прижимистый капиталист, а все капиталисты вместе, весь капиталистический строй с его частной собственностью.

Товарищи, нам с детства толковали о разных героях и пробуждали в нас желание подражать им. Эти герои, которым мы должны подражать, это наши бакинские, тифлисские, одесские и киевские товарищи.

Разве они остались хладнокровно у станков, когда к ним долетела весть о бедствии товарищей? Разве они не пожертвовали личными интересами и выгодами в пользу общего дела? Разве не пошли они бок-о-бок с братьями в бой, не подставили свои груди под солдатские штыки и пули?

Весть об их деяниях прошла по всей Руси, всколыхнула, взволновала все слои. Брожение началось уже в массе городов.

Товарищи! Неужели же мы останемся спокойными? Неужели мы оставим товарищей? Неужели на нас укажут когда-нибудь пальцами и скажут: «Они изменили своим братьям?» Когда-то мы дружно встали 1 мая [1], когда-то мы встали в защиту студентов и смело вступили в сражение с войсками [2]. Встанем же и теперь, как встали уже сотни рабочих! Встанем, как один человек, и протянем руку нашим братьям-героям и потребуем, как они: политической свободы и 8-часового рабочего дня.

Харьковский комитет российской социал-демократической рабочей партии

---

[1] 1 мая 1900 г. в Харькове состоялась десятитысячная демонстрация с произнесением политических речей. Первомайская забастовка перешла в длительную борьбу с отстаиванием требований: 8-часового рабочего дня и политической свободы. В предисловии к брошюре «Майские дни в Харькове», изданной «Искрой» в 1901 г., В. И. Ленин говорит: «Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника и чего недостает нам для того, чтобы это празднование действительно стало великой общерусской демонстрацией сознательного пролетариата». (Соч., т. IV, стр. 47).

[2] В конце ноября и начале декабря 1901 г. в Харькове состоялся ряд демонстраций студентов, рабочих и ремесленников с красными флагами, пением революционных песен и политическими речами ораторов. Демонстрации являлись протестом против введения в высших учебных заведениях «временных правил» о студенческих организациях. Этими правилами запрещались студенческие корпорации; студенты отдавались под надзор полицейских властей и профессоров. Харьковские демонстрации сопровождались стычками с полицией, казаками и войсковыми частями.

Из еженедельной записки департамента полиции Николаю II, 30 июля 1903 г., № 44.[1]

... Вечером 26 июля близ г. Харькова собралось около 100 человек на сходку для обсуждения вопроса об устройстве забастовок на местных фабриках и заводах. Явившейся на место полиции было оказано сопротивление при переписке участников сходки, причем из толпы было даже произведено до десяти выстрелов, не причинивших однако никому вреда. Часть застигнутых на сходке лиц была переписана, а 25 человек арестовано. В числе последних оказалось несколько студентов, один гимназист и женщина, приехавшая в Харьков из Брянска в качестве делегатки от тамошнего революционного кружка...

За директора Зуев.

Из записки департамента полиции Николаю II, 23 июля 1903 г., № 43.[2]

За последнее время в С.-Петербурге при наблюдении за пропагандистами среди местных рабочих был выяснен центральный кружок, являющийся Петербургским отделом организационного комитета «Искры»[3]. Одной из главных задач этого кружка было устройство соглашения между разрозненными социал-демократическими организациями, действующими в столице. По сведениям агентуры, в течение последних дней устроено два собрания, на которых присутствовали представители всех социал-демократических организаций столицы, для выработки соглашения. На последнем из этих собраний, происходившем в Коломягах, на даче дантиста Вайнера, где собравшиеся пришли к полному соглашению относительно единства действий, было решено, ввиду практического опыта этого соглашения, устроить 22 июля за Невской заставой агитационное собрание всех организованных рабочих. На этом предполагавшемся собрании было решено обсудить положение дел на Юге, составить на этот предмет воззвание, которое отпечатав, распространить среди рабочих, чтобы подвинуть последних к активному сочувствию беспорядкам, охватившим юг России.[4]

Ввиду таких задач, поставленных собранием, в целях предупреждения возникновения стачек и беспорядков в столице, было признано необходимым безотлагательно принять меры к изъятию агитаторов из благоприятной для них среды.

Вследствие сего 21 июля были произведены в С.-Петербурге обыски и аресты этих лиц, причем обыскано 9 человек, из которых 8 подвергнуто личному задержанию.

Директор Лопухин.

---

[1] ДП, о.о., 1902 г., д. 975, т. 2, л. 49.

[2] Там же, т. 2, л. 40-а.

[3] Имеется в виду Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП, который был создан 2 ноября 1902 г. по инициативе В. И. Ленина и выпустил «Извещение об образовании «Организационного комитета», изданное «Искрой» в январе 1903 г. отдельным оттиском за № 32. Организационный комитет просуществовал до II съезда РСДРП (состоявшегося в Брюсселе 30 (17) июля — 23 (10) августа 1903 г.), проведя за время своего существования большую организационно-практическую работу на местах.

[4] Крупных стачек сочувствия южным рабочим в Петербурге не было, но рабочие на многих предприятиях предъявляли администрации требования, устраивали мелкие стачки и добивались уменьшения рабочего дня; так, в начале августа забастовкой на фортепианной фабрике Оффенбаха рабочие добились отмены увеличения рабочего дня на час. В сентябре — бастовали рабочие монументальной мастерской Баринова и добились оплаты введенного явочным порядком 10 час. раб. дня вместо 11½ час. дня.

Прокламация Петербургского комитета РСДРП — Союза борьбы за освобождение рабочего класса, август 1903 г.[1]

Союз борьбы за освобождение рабочего класса

С. Петербургский комитет российской социал-демократической рабочей партии

Товарищи! С самого начала июля внимание всего общества и правительства приковано к грандиозной стачке рабочих, охватившей почти весь юг империи, не прекратившейся еще и до настоящего времени.

Движение началось с Кавказа, где нефтяные короли наши г.г. Нобели, Ротшильды, Манташевы и пр., под прикрытием штыков услужливого самодержавного правительства, из нищеты и крови рабочих сколачивают свои миллионные барыши.

2 июля в г. Баку на Биби-Эйбате и в так называемом Черном городе, побросали работы рабочие мастерских Хатисова, Левинсона, Мельникова, нефтяных об-в Манташева, «Олеум», Жихова; з к ним примкнули заводы Нобеля, Лапина и Рысева, Бардера, рабочие жел.-дорожных мастерских, кондуктора и кучера конок, и к концу второго дня стачки число забастовавших перевалило за 20 тыс. человек. Стачка, как ураган, захватывала фабрику за фабрикой, завод за заводом, и через 3—4 дня цифра забастовщиков дошла до колосальных размеров в 30 и даже в 40 тыс. человек. Промышленная и всяческая жизнь в городе замерла, потухли кочегарки, пишут корреспонденты,— замолкли вышки. Ни поезда, ни конки не ходят. Стачка распространилась на всю железнодорожную линию между Баку и Батумом. Молчат типографские станки, газеты не выходят. Магазины, лавки, пекарни стоят запертые, в них нет никого, кто обычно дает им жизнь — все рабочие бастуют. Бастуют местами даже приказчики, эти всеми забытые жертвы нашего торгового и торгашеского общества. Скоро к бакинцам присоединились рабочие соседнего города Балаханов, замерла жизнь и здесь. Через две недели та же участь постигла и третий кавказский город — Тифлис.

Здесь, в Тифлисе, особенно ярко сказалась та цепь солидарности, которая так крепко связывает пролетариев в тесную и дружную, грозную для всех эксплоататоров семью. Тифлисцы, бросая работу и объявляя у себя всеобщую забастовку, прежде всего потребовали удовлетворения требований бакинских товарищей. Почти одновременно с Тифлисом забастовала, как один человек, Одесса, а затем стачка перекинулась в Николаев, Киев и во многие другие местности, из которых до нас пока доходят лишь смутные слухи.

Во время этих поголовных стачек комитеты партии проявили энергическую деятельность не только массовым распространением прокламаций, знакомящих товарищей с положением дел в различных частях волнующегося района, и ободряя слабых, но также и организуя самое движение. Так в Баку и Одессе было устроено несколько собраний в 5—10—15 и более тысяч человек, на которых обсуждались и были выработаны, как общие, так и частные для отдельных производств, требования. Все рабочие Баку, а также Балаханов и Тифлиса требуют: сокращения рабочего времени до 8 часов в день, удаления наиболее грубых и ненавистных рабочим мастеров и управляющих, вообще более вежливого, неоскорбляющего человеческого достоинства обращения со стороны нашего многочисленного начальства, уничтожения подрядных

[1] ДП, о.о., д. 1898 г., д. № 5, ч. 6, л. Ф., т. 2, л. 149 — Прокламация выпущена была тиражем в 900 экз. для распространения среди рабочих заводов, расположенных за Невской заставой и на заводах Лесснера и Нобеля на Выборгской стороне.

работ, повышения заработной платы, уничтожения сверхурочных работ и сдельной платы, которые, как совершенно верно отметил Бакинский комитет, являются превосходным средством в руках эксплоататоров для понижения и без того бедного нищенского нашего заработка, ибо как сверхурочные работы, так и плата сдельная или поштучная, удлиняя рабочий день и понуждая рабочего работать за двоих, дают возможность капиталисту уменьшать число рабочих у себя в заведении, а следовательно и увеличивать армию безработных, которые в борьбе с голодом и в поисках за работой будут сбивать плату к удовольствию и к выгоде гг. фабрикантов. В этом и заключается сокровенная суть сверхурочных работ и сдельной платы. Рабочие должны помнить это и в момент объявления стачки никогда не забывать настойчиво требовать уничтожения этих коварных способов нашей эксплуатации.

Подобные же требования с некоторыми изменениями и дополнениями были выставлены и в других забастовавших городах.

Беспримерная и совершенно невиданная среди наших эксплоататоров солидарность рабочих навела настоящий ужас на гг. капиталистов. На первых порах они попытались напугать рабочих предложением расчета, но затем заговорили с ними более деликатным языком, выражая готовность итти на какие угодно уступки. Струхнувшее правительство стало стягивать войска, вывешивать «обязательные постановления» с угрозой, что будет карать непокорных рабочих по всей строгости законов, пускать в ход свои провокаторские штуки, с целью раздражить рабочих и получить желанный повод для кровавого усмирения беспорядков, и, наконец, без всякого повода, арестовывать массами и расстреливать своих исконных врагов.

Первая кровавая стычка рабочих с войсками произошла в Тифлисе, где царское правительство снова запятнало себя кровью наших братьев[1]. По газетным сообщениям этот день дал 8 убитых и 12 раненных. То же повторилось и в Николаеве. Но особенно разыгрались кровожадные инстинкты царских слуг в Киеве, где не только забастовали все цехи, включая почтальонов и работающих на электрической станции, так что Киев в течении 3—4 дней был погружен во мрак, но где к стачечникам, как ходят упорные слухи, присоединилось до 150 городовых Подольской части[2]. Две стычки или вернее два нападения казаков и пехоты на безоружную толпу рабочих дали новых 12 или 15 неотомщенных могил. Однако пули и штыки, которые давно уже оказались неспособными задавить пролетарское движение, не прекратили и киевской стачки. Стачка продолжается.

Зато провокаторская, или так называемая зубатовская политика, правительства потерпела в Одессе полное фиаско.

Следуя этой политике, правительство попыталось выступить в рабочей среде с пропагандой стачки. Оно думало этим привлечь к себе рабочих и оторвать их от социал-демократов, причинивших и причиняющих ему столько хлопот. А чтобы в то же время не возбудить против себя и фабрикантов, оно скрылось под кличкой партии «независи-

---

[1] Очевидно, речь идет о расстреле демонстрации забастовавших рабочих на ст. Михайлово Закавказской жел. дороги, где агитацию за забастовку проводили приехавшие из Тифлиса члены Тифлисского комитета Кавказского социал-демократического союза.

[2] О присоединении к стачечному движению городовых упорно говорили современники всеобщей стачки. Пользуясь усилившимся спросом на полицейскую силу для подавления рабочего движения, городовые предъявляли свои «требования» об увеличении им содержания. Так николаевский градоначальник Энквист телеграфировал в департамент полиции о недостатке в городовых и массовом уходе их, ввиду отказа прибавить содержание.

мых»[1]. На призыв к стачке, которая так родственна и понятна каждому рабочему, откликнулись массы, но на первых же рабочих сходках тт. «независимцы» или иначе — агенты охранного отделения — к своему изумлению прочли на красных знаменах не «да здравствует рабочий царь» или «долой социалистов»... а наш старый социал-демократический клич: «Долой самодержавие»!

Оказалось, что не так-то легко провести рабочих голословными уверениями в любви и покровительстве, оказалось, что рабочие прекрасно разбираются, кто их враг и кто друг, и еще лучше понимают, что с самодержавием у них один расчет, это — долой самодержавие! Правительство со своей политикой попало таким образом в самое нелепое положение. Оно не привлекло на свою сторону рабочих, но оно еще и оттолкнуло от себя часть фабрикантов, своих действительных сторонников. Одесская стачка, в которую так иезуитски и в то же время так глупо сунулось правительство, нанесла сильный удар барышам капиталистов, они не забудут этого удара и никогда не простят правительству его участия в стачке. Мало того, как в Одессе, так в Баку и других забастовавших городах пострадали не только отечественные капиталы, но также и иностранные, и консулы этих держав теперь возлагают ответственность за эти убытки на то же правительство, как на участника и организатора стачки. Словом правительство сеяло ветер и теперь пожинает бурю. Буря далеко не окончилась. Слухи о стачках начинают уже долетать из новых мест, что-то творится неладное в Саратове, не спокойно и среди железнодорожных рабочих на Юго-западных дорогах и, может быть, не далеко то время, когда в ответ на геройскую борьбу с эксплоататорами южных рабочих разразится всеобщая стачка их петербургских товарищей.

С. Петербургский комитет

Прокламация московской социал-демократической группы «Призыв», — сентябрь 1903 года[2]

К московским рабочим.

Товарищи, наступают тревожные дни... Когда у голодного человека, замученного до последней крайности непосильным трудом, отнимают последнюю корку хлеба — невозможно и нельзя молчать!.. И действительно, со всех концов нашей родины приходят вести о том, что там и сям под напором штыков и свиста нагаек рабочие открыто и громко заявляют требования об улучшении своего положения, грозя кровопийцам капиталистам и их подсобнику правительству полным разруше-

[1] Начальник Московского охранного отделения Зубатов, с конца 90-х годов начал проводить особую тактику по отношению к рабочему классу, заключающуюся в отвлечении рабочих от политической и революционной борьбы, путем создания легальных рабочих организаций, преследующих лишь экономические цели. В мае 1901 г. в Москве было создано общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве, затем текстильном и др. В октябре 1902 г. такое же общество образовалось и в Петербурге. Руководство в этих обществах принадлежало зубатовским агентам, агентам охранки. На Украине и в Северо-западном крае Зубатов с помощью учеников своих Марии Вильбушевич, Черемисского, Шаевича и др. организовал так называемую «Еврейскую независимую рабочую партию» — «независимую» от политического движения, но всецело зависимую от департамента полиции и охранных отделений. «Независимцы» в Одессе устраивали экономические забастовки, но июльские всеобщие стачки смели эти организации «полицейского социализма».

[2] М.О.Д., 1903 г., д. № 667, т. I, лл. 186—187.— Соц.-демократическая группа «Призыв» состояла из рабочих и студентов и вела агитацию на фабриках и заводах за всеобщую забастовку сочувствия стачкам на Юге России. Группа выпустила ряд гектографированных прокламаций. 5 октября 1903 г. после длительной слежки агентов Московской охранки она была целиком арестована. При обыске взяты были склад подпольной литературы, гектограф и черновики прокламаций (ДП, о.о., 1898 г., д. № 5, ч. 5, лит. Е).

нием. Ни пули, ни розги, ни тюрьма, ни ссылка, никакие адские средства, которые насильники пускают в ход для подавления рабочего движения, ничто не может удержать его. Еще в 1896 г., когда наши петербургские товарищи стали дружно, как один человек, на борьбу с капиталистами и правительством, последнее не могло выдержать натиска, — он был слишком грозен, — и отступило, издав закон о сокращении рабочего дня до 11,5 часов, но это была только слабая уступка и ею невозможно было задержать мощного потока движения [1]. Рабочие стали все более и более понимать, что добиться улучшения своей жизни они могут лишь при условии полного уничтожения существующего политического порядка, который является выгодным только для тех, кто питается потом и кровью трудящегося класса. И вот пред нами встает картина Обуховской обороны [2], со всеми ужасами кровавой бойни. Льется кровь рабочего во имя справедливости в битве с царским войском и полицией. Вслед за этим осенью 1902 года рабочие г. Ростова в количестве нескольких десятков тысяч прекратили работы и вышли за город, где вели шумные собрания под открытым небом, обсуждая свое положение и требования... [3] Правительство растерялось, жандармы и солдаты ничего не могли сделать и бежали от преследований собравшихся рабочих, после этого казалось наступило затишье, но то было затишье перед грозой.

Этим летом волна революционного движения охватила всю южную Россию. Движение началось на Кавказе — в Баку, Батуме и Тифлисе, затем перешло в Одессу и Киев. Всюду мы видим, что рабочие требуют себе и лучших условий труда, и политических прав, т. е. права участвовать в делах государства, права союзов и собраний, свободы слова и уничтожения политического произвола. И здесь правительство потерялось, и здесь оно ничего не могло сделать с пробудившимся сознанием русского рабочего. Оставалось одно: итти на уступки, и оно шло, исполняя требования рабочих. Газеты приносили известия все о новых и новых уступках правительства.

Не успели замолкнуть последние раскаты бури, пронесшейся на Юге, как у нас в Москве всколыхнулся рабочий класс, отозвался на призыв своих товарищей — южан. Движение началось среди типографских рабочих. 9 сентября тек. года типографщики приостановили свои работы и требовали улучшения заработной платы, уменьшения рабочего

---

[1] С 24 мая по 27 июня 1896 г. в Петербурге происходила всеобщая стачка ткачей. Поводом к стачке явился отказ фабрикантов уплатить за вынужденный прогул в дни коронации. Бастующие рабочие требовали сокращения рабочего дня до 10½ час. Стачкой руководил Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса, выпустивший за время стачки до 25 прокламаций. Правительство пообещало ввести закон о сокращении рабочего дня. В январе 1897 г. ткачи снова забастовали, требуя ускорения издания закона. 3 июня 1897 г. был издан закон об 11½ час. раб. дне.

[2] 7 мая 1901 г. рабочие Обуховского завода в Петербурге забастовали в знак протеста против увольнения 70 раб. участников первомайской забастовки, с требованием обратного приема товарищей. Завод был окружен войсками. Рабочие построили баррикады, которые войска взяли с бою. Убито было 6 рабочих, 8 — ранено. 37 участников этой, так называемой, Обуховской обороны преданы были суду, из них двое приговорены к каторжным работам, 20 чел. к арестантским ротам и 7 — к тюремному заключению.

[3] 2 ноября 1902 г. в главных мастерских Владикавказской жел. дор. на ст. Ростов-Дон началась забастовка рабочих, предъявивших администрации ряд экономических требований. Забастовкой руководил Донской комитет РСДРП, выпускавший ежедневно свои прокламации и устраивавший за городом в предместьи Темерник митинги. Во время митинга 11 ноября 1903 г. произошло столкновение рабочих с казаками. В начале казаки под натиском рабочих должны были отступить. Но когда рабочих осталось совсем мало, казаки вернулись и, озлобленные насмешками и градом камней, дали по рабочим залп без предупреждения. По сведениям Донского комитета на месте было убито 6 и ранено более 20 чел.

О борьбе ростовских рабочих в газете «Искра» были помещены многочисленные корреспонденции и статьи.

дня и удвоенной платы за работу по праздникам и воскресеньям. Как видно, товарищи, ни шпионы, ни жандармы, ни казаки, ни попы со своими воззваниями, защищающими насилие и произвол, со ссылками на того, кто заповедал любить ближнего, как самого себя, ни прочая сволочь, которая в такие минуты способна на всякую гнусность, бьется из всех сил, чтобы поддержать разваливающийся трон «батюшки-царя», ничто не может погасить гнева рабочего, осознавшего причины своего бедственного положения.

Так льется могучим бурным потоком рабочее движение, ломая на своем пути все преграды, выставляемые его врагами. Напрасно правительство, чувствуя свое бессилие подавить движение одним лишь насилием, выступает в роли покровителя, преисполненного «сердечным попечением»[1] о рабочем люде; напрасно оно своими «дружескими речами»[2] стремится направить темных людей на путь истины, напрасны все эти «зубатовские организации» с продавшимися жандармам Красивским, Афанасьевым и К°[3], напрасны эти законы о «старостах»[4]. Всем этим правительству не удалось совратить рабочее движение с пути политической борьбы, оно не может выдержать роли, какую приняло на себя, и мы видим лишь жалкое безобразное кривляние, которое в состоянии вызвать только чувства омерзения. С одной стороны, страшная нищета и лишения тружеников, с другой — праздное, разгульное житье богачей, вспоенных кровью и потом рабочих. С одной стороны, законное требование на право обладания богатством его создателями, с другой — страшное насилие грабителей

Разве может еще существовать такой порядок?!

Близок день, когда он с треском рухнет, под напором общего дружного движения голодного люда.

Объединимся же, товарищи, чтобы скорее дождаться этого желанного дня, будем помнить, что сила наша в организации, в дружной, смелой борьбе с врагом.

Потребуем 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, свободы совести, слова, печати, сходок, союзов!

Бастуйте, товарищи — время не терпит!

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует социал-демократия!

Социал-демократическая группа «Призыв»

---

[1] После убийства министра народного просвещения Боголепова в марте 1901 г. на этот пост назначен был быв. военный министр генерал Ванновский, которому поручено было «успокоить» студенчество. Тогда же был издан царский рескрипт о начале новой эры «сердечного попечения» правительства о студентах. «Сердечное попечение», проникнутое полицейским духом, не успокоило студенчество, а привело к еще большему его революционизированию.

[2] «Дружеские речи»,— еженедельный журнал, выходивший с мая 1903 г. в Петербурге под редакцией консерватора князя В. П. Мещерского. В ряде номеров Мещерский помещал статьи — «Беседы», обращенные к рабочим. Так, в № 3 от 25 мая помещена была «Беседа 3-я» с рабочими о рабочем движении и ненавистных» рабочих союзах. В № 10 от 13 июля помещена статья «Маленький разговор с фабричным рабочим» за подписью «Доброжелатель рабочих», в защиту института фабричных старост. В № 14 от 10 августа, в статье «Простые речи к простым людям» защитник «благодетелей» рабочих — фабрикантов, скрываясь за подпись «Правдолюб-рабочий», остерегал рабочих от «ложных друзей» революционеров-агитаторов.

В сентябре 1903 г. Костромской Комитет РСДРП выпустил прокламацию «по поводу «Дружеских речей» князя Мещерского — к рабочим». (См. «Искру» № 51 от 22 октября 1903 г.).

[3] «Рабочий Совет Московского общества взаимопомощи рабочих текстильного производства» был укомплектован из агентов охранного отделения Красивского, Жилина, Афанасьева и др.

[4] 10 июня 1903 года Гос. советом был утвержден закон о фабричных старостах. Разбор закона о старостах дан В. И. Лениным в статье — «Эра реформ», напечатанной в «Искре», от 15 августа 1903 г. Соч. В. И. Ленин, т. V, стр. 345—350.

Из еженедельной записки департамента полиции, 18 сентября 1903 г., № 51.[1]

В июле сего года среди типографских рабочих г. Москвы и Московского уезда, под влиянием рассказов, перешедших с юга России типографщиков[2] о лучших сравнительно с Москвой условиях труда в прежних местах их служения, возникло движение с целью добиваться улучшения своего положения. 16 июля некоторые рабочие местных типографий, литографий и переплетных мастерских обратились к московскому обер-полицеймейстеру с прошением о разрешении им собраться для обсуждения вопросов, касающихся внутреннего быта рабочих в типографиях, а также увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня.[3] Означенное ходатайство, как неимеющее законных оснований, было отклонено и в предупреждение возможных сборищ типографщиков за всякого рода собраниями их учреждено тщательное наблюдение.

Лишенные вследствие сего возможности собираться в городе, рабочие стали устраивать загородные сходки, на коих обсуждались вышеприведенные вопросы, и попутно обращались к своим хозяевам с просьбами об улучшении их быта, причем у некоторых хозяев достигли сокращения рабочего дня с 11 ½ до 10 часов.

Между тем в предупреждение дальнейших незаконных сборищ типографских рабочих и могущей произойти забастовки, в ночь на 6 сентября были произведены обыски у 9 лиц, замеченных в качестве руководителей сходок, и по результатам обысков лица эти арестованы и привлечены к расследованию. Это обстоятельство не остановило однако брожения, и утром 9 сентября забастовали рабочие 7 типографий в количестве около 2 700 человек, причем рабочие типографии Кушнарева, вполне довольные своим положением, присоединились к забастовавшим исключительно в видах оказания товарищам поддержки. После обеденного перерыва, под влиянием агитации, число забастовавших типографий и литографий дошло до 70 с 5 800 рабочих при общем числе 189 заведений этого рода с 10 тыс. рабочих.

Еще накануне со стороны полиции были приняты меры к охранению продолжавших работу типографий и к недопущению к оным забастовщиков, которые до полудня избегали собираться на улицах группами, причем собравшиеся в 11 часов в Екатерининском парке 200 рабочих при появлении полицейского наряда немедленно разошлись. Около 1 часу дня такая же толпа была рассеяна у Каменного моста, после чего рабочие стали смелее и около 4 часов дня на Никитском бульваре собралась толпа в 200—300 человек с целью воздействовать на незабастовавших товарищей, в смысле привлечения их на свою сторону.

---

[1] ДП, о.о., 1902 г., д. № 975, т. 2, лл. 10—11.

[2] На собраниях типографщиков, происходивших 17 августа в лесу бл. ст. «Чухлинка» и «Перово» (присутствовало ок. 200 чел.), 24 августа в трактире Смирнова в Марьиной роще (присутствовало около 150 чел.) и 29 августа в Дубовой роще близ села Останкино (присутствовало около 600 чел.) читались письма от знакомых типографских рабочих из южных городов с описанием всеобщей стачки и достигнутых ею результатов. (МОО, 1903 г., д. № 667, т. I. лл. 218—224).

[3] Подготовка к забастовке рабочих московских типографий проходила под руководством подпольного «союза типографских рабочих для борьбы за улучшение условий труда». На сходке типографщиков в Дубовой роще 29 августа принимался устав Союза и требования, которые должны быть предъявлены владельцам типографий в предстоящей забастовке. Союзом выпущены были гектографированные прокламации: 1.— О дружной борьбе за выработанные требования, 2. С предупреждением не вступать в Зубатовские организации и два выпуска «Вестник Союза типографских рабочих». В ноябре 1903 г. Союз выпустил листок о том, что: 1) «объявляет себя, союзом политическим» и 2) «Принимает «программу российской социал-демократической рабочей партии, изложенную в № 21 «Искры». (В № 21 «Искры» опубликован был «проект программы Российской социал-демократической рабочей партии», выработанный редакцией «Искры»).

Не будучи допущена к типографии «Русского листка» полицейским нарядом, толпа временно рассеялась, но вскоре затем вновь собралась в количестве до 2 тыс. человек и направилась к Синодальной типографии, откуда была оттиснута двумя эскадронами жандармов на Красную площадь и рассеяна здесь без всякого с ее стороны сопротивления, причем задержано 23 коновода. Около 7 часов вечера толпа в 400—500 человек пыталась подойти с той же целью к типографии «Московского листка», но и здесь была рассеяна патрулями. 10 сентября забастовало еще около 20 мелких типографий с 350 рабочими, а также рабочие фабрики ваксельных изделий Жако в количестве свыше тысячи человек, а рабочие нескольких типографий были освобождены от занятий самими хозяевами.

В течение этого дня забастовавшие типографщики пытались вновь собираться группами, но были рассеиваемы полицейскими нарядами, коими задержано в тот же день 379 человек наиболее упорных. 11 сентября во всех типографиях, по приказанию обер-полицеймейстера, были вывешены объявления, приглашающие приступить к работе, с угрозой неприступивших на следующий день к занятиям считать уволенными и высылать их паспорта и расчет в места приписки, а 12 сентября все типографии приступили к работе, хотя некоторые еще не при полном комплекте рабочих...

И. д. директора З у е в.

Прокламация Тверского комитета РСДРП, июль 1903 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Грозовая туча безработицы нависла над всей Россией. Эта туча задела и нас. В нашем заводе сокращается производство. Перестанет действовать одна печь. Работать мы будем через день. Наш нищенский заработок должен упасть до 6—8 рублей в месяц. Мы должны голодать. А по чьей вине? Когда работы не хватает, капиталист-фабрикант любит представлять из себя угнетенную невинность и плакаться на свою «судьбу»; они обыкновенно говорят: «Мы сами жертвы, мы ничего поделать не можем, у нас нет заказов, наши товары не находят себе достаточного сбыта». Капиталисты-хозяева проливают волчьи слезы. Безработица — дело их рук. Ненасытные, алчные в погоне за наживой они стараются лишь об одном: как бы выработать больше товару. И действительно, притесняя всячески и грабя нашего брата, они получают товару, сколько им хочется. И что же тогда происходит? А вот, что. Товары переполняют рынок, и значительная часть их остается не распроданною. Товары залеживаются. Новых больших заказов капиталистам получить, конечно, не откуда. Фабрики и заводы сокращают свою деятельность. Рабочие голодают или выбрасываются на улицу. Жадность капиталистов роет могилу рабочим, и вдвойне капиталисты повинны за свою жадность. Обворовывая нас, заставляя нас работать по нищенской плате, хищники капиталисты уменьшают спрос на товары, отнимают у промышленности громадный круг покупателей. В самом деле, какой бы обширный сбыт открылся для товаров, если бы миллионные рабочие массы были достаточно обеспечены и могли бы больше поку-

[1] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 39, л. В. л. 39. Прокламация распространялась в Твери на стекольном заводе Куровой и в Вышне-Волочке, где рабочие фабрики Прохорова и Таболки в начале июля потребовали раздела штрафного капитала.

нать. Тогда бы и застои в работе были реже и не так ужасны для работы. Но это невозможно, пока мы, рабочие, влачим полунищенское существование. Пока мы — только рабы хищников-хозяев, пока их ненасытная алчность самодержавно распоряжается нами и нашей жизнью.

Как же нам выйти из рабской кабалы? Кто нам поможет? Некоторые из наших товарищей советуют искать помощи у представителей правительственной власти. Но это смешно и нелепо. Это все равно, что просить помилования у палача, которому приказали казнить. Царское правительство именно такой палач. Оно — слуга капиталистов. Оно исполняет их волю. Царская жандармерия заключает в тюрьмы рабочих, поднявших знамя великой освободительной борьбы труда против капитала. Царские вояки расстреливают рабочих, громко осуждающих существующий общественный строй. Царское правительство издает законы, обеспечивающие произвол капиталистов. Так недавно изданным законом оно подчинило фабричных инспекторов всецело полицейской власти [1]. Недавно также оно, не желая допускать образование рабочих союзов, издало закон о старостах, содержащихся под полицейским и хозяйским надзором.

Помочь своему горю мы можем только сами, это поняли рабочие других государств. Они давно сплотились и успели завоевать себе некоторые права. Поняли это также и русские рабочие. И они начинают объединяться, устраивать союзы и стачки... Вы слышали, товарищи, например, о громадной забастовке, устроенной на днях в южных городах (Баку, Батуме, Киеве и Одессе) рабочими различных профессий (родов занятий), начиная с рабочих нефтяных источников и кончая матросами, кочегарами и даже прачками... Они действуют сообща, дружной массой. И нам должно сплотиться и дружно действовать. Время не терпит и другого выхода нам нет. Крайняя нужда и голод слишком настойчиво грозят ворваться в наши и без того убогие жилища...

Сплотимся же, товарищи!

Тверской комитет российской социал-демократической рабочей партии

Прокламация Тверского комитета РСДРП, (июль 1903 г.) [2]

Российская социал-демократическая рабочая партия

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

(Письмо товарища из г. Одессы по поводу последних событий.)

«1 июля началась стачка железнодорожных рабочих... Через два дня приехал начальник Юго-западных железных дорог, пообещал снестись с министром, и рабочие, находясь под влиянием «независимцев», стали на работу. 4 июля забастовали грузчики в порту, 6 — матросы Русского общества пароходства и торговли, а вслед за ними и матросы других пароходных обществ. На их место приехали несколько морских военных команд, но некоторые отказались повиноваться, другие работали не-

---

[1] 30 мая 1903 года издан был закон о подчинении фабричных инспекторов власти губернаторов и полиции, ранее непосредственно подчинявшихся министерству торговли и промышленности.

[2] ЦАР, инв. № 961. Воспроизведено с фото-копии, подлинник хранится в ИМЭЛ.

охотно. Носятся слухи, что ослушавшихся предадут военному суду. 17 июля на улицах города Одессы появились толпы рабочих числом до 8 тысяч и в полном порядке направились к вокзалу, чтобы присоединить к себе железнодорожных рабочих. Через несколько времени после этого собралась новая толпа, человек до 6 тысяч, которая прошлась по всему городу, останавливаясь у каждой фабрики, завода и даже у каждой самой незначительной мастерской, вызывая рабочих. Рабочие покидали свои мастерские и присоединялись к забастовщикам. Толпа росла и вскоре достигла до 40 тысяч. Затем мы двинулись тоже к вокзалу, но тут нам сказали, что все уже бросили свою работу и смешались с толпой. Между тем стало уже смеркаться и было совсем темно, когда мы подошли к саду. Здесь нам объявили, что за поздним временем демонстрация назначается на следующий день в 9 час. утра.

18 июля на прежнее место собралось до 50 тысяч народу. Слышались отдельные возгласы и гул многочисленной толпы. Один оратор влез на дерево и громко и отчетливо заговорил о значении рабочего движения и формулировал общие требования для всего рабочего класса: 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, вежливого обращения с рабочими и др. Его слушали со вниманием, он говорил уже больше часу и устал, голос его ослабел. Тогда из окружающей его толпы послышался возглас: «Давайте другого оратора! Нам жалко этого, он уже охрип». Но он проговорил еще с полчаса, а потом вместо него на дерево влез другой. Не успел он начать свою речь, как вдруг со всех сторон дождем посыпались прокламации Одесского социал-демократического комитета и раздались крики: «Долой самодержавие».

В это самое время среди массы народа сплотилось под предводительством студента около 2 тыс. человек, и студент закричал: «Мы собрались сюда не для того, чтобы бороться с самодержавием. Не правда ли? Мы должны формулировать только свои экономические требования. Долой политику!» Это был «независимец» со своими приверженцами, которые закричали в свою очередь: «По цехам, разделитесь по цехам, и пусть каждый оформит свои частные требования. Сапожники сюда. Плотники туда. Столяры сюда»,— командовали «независимые». Толпа зашевелилась. Студент бросился к дереву, но его не допустили. Вместо него влез социал-демократ и, начав издалека, постепенно [навел] речь на прокламации и выяснил все значение их; затем он вынул из кармана прокламацию и только-что произнес: «А теперь послушаем, что говорят социал-демократы»,— как вдруг в толпу клином врезались казаки с нагайками и началось избиение. Послышались раздирающие душу вопли, проклятия, истерики. «Сплотитесь все вместе! Не бегите! Держитесь крепко»,— кричали социал-демократы. «Независимцы» же стали толкаться, бросаться из стороны в сторону и первые побежали, а за ними и многие другие, кто не успел разобрать в чем дело. Казакам только этого и нужно было, они погнались за бегущими, действуя нагайками направо и налево. Одной работнице казак проколол руку, другой рассек кожу на лбу. Рабочие взяли платок пропитанный кровью, привязали его к древку и подняли с криком: «Это кровь наших товарищей!» Появление его произвело потрясающее впечатление. «Отомстить, отомстить»,— пронеслось со всех сторон и как из одной груди грянуло: «Долой самодержавие!»

Толпа бросилась к городу, взвилось красное знамя, его встретили с восторгом, хотели пройтись по главной, Дерибасовской, улице, но казаки и солдаты загородили дорогу; тогда двинулись к рынку. Знамя то поднималось, то опускалось, и каждое новое его появление встречалось криками: «Ура, долой самодержавие»! Нас оцепили со всех сторон, многие, чтобы не попасться в ловушку, бросались к воротам, но они охра-

нялись дворниками и солдатами. Началась свалка у ворот почти каждого дома. Мы с 20 товарищами после долгой борьбы ворвались наконец во двор и стали искать выхода. Ворота за нами сейчас же захлопнули и приставили часовых. Мы влезли на крышу, откуда один из наших крикнул: «Долой самодержавие!» Толпа нас поддержала. Море голов двигалось по улице: банки, ломбарды, все общественные здания охранялись военной силой. Мы все еще бродили по крыше, откуда завели переговоры с лавочником, который, наконец, согласился впустить нас к себе со двора и выпустить на улицу. Так мы спаслись и разбрелись кто куда. Отрадно было на душе, что мы все же победили «независимцев», главари их рассеялись, оставив у рабочих дурную память о себе. В результате массовые аресты на улицах, аресты и обыски в домах, но комитет не затронут, и типография наша работает. Пишу наспех, подробностей еще много, но описывать нет времени, пишу только то, что видел собственными глазами».

С большим удовольствием печатаем письмо нашего одесского товарища. Факты, в нем изложенные, говорят сами за себя, не требуя от нас никаких объяснений, но организацию «независимых» мы не можем обойти молчанием, так как не всем вероятно известно, что это за организация и что за рабочие к ним принадлежат. Все знают, что наше рабочее движение становится все шире и грознее, и это давно уже обратило на себя внимание правительства. Самодержавие почувствовало, что трон под ним колеблется, и задумалось как бы задержать рост грозящей ему опасности. Чтобы ослабить врага, необходимо внести разделение, несогласие в его ряды, и к этой мере прибегло самодержавие.

В таких случаях правительства всех стран обращаются обыкновенно за поддержкой к самым отсталым и несознательным слоям народа. Так было и у нас. На каждой фабрике и заводе мало ли найдется простаков, полагающих, что самодержавие — друг и защитник угнетенной массы. В критическую минуту и простаки пригодились. К ним прикомандировали главарей из шпионов — учеников Зубатова (начальника Московского охранного отделения), и таким путем образовалась организация «независимцев». Рабочие раскололись на два враждебных лагеря, что так ясно видно из одесских событий. «Независимцы» кричали: «Сапожники сюда, плотники туда». Что это значит? Это значит, сапожник знай свою колодку, а плотник пилу и не стремись больше ни к чему, оставайся рабом, как и прежде. Это значит разъединение, ослабление рабочего класса. Истинный передовой боец за рабочее дело — социал-демократия стремится объединить и организовать весь пролетариат. Только тогда он будет непобедим и, повалив самодержавие, расчистит себе дорогу для дальнейшей борьбы.

«Независимцы» не товарищи, а враги наши, но их ряды редеют вместе с ростом рабочего сознания. Правительство само не радо, что заварило всю эту историю и обрушилось на главарей «независимцев», зачем они допустили победу социал-демократов в Одессе. Какие же это «независимцы», когда они зависят от шпионов. Долой «независимцев» — слуг самодержавия. Долой самодержавие!

Да здравствует единая российская социал-демократическая рабочая партия.

Прочтите и передайте вашим товарищам.

Тверской комитет российской социал-демократической рабочей партии

Прокламация Тульского комитета РСДРП, июль 1903 г.[1].

Российская социал-демократическая рабочая партия

К рабочим Тульского патронного завода.

Товарищи! Из газет вы можете теперь видеть, что в Ростове, Баку, Батуме, Одессе и Тифлисе происходят или происходили несколько дней тому назад стачки. О них не пишут прямо; можно только догадаться, что там происходит, по отдельным намекам. Почему это? Почему нельзя известить прямо, что там-то — стачка? Потому что стачка есть одно из проявлений рабочего движения, которого так боится правительство. Слухи о нем могут возбудить волнение и в других городах; на всех фабриках и заводах всегда есть свои причины, которые могут вызвать стачку; нужен только толчок и этим толчком может послужить газетное известие о стачке в другом городе. Рабочие подумают: ведь борятся же в других местах — почему не бороться и нам.

Есть поводы для стачки и у нас, товарищи; вы всмотритесь только внимательнее в окружающее вас. Возьмем, хотя бы сбавку расценок в пушечно-гильзовой мастерской. Вот старый и новый расценки: токарям раньше платили за 3-х дюйм. патрон за расточку дулиц — 70 коп., а теперь 56; клеймение — 15 коп., а теперь 12 коп.; снятие заусениц — 16 коп., а теперь 13 коп.; внутреннюю очистку — 49 коп., а теперь 35 коп.; расточку гнезд и нарез — 2 р. 80 к., а теперь 1 р. 95 коп.; обрезку дулец — 30 коп., а теперь 25 коп.; слесарям — 35 коп., а теперь 30 коп.

За патрон в 47 мм. раньше платили: за фрезеровку — 1 р. 20 коп. а теперь 70 коп.; за расточку дулец — 60 коп., а теперь 45 коп.

А между тем из последнего отчета видно, что общество получило за год 800 тыс. руб. прибыли. Значит, сбавка вовсе не была необходима. Этой сбавкой они, конечно, хотят еще больше увеличить свою прибыль; а как это отзовется на нас: чтобы выработать на прожитие себе, вы должны будете работать гораздо больше, чем прежде. Благодаря этому вы будете истощать свои силы быстрее обыкновенного. К тому же ведут и необязательные сверхурочные работы. Вы знаете, как они необязательны, на деле вас заставляют работать сверх срока, хотя бы вы и не хотели.

Товарищи, если вы будете молча переносить все, что вам приходится испытывать, если вы будете работать по пониженным расценкам часов по 15 в сутки, вы превратитесь в машины, у которых есть руки для того, чтоб работать, и желудки, чтобы заставлять вас работать. Вы перестанете быть людьми, осмысленно относящимися к жизни. Так протестуйте же, товарищи! Требуйте: 1) 8-часового рабочего дня, 2) возобновления старых расценков, 3) полного уничтожения сверхурочных работ. Если же вам откажут, то объявите стачку и держитесь до тех пор, пока не удовлетворят ваших требований.

Вперед, товарищи! Каждый за всех и все за каждого!

Тульский комитет российской социал-демократической рабочей партии

---

[1] ДП, о.о., 1898 г., д. № 5, ч. 32, л. В. л. 84. Прокламация была разложена 26 июля по станкам рабочих в разных мастерских завода. Члены Тульского комитета РСДРП проводили на патронном заводе усиленную агитацию за забастовку, с предъявлением требования сокращения рабочего дня до 10 часов. Рабочими социал-демократами была организована на заводе тайная касса взаимопомощи из добровольных взносов. После ареста 14 сентября членов Тульского Комитета РСДРП, организовавших демонстрацию протеста против суда над Ростовскими демонстрантами, подготовка забастовки была сорвана.

Из Прокламации Нижегородского комитета РСДРП, август 1903 г.[1]

Июльское рабочее движение на Юге. Это — знаменательное явление в развитии революционного движения в России. Не имея перед собой достоверных подробных сведений о том, что в действительности происходило и происходит на Юге, мы даем общую картину происшествий, взявши данные из правительственных сообщений, частью из иностранных газет, частными же слухами пользуемся только теми, за полную достоверность которых ручаемся...[2]

...Значение июльских забастовок. Как велики жертвы со стороны рабочих во время последних движений на Юге, теперь определить немыслимо, это укажет время. Достаточно убитых, множество, масса арестованных. Лицам, которых признают руководителями и зачинщиками, предстоит ссылка и другие кары. Многие, замеченные на улицах, постановлениями губернаторов приговариваются к аресту. Почти во всех пунктах рабочего движения изданы обязательные постановления, чтобы никто не имел при себе оружия или предметов, заменяющих оружие. В Балаханах запрещено выходить из дому после 9 ч. вечера и, что всего страннее, запрещено ездить верхом. Дружное стойкое движение рабочих сразу отозвалось благоприятно на их материальном положении. Везде повышена заработная плата, уменьшено и упорядочено время работы, отменены штрафы, и заводская администрация начала относиться к рабочим вежливо и с уважением. Кроме того, в разных губерниях, где не было забастовок, у властей явилась заботливость о трудящихся классах. В Минске губернатор объявил постановление об ограничении торговли. Приказчики давно хлопотали об этом, подавали прошения с 4 тысячами подписей, но дело плохо двигалось, а теперь вспомнили о них. Помимо этого губернатор распорядился о соблюдении в мастерских 10-часового рабочего дня, такое же распоряжение отдал могилевский губернатор для Могилева и Гомеля. Черноморский губернатор издал приказ о точном соблюдении ремесленного устава. В Одессе для рабочих железнодорожных мастерских и работающих у подрядчиков образуется фонд лечебный из отчислений 1% с подряда. В Баку в местных типографиях введен для лета 9-часовой, для зимы 10-часовой рабочий день.

Но не в этом заключается главная сила рабочего движения на Юге. Значительные июльские события имеют великое значение вообще для развития революционного движения в России. Теперь рабочие почувствовали свою силу, они узнали, где находится эта сила, они поняли, каким способом должны бороться со своими угнетателями и врагами. Рабочие всей остальной России с жадностью следят за делами своих товарищей, мысль у них проясняется, чувство солидарности растет и крепнет и недалеко то время, когда весь рабочий народ земли русской дружно, как один человек, поднимется и потребует уже не мелких уступок в виде заработной платы, уменьшения рабочего дня, но полной общественной справедливости как для себя, так и для всего обездоленного трудящегося люда. Во имя священных прав человека рабочий народ тогда потребует политической свободы и уравнения прав всех сословий перед законами государства.

Нижегородский комитет российской социал-демократической рабочей партии

---

[1] М. Ю., вр. канц., 1903 г., д. № 17780, лл. 3—4. Воспроизводится с копии, снятой в Нижегородском окружном суде.

[2] Опускаются краткие сведения о всеобщей стачке в Баку, Тифлисе, Батуме, Одессе, Киеве, ввиду повторения в них данных, изложенных в публикуемых выше документах.

Прокламация Нижегородского комитета РСДРП, 22 августа 1903 г.[1]

К грузчикам.

Товарищи! За июль месяц в Баку, в Одессе и в десятке других южных городов произошли стачки рабочих. Во многих случаях первые бросали работу грузчики и матросы. К ним присоединились рабочие фабрик и заводов, типографий, булочных, служащие на конках, на электрических станциях, каменщики, плотники, и прочие. Весь город замирал: некому было грузить пароходы, стояли поезда железных дорог, не ходила конка, не было освещения в городе, и все дармоеды, жиреющие от нашего пота и крови, попрятались, как пугливые мыши по своим норам и боязливо выглядывали на улицу. А по улицам ходили десятки тысяч рабочих, пели боевые песни и грозно кричали: «долой самодержавие, да здравствует свобода!».

Почему рабочие кричали — «долой самодержавие?» А вот почему: они поняли, что пока у нас будут править царь и министры, пока эти господа будут хозяйничать, заботясь только о своей пользе и о пользе богачей, до тех пор рабочему человеку не дождаться лучшей доли. Надо, чтобы сами рабочие, чтобы весь народ, через своих выборных, принимал участие в издании законов и следил за их исполнением, как это уже давно ведется во всех других государствах, кроме Турции и России. Только тогда мы, рабочие, свободно вздохнем и заживем лучше. Южные рабочие поняли это и кричали: «долой самодержавие!» От хозяев же они требовали: сокращения рабочего дня, прибавки жалованья, лучших помещений для себя, вежливого с собой обращения. Струсила полиция, увидав могучую рать рабочих, завыли хозяева — толстосумы и поспешили исполнить требования рабочих.

Товарищи! Нам, волжским грузчикам, живется много хуже, чем нашим братьям — рабочим на юге. Мы и работаем больше их и зарабатываем гораздо меньше. Да и из того, что заработаем, у нас на каждом шагу стараются оттянуть разные подрядчики, приказчики и прочие пиявицы. Всякая шваль, которая хочет считать себя нашим начальством, обращается с нами хуже, чем с рабочим скотом. Спины наши трещат от тяжестей, которые и волу впору таскать, а жить и отдыхать нам приходится в таких помещениях, где богатый барин не пожелал бы держать свою лошадь. Да всех наших невзгод и не перечислить.

Товарищи! Неужели мы хуже, чем грузчики на Юге? Неужели мы не сумеем добиться лучших условий. Стыдно нам будет, если мы будем только терпеть... Давайте все дружно бросим работу и потребуем: 1) чтобы нам прибавили не меньше 25 копеек на каждый рубль заработка, 2) чтобы рабочее время у нас было не больше 8 часов, 3) чтобы не было подрядчиков и других посредников при договоре, но чтобы рядили нас сами хозяева или их заведующие (тогда те рубли, которые теперь идут в карман подрядчика, останутся у нас), 4) чтобы не заставляли нас таскать непомерные тяжести, которые и лошади не под силу, 5) чтобы за каждое увечье наши наниматели выдавали вознаграждение по расчету заработка, 6) чтобы сходни на пристанях были лучше устроены, а то теперь каждый из нас может сломать себе шею из-за скаредности пароходчиков.

Бросайте же работу, товарищи! Станем дружнее и докажем, что и мы умеем не только терпеть и подставлять спину, а и добиваться лучших условий труда. Время теперь горячее и все пароходчики и купцы волками завоют без нас... Но не забудем и того, что только тогда на-

---

[1] ЦАР, инв. № 10927.

ша жизнь улучшится, когда правительство у нас будет не царь с министрами, а выборные от нас, рабочих, и от всего русского народа. И поэтому повторим грозный крик наших братьев, южных рабочих:

Долой самодержавие, да здравствует свобода!

Нижегородский комитет российской социал-демократической рабочей партии

Из отношения прокурора Нижегородского окружного суда министру юстиции, 24 августа 1903 г., № 751.[1]

За последнее время организованные кружки сормовских рабочих, в целях устной пропаганды, часто собирают сходки в Сормовском районе.

В двадцатых числах сего месяца начальником Нижегородского охранного отделения получены были агентурные сведения о том, что вечером 23 августа в сормовском лесу, в месте, называемом «Князек», имеет собраться многочисленная сходка рабочих, на коей должны обсуждаться данные, изложенные в особом воззвании Нижегородского комитета российской социал-демократической рабочей партии, «Июльское рабочее движение на юге.»[2]

В видах предупреждения собрания этой сходки, по указанию начальника охранного отделения, к означенному месту был послан усиленный полицейский наряд, коим и были задержаны на месте рабочие... в лесу раздались крики и несколько выстрелов, произведенных, повидимому, оставшимися в лесу рабочими, бывшими на сходке. После этого лица эти разбежались. Кем именно, были произведены выстрелы, не причинившие никому вреда, осталось невыясненным.

Донося об изложенном, имею честь доложить вашему превосходительству: 1) что сведения об означенной сходке переданы начальником Нижегородского охранного отделения в Нижегородское губернское жандармское управление на предмет возбуждения формального дознания и 2) что экземпляр помянутого воззвания будет представлен вашему превосходительству дополнительно.

Прокурор Нижегородского окужного суда Золотарев.

Прокламация Пермского комитета РСДРП, июль 1903 г.[3]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

В памяти живо еще у всех кровавое воспоминание о набеге царских войск на златоустовских рабочих[4]. 15 июля совершился новый крова-

---

[1] М. Ю. вр. канц., 1903 г., д. № 17780, л. 1.

[2] См. стр. 116.

[3] ЦАР, инв. № 826. Кроме публикуемой прокламации, Пермским комитетом в июле же была издана вторая прокламация с сообщением кратких сведений о всеобщей стачке в Баку, Тифлисе, Николаеве и др. южных городах. Члены Пермского комитета вели агитацию среди рабочих, устраивая кружковые собрания. В сентябре комитетом была выпущена прокламация о суде над Ростовскими демонстрантами, распространявшаяся среди рабочих Мотовилихинского завода. 8 октября после массового появления прокламаций был арестован почти весь состав Пермского комитета (ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 28, л. Б, л. 3).

[4] 10 марта 1903 г. забастовали рабочие Златоустовского казенного оружейного завода, причиной забастовки послужила выдача рабочим новых расчетных книжек, в которых отменялись некоторые льготы, предоставленные в 1861 г. при освобождении горнозаводских крестьян от крепостной зависимости. Арест выборных от забастовавших рабочих объединил всех рабочих для коллективной просьбы о расследовании дела прибывшим в Златоуст уфимским губернатором Богдановичем. Но губернатор не стал слушать рабочих: «Я приехал сюда не просьбы разбирать, а прекратить бунт», и отдал приказ стрелять. «Было убито 31 чел. и ранено до 250 чел.». Ряд корреспонденций о «Златоустовской бойне» был помещен в «Искре».

вый подвиг царского правительства — на станции Михайлово, Закавказской железной дороги, убито 10 и ранено 11 рабочих. Таковы, по крайней мере, цифры, опубликованные правительством. По частным же сведениям, убито гораздо больше. Убиты железнодорожные рабочие, как и златоустовские, якобы за бунт.

На михайловской бойне правительство воочию показало свою мстительность, коварство и подлость. В Баку была грандиозная стачка: тысячи листков и прокламаций призывали рабочую массу на борьбу, она бросала работы и шла на улицы, чтобы принять участие в демонстрациях против нашего азиатского строя: на улицах развевались красные революционные знамена... Несмотря на это небывалое революционное движение, рабочие не были расстрелены (по крайней мере, об этом молчит правительство). Почему это так? Неужели наше правительство признало за рабочими право защищаться против капиталистов и бороться за достижение гражданских прав.

Нет, не потому оно не расстреливает тысячные массы. В Баку, где забастовало до 50 тысяч рабочих, каждый выстрел отозвался бы в сердцах забастовщиков и вызвал бы жгучую ненависть против царского правительства. Вот этой-то ненависти оно и боится. Стрелять же по сотне забастовщиков в глухой станции и потом самому сообщать наглую ложь, а всем другим зажимать рот, вот по истине царский поступок, которым может гордиться самодержавное правительство!

Но свинцом, кровью и ложью невозможно заставить терпеливо нести муки, нужду и горе. Революционная волна захватила широкие революционные массы рабочих, и русская рабочая партия уже располагает достаточными силами, чтобы бороться за свободу стачек, рабочих союзов, свободу слова и печати сделать всероссийской народной борьбой против политического строя. Недалеко уже то время, когда каждый выстрел в рабочих, защищающих свои человеческие права, будет вызывать гнев и негодование всей многомиллионной армии рабочих, призывать свержение проклятого самодержавия.

Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!

Пермский комитет российской социал-демократической рабочей партии

Из Прокламации Самарского комитета РСДРП, [август], 1903 г. [1]

К о в с е м р а б о ч и м и р а б о т н и ц а м г. С а м а р ы.

Июльские дни нынешнего года принесли великие события. Ряд громадных стачек, тысячные собрания рабочих под открытым небом, широкая политическая агитация, резкие столкновения с правительством, закончившиеся местами убитыми и ранеными,— вот что дали нам июльские дни [2].

Мы не знаем еще, как кончилась эта великая стачка, не знаем, все ли требования южно-русских рабочих удовлетворены (часть требований в Баку и Тифлисе — удовлетворена). Но каков бы ни был конец,— значение ее громадно.

---

[1] ЦАР, инв. № 1386. На прокламации имеется оттиск печати Самарского комитета РСДРП.

[2] Опускаются сведения о всеобщей стачке на юге России, повторяющие данные, изложенные в публикуемых выше документах.

Прошло 8 месяцев с тех пор, как мы присутствовали при геройской борьбе ростовских рабочих, тогда боролся один Ростов и 30 тыс. рабочих. Теперь 8 городов и 150 тыс. рабочих грозно отвечают зарвавшемуся правительству: «Долой, мы сознали свое положение, мы задыхаемся без воздуха и света, мы требуем политической свободы, как первой ступени на нашем пути!»

Пройдет быть может еще несколько лет, и мы увидим, как мускулистая рука миллионов рабочего люда разобьет вдребезги ненавистное ярмо самодержавия. Но для того, чтобы наша борьба была успешна, чтобы ни ссылки, ни тюрьмы, ни пули солдат, ни лживое заигрывание правительства не могли нас сломить, мы должны объединиться, мы должны помнить, что только вместе мы—сила, которая побеждает мир. Мы должны привыкнуть крепкой стеной вставать на защиту своих прав, пусть удар, нанесенный одному рабочему, заставит разом подняться всех рабочих. Южно-русская стачка — это первая проба наших сил. Эта стачка нам говорит, что наше молодое рабочее движение, как сказочный богатырь, растет не по дням, а по часам, эта стачка нам говорит громко, что первая и главная наша задача — объединение всего рабочего класса в одну крепкую организацию. Будем же учиться отстаивать сообща свои интересы! Будем учиться у наших южно-русских товарищей давать дружный отпор нашим врагам — правительству и капиталистам, бороться за себя и за всех российских товарищей! Один за всех и все за одного! Смело готовьтесь, товарищи, к решительной борьбе, и день свободы не за горами!

Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!

Прокламация Борисоглебской социал-демократической организации, сентябрь 1903 г.[1]

Ко всем рабочим Борисоглебска и Юго-Восточной железной дороги от рабочих мастерских и депо Юго-восточной железной дороги.

Товарищи рабочие!

Мы обращаемся к Вам с призывом присоединиться к нашему общему делу — к стачке. 2 месяца тому назад весь Борисоглебск был всколыхнут нашей стачкой.[2] Мы требовали увольнения ненавистных нам мастеров, увеличения расценок, поденной платы, требовали вежливого

---

[1] ЦАР, инв. № 275. Воспроизведено с фото-копий. Подлинник хранится в ИМЭЛ.

[2] 20 июня забастовали рабочие Борисоглебских железнодорожных мастерских, предъявив требования 8-ми часового рабочего дня, повышения заработной платы и уничтожения штрафов. Забастовкой руководила Борисоглебская социал-демократическая организация, выпускавшая прокламации о ходе забастовки. 29 июня стачка окончилась частичной победой рабочих, после обещания начальства удовлетворить все требования по согласованию с управлением дороги. Неудовлетворение основных требований и революционная волна южных всеобщих стачек, подняли рабочих Борисоглебских мастерских на вторичную забастовку. Подготовку к вторичной забастовке рабочих мастерских вела Борисоглебская социал-демократическая организация. Кроме публикуемой было выпущено перед забастовкой еще 2 прокламации: № 1. «К Борисоглебским рабочим железнодорожных мастерских. Первый день стачки»... (с перечислением требований) и № 2, «К Борисоглебским рабочим мукомольных мельниц»... с призывом присоединиться к стачке железнодорожников. Вторая прокламация вызвала движение среди рабочих, а расследование приведенных в ней данных вскрыло ряд фактов взяточничества и эксплоатации на мельницах.

обращения, одним словом, требовали всего того, что бывает нужно всякому рабочему человеку, всякому продающему свой труд, свои силы.

Мы надеялись на себя, на свою энергию, на свою солидарность, но против темных сил, противопоставивших нашему воодушевлению свою хитрость, обман и лицемерие, не устояла слабая часть наших товарищей и, поверивши лживым обещаниям губернатора и министра — в скорейшем времени рассмотреть и удовлетворить наши требования, изменила своим товарищам и стала на работу, предав общее дело. После этого, пообещав нам многого, администрация начала тянуть время и тянула его до тех пор, пока нам не стала ясна ее политика. Политика же эта состояла в том, чтобы дотянуть время ответа до осени, когда нам несравненно трудней устроить забастовку, отделаться таким образом от нас удовлетворением самых ерундовских, самых мелких требований.

Но мы не дали обойти себя и не стали дожидаться этой поры, решили требовать ответа сейчас же. Для этой цели мы решили устроить вторичную забастовку и опять начать борьбу за лучшую жизнь.

Товарищи, вы наверное знаете как происходили грандиозные стачки нынешним летом в Баку, Одессе, Киеве и прочих городах. Там участвовали все рабочие, какие были в городе. К забастовавшим рабочим одного завода присоединились [рабочие] другого, третьего и т. д. Соединившись все шли в город, и весь рабочий люд — типографщики, кондуктора, булочники, портные и портнихи, приказчики, железнодорожные рабочие, рабочие на электрических станциях, соединялись в одну громадную массу, тысяч в 20—30 человек. Здесь каждая группа вырабатывала свои требования, записывала на бумаге и представляла их своим хозяевам. В других городах рабочие в назначенный в прокламациях день и час бросали работу, собирались, каждое заведение отдельно, в условленных местах, вырабатывали там свои требования, записывали их и представляли их или все или через выборных своим хозяевам и требовали ответа.

Товарищи, вы — рабочие и, следовательно, испытывающие нужду и притеснение. У каждого из вас накопилось озлобление против ваших хозяев, накопилась жажда улучшить свою жизнь. Мы уверены, что наши требования есть вместе с тем и ваши требования. Мы уверены, что наша борьба за них вызовет и вас к жизни и борьбе, заставит и вас стать на борьбу за более лучшую, более светлую жизнь. Жизнь рабочего — это тяжелый, тернистый путь, который только сами рабочие могут сделать просторным, чистым и легким. Вставайте поэтому на борьбу с вашими эксплоататорами, с этими бездельниками, живущими чужим трудом. Довольно вам усыпать путь их розами, себе же оставлять только шипы и тернии. Пускай они уменьшат свои тысячные доходы и дадут свободней тем вздохнуть, трудами рук которых наживали себе дома и палаты, обеспечили себе светлую и спокойную жизнь. Присоединяйтесь к нам, бросайте работу и предъявляйте ваши требования. Пусть крик: «Да здравствует всеобщая стачка», объединит всех нас и вдохнет в нас силу и энергию.

Рабочие Борисоглебских мастерских Юго-восточной железной дороги и депо Борисоглебск.

Социал-демократы

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ЭТИ ЛИСТКИ ВЕЗДЕ И У ВСЕХ.

Из телеграммы начальника Борисоглебского отделения Харьково-Царицинского полицейского управления Жел. дор. в департамент полиции, 8 сентября 1903 г.[1]

2 сентября рабочие Борисоглебских мастерских вновь забастовали, не принимая во внимание никаких увещеваний, требуя немедленного удовлетворения их требований. Сдерживая в течение двух месяцев волнения среди рабочих, я вынужден был уступить место сильному действию, произведенному прокламациями, угрожающими волнением всего города. Предполагается закрытие мастерских, расчет всех рабочих и высылка зачинщиков. Прибыли две роты из Тамбова.[2]

Подполковник Петров.

* * *

[1] ДП. о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 36, лит. В, л. 31.

[2] 11 сентября в мастерских был произведен расчет, на следующий день работы возобновились; 20 руководителей забастовки были арестованы и отправлены в Тамбовскую тюрьму.

Андижанское восстание 1898 г.

18 мая 1898 г. в Фергане, в наиболее экономически развитой области Туркестана, произошли события, которые известны в истории Средней Азии под именем Андижанского восстания.

Один из наиболее популярных в Туркестане ишанов Магомет-Али-хальфа, известный больше под именем Мадали, проживавший в кишлаке Минь-тюбе, Маргеланского уезда, провозгласил «священную войну» (джихад) и стал во главе восстания, направленного против царского владычества. Вечером 17 мая в кишлаке Минь-тюбе собралась толпа. Среди собравшихся были киргизы и кипчаки из Андижанского и Ошского уездов и много местных узбеков-дехкан.

Мадали сформировал отряд из этих людей, наэлектризованных его фанатической проповедью. Отряд двинулся по направлению к Андижану. Впереди ехали конные, за ними пешком — вся масса. Точное количество восставших определить трудно. По некоторым сведениям у Мадали было 1500 человек.

Около 3 часов ночи восставшие подошли к Андижану и напали на лагерь расквартированного там 20 батальона. Это нападение было произведено в полной тишине и совершенно неожиданно для войск. Нападавшие оцепили лагерь и стали избивать сонных солдат. Часть солдат, успевших проснуться и взяться за оружие, под командой поручика Карселадзе бросились в штыки и дали залп по нападавшим. Этого оказалось достаточно, чтобы отбить нападение. По показаниям очевидцев вся стычка от начала нападения до начала бегства продолжалась не более ¼ часа. Об этом говорит и телеграмма вр. исп. обязанности туркестанского генерал-губернатора Корольков от 24 мая 1898 г. Куропаткину.

Повстанцев не преследовали. Русский гарнизон не располагал кавалерией и у него не хватило патронов. Этим нападением на русский лагерь было исчерпано Андижанское восстание. Здесь не было ни больших сражений, ни партизанской войны, ни захвата городов и укрепленных пунктов, ни длительной борьбы между правительственными войсками и мятежниками, т. е. всего того, что обычно содержится в понятии настоящего народного движения.

Однако за этим, на первый взгляд незначительным выступлением, происшедшим 18 мая в Андижане, кроются очень глубокие и значительные события и они-то и представляют для нас большой исторический интерес. Необходимо отметить, что нападение на андижанский лагерь было поддержано и коренным населением Андижана, ибо по показаниям одного из участников — Маат-Муса, навстречу нападавшим из Андижана вышло еще около 200 чел. местных жителей. Кроме того, и это самое важное, движение не ограничилось только Маргеланским и Андижанским уездами, но оно распространилось на всю Фергану, Киргизию и отчасти даже на Самаркандскую область. Именно это обстоятельство объясняет нам тревогу и озабоченность, которую проявили по поводу андижанских событий русские правительственные круги вплоть до Куропаткина и Николая II.

Большое значение андижанских событий 1898 г. заключалось в том, что это было открытое нападение организованной повстанческой группы на колонизаторов, причем не на «мирных обывателей», чиновников или крестьян-переселенцев, что не являлось редкостью в эпоху царского господства в Средней Азии, а нападение на царский гарнизон, на войсковую часть. Это указывает на то, что восставшие рассчитывали на сильную поддержку большинства коренного населения. Политический характер Андижанского восстания был настолько оче-

виден, что русской администрации пришлось признать его политическую окраску.

Наконец большое историческое значение Андижанского восстания вытекает из общей политической обстановки на Востоке в конце XIX в. Это был кульминационный пункт русской завоевательной экспансии. Царская Россия закончила в этот период покорение Средней Азии. Несмотря на сильное противодействие британского империализма, России удалось захватить Хиву, Бухару, Ташкент, Самарканд, Фергану, окончательно покорить Туркмению от Каспийского моря до Аму-Дарьи и, в результате победы в 1885 г. при Кушке, вплотную подойти к Герату, этому «ключу к Индии», и наконец захватить Памир. Победы русского оружия содействовали укреплению русского царизма на всем Востоке. С другой стороны, военное могущество царской России, в соединении с грубыми, фельдфебельскими методами колониальной политики, терроризировало массы коренного населения завоеванных азиатских стран.

Андижанское восстание 1898 г. было далеко не первым проявлением движения широких масс в Средней Азии, направленного против русского владычества. Еще в 70-х годах в Фергане произошло восстание Пулат-хана, охватившее почти всю область. В 80-х годах в разных районах Ферганы действовали повстанческие отряды, так называемых «джетым-ханов», т. е. «лже-ханов». Это прозвище объясняется тем, что вожди этих отрядов выдавали себя за наследников Кокандских ханов. Русская администрация в своих донесениях называла их «разбойничьими шайками», стараясь скрыть политический характер этих партизанских движений.

Движение «джетым-ханов» было разгромлено, 50 предводителей были схвачены русской администрацией и 5 из них повешены.

В 1885 г., т. е. в период русско-английского конфликта и русско-афганского столкновения в Пендинском оазисе, тревожные настроения снова распространились по всему Туркестану и докатились до Ферганы. Возникли смутные слухи о появлении мусульманского мессии — Махди, о войне России с Афганистаном и Китаем. Из кишлака в кишлак по рукам ходила прокламация, провозглашавшая близкое объявление «джихада». По некоторым версиям эта прокламация исходила от некоего Абдул-Керим бека, жившего в Пешавере. Снова появились отряды «джетым-ханов». Они устраивали налеты на кишлаки, вербуя в свои отряды бедняков-дехкан, нападая на дома баев и волостных управителей, т. е. туземных агентов царского правительства. Нередко повстанцы брали в качестве заложников представителей сельской администрации. Главным предводителем движения 1885 г. был некий Дервиш-хан — Тюря, житель Коканда. По свидетельствам одного из представителей царской администрации — ген. Мединского [1] Дервиш-хан рассчитывал на поддержку всего населения и на общее восстание в Фергане. Для ликвидации движения была командирована экспедиция во главе с нач. Андижанского уезда, кап. Бряновым. Повстанческие отряды были разбиты, но сам Дервиш-хан успел скрыться и так и остался неразысканным.

Однако партизанские действия продолжались и дальше. Бывший тогда нач. штаба Туркестанского военного округа ген. Белявский пишет: «Разбои, бывавшие в Фергане и ранее, за последнее время приобрели большую смелость и дошли до того, что шайки нападали на наши пограничные посты и оказывали вооруженное сопротивление администрации. В прошлом году шайка дошла до такой силы, что против нее была выслана сотня казаков, которая и рассеяла ее. К крайнему сожалению, пострадали очень немногие из участников этой шайки и то второстепенные» [2].

Кто же были главные участники этих движений? Из какого социального слоя происходили эти борцы против царского гнета?

---

[1] Центральный Военно-исторический архив (ЦВИА), д. № 85, ч. II, л. 16—28.
[2] Там же, д. № 85 лл. 106—110.

Говоря об арестованных мятежниках после поимки отряда Дервиш-хана в 1885 г., ген. Мединский пишет: «Арестованные затем участники беспорядков, более 60 человек, представляли жалкий вид, большинство из них бездомники» [1].

Прочие свидетельства о движениях 70—80-х годов также указывают, что выступали дехканская беднота, чайрикеры, безземельные и бездомные бродяги.

Точно так же и в Андижанском восстании 1898 г. ясно виден чисто крестьянский его характер. Рапорт военного прокурора ген. Долинского отмечает: «Если бы масса населения не сочувствовала заговору и считала бы себя материально заинтересованной и нравственно обязанной предупредить о нем русское начальство, то конечно это было бы сделано тотчас же, как только стали ходить слухи о замыслах ишана, о происходящих у него подозрительных совещаниях и сношениях его с доверенными лицами в разных местах».

В том же рапорте указывается, что главными социальными силами, участвовавшими в восстании, были: духовенство, бывшие офицеры Кокандского ханства, полуоседлые киргизы и кипчаки, узбекские дехкане и наконец, по выражению военного прокурора — «всякий сброд», поденщики (мердекеры), мелкие торговцы, «бродячий люд, не имеющий определенных занятий, терять которому нечего». Отсюда ясно, что основной армией движения было трудовое дехканство и кочевники, к которым присоединились некоторые слои городской бедноты и мелкой буржуазии.

Руководство восстанием принадлежало мусульманскому духовенству и феодальным элементам. Но этот факт нисколько не умаляет революционного, национально-освободительного значения андижанских событий. Феодальное руководство крестьянскими движениями — явление нередкое и не новое. С ним приходится встречаться при изучении истории большинства крестьянских восстаний в феодальных странах. Особенно типично это сочетание феодально-клерикального руководства с массовой крестьянской базой для стран колониального Востока. Мы находим его и в крестьянских войнах в Японии эры Токугава, и в тайпинском движении середины XIX в. в Китае (не говоря уже о более ранних крестьянских восстаниях), и в индийском восстании сипаев 1857 г. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений,— говорил товарищ Сталин в своих лекциях «Об основах ленинизма»,— столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения» [2]. Именно поэтому товарищ Сталин называл борьбу афганского эмира Амануллы-хана за независимость объективно революционной.

Русское господство в Средней Азии сыграло свою прогрессивную роль, разрушая средневековый застой и замкнутость, неся с собой элементы просвещения и промышленного развития.

Но это прогрессивное влияние России сопровождалось самым бесчеловечным и варварским угнетением народов Средней Азии царизмом. «...царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного,— взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов...» [3]. Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма «...только в России существовала реальная сила, могущая разрешить

---

[1] См. ниже стр. 137.
[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 46.
[3] Там же, стр. 4.

противоречия империализма революционным путем»[1]. И в этом отношении Андижанское восстание, восстание трудящихся масс колониальной окраины, направленное против российского военно-феодального империализма, было движением объективно революционным, несмотря на руководящую роль в нем мулл, ишанов, мелких ханов, несмотря на его мусульманско-фанатическую оболочку.

Однако то обстоятельство, что Андижанское восстание руководилось феодально-клерикальными элементами, сыграло немалую роль в его поражении и провале. Стихийная ненависть угнетенных и эксплоатируемых народных масс Средней Азии к угнетателям вылилась в форму фанатической мусульманской «священной войны». Во главе движения оказались ханы, беки и ишаны. Религиозная непримиримость заменила собой отсутствовавшие еще в то время у узбекских дехкан национальное чувство и стремление к национальному государству.

Как раз в эту эпоху по всему колониальному Востоку усиленно пропагандировалось учение панисламизма, стремившегося к объединению мусульман всего мира, к созданию единой мусульманской теократической империи. Это учение, инспирированное и вырощенное турецкой феодальной деспотией Абдул-Гамида II, использовалось «кровавым султаном» в качестве весьма эффективного орудия во внешней и внутренней политике. На происки царского правительства на Балканах и в Армении Абдул-Гамид отвечал посылкой панисламистских агитаторов в Афганистан, в Среднюю Азию, на Кавказ, Поволжье и т. д. Турецкие эмиссары появлялись в мусульманских районах России, устанавливая связи с местным духовенством и мусульманской интеллигенцией.

Мы уже упоминали о деятельности некоего Абдул-Керим бека, распространявшего из Пешавера в 1885 г. прокламации с призывом к священной войне. Несомненно, что и к событиям 1898 г. турецкие агенты имели некоторое отношение.

Во всяком случае делом этим заинтересовалась не только местная администрация, но и Петербург. На донесении, представленном Куропаткиным Николаю II, строки, говорившие о султанском послании, были подчеркнуты царем, и затем из Петербурга было дано предписание русскому послу в Константинополе выяснить, действительно ли султан Абдул-Гамид II являлся автором письма.

Несомненно и то, что панисламистское движение встречало сочувственный отклик со стороны британской агентуры в Индии, Афганистане, Персии, заинтересованной в ослаблении русского господства на Среднем Востоке. Но следует ли из этого, что народные движения в Туркестане и, в частности, Андижанское восстание есть дело рук панисламистов или англичан, или тех и других? Именно так и пытались изобразить дело некоторые представители русской администрации. Такое объяснение было выгодно для представителей царского самодержавия, которые хотели видеть причину всех неурядиц и болезней не в упадке и разложении российского военно-феодального империализма, а в иностранных кознях и интригах.

Во всех официальных документах, относящихся к событиям 1898 г., местных чиновников упрекали в излишней «мягкости и либерализме» по отношению к туземцам. Усиленно критиковалось «либеральное» положение 1886 г. об управлении Туркестаном и введенный им институт выборных волостных управителей.

Ген. Корольков, исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора, до приезда назначенного туда Духовского, сообщал в Петербург: «Со всех сторон слышу, повидимому, убежденные заявления о значительном падении русской власти в области, что приписывается ухудшению состава выборных

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 6.

волостных против назначавшихся губернаторами, а также антагонизму, существующему с 1887 г. между судебными и административными чинами области и уменьшению значения в глазах населения, пользовавшихся прежде глубоким уважением уездных начальников». На этом донесении стоит собственноручная резолюция Николая II: «Обращаю особое внимание ваше, а также министра юстиции на конец этой телеграммы» [1].

Те же мотивы мы находим в записках ген. Белявского, который указывает, что до сих пор выборные управители заискивали перед своими избирателями, т. е. главным образом перед баями и духовенством и потому не смогли донести о подготовке восстания. Но Андижанское восстание, как было выше упомянуто, в своей основе было движением народных широких масс, которые имели полное право быть недовольными новыми порядками царского правительства уже по одному тому обстоятельству, что водворение новой власти очень серьезно ограничивало и ущемляло материальное благосостояние крестьянских масс. Тот же самый ген. Белявский, занимавший видное положение в местной военной администрации, сваливая все на фанатизм, все же случайно, сам того не желая, несколько приоткрыл завесу: «Водворение русской власти,— пишет он в своей записке, отразилось там (в Фергане) даже неблагоприятно и вызывает постоянную тревогу, вследствие беспокойства, которое поддерживается неопределенностью податного и поземельного вопросов и недостаточной с нашей стороны настойчивостью в правильном разрешении оросительного вопроса вообще в крае» [2].

В действительности же причины и корни андижанских событий лежат отнюдь не в «либерализме» царских чиновников, не в панисламистской агитации, а во всей системе русского колониального гнета, против которого выступили трудящиеся дехканские массы. Религиозная исламистская окраска была только привеском, только оболочкой, происхождение которой вполне ясно. Мусульманское духовенство,— вернее, известная его часть,— была ущемлена русским господством. Русское правительство, согласно того же положения 1886 г. значительно ограничило права вакуфов, обложив их поземельной податью, от которой они прежде были освобождены, и изъяв из ведения мечетей некоторые заселенные земельные участки. Разумеется, это мероприятие ущемляло известную часть духовенства и гл. образом так наз. мутевали, т. е. заведующих местными медрессе, владевших вакуфами и пр.

Кроме того, было проведено запрещение на некоторое время паломничества в Мекку, что тоже отражалось на доходах местных мулл и на казне мечетей. Поэтому часть духовенства заняла враждебную позицию в отношении царской администрации и была непрочь использовать брожение дехканских масс в своих интересах. Духовенство стало во главе движения еще и потому, что правильно учло настроение в массах, и рассчитывало таким образом укрепить свой авторитет и свою популярность, переоценивая вместе с тем силу панисламистского движения зарубежного Востока, и легкомысленно надеясь на поддержку абдулгамидовской Турции.

Как явствует из материалов следствия, среди руководителей движения было немало бывших офицеров Кокандского хана, разорившихся и оставшихся без дела после захвата Коканда Россией.

Помогали движению и местные купцы. 31 мая генерал Корольков телеграфировал Куропаткину: «По данным, добытым дознанием, производящимся в Маргелане, оказывается, что навстречу ишану для присоединения к нему из Андижана выходила партия мятежников около 200 человек. Организаторами этой партии явились богатые андижанские купцы, которые еще не арестованы, за переполнением арестных помещений, но находятся под строгим надзором» [3].

---

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. I, л. 130.
[2] Там же, л. 100.
[3] Там же, ч. II, л. 30.

Что же касается крупных местных феодалов, являвшихся союзниками и опорой царского владычества, различных «почетных туземцев», баев, аксакалов и пр., то они в большинстве были враждебно настроены к восстанию и играли предательскую роль. Андижанская операция Мадали по плану должна была происходить одновременно с нападением других частей повстанцев на Ош и Маргелан. Однако эти операции были сорваны из-за предательства. Например, нападение на Ош не состоялось потому, что еще 17 мая б. волостной управитель Карабек Хасанов донес уездному начальнику о готовящемся; были приняты соответствующие меры, и предводитель повстанцев — Умарбек Датхи был арестован. После восстания эти слои наперебой выражали свою преданность и сочувствие русской администрации. Ташкентские «почетные туземцы» выражали через посредство губернатора «свои верноподданические чувства, негодование по поводу злодейского нападения в Андижане и просили дозволения собрать между собою сумму для семейств убитых нижних чинов» [1]. Такие же заявления слышались при проезде нового ген.-губ. Духовского через Катта-Курган, Самарканд и другие места от различных туземных депутаций и пр.

Андижанское восстание потерпело быстрое поражение. Однако оно носило тщательный и широко задуманный характер. Охватив всю Фергану, движение распространилось на прочие области Туркестана. Один из обвиняемых — киргиз Маат-Муса в своих показаниях говорит о том, что он был командирован в киргизские районы с директивными письмами от ишана. Сам ген. Корольков пишет в Петербург, что «раскрытие этой организации и степени участия в ней других местностей края составляет нелегкую, при существующих средствах, задачу, для выполнения коей данные только теперь начинают попадать в наши руки». На этой же точке зрения стоит и новый ген.-губ. Духовской. Еще более четко эта мысль выражена в рапорте военного прокурора ген. Долинского, который указывает на массовый характер движения, на обширность района, охваченного движением, на множество замешанных в организации лиц.

Слабость руководства, противоречие между массами и вождями, неравенство борющихся сторон, полная разобщенность между национальным движением коренного населения и революционным движением русского пролетариата в городах — все это обусловило провал Андижанского восстания. Немалую роль сыграло предательство сельской феодальной верхушки.

После восстания начались суровые репрессии не только по отношению к непосредственным участникам восстания, но и ко всем замешанным в его подготовке. Первым мероприятием была генеральная порка арестованных. Б. ген.-губернатор Повало-Швейковский, стараясь загладить свою вину, телеграфировал в Петербург, что эта порка нагайками «произвела прекрасное впечатление, как на туземное население, так и на войска». Каково было это «прекрасное впечатление» можно судить хотя бы из того, что даже ген. Корольков сообщает, без особого сочувствия, о том, что тюремный лазарет переполнен серьезно больными, из числа наказанных нагайками по приказу Повало-Швейковского.

Свыше 400 чел. понесло наказание и из них 18 было повешено, в том числе и сам Мадали. Остальным досталась каторга и ссылка. Пойман был также племянник ишана, который намечался организатором восстания в качестве кандидата на ханский трон. Жители виновных кишлаков Минь-тюбе и Науката были выселены, кишлаки срыты и земля, на которых они находились, отведена под поселение для русских крестьян переселенцев. Началась еще более свирепая руссификация, и тиски колониального гнета были завинчены еще туже.

Однако народное движение в Средней Азии не было окончательно подавлено. 18 лет спустя, в 1916 г. в Узбекистане, Казахстане, Туркмении вспыхнуло новое, гораздо более обширное и грозное восстание против царизма.

Но только «...Октябрьский переворот, покончив со старым, буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против

[1] См. ниже, стр. 134.

всякого,— значит и национального,— гнета, против власти буржуазии, «своей» и чужой, против империализма вообще»[1].

Навсегда свергнув при помощи и руководстве победоносного рабочего класса России, возглавляемого партией Ленина — Сталина, гнет империализма, народы Средней Азии в братском союзе со всеми народами великого Советского Союза достигли за годы Советской власти исключительных успехов в деле социалистического строительства и под знаменем Сталинской Конституции, под твердым руководством большевистской партии одерживают победу за победой, строят свою радостную жизнь.

Материалы подготовлены к печати тт. Д. С. Сейдаметовым и Н. П. Шляпниковым.

Е. Штейнберг

Рапорт командира 20 Туркестанского линейного кадрового батальона и начальника Андижанского гарнизона подполковника Михайлова на имя Николая II, 20 мая 1898 г., № 633[2].

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что 18 сего мая, перед рассветом, около трех часов утра, при совершенной темноте, со стороны Дон-Кишлака, прилегающего своими садами к правому флангу лагеря, шайка туземцев от полутора до двух тысяч человек, при полной тишине, подкралась к лагерю; впереди двигались конные, а за ними пешие туземцы; подкравшись к крайнему бараку, занятому первыми тремя взводами 4 роты 20 Туркестанского линейного кадрового батальона, они сразу окружили барак, бросились в проходы, стали вскакивать со всех сторон в пролеты между столбами, поддерживающими крышу барака, и начали бить и резать спавших нижних чинов при тихих возгласах: «ур, ур».

Первый увидал туземцев стоявший дневальным на фланге барака рядовой той же роты Тютин, который не своим голосом вскрикнул и тотчас же был убит. Дневальный с другого фланга рядовой Масляников, а также дежурный по 4 роте рядовой Жернов и дежурный по двум ротам старший унтер-офицер Степанов, перед этим читавший книгу при лампе в 3 взводе, бросились на шум с криком: «вставайте, в ружье». Туземцы же, вскакивая со всех сторон, моментально заняли весь барак; дежурный по 4 роте и дневальный были тотчас же убиты; дежурный по двум ротам, получив вскользь удары в голову и в плечо, бросился обратно к 5 роте; те из нижних чинов, которые успели схватить винтовки, старались пробиться к 5 роте, отбиваясь прикладом и штыком. Унтер-офицер Степанов, вбежав в помещение 5 роты стал кричать: «Петлица (фамилия фельдфебеля 5 роты, который встал раньше и перед этим только-что разговаривал с унтер-офицером Степановым) — буди людей, режут!» Фельдфебель 5 роты Петлица стал будить нижних чинов и кричать: «В ружье».

Одновременно с этим не спавший в то время подпоручик 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона Карселадзе, оставшийся временно за командира 5 роты, уволенного в г. Маргелан, и ночевавший в бараке, отведенном для околодка и расположенном в шагах тридцати

---

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1938 г., стр. 55.

[2] ЦВИА, Гл. штаб азиатской части, д. № 85, ч. II, лл. 63—68. На подлиннике помета: «Его величество изволил читать.— 8 июня 1898 г. Ген.-лейт. Куропаткин». Кроме этого рапорта, в деле № 85, ч. II имеется рапорт командира 4 туркестанского линейного батальона полковника Афанасьева от 19 мая 1898 г. Николаю II об андижанском восстании, о принятых им мерах в Ошском уезде и об отправке им из Оша 3 роты вверенного ему батальона на помощь гарнизону Андижана.

позади бараков передней линии, между бараками 4 и 5 рот, услыхав возгласы: «ур, ур», схватил из-под подушки револьвер, выскочил из барака и, увидев, что барак 4 роты весь окружен конными туземцами, сделал последовательно в туземцев 4 выстрела и бросился за 5 ротой. Услыхав выстрелы, дежурный по 5 роте ефрейтор Лясовский, писавший в это время письмо в 3 взводе, также стал кричать: «вставайте, в ружье».

Около половины роты выскочили с ружьями перед бараком и, наступая с обеих сторон барака, штыками стали отбивать туземцев, а в это время фельдфебель и дежурный по роте раздавали другой половине роты караульные патроны, хранившиеся в ротной канцелярии в количестве одного ящика. Подпоручик Карселадзе с этими людьми бросились на туземцев с криками «ура» и барабанным боем, открыв по ним учащенный огонь. Туземцы отбивались кинжалами, батиками, шашками, кольями и серпами.

Когда туземцы были выбиты из лагеря, нижние чины остановились у крайнего фаса барака 4 роты, продолжая стрелять учащенным огнем; при отступлении туземцы также начали стрелять из имевшихся у них револьверов, карабинов и других ружей.

Когда местность перед бараком очистилась, то нижние чины увидели стоявшего шагах в пятнадцати от барака муллу, который держал перед собою коран и что-то читал с поднятыми к небу глазами; около муллы с обеих сторон стояло человек десять туземцев с двумя небольшими значками красного и белого цветов; все эти туземцы были вооружены револьверами, из которых и стреляли в нижних чинов, но все эти люди были тотчас же убиты нижними чинами.

Туземцы отступали очень быстро, подхватывая своих раненых и убитых. Нижние чины за неимением патронов преследовать туземцев не могли. При наступлении подпоручик Карселадзе выстрелом из револьвера сбил с лошади знаменщика с шелковым зеленым знаменем, а другим убил под знаменщиком лошадь; тогда рядовой 4 роты Титов воткнул штык в падающего знаменосца, и знамя было взято подпоручиком Карселадзе.

От начала нападения туземцев до их бегства прошло не более десяти или пятнадцати минут. Когда еще слышны были выстрелы на правом фланге лагеря, прибежали в лагерь подпоручики того же батальона Глуздовский и Юрасов; их окружили человек двенадцать нижних чинов с просьбой дать патроны. Подпоручик Глуздовский с этими людьми бросился в пороховой погреб, отстоящий от лагеря в шагах около тысячи, сбил замок, взял патроны и, оставив для охраны погреба шесть человек, с остальными нижними чинами побежал в лагерь, дав два залпа вверх, чтобы показать туземцам, что подходит подкрепление. Я, услыхав первый выстрел и, полагая, что бежали с гауптвахты арестанты, стал одеваться, но через несколько минут прибежал кто-то из нижних чинов и сказал, что туземцы напали на лагерь и режут солдат. Я бросился в лагерь и прибежал, когда нападение было отбито. Тотчас же было послано за молодыми солдатами, с вечера выступившими из лагеря в составе 22 молодых и 5 учителей 4 роты на стрельбище, находившееся от лагеря в 10 верстах, для начала прохождения подготовительной стрельбы, которые и прибыли благополучно в лагерь под командой подпоручика 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона Розалио-Сошальского.

Отряд вверенного мне гарнизона состоял из двух рот 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона, в составе одного штаб-офицера, 7 обер-офицеров и в 4 роте унтер-офицеров и рядовых 139 человек, из которых больных 9 человек, казенной прислуги и писарь — 9

человек, на стрельбище — 27 человек, в карауле на гауптвахте в крепости при гражданских арестантах — 26 человек, домашний расход, как-то: хлебопеков, поваров, конюхов, нестроевых и уволенных из лагеря в город на ночь — 16 человек; итого в 4 роте ночевали в лагерях 52 человека; в 5 роте: унтер-офицеров и рядовых 136 человек, из них больных 12 человек, в домашнем расходе с казенной прислугой — 13 человек; итого ночевало в лагерях в 5 роте — 111 человек. Из этого состава выбыло из строя: убитыми два унтер-офицера и 19 рядовых, тяжело раненых — 14 нижних чинов, из числа которых один умер на другой день; легко раненых — 5 нижних чинов. Винтовок не оказалось 31, которые могли быть унесены бунтовщиками, но эта цифра не вполне точна, так как винтовки раздавались для защиты русскому населению города и пока не все еще собраны. Пропавших патронов не было.

Ввиду вышеизложенного происшествия мною были сделаны следующие распоряжения: патроны в количестве 23 тысяч перенесены в крепость, больные из лазарета поставлены были в строй, раненые перенесены были в крепость, куда я поместил гарнизон в количестве 16 человек, считая в том числе караул, охраняющий гражданских арестантов, и выставил на барбеты имеющиеся в крепости два орудия. С оставшимися людьми в течение дня я охранял два фаса города, с которых можно было ожидать нападения туземцев. Так как проволока правительственного и железнодорожного телеграфов в г. Маргелан была обрезана, а сообщение с городом Ошем оказалось в исправности, то я сообщил телеграммой командиру 4 Туркестанского линейного батальона о случившемся для предупреждения его и, не зная, будет ли восстановлено сообщение с г. Маргеланом, просил командира 4 батальона, если он может, прислать одну роту на подкрепление.

Когда сообщение с г. Маргеланом было восстановлено, я донес о случившемся командующему резервными и местными войсками Ферганской области и получил через начальника Андижанского уезда извещение, что на подкрепление высланы из г. Маргелана одна рота 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона с 20 охотниками того же батальона, и что командующий резервными и местными войсками Ферганской области выезжает в город Андижан.

Узнав, что телеграфное сообщение г. Маргелана с городами Кокандом и Ташкентом прервано, я предположил, что восстание может принять большие размеры, и, имея в своем распоряжении, за вычетом караула, гарнизона, оставленного в крепости, и десяти охотников, отданных в распоряжение участкового пристава штабс-капитана Агабекова для поимки ишана, только 80 штыков, в числе которых 56 молодых солдат, не проходивших стрельбу, я решил сосредоточить к вечеру весь отряд в крепости, где и защищаться. Так как для защиты города мне пришлось бы дробить роту на мелкие отряды, в которых за стойкость молодых солдат я ручаться не мог, и, кроме того, малые отряды ночью могли быть задавлены численностью восставших, которые могли воспользоваться нашими винтовками против нас же, почему я и приказал перевезти деньги уездного казначейства и почтовой конторы в крепость, объявив жителям, чтобы они отправили в крепость женщин и детей и что в крепости мужскому населению будут выданы свободные винтовки. В крепость на всякий случай приказал наносить воды.

С наступлением сумерек, когда все жители были уже в крепости, я стал стягивать весь отряд в крепость, которую и занял.

В одиннадцать часов ночи прибыла из Оша одна рота 4 Туркестанского линейного батальона и из Маргелана с поездом одна рота и 20 охотников 20 Туркестанского батальона. Тогда я тотчас двумя ротами

и охотниками оцепил город, чтобы не могли расхитить имущество жителей. При таком расположении отряд оставался до утра, до прибытия командующего резервными и местными войсками Ферганской области.

Младший штабс-офицер 20 Туркестанского линейного кадрового батальона подполковник Михайлов.

Доклад управляющего делами военного министерства ген.-лейт. Куропаткина Николаю II, 20 мая 1898 г.[1]

Временно командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Корольков 18 сего мая донес по телеграфу: «Ферганский военный губернатор доносит, что вчера вечером в Маргеланском уезде ишан Могамед-Али-хальфа объявил газават и с шайкой в 1000 человек направился в Андижан, перерезав телеграф, сегодня на рассвете внезапно напал на лагерь 20 батальона, причем убито 21 и ранено 10 нижних чинов[2], шайка рассеяна огнем, оставив на месте 11 убитых и 8 раненых. Военный губернатор послал по железной дороге из Маргелана в Андижан роту 20 батальона и команду охотников, сам же с 13 нестроевыми казаками направляется туда по грунтовой дороге. По частным сведениям, наша потеря еще значительнее, и русское население Андижана в панике, ввиду беспримерного здесь случая нападения на войска. Мной сделано распоряжение о принятии мер осторожности в войсках, городах и о подчинении на время беспорядков всех войск Ферганской области военному губернатору, а также о снятии с травы сотни 5 Оренбургского полка».

В виду такого небывалого в Средней Азии нападения на русские войска среди глубокого мира, полагалось бы необходимым немедленно принять нижеследующие меры:

1) Одобрить сделанные ген.-лейт. Корольковым распоряжения.

2) Туркестанскому ген.-губ. ген.-лейт. Духовскому предписать отправиться теперь же к месту служения[3].

3) Ген.-лейт. Королькову отправиться в Фергану и лично произвести расследование о виновности лиц, допустивших нападение на русские войска, выяснить виновность туземцев и чинов администрации, а равно поведение войск.

4) Отстранить от занимаемых должностей ферганского военного губернатора, ген.-лейт. Повало-Швейковского и андижанского уездного начальника.

5) Командировать начальника I Туркестанской линейной бригады ген.-майора Ионова в Фергану и возложить на него временно командование войсками, в области расположенными, а равно непосредственное начальствование частями войск, кои будут назначены для поимки виновных в нападении на наш лагерь, и для борьбы с новыми шайками, если таковые появятся.

6) Командировать в распоряжение ген.-майора Ионова из Самарканда в Фергану две сотни 2 Уральского казачьего полка вместе с командиром оного, полковником Жигалиным.

7) Усилить состав Памирского поста[4].

---

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. I, лл. 20—21.— На докладе помета Николая II: «Согласен».

[2] Замечается некоторое противоречие в документах относительно числа убитых и раненых, объясняемое тем, что в первых сообщениях не было точного учета количества убитых и раненых. По последним, более точным сообщениям, убито 22 и ранено 16 нижних чинов.

[3] Ген.-лейт. Духовской в это время был в Петербурге.

[4] Памирский пост был расположен на Мургабе, у устья реки Ак-Байтал, у афганской границы.

8) Принять меры на случай возможных волнений в горах и в области.

9) Указать подлежащим начальствующим лицам, что виновные в нападении на наши войска должны быть наказаны с примерной строгостью, причем временно командующему войсками Туркестанского округа предоставить право конфирмации приговоров полевого суда.

10) Для временного исполнения должности ферганского военного губернатора командировать в Маргелан начальника 2 Закаспийской стрелковой бригады, ген.-майора Чайковского и назначить ему в помощь начальников уездов: Самаркандского — полковника Чернявского и Тедженского — подполковника Крылова.

Испрашивается: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству одобрить изложенные предположения и высочайше повелеть привести их в исполнению.

Ген.-лейт. Куропаткин[1].

Записка управляющего военным министерством ген.-лейт. Куропаткина помощнику начальника Главного штаба ген.-Уссаковскому, 21 мая 1898 г.[2]

Прикажите написать правительственное сообщение для помещения в «Инвалиде» о нападении на лагерь русских войск в Андижане. Надо изложить правдиво и спокойно. Указать, что несмотря на полную неожиданность, войска — две роты — быстро оправились и отбили нападение. Указать о преследовании шайки (по второй и третьей депешам), о поимке главаря шайки, о мерах, принятых Корольковым. Надо затем коротко указать, что по высочайшему повелению ферганский военный губернатор и андижанский уездный начальник, допустившие среди глубокого мира сформирование шайки, устранены от занимаемых ими должностей. Строгое расследование назначено. Упомянуть, что донесение о том, что шайка имела численность до 1 000 человек, представляется крайне увеличенным.

Попросите генерала Путята[3] ко мне в канцелярию военного министерства сегодня в 11 час.

Куропаткин.

Сообщение надо прислать мне сегодня вечером.

Правительственное сообщение[4].

Вечером 17 мая, в Маргеланском уезде, Ферганской области, туземец ишан Магомет-Али-хальфа объявил газават (священную войну) и с значительной шайкой направился в Андижан, перерезав телеграфные проволоки. 18 числа, на рассвете, он внезапно напал на лагерь двух рот 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона, причем было убито 22 и ранено 16 нижних чинов. Несмотря на полную неожиданность, роты эти быстро оправились и, отбив нападение, рассеяли шайку огнем. Мятежники оставили на месте 11 убитых и 8 раненых. Значительная часть нападавших под огнем нашей пехоты обратилась в бегство в раз-

---

[1] Куропаткин А. Г. ген.-адъютант; генерал от инфантерии. Родился 17 марта 1848 г., Нач. Закаспийской области и командующий войсками с 27/III-1890 г. по 1/I-1898 г.; управляющий военным министерством с 1/I по 1/VII 1898 г.; военный министр и председатель Военного Совета с 1/VII 1898 г. по 7/II-1904 г.

[2] ЦВИА, д. № 85, ч. I, л. 35 об.

[3] Генерал Путята был с 14/I 1898 г. по 30/III 1902 г. зав. Азиатской частью главного штаба.

[4] ЦВИА, д. № 85, ч. I, лл. 32—32 об. Было напечатано в «Русском инвалиде» 23 мая 1898 г.

ных направлениях; остальные же, с главой шайки, отступили, перейдя Кара-Дарью у Хаким-Абада. Для преследования их направлена была рота и 50 человек охотничьей команды верхом из Намангана. По донесению от 20 мая [1] глава шайки с одним приближенным уже захвачены и оба содержатся под усиленным караулом.

Это прискорбное событие, насколько то возможно ныне выяснить, вызвано лишь фанатиком ишаном с его приближенными. Все остальное население области остается вполне спокойным. По высочайшему повелению, ферганский военный губернатор, допустивший среди глубокого мира образование шайки и нападение на русские войска, устранен от должности.

Из телеграммы ген.-лейт. Королькова ген.-лейт. Куропаткину, 24 мая 1898 г., № 28 [2].

Меры по поимке мятежников были предприняты администрацией Андижанского уезда и, благодаря распорядительности уездного начальника подполковника Коишевского и его знания местных условий, им сразу был избран верный путь. Послав поручика Агабекова как раз по той дороге, по которой бежал начальник мятежной шайки, он этим дал возможность быстро поймать ишана, который был схвачен на другой день вечером [3] в 90 верстах от Андижана, а вчера вечером был изловлен другим волостным старшиной видный сотрудник ишана Субтанкул, у которого отобрано письмо из Турции. Оказалось, что в этом письме, имеющем сомнительный штемпель султана, ишан назначается помощником халифа.

Насколько можно судить теперь, причины мятежа заключаются, кроме мусульманского фанатизма, еще в различных обстоятельствах, вызвавших недовольствие местного населения. По имеющимся сведениям, отчасти подтверждающимся расследованием, общность побудительных причин должна была вызвать одновременное восстание всей Ферганы, причем нападение в Андижане случайно произведено раньше условленного предположения — подняться лишь по уборке ячменя; это время вскоре наступает; поэтому, несмотря на видимое спокойствие, нельзя вполне отрицать возможности повторения мятежных попыток. Принимаю возможные меры, усилил средства охраны железной дороги, в виду, между прочим, того, что качества личного состава строителей дороги внушают опасения [4], что неосновательная паника вдоль линии может отразиться вредно на эксплоатации дороги. Затем озаботился очисткой от насаждений местности вокруг русского города на случай, если твердо держащиеся слухи в Андижане о предстоящем вновь нападении на город оправдаются.

Ташкентские почетные туземцы, с разрешения губернатора, выражают верноподданические чувства, негодование по поводу злодейского нападения в Андижане и просят дозволения собрать между собой сумму для семейств убитых нижних чинов. Наманганский уездный начальник с 25 охотниками, 7 батальонами [5] и 15 казаками выступил сегодня в горную часть уезда, где, по сведениям, собираются скопища киргизов. Маргеланский уездный начальник производит энергично в своем уезде розыски виновных; им арестованы 55 человек, из которых пятеро воло-

---

[1] Донесение ген.-лейт. Королькова туркестанскому ген.-губерн. Духовскому.

[2] ЦВИА, д. 85, ч. I, лл. 77—82. Опущена первая часть телеграммы с изложением подробностей нападения на андижанский лагерь, поскольку эти сведения приведены выше.

[3] 19 мая 1898 г. (прим. в подлиннике).

[4] Речь идет о строительстве Среднеазиатской ж. д.

[5] Так в подлиннике.

стных управителей и народные судьи; из остальных уездов области новых сведений не получено.

В дополнение сведений о происшествиях доношу, что 17 [мая] вечером в Кулинской волости был в присутствии ишана хальфа обезглавлен мятежниками мещанин Бычков, а на рассвете 18 в селении партией шайки ишана убит мещанин, ехавший верхом в Маргелан, 21 убит киргизами лесообъезчик, но это преступление, повидимому, не имеет связи с делом ишана; виновники этих преступлений одни уже захвачены, другие разыскиваются.

Ген.-лейт. Корольков.

Телеграмма ген.-лейт. Куропаткина ген.-лейт. Королькову, 26 мая 1898 г., № 1493 [1].

По всеподданнейшему докладу моему государю императору телеграмм вашего превосходительства от 24 мая за № 23, 27 и 28, его императорское величество 26 мая разрешил:

1. Отступить в Туркестанском военном округе от расписания летних занятий сего года.

2. Направить охотничьи команды войск Сыр-Дарьинской и Ферганской областей в разные районы Ферганской области для ловли участников в нападении 18 мая и разсеивания новых шаек.

3. Подкрепить войска Ферганской области, если то потребуется, войсками из Ташкента, например батальоном пехоты и двумя сотнями казаков, или одною сотнею.

4. Дать военную охрану железной дороге в пределах Туркестанского военного округа, главным образом в Ферганской области.

5. Начать вооружать берданками постепенно и осторожно, чтобы не обижать недоверием преданных нам туземцев, русское население городов и служащих на железной дороге.

6. Несколько винтовок бердана с особыми билетами могут быть розданы несомненно преданным нам туземным должностным лицам, особенно тем из них, кои выдали или способствовали поимке бунтарей. Эти винтовки должны быть сданы обратно при первой же возможности.

7. Начальников уездов Андижанского и Маргеланского разрешено временно не отстранять от занимаемых ими должностей. Но необходимо принять все меры, дабы эти лица не умаляли участия населения вверенных им уездов в нападении 18 мая.

Ген.-лейт. Куропаткин.

Записка пом. военного губ. Самаркандской области ген.-майора Мединского ген.-лейт. Куропаткину, 26 мая 1898 г. [2]

Ваше высокопревосходительство изволили поручить мне, как прослужившему 17 лет в Ферганской области, представить вам записку о появлявшихся до настоящего времени в этой области шайках и о тех способах наказаний, которым подвергались как главные виновники производившихся беспорядков, так и население, принимавшее в них участие. Исполняя эти поручения, имею честь доложить следующее.

Туземное население Ферганской области, главным образом, состоит из сартов [3], небольшой части таджиков и затем, давно уже осевшего, многочисленного рода кипчаков и киргиз. Самым беспокойным элементом среди этих народностей являются кипчаки, населяющие преимущественно довольно обширный и богатый Андижанский уезд и находившиеся

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. I, л. 89.
[2] Там же, ч. III, лл. 22—21.
[3] Сарт — так царские колонизаторы называли оседлое узбекское население городов Туркестана.

еще во времена ханских правительств в постоянной вражде с оседлыми сартами. Все беспорядки в бывшем Кокандском ханстве всегда исходили от кипчаков, и ханы, в числе мер к примирению с ними и привлечению их на свою сторону, старались вступать с ними в родство, путем браков. Однако же подобного рода политика не только не достигала цели, но, напротив, дала повод кипчакам добиваться высших должностей и, в свою очередь, выдвигать претендентов на ханство из своей среды, чем и порождены, конечно, бесконечные смуты.

Так, в период занятия нами Чуйской долины, взятия Аулие-Ата, Чимкента[1] и Ташкента — Кокандским ханством управлял Алимкул, а настоящий хан, Худояр, был изгнан из ханства. То же самое предшествовало и окончательному занятию нами Кокандского ханства (Ферганы) в 1875 и 1876 годах. Худояр хан опять был изгнан, и стоявший во главе движения кипчак Абдурахман командовал всеми войсками ханства. Хотя генералом Скобелевым он скоро был взят и выслан на жительство во внутренние губернии, но в том же 1876 г. на первых же, так сказать, порах присоединения ханства к России, стали появляться шайки из сторонников претендента на ханство Абдул-Керимбека, скоро бежавшего в Пешавер, а затем, под предводительством также кипчака Пулат-хана, пока он, наконец, не был пойман и повешен с двумя своими сообщниками.

Но, затем, помимо этой исторической причины, появлению шаек, в последующие годы уже с целями чисто-грабительскими, главным образом, способствовал унаследованный нами довольно значительный контингент людей бездомных и безземельных, или совершенно отвыкших от хозяйства и всякого труда, оставшихся из числа войск последнего хана Худояра, и других служилых людей. Хотя во главе этих шаек стояли лица, именовавшие себя ханами, а населением называвшиеся джетым-ханами (ложными ханами), но никакой политической подкладки им приписать было нельзя, так как преступная деятельность их была направлена на грабежи самих же туземцев. Ханами же они величали себя для придания своим действиям в глазах народа большего значения и внушения ему еще большего страха. Таков взгляд и ревизии, бывшей в Туркестане в 1882 и 1883 годах.

В 1882 г. в области появилось уже несколько шаек и некоторые предводители их также называли себя ханами. Все они обвинялись в грабежах и разбоях, совершенных над туземцами же. Всего обвиненных было 50 человек, из коих 5 главных были повешены, а другие отправлены в каторжные работы и подвергнуты разным наказаниям по степени вины. Поимка виновных произведена только силами администрации при некоторой помощи населения.

Затем, в июле 1885 г. среди туземцев Ферганы стали распространяться слухи тревожного характера. Говорили об ожидаемом появлении Махди[2], о близкой войне нашей с Афганистаном и Китаем, и близкой смерти Бухарского эмира, и о неизбежных потом волнениях в Бухаре.

Также среди оседлого населения Андижанского и Ошского уездов и в Коканде начались толки о лже-ханах и прокламациях, будто бы, Абдул-Керимбека, проживавшего в Пешавере. Вместе со всеми этими слухами совпало короткое пребывание в Коканде вдовы Худояр-хана со своим внуком, чему в населении приписывалось политическое значение.

[1] Аулие-Ата и Чимкент были взяты царскими войсками в 1864 г. В 1875 г. в Кокандском ханстве, во главе которого стоял Худояр-хан — ставленник Бухарского эмира, между царскими войсками и войсками Кокандского ханства начались военные действия, в результате которых царские войска заняли Наманган, Коканд и Андижан, вследствие чего Кокандское ханство было присоединено к России. Из земель Кокандского ханства в 1876 г. была образована Ферганская область.

[2] Махди — спаситель.

В конце того же июля был задержан в Намангане неизвестный бродяга, выдававший себя за сына бывшего кокандского хана — Маллахана.

Наблюдения за поведением кипчаков приводили к заключению, что хотя в данное время (конец июля и начало августа) кипчаки и были совершенно спокойны, однако население это чутко прислушивалось ко всем слухам извне, причем слухи о столкновении России с Афганистаном и покровительстве Англии Абдурахман хану [1] проникли повсеместно. В половине же августа в Андижанском, Ошском и Маргеланском уездах уже стали появляться шайки. При нападении их на кишлаки захватывались люди, лошади, оружие, частью халаты и ковры. Главным образом, стали нападать на дома волостных управителей и захватывать их, причем двух им удалось захватить в Андижанском уезде, один из которых был убит за отказ от присоединения к восстанию, а другой успел бежать.

Главным деятелем по формированию шаек и предводителем их оказался Дервиш-хан-Тюря, проживавший перед тем то в Кокандском, то в Андижанском уездах, где у него имелась недвижимая собственность. При отсутствии частных грабежей, руководители шаек надеялись на присоединение к ним большей части населения, рассчитывая путем воззваний поднять общее восстание в Фергане, туземцы которой, под влиянием описанных выше слухов, находились в довольно напряженном состоянии. Таким образом все действия шаек указывали, что они появились с целями антиправительственными.

Для преследования шаек были посланы пехотные команды, посаженные на коней или на арбы, при начальнике андижанского уезда капитане (ныне полковник) Брянове его помощнике и помощнике начальника Ошского уезда. Соединившиеся шайки были настигнуты Брянов ым и рассеяны, причем трое из шайки убито, пять тяжело ранено и семь взято живыми, в числе коих оказался некий Мумын-бий, один из старших помощников Дервиш-хана. Главный же виновник беспорядков, Дервиш-хан, к сожалению, остался неразысканным, несмотря на энергичные старания администрации. Все шайки были малочисленны и очень плохо вооружены.

Арестованные затем участники беспорядков, более 60 человек, представляли жалкий вид, большинство из них — бездомники. С уничтожением этих шаек и казнью Мумын-бия, снова было восстановлено общее спокойствие в области, и население снова имело возможность свободно обратиться к своим мирным занятиям, хотя почти ежегодно и обыкновенно осенью, когда население начинает сбывать свои земледельческие продукты, происходят частые нападения с целью грабежа на возвращающихся с базаров, но, собственно, шаек с 1885 г. до 1891 г. не появлялось. В августе же 1891 г. обнаружилась шайка в песках, на проселочной дороге, между Маргеланом и Наманганом, наткнувшаяся на проезжавшего в крытой арбе землемера Мокосева, после сделанного которым выстрела из револьвера удалилась. Шайка была человек в 30. От посланной сотни казаков, при начальнике Маргеланского уезда, шайка разбежалась. Из произведенного следствия, под наблюдением областного прокурора, никаких политических целей, кроме грабительских, в этой шайке не усматривалось, и захваченные участники ее были преданы обыкновенному суду.

Во всех случаях появления шаек в области населения тех местностей, из среды которого они набирались и где формировались, ни разу

[1] Абдурахман хан — эмир Афганистана.

никакой ответственности не подвергалось. Только в 1893 г., вследствие возникших беспорядков в том же Андижанском уезде, в Кокан-Кишлакской волости при выборах волостного управителя, кандидатами на должность которого были произведены подкупы избирателей,— была поставлена на месяц в Кокан-Кишлаке рота пехоты на полном довольствии этого селения.

Такая мера рекомендуется и законом при допускаемых населением беспорядках.

Хотя мирное оседлое население всегда относится не только несочувственно, но и с крайней тревогой к начинающимся беспорядкам и волнениям, тем не менее из боязни мести главарей шаек оно упорно молчит, несмотря на то, что знает о готовящихся затеях. Главное же, и туземные должностные лица, из такой же боязни, не доносят по начальству о появлении шаек. Оправдание в этих случаях с их стороны всегда одно и то же: или боязнь злоумышленников, или полное неведение о случившемся. Между тем невозможно допустить, чтобы не только то население, из среды которого составляется шайка, но и ближайшее, не знало о том, что у них делается, а тем более должностные лица, обязанные следить и блюсти порядок. Поэтому, казалось бы, что в подобных случаях и подлежащее население, и туземная полиция должны быть поставлены между двух огней: выбирать или месть злоумышленников, от которой они могут быть ограждены администрацией, или, в случае молчания, строгое наказание правительства, как соучастников беспорядков.

Обращаюсь к беспримерному в Туркестане случаю, имевшему место 18 сего мая в Ферганской области. Из телеграммы генерал-лейтенанта Королькова видно, что вечером 17 мая ишан Магомет-Али-хальфа объявил газават и с шайкой в 1 000 человек направился в Андижан, перерезав телеграфные проволоки, а 18 числа на рассвете внезапно напал на андижанский лагерь. Из тех же телеграмм усматривается, что шайка была собрана в кишлаке Минь-тюбе, Минь-тюбинской волости Маргеланского уезда. Кишлак этот, как мне известно, находится верстах в 45 от Нового Маргелана, на таком же расстоянии от города Ош и верстах в 20 от Ассаке, места квартирования участкового пристава Маргеланского уезда, а от Андижана верстах в 35.

Все это такие расстояния, которые любой туземец на порядочной лошади пролетит до дальних пунктов часа в три, а до Ассаке и в час времени. Шайка в 1 000 человек не могла быть набрана исключительно из жителей одного только Минь-тюбе, а, вероятно, и из окрестных селений, вернее же большая часть ее состояла из кипчаков Андижанского уезда. Точно также нельзя допустить, чтобы она состояла из одних только мюридов ишана и притом только минь-тюбинских. Во всяком случае этот сброд, лишенный известной дисциплины, не мог с разных сторон собраться в Минь-тюбе одновременно к вечеру 17 мая, а подтягивался партиями постепенно и, следовательно, не мог пройти незамеченным ни для волостного управления, ни тем более для минь-тюбинского и окрестного населения, и для того, чтобы до вечера дать знать об этом сборище даже во все вышеуказанные пункты, времени могло быть вполне достаточно. Если же предположить, что волостной управитель и все сельские старшины волости, как не принимавшие участия в шайке, были заблаговременно ишаном арестованы, многочисленные их родственники и опять то же население, непричастное к делу, обязаны были донести о случившемся.

Следствие и суд, конечно, выяснят виновность всех прикосновенных к делу лиц, а в том числе волостного управителя и сельских старшин, но, вместе с тем, и население, хотя бы и не принимавшее уча-

стия в составлении шайки, но несомненно все знавшее, должно быть подвергнуто наказанию. Например, взыскание с него всех расходов, вызванных настоящим случаем, а равно и отнесение на его счет пенсии семействам убитых нижних чинов и раненым,— представляется в высшей степени мерой справедливой, как в отношении виновного населения, так и пострадавших. В свою очередь, было бы крайне полезно, в видах скорейшего водворения порядка и для наказания виновных кишлаков, поставить в них временно казачьи команды на полном довольствии их жителей. Необходимо так или иначе приучать население, чтобы оно само заботилось о сохранении порядка и собственного спокойствия и без всяких колебаний всегда стояло на стороне закона.

Ген.-майор Мединский.

Телеграмма туркестанского ген.-губ. ген.-лейт. Духовского ген.-лейт. Куропаткину, 7 июня 1898 г., № 513 [1].

Генерал-майор Чайковский [2] телеграммой от 7 июня доносит, что им посещены Ош, Наманган, Андижан, Чуст и Коканд. На основании личных наблюдений и заявлений начальников генерал Чайковский сообщает о спокойствии населения, занятого торговлей и обработкой полей. В наиболее же удаленной и глухой части Андижанского уезда, в Сусамырской волости, появилась шайка Шадыбек-хальфа, объявившего газават. Полковник Калаур, находящийся на Бишташском проходе, доносит, что к Шадыбеку пристало около ста человек, преимущественно дуванов. Для истребления этой шайки со стороны Ферганы приняты меры. Мной же предложено полковнику Калауру воспользоваться частью аулиеатинского гарнизона, а генерала Иванова [3] я просил выслать команды от Нарына и Пишпека. Сейчас Иванов сообщил мне сделанные свои распоряжения.

Ген.-лейт. Духовской.

Представление ген.-лейт. Куропаткина в комитет министров, 26 июня 1898 г. [4]

Генерал-лейтенант Корольков представлением от 31 прошлого мая за № 83 [5] сообщил, на основании данных, собранных производимым им, по высочайшему повелению, расследованием об изменническом нападении скопища туземцев на гарнизон г. Андижана, что нападение это имело целью ниспровержение русского владычества в крае и что заговор не был ограничен лишь пределами Минь-тюбинской и смежных волостей Маргеланского уезда, а имел гораздо большее распространение. Обращают на себя внимание и участившиеся за последние годы разбойные нападения со стороны как отдельных туземцев, так и целыми их шайками с целью отнятия имущества, что, указывая на необходимость принятия более активных мер к прекращению преступной деятельности, вызывало предание военному суду, для суждения по законам военного времени в нескольких отдельных случаях.

---

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. II, лл. 111—112.

[2] Ген.—майор Чайковский — с 4 июня 1898 г. по 20 мая 1901 г. военный губернатор и командующий войсками Ферганской области.

[3] Ген. Г. Иванов — военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области.

[4] ЦВИА, д. 85, ч. II, лл. 159—160.

[5] Этот документ имеется в д. № 85, ч. II, лл. 151—152.

Изложенные обстоятельства показывают, что туземное население весьма слабо оценило мягкое отношение к себе русского правительства, сравнявшего в правах покоренные народы края со своими коренными подданными, и что вышеупомянутые чрезвычайные обстоятельства требуют принятия и исключительных мер для подавления сил, вредных для государства и общества.

Независимо от этого, вслед за первыми же известиями о нападении шайки туземцев на гарнизон г. Андижана, отчасти, под влиянием неразумной паники, а частью и с злоумышленными целями, многими жителями края, как русскими, так и туземными, стали распространяться слухи о новых нападениях туземцев на русских, либо о преступных покушениях их на пути сообщения и т. п., каковые слухи, хотя и оказывались в большинстве ложными, тем не менее не только возбуждали напрасную тревогу среди русского населения края, но и зловредно волновали умы туземного населения.

В виду того, что Самаркандская область, не состоявшая до сего времени на положении усиленной охраны, как Ферганская и три южных уезда Сыр-Дарьинской области, географически и этнографически примыкает с одной стороны к ним, а с другой к Бухарскому ханству, где были уже в последнее время проявления мусульманского фанатизма, генерал-лейтенантом Корольковым признано было необходимым, в предупреждение возможного распространения противуправительственного движения в областях края, а также для прекращения разбоев и волнующих умы ложных слухов и для единства управления Самаркандской областью с прилегающими к ней другими местностями Туркестана, объявить эту область на положении усиленной охраны, о чем и выражено им в приказе 30 мая за № 87, а приказом за № 88 издано для всех местностей края, в положении усиленной охраны находящихся, обязательное постановление.

Докладывая изложенное на мое утверждение, генерал-лейтенант Корольков испрашивает, кроме того, разрешения: 1) продлить положение усиленной охраны в Ферганской области и уездах Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском Сыр-Дарьинской области еще на один год, и 2) увеличить пределы власти уездной администрации для быстрого воздействия на лиц, нарушающих общественный порядок и постановления властей, до права ареста до одного месяца и взыскания денежного штрафа до 150 рублей начальниками уездов, и ареста до 2 недель и штрафа до 50 рублей их помощниками и участковыми приставами.

Вместе с тем, телеграммой от 18 сего июня, № 206,[1] вступивший ныне в управление Туркестанским краем генерал-лейтенант Духовской ходатайствует со своей стороны о продлении действия усиленной охраны в г. Ташкенте, в Ферганской и 3 уездах Сыр-Дарьинской области, просит разрешения отсрочить до более удобного времени выборы должностных лиц туземной администрации во всех местностях, объявленных ныне на положении усиленной охраны.

Мнение. Представляя комитету министров, в дополнение к предоставлению моему от 8 июня 1898 года, за № 296559,[2] объяснение исполнявшего должность туркестанского генерал-губернатора ген.-лейт. Королькова о причинах объявления Самаркандской области на положении усиленной охраны и ходатайства его: 1) о продлении срока сего положения для Ферганы и уездов Сыр-Дарьинской области и 2) об

---

[1] Телеграмма находится в д. № 85, ч. II, л. 155.

[2] Указанное представление, частично совпадающее с печатаемым, находится в д. № 85, ч. II, лл. 5—6.

увеличении власти уездной администрации, а также, представляя приведенные выше ходатайства ген.-лейт. Духовского, я полагал бы:

1. Продлить еще на один год, до 10 сентября 1899 г., действие усиленной охраны в г. Ташкенте, в Ферганской области и в Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-Дарьинской области и на тот же срок сохранить действие усиленной охраны в Самаркандской области.

2. В местностях, находящихся на положении усиленной охраны, предоставить, по усмотрению туркестанского генерал-губернатора, начальникам уездов в отношении туземного населения прав ареста до одного месяца или наложения штрафа до 30 рублей, а помощникам начальников сих уездов и участковым приставам прав ареста до 2 недель или наложения штрафа до 10 рублей в отношении того же населения.

3. Предоставить туркестанскому генерал-губернатору право отсрочки, по его усмотрению, выборов лиц туземной администрации во всех местностях, находящихся на положении усиленной охраны.

Имею честь представить о сем на благоусмотрение и разрешение комитета министров.

Управляющий военным министерством, ген.-лейт. Куропаткин.

Сводка сведений о Андижанском восстании, 26 июня 1898 г.[1]

Охотничьи команды обходят самые недоступные, дикие места северной части Андижанского уезда и вдоль границы Семиреченской области.

По расследованию, произведенному генерал-майором Чайковским, в указанной местности ни рассеявшихся участников шайки ишана, ни сборищ, как о том было известно по слухам из Семиречья, нигде не оказалось. Пристав Агабеков заканчивает расследование в дальних летовках Кенколь-Каранырской волости. Пристав Домбровский, с тремя охотничьими командами, находится в верховьях Кучарта.

В Сусамыре все спокойно и задержанные там 28 человек, вместе с Шадыбеком, которому более семидесяти лет, доставлены в Наманган. У жителя сего последнего города Тюря-хана найдено воззвание миньтюбинского ишана к Шадыбеку. Неблагоприятных известий из Ферганы не поступало. Вся пограничная с Пржевальским уездом горная полоса тщательно осмотрена. Спокойствие восстановлено и население приступило к своим обычным занятиям. Виновники последних беспорядков, вместе с волостными управителями и народным судьей, арестованы. Произведенное дознание, а также лазутчики не обнаружили в указанной местности присутствия соучастников ишана. Дознание о предполагавшихся беспорядках в горной части Кургатской волости закончено. Арестовано 53 киргиза, в том числе волостной управитель, его помощник и народный судья. Из 53 арестованных — 39 доставлены самим населением.

Сотня казаков в составе 2 офицеров и 84 нижних чинов, направленная командующим войсками Семиреченской области в Большой Токмак, должна была прибыть туда 9 сего июня. Сотня обеспечена шестидневным запасом сухарей, кроме десятидневного, заготовленного в пишпекской местной команде, и на три дня фуражем. Боевых патронов выдано по 60 на казака. На расходы отпущено авансом 2 500 рублей. Сотня будет действовать по указанию гражданской администрации.

Ген.-майор Путята.

---

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. II, л. 173. На документе помета: «Доложено его величеству,— 27 июня 1898 года. Ген.-лейт. Куропаткин».

Письмо командующего войсками Туркестанского округа ген.-лейт. Духовского ген.-лейт. Куропаткину, 26 июня 1898 г., № 532[1].

Алексей Николаевич,

При задержании 19 мая минь-тюбинского ишана Могамед Али[2] был задержан и его спутник Арабаев[3] с принадлежащим ишану кораном, в коем был найден персидско-арабский документ с золотыми украшениями и золотым вензелем.

Представляя, по моему поручению, перевод сего документа, директор Ташкентской мужской гимназии статский советник Остроумов, доносит, что в этом документе после обыкновенного для мусульманских сочинений начала излагается преемственная связь названного ишана с основателем ислама Могамедом и современным турецким султаном Абдул-Гамидом, вензель которого изображен в верхней части документа, а в заключении выражено безличное увещание привести с искренним сердцем и совершенною преданностью в исполнение предание Могамеда, чтобы таким образом оправдать в действительности учение Тариката[4], составляющего руководительный кодекс ишанов.

Таким образом, названный документ доказывает что Могамед Али минь-тюбинский есть истинный ишан и что этот документ имеет если не прямое, то косвенное отношение к современному турецкому султану. Тот факт, что документ написан на местной бумаге и почерком туркестанским, статский советник Остроумов предположительно объяснил тем, что в Стамбуле есть постоянные выходцы из Туркестана, при помощи которых пишутся подобные документы на бумаге туркестанского изделия и почерком туркестанским. Вопрос же о происхождении упомянутого документа может быть выяснен через российского императорского посланника в Константинополе. Печать, приложенная к документу указывает на кашгарского жителя Могамед Зияуддина, что может быть расследовано при помощи российского императорского консула в Кашгаре.

Признавая глубокую важность высказанного мнения, но не имея возможности произвести проверку оного, я представляю при сем найденный в коране минь-тюбинского ишана персидско-арабский документ с переводом его и прошу, не признано ли будет возможным произвести компетентными лицами оценку сего документа с формальной стороны теперь же, не ожидая моего подробного заключения о ферганских беспорядках, и о последующем почтить меня уведомлением.

Духовской.

Из объявления Туркестанского генерал-губернатора[5].

... 12 июня сего года минь-тибинский ишан Могамед Али Сабыр-оглы и пять главных его приближенных, именно: 1) Мулла-Ганб-Назар-Артык-оглы, 2) Субханкул-Араббай-оглы, 3) Рустамбек-Сутуб-Алдыбек-оглы, 4) Мирза-Хамдам-Усманбай-оглы и 5) Бабатай-Гайнабай-оглы, казнены чрез повешение, руками местных жителей, в виду всего народа и войск. Зеленое и красное знамена сожжены. Найденные списки заговорщиков и другие бумаги — в руках правосудия.

---

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. III, лл. 66—67.

[2] Уже казненного. (Прим. в подлиннике).— Ишан Могамед Али был казнен 12 июня 1898 г.

[3] Ныне предан военному суду. (Прим. в подлиннике).

[4] Учение Тариката — мистическое учение об искании пути к истине, распространенное среди мусульманских сектантов-суфиев.

[5] Напечатано в «Туркестанской туземной газете» № 26 от 6 июля 1898 г.

Телеграмма и. д. нач. гл. штаба ген.-майора Уссаловского туркестанскому ген. губер. Духовскому, 8 июля 1898 г., № 1989[1].

Военный министр приказал выяснить размер убытков, причиненных Ферганскими беспорядками казне по каждому ведомству, а также общественным установлениям и отдельным лицам и определить точно район, население которого должно возместить все убытки, при чем не упустить из виду, что семейства убитых и неспособных к труду раненых русских должны быть обеспечены пенсией.

Военный министр полагает необходимым конфисковать в казну имущество казненных и сосланных, а селение Минь-тюбе снести с лица земли. Благоволите сообщить общие соображения по телеграфу, подробности почтой.

Ген.-майор Уссаловский.

Телеграмма генерала-от-кавалерии барона Таубе ген.-лейт. Куропаткину, 9 июля 1898 г., № 309[2].

Командующим войсками Семиреченской области сделано распоряжение о распределении 7 000 берданок, имеющихся в верненском складе, и по сорока патронов на винтовку для безвозмездной раздачи наиболее надежным из русского населения. Артиллерийский транспорт формируется; перевозка вызывает расход 1 500 руб. Испрашиваю указания, на какой источник следует отнести перевозку.

[Таубе].

Докладная записка начальника Азиатской части главного штаба ген.-майора Путята военному министру Куропаткину, 10 июля 1898 г.[3]

В числе мер предосторожности, предложенных к исполнению начальством Туркестана и Закаспийской области вследствие ферганских беспорядков, было рекомендовано между прочим: приступить к вооружению берданковскими ружьями, постепенно и осторожно, преданных нам туземцев, русское население городов и служащих на железной дороге.

Вследствие телеграммы генерал-лейтенанта Санникова, за № 3841, в которой упоминалось об угрозе мусульман вырезать русское население деревень Ивановского и Казанско-Богородского, в Омск было телеграфировано, по приказанию вашего превосходительства, что русское население должно быть вооружено берданками. Ныне генерал Таубе доносит, телеграммой за № 309, о сделанном командующим войсками Семиреченской области распоряжении, о выдаче из верненского склада 7 000 берданок и 40 патронов на каждую, для перевозки которых формируется артиллерийский транспорт, что вызывает непредвиденный расход в 1 500 руб. Генерал Таубе испрашивает указаний, на какой источник следует отнести перевозку.

Принимая во внимание, что выдача ружей населению, и притом безвозмездно, делается в интересах самого же населения, казалось бы, что эта мера не должна вызвать новых расходов казны. Так, повидимому, она и была понята в Туркестане и Закаспийской области, от начальников которых не поступало заявлений подобных приведенному. Вместе с тем, число винтовок, которые предположено выдать населению представляется весьма значительным и, казалось бы, нужным

---

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. III, л. 45.
[2] Там же, ч. II, л. 51.
[3] Там же, ч. III, л. 57.

сообщить начальству Омского военного округа, что мера эта должна быть приведена в исполнение осторожно и с соблюдением постепенности.

Испрашивается приказание вашего превосходительства.

Ген.-майор Путята[1].

Телеграмма нач. штаба Сибирского военного округа ген.-майора Зарубаева ген.-лейт. Куропаткину, 28 июля 1898 г.[2]

За отсутствием командующего войсками округа доношу: семиреченский губернатор сегодня телеграфирует, что по полученным им донесениям от местной гражданской власти, которые он однако считает преувеличенными, в Джаркентском уезде на Каркаре обнаружилось волнение. Все заилийские волостные [управители], кроме текесского подписали газават; появилось много оружия, пороху, патронов. Для предупреждения случайностей ген. Иванов командировал сотню 2 Сибирского казачьего полка в распоряжение уездного начальника. Подробности ген. Иванов сообщает почтой, о которых будет донесено.

[Зарубаев].

Из отчета ген.-лейт. Королькова туркестанскому ген. губ. ген-лейт. Духовскому, 3 августа 1898 г., № 240[3].

20 мая мной были получены от военного министра и Вашего превосходительства распоряжения; мне предписывалось отправиться в Фергану и лично произвести расследование о виновности лиц, допустивших нападение на русские войска; выяснить виновность туземцев и чинов администрации, а равно и поведение войск; подвергнуть участников беспорядков полевому суду с предоставлением права конфирмации приговоров; экстренно вызвав из Керки генерал-майора Ионова, поручить ему командование всеми войсками Ферганской области, а ген.-майору Чайковскому — управление этой областью, отстранив ген.-лейт. Повало-Швейковского от должности; сменить уездного начальника; удалить от должности ассакинского участкового пристава капитана Еникеева, и вообще принять меры для решительного подавления фанатического движения.

Вследствие сего я немедленно снесся с начальником работ по постройке Самарканд-Андижанской железной дороги, прося его сделать распоряжение о скорейшем изготовлении для меня поезда и образовал, в виду предстоявшего отъезда из Ташкента и свойства возложенного на меня поручения, путевую канцелярию... и предложил военному прокурору Туркестанского военно-окружного суда ген.-майору Долинскому и военному следователю по особо важным делам полковнику Некрасову отправиться вместе со мной в Ферганскую область.

---

[1] На подлиннике имеется резолюция: «Кем и на основании каких данных было рекомендовано вооружить туземцев. Не следует этого делать. Можно разрешить только отдельным личностям из должностных лиц, по особым билетам.

Массовое вооружение русского населения тоже опасно. Необходимо просить ограничиться первоначально 3000 ружьями. Установить строгий порядок пользования ими и хранения их и сделать представление об исполнении сего и получении второй партии ружей. Потребную сумму необходимо отпустить по арт. смете. Куропаткин, 13 июля».

В д. № 85, ч. III, лл. 59—61 имеется секретное донесение от 15 июля 1898 г., где ген.-майор Путята указывает, что необходимо выдать 3 000 ружей наиболее надежному русскому населению.

[2] ЦВИА, д. № 85, ч. III, л. 98.

[3] ЦВИА, д. № 97—382, лл. 281—297.

По приезде в 1 ч. дня 23 мая в Андижан я немедленно командировал военного прокурора и следователя для осмотра содержащихся под арестом в крепости виновника мятежа ишана Могамед-Али и других арестованных, которых было 80 человек, а сам, выслушав доклады воинского и уездного начальников, а затем прокурора и следователя, установил к вечеру этого же дня новый караульный наряд и отдал распоряжения на случай тревоги, новых случайностей и беспорядков, а также для широкого в последующие дни освещения окрестностей Андижана. Военному прокурору мной было предложено начать с следующего же дня, под личным его наблюдением, производство следствия. Наиболее утомительная и неблагодарная работа выпала на долю военного следователя, так как ему приходилось допрашивать обвиняемых и свидетелей чрез переводчика, что при общем запирательстве и лживости показаний, являлось делом весьма трудным и медленным. Бывали случаи, что допрос одного лица продолжался по нескольку часов и давал в результате все-таки весьма немногое. Озабоченный необходимостью произвести возможно скорее суд, хотя бы только над главными виновниками, я, лично и чрез военного прокурора, следил за производством следствия и должен засвидетельствовать, что оно велось неутомимо и вполне добросовестно. Только благодаря этому, явилась возможность установить к 4 июня степень виновности шести главных преступников и вызвать к этому времени в Андижан полевой суд. Заключение прокурора об этой первой группе виновников беспорядков было закончено 7 июня и доставлено мной вашему высокопревосходительству в Ташкент... [1].

Доложив вышеизложенное, почитаю возможным перейти к изложению добытых производившимся мной расследованием данных об обстоятельствах мятежа, поднятого ишаном Могамед-Али.

Личность ишана. Ишан Могамед-Али-хальфа мулла Сабыр-Суфиев был человек среднего роста, хорошо развитый физически, несколько бледный, с выразительными вдумчивыми черными глазами. По его словам, ему было 45 лет, но на вид он казался моложе. Предки его были родом из Кашгара, сам же он родился в кишлаке Минь-тюбе. Маргеланского уезда, где постоянно и проживал. Одиннадцать лет тому назад он совершил хадж в Мекку, после чего его влияние на народ стало особенно прочным, хотя и до того, судя по некоторым сведениям, было велико и началось уже давно. Недалеко от кишлака Минь-тюбе жители указывают в пустынной местности на небольшой горке близ проездной дороги на дерево, посаженное и выращенное ишаном Мадали (сокращенное Могамед-Али) для приюта путников в знойное время. Сюда в течение нескольких лет ишан носил издалека ведрами воду, поил ею страждущих от жажды и поливал дерево, дававшее по мере роста все больше и больше благодетельной тени, в которой путешественники находили отрадный отдых. Повидимому, с этого и началась известность ишана, создавшая ему славу вначале благочестивого, а потом и святого человека. По мере возрастания этой славы, росло и благосостояние ишана, которое, путем доброхотных приношений его почитателей, стало давно уже настолько значительным, что он мог принимать у себя и кормить массу народа, как постоянно у него жившего, так и временно его посещавшего. Число тех и других доходило иногда до тысячи, а ежедневно собиралось по несколько сот человек. В обширной усадьбе ишана находились громадные котлы для варки пищи, вместительность которых вполне соответствовала указанному числу посетителей.

[1] Далее опускается изложение мероприятий военных и административных общего порядка, проведенных Корольковым, а также перечисление местной администрации, оказавшей ему содействие при выполнении его задания.

При ишане постоянно было до 30 суфиев[1], 40 шакирдов[2] и несколько человек, давших различные обеты, повидимому, нечто в роде аскетов. Приближенные люди и ученики своими рассказами о святости ишана привлекали к нему народ, среди которого твердо держалась вера в творимые им чудеса; так, например, говорили, что он варит плов без огня. Как люди делались приверженцами ишана, можно видеть из показания одного киргиза, данного на следствии. Он показал, что три года тому назад, наслышавшись о святости и чудесах ишана, пошел вместе с несколькими знакомыми киргизами в Минь-тюбе и «подал руку» (вступил в число учеников) ишану, причем внес в его пользу пять тиллей[3], а от него получил черную тюбетейку и благословение. После того киргиз этот стал бывать у ишана каждый год раза по два, по три и оставался дней по шести, а, наконец, и окончательно поселился в его усадьбе.

Значение ишана было настолько велико, что он три года тому назад начал назначать в ближайшие к Минь-тюбе местности раисов. Эти воскрешенные им цензора нравов были вооружены, как и в ханские времена, плетями и били ими народ за неисполнение требований шариата. Таким образом рядом с нашей властью жили и действовали ставленники ишана. Насколько вообще он пользовался уважением и доверием населения можно судить по документу, найденному в его мечети и скрепленному печатями: одного народного судьи, кандидата его, двух волостных управителей, семи сельских старшин и трех влиятельных жителей Кулинской волости. Документ этот, свидетельствуя в начале о падении народной нравственности, в конце гласит: «В виду вышеизложенных обстоятельств, мы, нижеприложившие печати, для направления всех на путь истинный, для разъяснения и растолкования повеления божьего каждому и всем, назначаем ишана Могамед-Али-хальфа мулла Сабыр-Суфиева, с тем, чтобы с лицами, кто не послушается его, он пусть с ними поступит по шариату, т. е. прикажет ли ему шариат сечь или заключить куда-либо или еще что-либо другое. Свое уполномочие он (ишан) может передать и другим лицам. Пусть все веруют в бога и его пророка. 1312 г., месяц суфар».

Заговор. По показанию самого ишана Мадали, его постоянно беспокоила сильная порча нравов в народе. Хотя это замечалось и в последние времена Кокандского ханства, что по его, ишана, мнению и повело к падению этого ханства, но по завоевании края русскими дело пошло гораздо хуже. Порча нравов выразилась в развитии разврата, пьянства и азартных игр, в ослаблении семейных начал и вообще в разнообразных отступлениях от требований шариата. Русская власть, хотя и обращалась с народом мягко, но в то же время отменила зякетный сбор[4] лишила доходов вакуфные[5] учреждения и запретила паломничество в Мекку, не обращая при этом внимания на упадок народной нравственности. Замечая все это он, ишан, описал такое грустное положение вещей турецкому султану, причем, будто бы, просил его ходатайствовать пред нашим государем о принятии мер к восстановлению жизни по шариату, «опасаясь, чтобы уклонения от шариата не вызвали гнева божия на русские власти». Достойно внимания это

[1] Суфии — последователи мистического течения в исламе, суфизма, распространенного во всех мусульманских странах, но особенно в Иране и в Средней Азии. Суфизм учил аскетическому отрешению от материального мира, отшельничеству и мистическому познанию божественной истины.

[2] Шакирд — искаженное: «шагерд» — по-персидски и по-таджикски — ученик.

[3] Тилля — денежная единица в Хивинском, Бухарском и Кокандском ханствах.

[4] Зякет — религиозный налог, налагаемый мусульманским законом на землю, скот, продукты ремесла и пр.

[5] Вакуф — недвижимое имущество, составлявшее собственность мечетей, священных мавзолеев, мусульманских школ и пр. религиозных учреждений.

обращение ишана к повелителю правоверных, сделанное год назад, т. е. тогда именно, когда после побед турок над греками, мусульманство повсеместно подняло голову, оживившись надеждами на торжество ислама. В ответ на это письмо, писанное по неграмотности автора приближенным к нему, ныне умершим, лицом, ишан получил чрез одного якобы кашгарца паломника фирман. Фирман этот [был] найден 21 мая в коране ишана у Субханкула Арабаева (близкий к ишану человек) при обыске после поимки; гласил следующее...[1]

Одновременно с письмом кашгарец вручил ишану присланный ему султаном с своего плеча старый халат. Ишан твердо верил, что грамота и халат действительно присланы ему от султана, и получение этих священных подарков и полномочий от самого халифа должны были сильно поднять фанатика ишана Мадали в его собственных глазах и действовать на его экзальтированную натуру. Весьма вероятно, что он после этого счел себя призванным спасти народ и с этой целью, прежде всего, освободить его от русского владычества.

Фирман султана был получен ишаном, по его словам, за месяц до уразы[2], т. е. приблизительно в конце января, или начале февраля, а в середине этого последнего месяца в Коканде появились подметные письма к богатым жителям, чтобы они приготовили зякет за 15 последних лет, дабы люди «сахиби-хуруджа» (вновь воцарившегося), в случае газавата, могли иметь эти деньги, причем оповещалось, что священная война начнется, когда число людей «вновь воцарившегося» достигнет тысячи человек. Возникшее об этих подметных письмах дело было сочтено за шантаж частного характера и направлено к прекращению, но мной даны надлежащие указания на необходимость переисследовать дело, путем негласного полицейского дознания, для дальнейшего направления, согласно с результатами этого дознания.

Вышеупомянутый киргиз, по имени Курман-бай Умарбаев показал, что в нынешнем году он был у ишана в начале уразы[3], явившись на шестой ее день, и пробыл пять суток.

Находившиеся тогда у ишана люди собирались после молений по саклям и говорили между собой о том, что пришло время начинать газават, нужно только подождать, когда поправятся лошади. Сам ишан редко принимал участие в совещаниях, а между посетителями больше ходили его приближенные. В числе этих людей находился Мулла Зияуддин, казначей и главнейший, как выяснено следствием, приближенный ишана.

В курбан-байрам (в апреле) у ишана на намазе было так много народа, что многие, не найдя места в мечети и во дворе, молились на улице. В конце апреля ишан назначил Умарбаева своим хальфой, присоединил его к киргизу одной с ним волости, Курбанкулу Саттарову, и дал последнему сто девяносто чакру-хат[4] за его, ишана, малой печатью. В вызовах этих, которые Умарбаев и Саттаров развезли более, чем ста лицам в киргизских волостях между Нарыном и Кара-Дарьей, заключалось распоряжение собраться всем близ Минь-тюбе. Другой обвиняемый, тоже киргиз, по имени Маат-Муса, показал, что

---

[1] Здесь опускается перевод Фирмана, о его содержании см. письмо Духовского Куропаткину от 26 июня 1898 г., стр. 142.

[2] Ураза — мусульманский пост в месяце Рамазан. Пост продолжается целый месяц, причем постятся только днем. С вечера пост прекращается и наступает праздник и веселье, нередко продолжающееся всю ночь.

[3] В конце показания Умарбаев внес поправку в том смысле, что в действительности он весь последний год жил у ишана, так как жена его, Умарбаева, умерла, а дочь, не дождавшись выплаты калыма, бежала к жениху и дома у него никого не осталось. (Прим. в подлиннике).

[4] Чакру-хат — пригласительные письма. (Прим. в подлиннике).

незадолго до нападения на андижанский лагерь, к ишану приезжали некоторые должностные лица туземной администрации (названы им по именам или приметам) и приложили свои печати к воззванию ишана.

Воззвание это, или вернее клятвенное обещание, найденное в коране вышеупомянутого Зияуддина, читавшего эту священную книгу мусульман во время нападения на андижанский лагерь 18 мая, имеет четырнадцать печатей (из них две парных, принадлежащих лицам, которые названы показателем[1])... Договор этот гласит следующее: «Бог создал из ничего 18 тысяч миров, в которых дал человеку совершенный образ, возвысив его над остальными существами и отца нашего Адама короновал халифом. Весь мир создал для нашего пророка, сделал его к себе более близким и, посадив его на почетный трон, бог обратился к нему, говоря: «О, пророк. Да будет война с не-мусульманами и отступниками от веры», за что обещал рай, если будут верными и приближенными его рабами. Четыре преемника пророка, давая наставление народу, сказали: «Кто пожертвует для бога и пророка своим имуществом и жизнью ради газавата, тот будет подобен нам», для удержания недостойных людей написали книгу и послали для памяти. Следовательно, теперь нам нужно и обязательно, как признающим себя рабами бога и последователями пророка, объявить газават. Во-первых, для бога и пророка мы должны быть победителями на священной войне, и, во-вторых, пожертвовать жизнью в священной войне. Мы, нижеприложившие печати, дав обещание богу и пророку, и имея среди себя коран, совершили договор с халифом своим. После этого, если по наущению шайтана из себялюбия или из опасения за свою жизнь мы, оробев, откажемся и не исполним нашего обещания, да будем мы достойны ада, да почернеют в обоих мирах наши лица, да будем в день страшного суда посрамлены и опозорены. В удостоверение чего приложили печати».

К этому клятвенному обещанию, как выше упомянуто, приложили свои печати лишь двенадцать человек, людей более или менее влиятельных. Очевидно, из среды последних не нашлось больше этого числа охотников подвергаться опасности,— не нашлось, впрочем, не потому, что не было сочувствия идеям ишана, а вследствие того, что люди наиболее развитые и сведущие, конечно, сознавали несоразмерность слабых средств ишана с нашей силой. Простой же народ, мало или вовсе непонимавший действительного состояния сил обеих сторон, больше всего верил в святость ишана, в его призвание и в его чудодейственную силу и потому в большинстве слепо шел за ним. О том, как народная масса собиралась на газават, можно судить по показанию вышеупоминавшегося Маат-Мусы,— показанию весьма правдивому, но, к сожалению, почти единственному со стороны мятежников по своей чистосердечности, и то, впрочем, неполной, ибо показатель, свободно и подробно говоря о действиях других, заметно стремился выгородить себя. Маат-Муса свидетельствует, что за неделю до нападения на андижанский лагерь, раисы стали гнать из его кишлака Медрессе (Ичкиликской волости, Маргеланского уезда) народ к ишану и привели туда человек сто...

---

[1] Есть впрочем веское указание, что начало составления договора восходит к более раннему времени, а именно Алимбек-Датха, старик 62 лет, бывший в ханские времена генералом, а при русском владычестве волостным управителем, показал, что он приложил свою печать к договору на третий день праздника курбан-хаити (19 апреля). При передопросе Маат-Мусы следователем, также выяснилось, что договор составлялся ранее, чем за неделю до нападения на лагерь. (Прим. в подлиннике).

В ночь на 14 мая у ишана в Минь-тюбе состоялось совещание, в котором участвовали лица из разных уездов области и, между прочим, Умарбек-Датха (из Ошского уезда). На этом совещании ишан объявил, что он получил благословение божие изгнать русских, после чего было решено напасть одновременно на города: Андижан — под начальством самого ишана и на Ош — под командой Умарбека-Датхи. Раздав затем халаты, ишан поручил раису Махмуд-Дивана Токаеву передать всем его, ишана, последователям в Наукате, чтобы они слушались Умарбека. После того 16 мая у ишана собрана была сходка в 1 000 человек, в числе которых находился Кургатский волостной управитель, а также некоторые сообщники самозванца Пулат-Хана (1876 г.), и в их числе казначей последнего Атакул-Пансат. Бывшие на этой сходке слышали, что в ханы предназначался племянник ишана Абдул-Азис, 14-летний мальчик.

В последние дни ишан несколько раз, по мере того, как собирался народ из разных мест, объявлял в мечети, что влиятельные люди уже дали ему клятву и приложили печати к договору участвовать в газавате и что народ должен слушатья и итти за ним, куда он прикажет, причем прибавлял, что сбор назначается на воскресенье вечером у Замбер-биля, что на холмах под Андижаном. Выслушав этот наказ, будущие участники восстания уезжали домой и лишь весьма немногие оставались у ишана.

Движение к Андижану. Настал день 17 мая. По рассказу Маат-Мусы, вечером часов в 8, по кишлаку Таджик внезапно раздались возгласы: «газават», и ишан выступил по дороге в Андижан с толпой человек в 200, вооруженных палками и батиками, выслав вперед особый отряд киргизов под начальством Мулла-Ахмеда, с приказанием перерезать телеграфную проволоку, что, как известно, и было исполнено. Маат-Мусе говорили, что эти киргизы зарезали также какого-то джигита[1].

Отряд ишана двигался вперед верхом на лошадях. Он делился на две части, шедших каждая под своим значком (байрак). Первым байраком начальствовал Мулла-Зияуддин-Максум, ближайший, как упомянуто, помощник ишана и, по имеющимся данным, душа заговора; под чьей командой находился другой байрак, Маат-Муса не знал.

В толпе было много мальчиков и все суфии (старшие ученики ишана), которые с выступлением украсили свои головные уборы мисвяками (палочками в виде зубочисток), данными им ишаном, в виде амулетов, спасающих от смерти.

Сам ишан ехал верхом, окруженный пешими диванами; он был в зеленом халате и белой чалме; сзади его несли белый значок.

Из кишлака Таджик мятежники двинулись на большой кишлак Кутчи, где к ним присоединилось еще человек двести, а затем пошли через Кара-Курган и Охчи, где ишан совершил намаз, причем все слезли с лошадей и далее двинулись на Кулю. Здесь навстречу ишану выехал волостной управитель Гаиб-Назар, держа в руках голову русского человека[2], и, доложив, что это дело его рук, поднес голову ишану. Тот похвалил его («хоп-булды» — очень хорошо), но не взял этого трофея. Гаиб-Назар, прорезав уши, приторочил голову к своему седлу. В этом кишлаке ишан приказал доставить ему голову казия Мулла-

---

[1] Очевидно, джигита Абдуллу, посланного ассакинским участковым приставом, капитаном Еникеевым, к андижанскому уезди. нач-ку подполк. Коншевскому, с извещением о замысле ишана (Прим. в подлиннике).

[2] Мещанина Бычкова, нанятого Гаиб-Назаром накануне мирзой (писцом) к себе (Прим. в подлиннике).

Юлдаш Мулла Халметова и сам подъехал к дому последнего. Казий этот, получивший, как есть основание полагать, в свое время непринятое им предложение вступить в соглашение с ишаном, успел скрыться, но дом его был разграблен и прислуга избита. Гаиб-Назар в это время разъезжал по кишлаку с обнаженной шашкой и сгонял народ.

Здесь, в Куле, как равно раньше в Кара-Кургане и Охчи, отряд ишана увеличился местными жителями, но число их за темнотой определить даже приблизительно было трудно и сообщенные Маат-Мусой цифры (20, 60 и 50) гадательны. За Кулей Маат-Муса и человек 30 других всадников совершили намаз и потому отстали. Их скоро нагнал Мулла-Султан, сказавший, что он пригнал несколько человек к отряду и что надо спешить за ишаном, навстречу которому вышло 150 человек андижанцев, высланных из Андижана богатым купцом Алибай-байбачей [1].

Когда Маат-Муса и его товарищи догнали ишана, андижанцы уже слились с остальным отрядом; ими распоряжался Могамед-Зюлюм, бывший прежде прислугой у русских, но в последнее время перебравшийся на жительство к ишану.

Перед въездом в Андижан ишан, совершив намаз на адырах (холмах) в городском предместьи, отправил трех джигитов проскакать по нижним улицам туземного города с криком: «газават». Городские караульщики безмолвно пропустили отряд ишана; впрочем, один из них найден убитым, вероятно, за попытку поднять тревогу. Общую численность отряда ишана Маат-Муса определяет в 1 000 человек конных и столько же пеших, среди которых было много, по его словам, мальчиков. Это число (2 тыс.) составляло пять байраков, но у ишана было, как говорили Маат-Мусе раисы, еще три байрака, назначенных для нападения на Ош и Маргелан [2].

Нападение на лагерь. К юго-восточному углу туземного Андижана, занимающего площадь в 2 863 десятины и насчитывающего 47.069 душ населения, примыкает небольшой русский городок, в котором живет всего 631 человек. Крайний юго-восточный квартал его занимают лагеря андижанского гарнизона, к которым примыкают сплошной полосой кишлаки, тянущиеся вплоть до Ассаке на юг и до холмистой полосы адыров на юго-восток. В этой полосе кишлаков, способствовавшей скрытному приближению толпы мятежников, стянулась шайка ишана пред нападением на лагерь. Узкое пространство, отделявшее лагерь от юго-западной окраины кишлачной полосы, имело ту особенность, что близ самых бараков, шагах в 15—20, возвышалась складка местности, закрывавшая от взоров дневальных ближайшие подступы к лагерю, и это обстоятельство, в свою очередь, способствовало внезапности нападения. Неблагоприятное влияние упомянутой кишлачной полосы, почти вплотную подходившей и к крепости, и к лагерю, выразилось еще, с одной стороны, и в том, что артиллерия крепости не могла принять участия в отбитии и преследовании напа-

---

[1] Отряд андижанцев состоял из 200 человек; из них 150 чел. вышли из города навстречу ишану, а остальные 50 чел. были заблаговременно отправлены к андижанскому лагерю, чтобы следить за ним. (Прим. в подлиннике).

[2] Путь ишана, по собранным сведениям, шел от кишлака Таджик, составляющего с Кашгар-кишлаком Минь-Тюбе (600 дворов), через селения Кутчи (150 домов), Баргак (35), Кара-Курган (от 400 до 500), Охчи (300), Куля (480) и Чек-аулие (казенная оброчная статья в 100 десятин), Маргеланского уезда, а затем по Хакентской волости, Андижанского уезда, чрез Рават (137 дворов), Дархан (284), Сары-Куй (162), Найдык (319), Кунчи (694), Каирму и Шамсутдин-ишан или Дон-кишлак. (Прим. в подлиннике).

давших на лагери, а, с другой, в том, что она помогла мятежникам быстро и удобно отступить [1].

Поимка ишана и других мятежников. Вслед за отражением нападения андижанская уездная администрация приступила немедленно и весьма искусно к поимке мятежников, в чем ей значительно содействовали должностные лица туземной администрации. Отправленный андижанским уездным начальником, подполковником Коишевским, для захвата ишана Мадали, избаскентский участковый пристав штабс-капитан Агабеков, посадил на лошадей десять человек нижних чинов 20 линейного кадрового батальона и в сопровождении их, а также своих джигитов и двух русских андижанских жителей, пожелавших принять участие в поимке ишана, безостановочно шел по пятам бежавшего виновника мятежа, который, как можно было судить из расспросов попутного населения о проезжавших людях, двигался на северо-восток, к Семиречью.

На другой день к вечеру штабс-капитан Агабеков был уже в горах у селения Чарвак, что приблизительно в 90 верстах от Андижана. Расположившись сам в этом кишлаке, он расставил джигитов по четырем дорогам, ведущим в Чарвак, по два на каждую, при самом въезде в селение. Вскоре на одной из этих дорог появилось четыре всадника, из которых один, заметив джигитов, быстро поскакал назад, а из трех остальных один, оказавшийся потом ишаном Мадали, назвался наманганским ишаном и, получив от джигитов уверение, что они добрые мусульмане, попросил вернуть бежавшего товарища. Тогда один из джигитов, показывая вид, что исполняет эту просьбу, поехал сначала в сторону бежавшего, а затем поскакал за помощью. Когда он с подкреплением вернулся к ишану, то последний хотел стрелять, но джигит, быстро соскочив с лошади, подошел к нему со словами: «благослови, ишан» — и когда тот, чтобы исполнить просимое, взял револьвер под мышку, то был схвачен джигитами вместе с его спутниками и 20 числа штабс-капитаном Агабековым доставлен в Андижан.

23 мая в местности Дунгурама джигитами кугартского волостного управителя был задержан ныне уже казненный Субханкул, один из ближайших помощников ишана Мадали. Он принадлежал к семье Араббаевых (кишлак Кара-Курган), принимавшей большое участие в восстании. У Субханкула при обыске был отобран изящный небольшого формата коран ишана и в нем фирман султана.

Поимки и аресты причастных к делу лиц шли быстро и энергично и как в Андижане, так и в Оше места заключения оказались вскоре переполненными. К 3 июня, дню прекращения производившегося мной расследования [2], число арестованных было следующее:

1.	В Ново-Маргеланской областной тюрьме . . .	70 чел.
2.	» сел. Таджике и Ассаке, Маргелланского уезда	41 »
3.	В Ошской тюрьме	121 »
4.	» Андижане	139 »
	Итого	371 чел.

3 июня, по указаниям, данным андижанской уездной администрацией, ассакинским участковым приставом, штабс-капитаном Бржезиц-

[1] В настоящее время местность пред крепостью и лагерями, по распоряжению моему и под наблюдением офицеров генерального штаба, очищена от садов и построек и в достаточной мере сглажена (Прим. в подлиннике).

[2] По случаю выезда в Джизак для встречи и доклада вашему высокопревосходительству (Прим. в подлиннике).

ким, розыскан в селении Кизыл-Аяк, Ассакинской волости, и задержан, племянник ишана Мадали, 14-летний мальчик Абдул-Азис. Он был вместе с ишаном во время движения на Андижан и бежал с ним, но затем был оставлен на переправе через Кара-Дарью и с того времени неизвестно где находился. Мальчик этот, по имеющимся сведениям, был предназначен ишаном, в случае успеха восстания, в ханы. Мной было отдано распоряжение о немедленном доставлении Абдулы для допроса и содержания под стражей в Андижан, где он теперь и находится.

В тот же день, 3 июня, от начальника Аулиеатинского уезда мной было получено по телеграфу донесение о появлении в Сусамырской волости, Андижанского уезда, шайки Шадыбека, также поднявшего знамя восстания, и сделаны распоряжения о его поимке.

Как выше доложено, 4 июня я выехал из Андижана для встречи вашего высокопревосходительства в Джизаке, по прибытии в который 5 июня получил приказание обратиться к исполнению прямых своих обязанностей по званию военного губернатора Сыр-Дарьинской области.

Возвратившись в Андижан ночью 6 июня для преподания данных вашим высокопревосходительством указаний генералам Чайковскому, Ионову и Долинскому, я на другой день перед отъездом в Ташкент получил сведение о том, что кугартский волостной управитель участвовал в заговоре ишана Мадали, причем должен был в случае успеха нападения на Андижан сделать нападение на находившихся на подножном корму артиллеристов и казаков.

Несостоявшееся нападение на Ош. Что касается до находящегося в тесной связи с делом ишана происшествия в Ошском уезде, то по сему предмету до 3 июня имелись следующие сведения.

В воскресенье, 17 мая, в 1 ч. дня к ошскому уездному начальнику подполковнику Зайцеву явился на квартиру бывший волостной управитель Карабек Хасанов (племянник Курбан-Датхи) и, через арык-аксакала Ибрагима Чанышева, заявил следующее: «Проживающий в кишлаке Минь-тюбе, Маргеланского уезда, ишан Могамед-Али-хальфа для прославления своего имени каждый день кормит массу народа и через раисов старается расширять славу о себе по всем уездам.

Сегодня прошел слух, что в обширном замкнутом дворе ишана был совет с его помощниками (хальфа) и раисами (блюстителями веры), на котором постановлено призвать народ к священной войне». Получив эти сведения, подполковник Зайцев приказал старшему аксакалу проверить слухи, а Наукатскому волостному управителю, находившемуся в это время в Оше, немедленно выехать в Кыркальское общество, где проживает наибольшее число приверженцев ишана из киргиз рода Баргы-Атамерек. В 6 ч. пополудни к подполковнику Зайцеву вновь приехал Карабек с Чанышевым и сообщил, что тревога распространяется, говорят про письма, полученные от ишана киргизом Умарбек-Датхой и бывшим волостным управителем Саттыбаем; в то же время бывший серкер[1] Ирис-Менде подтвердил, что все разговоры в чайхане идут о Мадали-хальфе, который превратился во врага русских и будет воевать на чудесной белой лошади, а япалакский киргиз Иш-Могамед-Кувашбаев, знакомый Чанышева, передал фамилии некоторых участников из Япалакского общества. В виду этого подполковник Зайцев выехал к начальнику съемочного отделения военных топографов предупредить его о принятии предосторожностей на местах работ, а затем, вместе с ним к командиру 4 линейного батальона с просьбой выдать

[1] Серкер — сборщик податей в среднеазиатских ханствах.

казакам съемочных партий ружья, а также для справки известно ли ротам, где и какие места следует им занимать в городе в случае тревоги.

В 9 ч. вечера к подполковнику Зайцеву явились старший аксакал Акбуринской волости, старшины Япалакского и Тюлейкентского обществ, и, со слов киргиза Мама-Исаева, заявили, что сообщники ишана собираются в горах Науката на местности Ак-Терек, где приготовляется боевое знамя.

Решив захватить скопище на месте, подполковник Зайцев с 6 полицейскими и 4 конными стрелками 4 батальона, при офицере охотнике, в 11 ч. вечера выехал к месту беспорядков, причем, по соглашению с воинским начальником, принял меры военной охраны города, о чем и донес по телеграфу военному губернатору. Проездом через Япалак подполковник Зайцев послал местного старшину для охраны партии военного топографа Косценича, а на 18 версте встретил идущего в Ош наукатского волостного управителя, заявившего, что вблизи перевала Чакмак он дал подержать свою лошадь пятидесятилетнему Кадыркулу, который, отведя ее в сторону, вскочил в седло и, пользуясь темнотой, скрылся. Видя по дороге аулы летовок, в которых не было ни одного мужчины, подполковник Зайцев убедился, что сходка действительно существует.

Пройдя 45 верст, на рассвете 18 мая в глухой долине Ак-Терека он окружил мечеть ишана Мадали, но скопища уже не застал. Здесь были им захвачены иман и человек 20 участников сходки. Приказав разрушить мечеть, служившую местом сбора, подполковник Зайцев выехал обратно в Ош, а волостному управителю, с оставленными при нем 4 вооруженными полицейскими, приказал охранять корпуса военных топографов подполковника Парийского, водворить порядок в Кыркольском обществе и арестовать участников сходки, разбежавшихся по летовкам.

Получив в 2 ч. дня 18 мая сведения о бывшем нападении на лагерь в Андижане, подполковник Зайцев в 4 ч. осмотрел улицы и базары туземного города, послал инструкцию самоохраны Покровскому поселку и установил усиленные ночные разъезды.

Вместе с тем подполковник Зайцев приступил к производству дознания. Дознанием этим, между прочим, выяснено, что в воскресенье 17 мая, по письму ишана к Умарбеку, раисы и некоторые более приближенные к ишану диваны, собрали к вечеру до 300 человек киргиз на Ак-Тереке, где приготовили бунчук и значек. Огнестрельного оружия у них не было; предполагалось драться, кто чем мог — ножами, батиками и палками. Каждый правоверный имел при себе освященную ишаном палочку-зубочистку, игравшую роль предохранителя от смерти. Общим сборным пунктом был назначен Тамчи-Булак, в 12 верстах от Ош. В это место ожидались: сам Умарбек-Датхи, жители Япалакского общества, Саттыбай с ощцами и мелкие партии из разных мест, не успевшие прибыть на Ак-Терек. К полночи на Тамчи-Булаке, во главе с братом Умарбека Мулла-Атабек-Бек Муратовым, пришли жители Кыркомсая и ак-терекцы и, в ожидании подхода япалакцев и других партий, более почетные лица держали совет. В это время прискакал пятидесятник Таш-Ат с известием о выезде подполковника Зайцева. Тогда поднялась тревога и вся толпа с криком: «Алла-акбар» бросилась в разные стороны по ущельям гор, причем некоторые поскакали к ишану с известием, что заговор открыт.

Несостоявшееся нападение на Маргелан. Имеются указания, что предполагалось также произвести нападение и на Новый Маргелан, но сведения, относящиеся до этой части дела, до 3 июня были еще скудны. Насколько можно судить, руководителем

этого нападения должен был быть старо-маргеланский житель ишан Иноят-хан, который еще до восстания собирал и кормил у себя много народа. По имевшимся до 3 июня данным, в ночь с 17 на 18 мая в условленное время собралось так мало мятежников, что Иноят-хан на нападение не решился; большая часть его шайки разошлась в разные стороны, а сам он пошел на соединение с ишаном, по дороге к которому у селения Кува убил мещанина Дробышева, ехавшего верхом в Маргелан. Иноят-хан, отправившийся с небольшим числом приверженцев, ишана уже не догнал. До 3 июня не имелось следов Иноят-хана, но в этот день из Маргелана получены сведения о месте его убежища в Андижанском уезде, и есть основания надеяться, что он будет розыскан.

Признаки возбуждения мусульманского фанатизма в Туркестанском крае и Бухаре. Указания на влияние из Турции и Афганистана. Таковы в общем своде сведения, которые были добыты производившимся расследованием о мятеже, поднятом минь-тюбинским ишаном Могамед-Али. Следствие, продолжающееся по сие время, раскроет, вероятно, все подробности заговора, причем было бы особенно желательно выяснить степень вредного влияния, шедшего из Турции и Афганистана. Что это влияние существовало, можно заключить из того, что в последнее время в крае часто появлялись турецкие подданные без определенных целей и надлежащих документов, а также присылались из Турции для распространения в народе иллюстрированные константинопольские издания, прославляющие победы турок над греками и попрание христианского креста; наконец, пример поднявшего мятеж ишана показывает, что на него воздействовали из Константинополя, если и не прямо из Ильдиз-киошка[1], то, вероятно, из сфер, близких к нему.

Что глава мусульман, турецкий султан, занят был, после побед своих над греками, мыслями об оживлении, укреплении и утверждении мусульман в идеях ислама, можно судить по тому, что им в минувшем году устанавливались, по сведениям англо-индийских газет, сношения в этом смысле с Афганистаном, причем произошел даже обмен доверенными посланцами. Афганский эмир принял в конце 1896 г. новый титул «блюстителя веры», начал чеканить особую золотую монету для образования фонда на предмет священной войны и издал в Кабуле под своей редакцией две книги о джихате.

Из «сведений», представленных уратюбинским участковым приставом, видно, что осенью прошлого года какие-то афганцы убеждали матчинцев стать на их сторону, в случае войны, а в мае текущего года в Фальгарской волости, Пенджекентского участка, был задержан загадочный афганец, который не мог объяснить цели своего прихода и умышленно путал свою речь. Уже одни эти факты указывают на то, что в Туркестане были турецкие и афганские эмиссары, а дальнейшее расследование в этом отношении дало бы, вероятно, обильные данные, подтверждающие вредную деятельность у нас выходцев из Турции и Афганистана. Деятельности этой мы обязаны, весьма заметным в последнее время, фанатическим возбуждением туземного населения, проявляющимся почти повсеместно в Средней Азии в различных неприязненных действиях в отношении русских людей; так, недавно в Аулие-Ате киргизы завели ссору и нанесли оскорбление действием двум унтер-офицерам без малейшего повода со стороны последних; в Ташкенте замечалось, что туземцы при встрече с русскими стали часто отплевываться, что является выражением пренебрежения, а в Бухаре фанатик убил железнодорожного сторожа и покушался на жизнь

[1] Дворец турецкого султана Абдул-Гамида в Константинополе.

другого русского прямо во имя «газавата», о чем чистосердечно и заявлял следователю, однако, без внешнего даже выражения раскаяния в содеянном им преступлении. Бухарские власти, в угоду нашему правительству, казнили этого преступника, но дали ему, как показывают частные сведения, возможность сказать с эшафота краткую, но сильно фанатическую речь и прежде, чем подвергнуть его позорному повешению, перерезали ему горло, что, насколько известно, открывает для него, по понятию мусульман, врата Могамедова рая. Таким образом от приподнятого в последнее время фанатизма не свободны, повидимому, и некоторые представители правительства дружественной нам Бухары.

Степень виновности причастных к делу лиц. Представив выше очерк действий по умиротворению Ферганской области и расследованию обстоятельств мятежа, поднятого ишаном Могамед-Алиа также свод сведений, добытых производившимся мной с 23 мая по 3 июня включительно расследованием о личности ишана и самом мятеже, перехожу к определению виновности причастных к делу лиц[1].

...7) Вся выборная туземная администрация оказалась вообще далеко ниже своего назначения. Волостные управители явились пассивными, частью активными и даже главными (Кулинский волостной управитель) соучастниками ишана. Из всего состава туземной администрации, без сомнения знавшей о заговоре, донес о нем только один минь-тюбинский волостной управитель и то лишь накануне нападения на лагерь, хотя сам же признался, что ему известно было о заговоре еще 13 мая. Степень виновности большинства отдельных лиц из состава туземной администрации не могла быть окончательно установлена в короткое время моего расследования, но выяснится производящимся следствием.

8) Сверх тех лиц, преступность которых уже установлена следствием, нельзя не признать виновными жителей местностей, составлявших театр беспорядков, так как они без сомнений знали о подготовлявшемся восстании, но не донесли об этом властям, за что военным полевым судом были бы приговорены к смертной казни или к каторжным работам. Такое поголовное осуждение и наказание на практике явилось бы неудобным во многих отношениях. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что смертная казнь главных виновных и отправление на каторжные работы и в ссылку второстепенных проступников с оставлением всех остальных без наказания, едва ли были бы достаточны для предупреждения подобных преступлений в будущем, тем более, что одна только личная ответственность, после первого времени горя в некоторых семьях, оставила бы в населении лишь впечатление, что люди пострадали во имя ислама, за что они, по убеждению единоверцев своих, найдут награду в раю Могамеда и сохранят по себе славу героев, столь заманчивую для фанатиков мусульманства.

В виду всего этого казалось бы целесообразным к наказаниям, которые будут определены отдельным преступникам по суду, присовокупить еще и следующую меру общего характера: зачислить в собственность казны земли владельцев, по участкам которых проходила мятежная шайка ишана Мадали от кишлака Минь-тюбе (Таджик и Кашгар) до подгородного у города Андижана кишлака Дон, включительно, переселив всех поголовно жителей сих мест на жительство в другие части империи. Переселение это, заменив собой смертную казнь, каторжные работы и ссылку в Сибирь, явилось бы таким образом мерой гуманной и в то же время не оставляющей без наказания жителей тер-

[1] Далее опускается характеристика действий и степени виновности военного губернатора Ферганской области ген.-лейт. Повало-Швейковского и уездных начальников.

ритории, где явно готовилось восстание и проходила вооруженная шайка ишана. Кроме того, мера эта, разрушив насиженные гнезда, переходившие от отцов к детям, и заставив покинуть родину, которая для всех дорога, навсегда осталась бы в памяти населения, причем напоминанием о ней явилась бы полоса земли от кишлака Минь-тюбе до Андижана, изъятая из пользования туземцев и отданная впоследствии русским крестьянам.

Поселение же последних на этой полосе имело бы весьма полезное значение в политическом отношении, создав прочное усиление русского элемента в Фергане; с другой стороны, выселение туземцев, этих природных ирригаторов, в те местности Европейской России, где производятся оросительные работы, принесло бы существенную пользу этому делу. Если же выселение в сих размерах признано было бы неудобным, то полагал бы во всяком случае применить его относительно жителей кишлака Минь-тюбе, состоящего из двух селений Таджик и Кашгар, где жил ишан Мадали, и кишлака Куля, где был убит мятежниками мещанин Бычков.

Причины мятежа и внезапности нападения на Андижанский лагерь. По соображении всех обстоятельств и событий, сопровождавших действия ишана Мадали и его сообщников, можно безошибочно сказать, что главнейшая причина рассматриваемого мятежа заключается в мусульманском фанатизме, повсеместно значительно оживившемся в последнее время и нашедшем в данном случае такого влиятельного ревнителя, каким был минь-тюбинский ишан. Весьма возможно, что к нему примкнули и люди, имевшие личные неудовольствия против русской власти, но никаких общих или частных жалоб и даже сетований обвиняемыми заявлено не было. Указания главы мятежа, ишана Мадали, на запрещение паломничества в Мекку, отмену зякета и хераджа[1] и упразднение некоторых вакуфов является выражением недовольства, имеющего религиозный характер, т. е. сводятся к той же указанной выше причине восстания.

Это последнее могло быть предупреждено задолго до 18 мая, если бы власти имели сведения о готовившемся религиозном движении и придавали ему надлежащее значение и если бы затем у них своевременно были сообщения о заговоре для нападения на русские войска, так как в таком случае сборища мятежников было бы настигнуто в Минь-тюбе и нападение на роты 20 линейно-кадрового батальона не имело бы места. Но среди населения, в большинстве сочувствовавшего замыслам ишана, и даже среди лиц туземной администрации не нашлось никого, кто бы своевременно предупредил о планах фанатика Мадали. Это обстоятельство заслуживает серьезного внимания.

По покорении края и особенно со времени завоевания Кокандского ханства мятежные шайки появлялись часто, и до 1885 г. не проходило почти ни одного года, чтобы где-нибудь в Ферганской области не бродили банды мятежников или разбойников. Условия для существования их были в то время особенно благоприятны: бывшие ханские армии, дворцовая челядь и чиновники без дела и средств к жизни, представляли каждому фанатику, авантюристу или разбойнику готовый материал для составления отряда или шайки. Но до настоящего года никогда не было случая, чтобы русская власть не получала своевременно сведений о готовившемся восстании.

Такая разница в положении вещей прежнего и нынешнего времени вполне соответствует разнице в порядке нашего управления краем до и после 1887 года. Первый туркестанский генерал-губернатор К. П. Ка-

[1] Харадж — поземельный налог, накладываемый мусульманскими государями на не-мусульман.

уфман, на опыте познавший слабые стороны действовавшего тогда проекта положения об управлении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями, ввел при образовании Зеравшанского округа, а затем и Ферганской области, значительно измененный порядок управления этими новыми нашими территориальными приобретениями в Средней Азии, заменив прежде всего выборное начало системой назначения на должности по туземной администрации.

Избрав уездных начальников (и их помощников) из выдающихся войсковых офицеров, Константин Петрович обеспечил их значительным содержанием, облек своим доверием и, по высочайше предоставленной ему власти, дал им большие полномочия, в том числе право председательствовать в съездах народных судей и право разбирать и решать семейные и брачные дела туземцев. Эти высоко поставленные в глазах населения, привыкшего повиноваться только сильной власти, уездные начальники избирали, в свою очередь, на должность волостных управителей, где это было возможно, лиц, пользовавшихся в своей туземной среде общим доверием и уважением.

Так как волостным управителям было сравнительно большое содержание (до 1200 р. в год), прекрасно обеспечивавшее их благосостояние, то у них не было побудительных причин для поборов с народа. Обеспеченность в материальном отношении и полная независимость от населения, в связи с почетным положением, а также огромная разница в нравственном отношении между русскими начальниками и корыстолюбивыми чиновниками ханского правительства, заставляли волостных управителей не только крепко дорожить своими местами, но и признать нравственное превосходство русской власти, причем большинство лиц туземной администрации искренне привязалось к своим начальникам и стало дорожить установившимся порядком. А так как волостные управители, как уже упомянуто, в большинстве пользовались, в силу личных качеств своих, уважением и доверием населения, то около них образовалась русская партия, предпочитавшая наше, русское, управление всякому другому, и из среды этой партии мы всегда своевременно получали сведения о всякого рода брожениях или движениях в массе народной, а также о замыслах фанатиков или авантюристов и, благодаря этому, мятежи прекращались большей частью в самом зародыше и никогда не были для нас вполне неожиданными.

С введением в действие положения 1886 г. об управлении края, обстоятельства скоро изменились существенным образом,— к сожалению, в неблагоприятную сторону. Положением этим власть и значение уездных начальников, на коих, главным образом, лежали обязанности по сохранению спокойствия в крае и установлению уважения и привязанности к русскому правительству, без всякой нужды умалены, причем значительно увеличена письменная деятельность в канцелярии, чем сокращена до минимума возможность объезда вверенных им обширных территорий.

Число чинов русской уездной администрации, бывшее и до того времени недостаточным, уменьшено в 1887 г. далеко более возможного. Достаточно упомянуть, что в Ферганской области с населением в 1½ миллиона, число уездных начальников, их помощников и участковых приставов, ограничено 17 человеками, тогда как в подходящей к ней по составу населения Елизаветпольской губернии с 800 тыс. душ населения, этих чинов состоит 43 человека, причем обязанности их гораздо менее сложны, чем в Фергане. Такое чрезмерное сокращение личного состава русской администрации, сделав исполнение возложенных на нее обязанностей непосильным, естественно привело к тому, что она стала относиться к ним не с достаточным вниманием. Все это

и к тому же появление в крае новой, независимой и нередко недружелюбной к чинам администрации судебной власти, повело весьма скоро к умалению в глазах населения значения власти вообще.

Затем вместо назначения на должности волостных управителей лиц по избранию и представлению уездных начальников, положением введено выборное начало. Вследствие этого волостные управители стали в отношении получения и сохранения за собой должностей своих вне зависимости от уездных начальников. Личный состав волостных управителей изменился, как хорошо всем известно, к худшему в поразительной степени. Выборные волостные управители естественно стали заботиться не столько заслужить одобрение русской власти, сколько о том, чтобы приобрести расположение к себе населения и особенно той его части, которая имеет наибольшее влияние на результаты выборов, т. е. разных мироедов, эксплоататоров, влиятельных ишанов, мударисов[1], мутевалиев[2] и тому подобных элементов, большей частью относящихся к русской власти враждебно, или, по крайней мере, недоброжелательно.

Русская партия при таких новых условиях скоро рассеялась сама собой, зато выборная горячка с подкупами, кляузами, доносами и прочими неблаговидными для устранения соперника приемами вошла в нравы населения, до того с ней совершенно незнакомого. Все это повело к печальным явлениям в жизни народной и люди, вроде ишана Мадали, действительно имеют основание утверждать, что установленными порядками портится народная нравственность не только в узко мусульманском, но и в общем смысле[3].

Слабые стороны положения 1886 г. этим, к сожалению, не ограничиваются. Оно, сверх того, резко провело разделение власти судебной от административной во всех инстанциях до народных судов включительно. Такое разделение, явившееся для туземца непонятным двоевластием, также весьма сильно способствовало упадку значения администра-

[1] Мударис — учитель в мусульманской школе (медрессе).

[2] Мутевали — звание заведующего медрессе или смотрителя мечети.

[3] Прекрасной иллюстрацией того, как рассеялась русская партия, может служить Ошский уезд. По образовании его туда был назначен уездным начальником капитан Ионов (ныне генерал-майор, командир 4 Туркестанской линейной бригады), отлично уже в то время знавший туземцев и притом человек, отличающийся рыцарским характером. Он с самого начала приблизил к себе весьма влиятельную и почтенную семью Курбан-Датхи, так называемой: «Алайской царицы», представители которой упорно и храбро последними боролись с нами, отстаивая свою независимость. Избрав большую часть волостных управителей именно из этой семьи, отличая их верную и прекрасную службу и сумев им внушить к себе и к русской власти доверие, уважение и любовь, капитан Ионов достиг того, что вся семья эта стала настолько нам благодарной и преданной, что держала население всего Ошского уезда в строгом порядке и повиновении, и жители этого уезда, как известно, никогда не принимали участия в обычных в Фергане волнениях. С установлением в 1887 г. выборной системы, семья Курбан-Датхи при содействии русской власти, сохраняла в первое время свое значение, но затем постепенно отошла на задний план, сохраняя все-таки преданность русским, хотя под конец для этого мы уже ничего не делали. Напротив, в 1895 г. нами была допущена казнь Камчибека, младшего сына Курбан-Датхи и ссылка в Сибирь других членов ее семьи по недостаточно проверенному обвинению их в убийстве таможенного стражника, сокрытии этого преступления и занятии контрабандой, а между тем существуют убедительные указания, что во время убийства стражника Камчибек находился в Ошском уездном управлении за 150 верст от места преступления. И, однако, несмотря на этот факт нашего неправосудия и явное забвение преданных нам людей, единственный из находившихся в средине мая в Ошском уезде представителей семьи Курбан-Датхи, ее племянник, Карабек Хасанов, своим заявлением ошскому уездному начальнику о готовящемся восстании, спас г. Ош от нападения мятежников. Настолько еще, как видно, крепки завязанные прежде узы, порвать которые мы стремимся всеми способами в течение последних 12 лет. К сожалению, непорванных уз почти не остается, а скоро их и совсем не станет, если мы не возвратимся к прежнему режиму, столь же благородному, сколько и полезному (Прим. в подлиннике).

ции. Туземец, в течение веков привыкший к единоличной власти, не мог понять наступившего с 1886 г. бессилия уездных начальников в защите его от притеснений и неправды и, видя в них с этого времени простых только исполнителей решений не только русских, но даже и туземных судей, хотя бы решения эти были возмутительными по своей несправедливости, перестал смотреть на уездного начальника, как на ближайшего своего заступника и радетеля.

Вместе с тем он заметил, что рядом с потерявшим прежнее значение уездным начальником, стоят сильные, хотя и исполненные неправды народные судьи с обширнейшей компетенцией и менее властный русский мировой судья, в камеру которого он попадал, если судился или с русским человеком, или с туземцем другой народности, а также, когда привлекался к ответственности администрацией. В этом последнем случае он часто терял последнее уважение к русской власти вследствие странных иногда решений мировых судей, часто незнакомых с туземным бытом, нередко увлекающихся взглядами, не применимыми в недавно покоренной мусульманской стране, и — что еще прискорбнее — нередко стоящих в антагонизме с уездным начальником. Этот антагонизм, доходящий иногда до крайних пределов и пронизывающий все судебные инстанции, особенно способствовал потере уважения к русской власти [1].

Таким образом, результатом реформы 1886 года явились: во-первых, двоевластие и сильное понижение значения уездных и других начальников, что уронило в глазах туземцев русскую власть вообще, а административную в особенности, а во-вторых, рассеяние русской партии и разрыв тесной связи между русской и туземной администрацией, что повело к разрушению прекрасно созданного моста для установления доверия и уважения к русским властям. Около туземца, уже привыкшего к доброжелательной и заботливой, но крепкой и единой русской власти, не стало такого близкого и сильного попечителя, каким был прежний уездный начальник, на смену которого явился другой — сравнительно слабый, переутомленный, необладающий достаточными правами и средствами для защиты и воздействия на туземное население. Все это в связи с другими выше упомянутыми обстоятельствами отняло у русской административной власти прежнее обаяние, столь необходимое в полудикой азиатской стране с фанатичным мусульманским населением, и лишило нас в среде туземного населения преданных людей, которых не может вполне заменить самое лучшее устройство сыскной части с лазутчиками и шпионами. Этим именно и объясняется неслыханная дерзость и внезапность нападения на андижанский лагерь 18 мая текущего года [2].

Заключение. Заключая настоящий отчет, почитаю долгом доложить, что сурово покарав виновных в восстании, поднятом ишаном Мадали, и выселив в Европейскую Россию жителей театра наибольших беспорядков, мы произведем на туземное население устрашающее впечатление, действие которого будет достаточно на довольно продолжительное время, чтобы предохранить край от повторения мятежа, подобного происшедшему в мае сего года в Ферганской области; усилив же русскую колонизацию и введя коррективы в порядок и систему нашего управления средне-азиатскими владениями, восстановим упавшее значение нашей власти и поставим ее на надлежащую высоту, при которой станут немыслимы мятежи, дошедшие уже до открытого нападе-

[1] Опускается перечисление отдельных примеров неправильных, по мнению Королькова, действий судебных органов, в ущерб престижу военной администрации.

[2] Далее Корольков подробно перечисляет «Меры к устранению мятежей в будущем». Так как этот перечень изложен в докладе Куропаткина Николаю II от 13 сентября 1898 г. (см. ниже стр. 175), то эта часть записки Королькова опускается.

ния на наши войска, а мерами культурного воздействия на туземца — постепенно сделаем его верным русским подданным, вполне готовым стать под действие общих в империи законов.

Генерального штаба ген.-лейт. Корольков.

Из рапорта командующего войсками Туркестанского военного округа ген.-лейт. Духовского ген.-лейт. Куропаткину, 5 августа 1898 г.[1]

Представляется при сем отчет генерал-лейтенанта Королькова о причинах ферганского возмущения и о степени виновности в оном лиц местной администрации.

Телеграммою от 11 июня сего года за № 554 я уже сообщил вашему высокопревосходительству мое мнение о тех же предметах. Отчет генерал-лейтенанта Королькова лишь подтверждает и подробно мотивирует то же самое мнение.

Достойно внимания, что при опросах на следствии многих сотен виновных туземцев никто из них не заявлял жалоб ни на какие притеснения или несправедливости местных властей, и лишь некоторые из главарей указывали вообще на то, что под управлением русской власти видимо поколебалась чистота строгого мусульманства, в смысле увлечения материальными интересами.

Очевидно, все дело стояло исключительно на почве мусульманского фанатизма, который имел полную возможность развиваться до крайних пределов и, наконец, выразился в столь резкой форме.

Действительно, завоевав Туркестан, русские встретились здесь с совершенно обособленным, замкнутым миром, нравственный и общественный быт которого не имел ничего общего с теми же сторонами русской жизни. Поэтому неудивительно, что русские хотя и воспользовались отсутствием в местном населении расового патриотизма для быстрого покорения Туркестана, но тем не менее не могли сразу вникнуть во все стороны своеобразной местной жизни.

Ген.-ад. фон Кауфман, осмотревшись, отлично видел, что связующим звеном для населения служит в высшей степени развитая и до мелочей регламентированная жизнь мусульманства по шариату; что это — сила, с которой надо бороться, и которая, в наших интересах, должна быть ослаблена во что бы то ни стало. Лучшим средством для этого он считал игнорирование мусульманских установлений внутри края и, насколько возможно, ограничивал распространение магометанства. Стремление его противодействовать полному объединению мусульман выразилось в упразднении как высшей мусульманской должности кази-каляна[2], так и раисов, наблюдавших за исполнением правил шариата, а равно в том, что имея перед глазами законоположения об управлении духовными делами магометан, он не только не допустил учреждения взамен кази-каляна должности, соответственной муфтию[3], в Крыму, Уфе и на Кавказе, но исхлопотал даже, чтобы оговорка закона, что власть уфимского муфтия распространяется на все прочие области российской империи, не имела силы по отношению к Туркестану.

Самого же религиозного быта туземцев ген.-ад. Кауфман хотя и не касался совершенно, но, повидимому, имел за ним неослабленный надзор; приемники же его пошли дальше и совершенно не следили за жизнью мусульман: школы, духовенство, духовные ордена, ишаны — оставались без всякого наблюдения администрации и, само собою ра-

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. IV, лл. 1—8.
[2] Кази-калян — высшее мусульманское духовное лицо.
[3] Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман-суннитов.

зумеется, без всякого направления и должного руководства с ее стороны, не говоря уже о том, что не имелось никаких сведений ни о числе разного рода мечетей, ни о ишанах при них, ни о других служителей мусульманской идеи.

Таким образом нашим заклятым врагам была предоставлена полная свобода действий.

Между тем ислам, имея основным заветом истребление неверных и священную войну, хотя и склонился в Туркестане перед громом нашего оружия, но в тайниках своей души сохранял и долго будет сохранять надежду на возрождение. Это столь же естественно и понятно, как порыв православия среди русского народа в период монгольского ига, как национальные и религиозные движения всякого народа, покоренного чуждою ему нацией.

Обстоятельство это было упущено из виду. Между тем занятие нами Туркестана, водворив мир и спокойствие в крае и способствуя обогащению населения, в то же время привело туземцев в соприкосновение с русской жизнью и, естественно, влияло на изменение нравов и обычаев туземцев, что, конечно, было не в расчетах ревнителей мусульманства и должно было вызвать усиленную пропаганду против русских.

Казненный ныне минь-тюбинский ишан говорит так: «После завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов, отступление от требований шариата, пьянство, разврат и были подорваны семейные начала. Русская власть, хотя обращалась с народом мягко и гуманно, но в то же время запрещала паломничество в Мекку, отменила уплату зякета и лишила доходов вакуфные учреждения, не заботясь о поддержании нравственности и чистоты семейных нравов».

В этих словах нельзя не видеть, что ослабление мусульманства отчасти уже достигнуто одним простым соприкосновением туземцев с русской жизнью; нельзя не видеть победы русского влияния над местными нравами, но нельзя не видеть и того, что вспышка мусульманского фанатизма в Фергане имела за собою серьезную положительную цель — борьбу с нашим влиянием.

Ишан не высказывает жалоб на какие-либо общие притеснения, побудившие его восстать, но в его словах слышна скорбь, что чистота мусульманства от соприкосновения с русскими поколебалась.

Таким образом не подлежит никакому сомнению, что разыгравшиеся в Фергане события появились на почве мусульманского фанатизма, доказав, что среди туземного населения тлелись, тлеются и будут тлеться еще долгое время очаги, нежелающего добровольной смерти ислама, и что вспышка этих очагов, при благоприятных к тому обстоятельствах, возможна ежедневно. Хотя эта вспышка и появилась в Фергане, но явление это не может считаться делом чисто местным или одного какого-либо класса населения. Сочувствие к «газавату», как видно из хода судебного следствия, высказало почти все население Ферганы; кроме того, есть основания предполагать, что о восстании было известно и в других местах края.

Спустя уже месяц после нападения на Андижан, когда приходилось арестовывать беглецов из жителей Самаркандской области, один из волостных управителей отказался исполнить отданное по этому поводу приказание пристава.

Есть также показания русских жителей Чимкентского уезда, удостоверяющие, что тамошние туземцы хвалились, что владычеству русских предстоит скорый конец.

В бухарских владениях[1] был случай убийства русского сторожа фанатиком туземцем, а затем дерзость туземцев дошла до того, что было даже несколько случаев выражения явной враждебности по отношению к работавшему в Бухарских пределах топографу и его конвою.

Резкое проявление этой враждебности было сдержано лишь бухарской администрацией, за исключением Денаусского бекства, где бек оказался виновным в попустительстве.

Затем около Курган-тюбе был выстрел по нашему джигиту пограничной стражи, а бухарские власти Шугнана высказывали англичанину Коббольду свое сочувствие происходившим событиям.

О подготовлявшихся событиях было известно и в Семиречьи; наконец, общее настроение жителей было таково, что, по имеющимся донесениям, простая ссора между волостным управителем и киргизами близ Чиназа вызвала со стороны последних желание, не приведенное впрочем в исполнение, испортить телеграфную линию.

Вообще все дает право думать, что брожение, происходившее в Фергане, охватило гораздо больший район, чем можно было первоначально предполагать.

Вместе с тем мы имеем, с одной стороны, официальное донесение со стороны кашгарского консула, что тамошние мусульмане удивляются безумию жителей Ферганы, восставших против власти, давшей им спокойствие и благосостояние, а с другой,— свидетельства о тяготении к нам афганского Туркестана и Будахшана.

Сопоставляя это с заявлением генерал-адъютанта Кауфмана в проекте всеподданейшего отчета[2], что население среднеазиатских ханств приходится сдерживать от слишком сильного тяготения к нам, можно притти к заключению, что, пока население испытывает гнет туземных порядков, оно тяготеет к нам; но раз оно добьется этого и разбогатеет,— то наружу выходят требования мусульманского фанатизма, не мирящегося ни с каким другим режимом.

Наиболее благоприятным обстоятельством для резкого проявления этого фанатизма была, и может быть в будущем, война России, особенно при участии в числе противников наших мусульманских государств. Ныне же обстоятельству этому поблагоприятствовал общий подъем духа среди мусульман, особенно после победоносной войны турок с греками[3]. Ближайшим поводом, побудившим ишана Мадали к поднятию зеленого знамени, было благословение, в которое он и его близкие люди безусловно верили, полученное из Стамбула от турецкого султана[4]. Это указывает несомненно, что здешние магометане признают в падишахе своего верховного духовного вождя; но и независимо от сего, есть прямые указания, что из Константинополя посылаются эмиссары во все мусульманские провинции России под видом сбора в пользу турецкой казны для борьбы с неверными.

В конце 1890 г. начальник главного штаба уведомлял туркестанского генерал-губернатора, что наш поверенный в делах в Константинополе сообщает, что заветный помысел султана — поднять значение халифата[5]; он полагает осуществить обращение к мусульманам Индии и

---

[1] Бухарское ханство — с конца 1860 г. входило в состав б. Российской империи как вассальное государство.

[2] Стр. 9 изд. военно-ученого комитета Главного штаба (Прим. в подлиннике).

[3] Война между Турцией и Грецией началась 18 апреля 1897 г. и окончилась победой Турции.

[4] Представленное мною вашему высокопревосходительству при письме от 26 июня за № 532 (Прим. в подлиннике).

[5] Халифат — средневековое арабское теократическое государство, во главе которого стояли «преемники пророка Магомеда», сочетавшие высшую светскую и высшую духовную власть. С XVI в. титул халифа, т. е. главы всех мусульман, перешел к султанам Оттоманской империи.

России о денежной помощи для поддержания ислама, угрожаемого давлением христиан, и что пропаганда уже началась в наших пределах.

Наконец, депеша, полученная мною в июне сего года о том, что в Среднюю Азию и теперь посланы 8 офицеров турецкого генерального штаба, указывает, что идея султана осуществляется и в настоящее время.

Со стороны Афганистана, надо думать, также производится агитация.

Абдурахман-хан, овладевший кабульским престолом при крайне трудных обстоятельствах, благодаря своим выдающимся способностям, редкой силе воли и политическому такту, настолько укрепил свою власть в Афганистане, что может думать о внешних предприятиях, подготовляя их возбуждением фанатизма и проведением идеи газавата в соседних странах.

Что афганцы были осведомлены о событиях в Фергане, подтверждается как донесениями начальника Памирского отряда, так и появлением в Фергане 3 таджиков, относительно которых есть основание предполагать, что они явились в качестве лазутчиков и прибыли в Маргелан как раз перед самым нападением на Андижан.

Тайное сочувствие воинствующему мусульманству и идеям, исходящим из Константинополя, проявляется не только в низших слоях туземного населения края, но, повидимому, и среди наших вассальных владетелей.

Из донесения начальника аму-дарьинского отдела от 28 февраля 1897 года видно, что в январе того же года приезжал из Константинополя в Хиву влиятельный мусульманин Сеид-Селих-Эфенди, привезший хану священные финики и воду. Останавливался он у дяди хана Саид-Абдула-Хаджи, часто посещал нашего вассала и получал от него значительные подарки деньгами и вещами.

При опросе в Петроалександровске Саид-Абдула-Хаджа предъявил паспорт, выданный ему из Константинополя, и сообщил, что был в Хиве по торговым делам, прожил там 28 дней, а товару имел на 800 рублей. Сообщить, какую сумму имеет при себе, отказался, но заявил, что в сундуке у него есть значительная сумма.

Из донесения нашего политического агента в Бухаре видно, что в Бухару приезжал меккский уроженец Абдул-Кадыр, остановившийся в доме бухарского кази-каляна и собиравший, по слухам, пожертвования для турецкого султана, в виде приношений на благоугодные дела в Мекке. Кроме того, по слухам, кази-калян получил из Константинополя письмо с просьбой оказать денежную помощь халифату.

Письмо это было доложено эмиру, который и поручил кази-каляну приобресть русских кредитных билетов на сумму около 680 тыс. рублей. Деньги эти предполагалось передать по назначению через бухарского чиновника, который должен был отправиться в Константинополь весною 1897 г. под видом паломничества, но был задержан в Бухаре, ввиду прекращения паломничества в ожидании чумной эпидемии.

После этого бухарский диван-беги[1], заявив нашему политическому агенту, что эмир, по примеру прежних лет, желал бы сделать пожертвование в Мекку, не возобновлял больше просьбы устроить это дело, когда наш политический агент предложил перевести деньги по назначению через наше посольство в Константинополе.

Имеются и другие сведения, что турецкие эмиссары не только занимались сбором пожертвований в пользу халифа, но, по слухам, занимались иногда и пропагандой идеи газавата.

---

[1] Диван-беги — звание высшего сановника, обычно заведующего финансово-налоговым ведомством в Бухарском, Кокандском и пр. ханствах Ср. Азии.

Вообще, несмотря на все выгоды, которые дает туземцам наше господство в Средней Азии, едва ли население в состоянии помириться с нашим владычеством и вряд ли можно ожидать в близком будущем слияния его в чувствах преданности государю и государству с остальным русским народом.

Здесь является историческая борьба двух рас и двух религий, которая может кончиться только победою русского народа и православия, но последнее достижимо лишь при правильной постановке отношений этих двух сил.

Между тем это обстоятельство было упущено из виду ревизионной комиссией тайного советника Гирса 1886 г., отчет который послужил основанием положения, ныне 12-й год действующего в Туркестанском крае.

Комиссия тайного советника Гирса приняла затишье ради страха за доказательство такого умиротворения края, при котором возможно не только полное уравнение его правового порядка с внутренними губерниями, но даже дарованье миллионам туземного населения самых либеральных выборных начал, с трудом улегающихся даже в таких государствах, как Франция и Америка.

Увлекшись дешевизною, комиссия тайного советника Гирса проектировала большое сокращение представителей русской власти, а, преследуя идею равноправности покоренного с покорителем и обуздание своеволия русской власти, умалила значение этой власти до состояния, близкого к бессилию.

В отчете генерал-лейтенанта Королькова изложены с достаточною подробностью неблагоприятные последствия от упомянутых неправильных оснований, столь расходящихся не только с доводами покойного ген.-ад. фон Кауфмана, но и многих других лиц, близко знавших туркестанских мусульман.

Ныне ошибочность предложений комиссии тайного советника Гирса обнаружилась воочию.

Установив выборное начало не только для туземной администрации, но и для суда, ослабив, даже почти устранив, влияние уездной администрации на сельское управление и снабдив народный суд обширными полномочиями, положение 1886 г., с одной стороны, затруднило наблюдение за населением, а с другой — сделало уездную администрацию лишь исполнительницей решений народного суда.

В то же время полное разделение судебной и исполнительной власти, подчинив частью последнюю прокурорам и мировым судьям, которые в то же время нисколько не ответственны за спокойствие и безопасность края, должно было еще более подорвать престиж и силу власти.

Вот чем объясняется, что при всем своекорыстии сартов между волостными управителями нашлось не мало изменников.

Таким образом подготовка восстания в крае вытекала из самого положения вещей и, если проявилась пока лишь в Фергане, то это благодаря особенностям тамошнего населения и некоторым несчастным обстоятельствам.

Население этой области, позже других покоренное и оказавшее сопротивление при самом завоевании, и потом неоднократно поднимало знамя «газавата».

Так, в 1878 г. было дело Джетым-ханов во главе с Мамыром, повешенным затем в Андижане.

В 1882 г. был объявлен газават с ханом во главе, причем виновные были повешены в Маргелане и Андижане.

В 1885 г. было заметное движение, созданное Дервиш-ханом в Маргеланском и Андижанском уездах.

В 1892 г. попытка объявления газавата была сделана Сабыр-ханом из Кокандского уезда.

Наконец, последний газават объявлен минь-тюбинским ишаном.

Все эти вспышки должны были указать местной администрации, что население всегда способно увлечься первым успехом для восстания.

Между тем ген.-лейт. Повало-Швейковский не придавал, повидимому, этим фактам никакого значения, что видно между прочим из ответа его на запрос, установлен ли какой-либо надзор на случай появления шпионов.

Ген.-лейт. Повало-Швейковский ответил на это, между прочим, что уездные начальники ко всем иностранцам, а также и к туземцам, относятся всегда с бо́льшим подозрением, чем следует, и что нередко их приходится даже сдерживать.

Такой взгляд не мог, конечно, не отразиться на всех низших органах управления и не ослабить их наблюдательности и предусмотрительности.

Поэтому естественно, что подготовка восстания, производившаяся довольно долгое время, была совершенно не замечена.

В усадьбе ишана угощались сотни приходящих, а Иноят-хан, которому он передал ишанство, за 10 месяцев до 17 мая переселился из Ханабада в Маргелан и начал здесь свою пропаганду.

Наняв дом рядом с ходжа-хане[1], он соединил дверью эти два помещения и от имени минь-тюбинского ишана начал устраивать шалямы (даровые угощения) не только для путников, но и для всех желающих.

С другой стороны, подготовку восстания ишан поручил Бакиру-Нурматову, управителю Ичкиликской волости, а сам вошел в сношения с соседними волостями, особенно с Кулинской, а также с киргизами сусамырскими и кугартскими и с богатыми купцами г. Андижана, которые сформировали особую шайку, вышедшую навстречу ишана.

В Андижане, между прочим, сартовская прислуга еще за неделю до 17 мая уходила безо всякого повода от своих русских господ.

Но все эти факты не обратили на себя никакого внимания.

Решимости восстать против русских несомненно способствовало, помимо указанных ранее причин, ослабление войск в Фергане за последнее время, оставление в Андижане всего 2 рот и то, что в мае месяце казачьи и артиллерийские лошади были на траве, вдали от мест квартирования.

Число туземцев, подвергнутых суду, конечно, значительно менее числа участников заговора и, если бы настойчиво продолжать преследование, то число это возросло бы во много раз.

По мнению военного прокурора, много виновных в беспорядках не попало под суд, благодаря недостаточности улик. Ловили и доставляли преступников главным образом чины туземной администрации, интересах которых могло быть желание скрыть не только своих родственников, но и вообще лиц своей волости, дабы избежать нареканий в бездействии власти.

Списки, найденные у Иноят-хана и у самого ишана, а также и другие указания, не давая оснований для привлечения многих лиц к суду, тем не менее указывают, что район, знавший о волнениях, значительно обширнее, чем можно заключить из данных судебного разбирательства; тем не менее только один из жителей, киргиз Карабек-Хасанов, родственник знаменитой Курбан-Джан-Датхи, предупредил о готовящемся событии.

---

[1] Странноприемный дом, главным образом, для идущих в Мекку (Прим. в подлиннике).

В числе участников восстания оказалось не мало людей, прекрасно сознающих превосходство наших порядков пред прежними ханскими, испытавших лично на себе выгоды нынешнего материального благосостояния.

Очевидно, что здешнее население весьма далеко от того, каковым оно обрисовано в последней главе отчета тайного советника Гирса [1].

Ишан Мадали, по невыясненным вполне причинам, вероятно опасаясь, что заговор будет раскрыт преждевременно, торопился перейти к действиям, не дав созреть всему широко задуманному плану обширного восстания с одновременным нападением на многие пункты. Если бы не эта несчастная для ислама и счастливая для нас случайность, было бы одно из двух: или восстание стоило бы несравненно более крови, жертв и труда для его успокоения, или наша власть, хотя и узнав о замысле и предотвратив исполнение, не имела бы достаточно доказательств несостоятельности положения 1886 г., противу чего ныне, полагаю, не может быть возражений.

Переходя затем к вопросу о виновности разных районов Ферганы в бывшем восстании, имею честь сообщить, что вопрос этот, по моему приказанию, обсуждался в особом совещании из представителей администрации Ферганской области с участием прокурора и председателя военного суда, а также военного следователя, причем совещание пришло к заключению, что за исключением нагорных частей Кокандского и Наманганского и большей части Ошского уезда, в последних беспорядках виновно все остальное население Ферганы, причем более виновными признаются уезды: Маргеланский и Андижанский целиком, а в Ошской волости Наукатская, Акбуринская и Булак-Башинская.

В помянутых уездах непосредственных участников нападения на Андижан дали города: Андижан, Маргелан и Ош и волости: Минь-тюбинская, Кулинская, Ассакинская, Кара-Тепечаукентская, Кувинская, Шариханская, Араванская, Сегазинская, Ичкиликская, Язъяванская, Якатукская, Наукатская, Акбуринская, Булак-Башинская, Кугартская, Сусамырская, Кенгель-Карагыльская и Хакентская.

Наиболее же виновными признаются волости: Кулинская, Минь-тюбинская и город Андижан, а затем: волости — Ичкиликская, Наукатская, Хакентская, Кугартская, Сусамырская, Акбуринская и Ассакинская.

Обращаясь далее к ответственности губернской и уездной администрации Ферганской области, не могу не высказать уже в настоящее время, что она подлежит упреку в неисполнении обязанности, возложенной на нее постановлениями общего учреждения губернского следить за спокойствием и безопасностью населения.

Некоторые представители ее, сверх того виновны и в том, что, узнав о сформировании шайки, не приняли немедленно никаких мер к ее рассеянию [2].

Приложение: отчет генерал-лейтенанта Королькова.

Ген.-лейт. Духовской

---

[1] Общий взгляд на положение Туркестанского края, стр. 113—122 (Прим. в подлиннике).

[2] Далее опускается характеристика действий ген. Повало-Швейковского и уездной администрации, а также некоторые соображения Духовского к докладу Королькова.

Из рапорта военного прокурора Туркестанского военно-окружного суда ген.-майора Долинского ген.-лейт. Духовскому, 21 августа 1898 г. № 400[1].

В программу, установленную генерал-лейтенантом Корольковым, коему было высочайше поручено расследование по делу о восстании туземцев Ферганской области под предводительством минь-тюбинского ишана Могамед-Али, вошли, кроме вопроса о степени виновности участников и прикосновенных к восстанию лиц, также и вопросы: 1) о причинах, вызвавших восстание; 2) о причинах, способствовавших возникновению и развитию восстания, неожиданного для русских властей; 3) о деятельности иностранных эмиссаров, если таковые являлись; 4) о сношениях заговорщиков с другими областями Туркестанского края, Бухарой, Хивой и иностраными государствами; 5) о планах [заговорщиков] будущего устройства края после свержения русского правительства; 6) об ответственности должностных лиц русской и туземной администрации, допустивших возникновение и развитие восстания.

При обширности района возмущения, массе участвовавших и прикосновенных к возмущению лиц, поголовном их запирательстве при допросах и слишком кратком сроке для расследования, исполнение такой программы с надлежащею полнотою, конечно, не представлялось возможным, и расследование должно было сосредоточиться преимущественно на установлении уголовной ответственности, привлекаемых в качестве обвиняемых лиц, и лишь попутно собирать материал и по другим вопросам. Собранные таким образом данные [позволяют] сделать следующие общие заключения.

Общею причиною восстания необходимо признать религиозный фанатизм туземцев мусульман, в невежественной среде которых «газават» — война с неверными, составлявший основной догмат вероучения в давно прошедшие времена воинствующего исламизма, сохранил еще в значительной мере свою силу и значение. Край искони мусульманский, окруженный мусульманскими же странами, поддерживающий постоянные сношения с мусульманскими центрами, благодаря постоянно двигающимся туда и обратно многочисленным хаджам-паломникам,— Ферганская область, еще так недавно, менее четверти века, вошедшая в состав русской империи, не успела еще окончательно примириться и признать бесповоротной потерю всякой тени своей политической самостоятельности, хотя бы в виде маленького вассального мусульманского ханства, как Хива и Бухара. При кратковременности русского владычества и отсутствии прочно осевшего русского элемента в крае не могло быть и речи, не только об ассимиляции, но даже и о простом внешнем сближении и знакомстве с русскими туземного населения. Громадная часть этого населения не имела никаких отношений к русским, знала и видела их только в лице ничтожного числа начальствующих и должностных лиц, случайных путешественников и немногих торговцев и промышленников, являвшихся с целями эксплоатации.

Живя совершенно обособленною жизнью даже в городах, сохраняя свои верования, обычаи, образование, мировоззрение, традиции, управление и суды в низшей инстанции, туземное население, естественно, могло считать русское владычество случайным, преходящим, не нужным и напрасно обременительным и стремиться от него избавиться. Привыкшее во времена последних ханов к волнениям, заговорам и восстаниям, попытки которых продолжались и при русском владыче-

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. IV, лл. 10—34.

стве, туземное население не видело чего-либо особо необычного и преступного и в последнем заговоре и восстании минь-тюбинского ишана Могамед-Али и, если даже не принимало никакого участия и не сочувствовало восстанию, то недонесением, укрывательством и лжесвидетельством перед русскими властями способствовало виновным избежать наказания, считая, что преступление их касается исключительно русских, совершено как бы в пользу мусульман; идея же нарушения общего государственного порядка и спокойствия туземному населению, повидимому, совершенно чужда и непонятна, так как нераздельной частью того целого, что составляет русское государство, оно себя еще не признает.

В населении, привыкшем к смутам и восстаниям, в которых элементы политического брожения еще не улеглись в немногие годы мирной жизни под русским владычеством, имеется до сих пор значительный контингент лиц, которые по своему прошлому наиболее склонны к таким смутам и восстаниям.

Этот контингент составляют офицеры и другие служаки ханских времен, оставшиеся не у дел с переменой правительства, потерявшие прежнее положение и влияние, недовольные новыми порядками, непривыкшие к мирной трудовой жизни, а потому охотно примыкающие к всякому восстанию. Целый ряд таких ханских юзбаши [1], пансатов [2] и датха [3] фигурировал и в настоящем восстании, играя в нем весьма заметную, а в некоторых случаях и руководящую, роль.

В разноплеменном населении Ферганской области наиболее неспокойной частью всегда были (и долго еще, вероятно, будут) полуоседлые киргизы. По натуре своей впечатлительные, легковерные, подвижные, историческою жизнью своею приученные к грабежам и разбоям, глубоко невежественные — киргизы естественно должны были дать,— и дали в действительности,—главную массу участников восстания. На них фанатически религиозная идея газавата, руководившая самим ишаном и такими его соучастниками, как Иноят-хан, сама по себе не могла оказать большего влияния, но их влекла надежда наживы и власти, чудесные обещания легкой победы над русскими, которые исчезнут с лица земли при одном появлении ишана или будут поглощены чудовищными змеями, выползшими из горного ущелья [4].

Много участников восстания дало и тюркское население Минь-тюбинской, Ассакинской и Кулинской волостей, что объясняется, повидимому, близостью этого населения к месту жительства самого ишана Могамед-Али, а потому и возможностью его непосредственного влияния и систематической пропаганды, тем более, что среди тюрков нашлись такие энергичные вожаки, как Карабай, мулла Касым, Бабатай, Субханкул, Сарымсак и Ганб-Назар, с оружием в руках сгонявшие народ на присоединение к шайке ишана, двигавшейся на Андижан. Наконец, к восстанию, как и всегда в народных волнениях, пристал всякий сброд: поденщики (мардекеры), мелкие торговцы — разносчики, нищие, диваны, нашакуры (курильщики наши), кумарбазы (игроки в азартные игры), вообще бродячий люд, не имеющий определенных занятий и местожительства, терять которому нечего. Много этого люда постоянно кормилось у ишана и двинулось с ним на Андижан.

Нет сомнения, что в подробности заговора относительно времени, места, распределения ролей по подготовке восстания и руководству самым восстанием были посвящены лишь главные соучастники ишана

[1] Юзбаши — начальник сотни.
[2] Пансат — звание командиров быв. войск Кокандского ханства.
[3] Датха — генеральский чин в среднеазиатских ханствах.
[4] Показание Макамбоя Кокибаева, капитана Агабекова и других (Прим. в подлиннике).

Могамед-Али, но общая цель заговора — газават против русских — не могла быть тайной для населения и только указанной выше враждою к русским, основанной на почве религиозного фанатизма, и отсутствием сознания солидарности интересов в охранении общего порядка и спокойствия объясняются, как обширность района заговора, охватившего Ферганскую область, так и возможность скрыть его от русских до последнего момента. Если бы масса населения не сочувствовала заговору и считала бы себя материально заинтересованной и нравственно обязанной предупредить о нем русское начальство, то, конечно, это было бы сделано тотчас же, как только стали ходить слухи о замыслах ишана, о происходящих у него подозрительных совещаниях и о сношениях его с доверенными лицами в разных местах. Между тем в целой области, как будет указано ниже, нашлось всего только три человека (Низам-Эддин, Абду-Кагар и Карабек), которые заявили начальству о заговоре.

Вследствие упорного запирательства привлеченных к делу лиц и отсутствию у администрации средств для секретного расследования, установить хотя бы с приблизительной точностью, время возникновения заговора и пути его первоначального распространения не удалось. Судя по обширности района и множеству участников, надо думать, что заговор возник давно, но какие-то причины помешали ему созреть окончательно, восстание вспыхнуло ранее предположенного [срока], и в нем не приняли активного участия весьма многие, на которых расчитывали заговорщики, чем и объясняются, в значительной мере, такие неожиданные события, помешавшие успеху восстания, как: неудачи сходок на Биш-Алыче и Ак-Тереке, назначенных Иноят-ханом и Умарбеком-датхой, предполагавшими произвести нападение на Маргелан и Ош; недостаточная помощь, оказанная андижанцами самому ишану при нападении на андижанский гарнизон; поведение Чибиля, пробывшего в пасивном ожидании с своими кугартцами до вечера 18 мая.

По показанию Алибек-датхи [1], еще в двадцатых числах апреля ишан объявил ему, что улемы (духовенство) и календоры (влиятельные лица) городов: Маргелана, Коканда, Андижана и Оша и их уездов обещали ему свое содействие в газавате и сядут на коней «после жатвы ячменя», перед которой будет собрано совещание для решения, где и как объявить газават.

Есть серьезное основание ставить, если не начало, то дальнейшее развитие заговора и самое объявление газавата в связь с появлением в Ферганской области некоего Хаджи-Абду-Джалиля Мир-Садык Карыев [2]. Расследованием удалось установить об этом хаджи следующие данные: андижанский сарт по происхождению, он, еще в ранней молодости, отправился в Мекку и провел заграницей много лет. Года три тому назад, Абду-Джалиль из Константинополя, где он жил в календар-хане (монастырь дервишей и странноприемный дом) шейха Могамеда в местности Султан-Аюб-Ансар, проехал в Индию, затем через Яркенд, Хотан, Кашгар и Кульджу пробрался в Семиреченскую область, побывал в Ташкенте и наконец появился зимою 1895—1896 г. в Андижане, где скоро разнесся слух, что Абду-Джалиль привез «муймубарак» — волос из бороды пророка Магомеда, и народ стал собираться к нему на поклонение такой мусульманской святыне.

---

[1] Лл. 49—52 андижанского производства (Прим. в подлиннике).

[2] Показания Макамбая Кокибаева и сведения, собранные администрацией, лл. 664—669, 710—713, 747—748 андижанского производства, а также показание Иноят-хана, данное 17 августа с. г. (Прим. в подлиннике).

Прослышав однако, что администрация г. Андижана собирает о нем сведения, Абду-Джалиль перебрался в Маргеланский уезд, где жил некоторое время в с. Кува и Шарихан, устраивая там хаджи-ханы, затем исчез, уехав, повидимому, опять в Турцию, так как отправился на Самарканд, чтобы сесть там на железную дорогу.

Зимою текущего года Абду-Джалиль вновь появился в области, побывал в Коканде, Маргелане и с. Кува, а последнее время перед восстанием поселился в Шарихане. Вскоре после его приезда, в Коканде стали появляться подметные письма к богатым людям, со ссылкою на «газават», чтобы они заготовили «зякет» и «херадж» за 15 лет, дабы люди «сахиби хуруджа» (вновь воцарившегося или вновь явившегося владыки), в случае газавата, могли взять эти деньги, причем оповещалось, что газават начнется, когда число людей «сахиби хуруджа» достигнет 1000 человек. Происхождение этих таинственных писем еще не установлено и в настоящее время,— о них производится дополнительное расследование.

Перед уразой он ездил в Таджик к ишану Могамед-Али с волосом пророка и передал тогда ишану грамоту и халат, будто бы присланные турецким султаном, от имени которого уговаривал ишана начать газават против русских [1].

Есть сведения, что Абду-Джалиль был у ишана и в апреле месяце, а дней за пять до 17 мая прислал ему, также будто бы от султана золотое кольцо и зеленое знамя, чтобы под этим знаменем объявить газават. Сам ишан Могамед-Али придавал привезенной ему Абду-Джалилем грамоте, назначавшей его хальфою (помощником, наместником) султана, громадное значение и считал ее, повидимому, за приказ и благословение султана, как главы мусульман, на объявление газавата против русских, хотя самая грамота [2] гласит лишь, что султан Абдул-Гамид, по праву преемства, передает учение пророка для распространения «азрету» (святому) хальфе Могамед-Али минь-тюбинскому, которому строго вменено в обязанность исполнять от всего сердца все требования «суннита».

Отговаривавшему его от безумного намерения объявить газават Алибек-датхе ишан прямо заявил, что на то «воля бога и султана», а после неудачи под Андижаном, во время бегства, на упрек немногих, оставшихся при нем соучастников, что он вовлек их в такое дело, ишан ответил, что он исполнял волю султана, которого, как главу мусульман и наместника пророка, он не смел ослушаться, и что хранимая им в коране грамота султана, которую он предъявит русским властям, избавит их всех от ответственности.

После поимки ишан настоятельно просил задержать Субханкула, которому он передал свой коран с этой грамотой, очевидно, видя в ней свое оправдание. На вопрос военного следователя, неужели он верил, что султан действительно посылал грамоту и свой халат такому маленькому человеку, как он, ишан отвечал, что вполне верил. Подлинность султанской грамоты и халата, конечно, более, чем сомнительны, но вопрос о том, сфабрикована ли была эта грамота самим Абду-Джалилем, или привезена им из заграницы, остается открытым. Очень вероятно, что Абду-Джалиль являлся эмиссаром, подосланным поднять волнение в Фергане теми, кто заинтересован отвлечь внимание русского правительства от других вопросов и создать затруднения в области, считавшейся окончательно умиротворенной.

Сам Абду-Джалиль во время нападения ишана на Андижан находился в Шарихане, откуда, несколько дней спустя, открыто напра-

[1] Показания Макамбая, Субханкула — л. 25, самого ишана — л. 20 и 53 и Иноятхана. (Прим. в подлиннике).

[2] Л. 73—74. (Прим. в подлиннике).

вился в Ош, предъявил там свой паспорт китайского подданного на имя Абду-Джалиля Искакова, с визой русского консула и, не возбуждая никаких подозрений, уехал в Кашгар. Кроме китайского (кашгарского) паспорта, Абду-Джалиль имел русский паспорт и, вероятно, турецкий. О задержании и высылке в г. Ош Абду-Джалиля ошским уездным начальником сделано сношение с императорским российским консулом в Кашгаре, но результаты этого сношения еще неизвестны. По всей вероятности, такой ловкий и бывалый человек, как Абду-Джалиль, успевший, благодаря смутному времени, благополучно выбраться из Ферганы, сумеет скрыться за границей.

Вопрос об ишанстве и его влиянии на жизнь магометанского населения, недостаточно разработанный даже специальной литературой, не мог быть, конечно, предметом расследования по настоящему делу и затрагивался лишь попутно, для выяснения личности ишана Могамед-Али и той роли, какую он играл в восстании. Предки Могамед-Али, как и многих других жителей Ферганской области, вышли из Кашгара и поселились первоначально в местности Чимион теперешнего Маргеланского уезда, а затем, при последних ханах, перешли в местность Минь-тюбе, где и родился Могамед-Али. Отец его, Могамед-Сабыр был человек бедный, имел всего 5 танапов [1] земли и занимался выделыванием веретен. Это ремесло перешло к сыну, который не оставлял выделку веретен и сделавшись ишаном, отчего и получил прозвище ишан-веретенщик («икчи» или «дукчи-ишан»).

Еще в ранней юности Могамед-Али сделался мюридом, последователем известного в то время пайтокского ишана Султан-Хана-Тюри, который имел земли в Минь-тюбе, и юноша работал у него в качестве дувалкеша (глиносбитчика). Впоследствии Могамед-Али сделался ближайшим мюридом Султан-Хана-Тюри, который назначил его своим «хальфою» (помощником, наместником). После смерти Султан-Хана-Тюри, лет 16 тому назад, Могамед-Али сделался его преемником, приняв и звание халифа, т. е. наместника пророка Могамеда.

Есть слух, что из-за тела покойного Султан-Хана-Тюри, считавшегося святым, возник спор между пайтокцами и минь-тюбинцами, желавшими, каждые, похоронить его у себя в селении. Пайтокцы, среди которых были сыновья Султан-Хана, отбили его тело у Могамед-Али с его мюридами и похоронили в Пайтоке, но Могамед-Али будто бы тайно отрезал голову Султан-Хана и похоронил ее у себя в Минь-тюбе, выстроив на могиле «мазар» (памятник-часовню). Как видно из грамоты о назначении Могамедом-Али, впоследствии, своим хальфою Иноят-хана, сына Искандер-Хан-Тюри, родственника Султан-Хана пайтокского, преемство последнего в халифстве возводилось, между прочим, к знаменитому святому Средней Азии и всего мусульманского мира, Могамед-Богаэддину, «накши-бэнди» [2], т. е. угоднику божию, основателю самого влиятельного из средне-азиатских дервишских орденов, названному в память его «накши-бэнди» [3]. К этому ордену принадлежал и Могамед-Али. «Меня, с моими предшественниками, назы-

[1] Танап — поземельная мера: в Хиве 1/3 десятины, в Бухаре 3/8 десятины.

[2] Накши-бэнди — суффийский орден, пользовавшийся большой популярностью в Средней Азии. Основан в XIV в. суфием Могамедом Богаэддином Накши-бэнди.

[3] Могамед-Богаэддин жил во времена великого Тимура, умер в 1388 г. и похоронен в окрестностях г. Бухары; на его гробнице в XVI в. воздвигнут мавзолей Абдул-Азис-Ханом. Он считается национальным святым сартов и таджиков и троекратное путешествие на поклонение его гробнице заменяет, по понятиям его последователей, хадж в Мекку. Одним из ближайших преемников Богаэддина в звании хальфы и главы ордена «накши-бэнди» был Ходжа-Обейдуллах-Ахрар (Ходжа-Ахрар-Вали), ученый мистик, пользовавшийся большим влиянием на народ и на преемников Тимура. Он жил в Каракуле близ Бухары, но похоронен в Самарканде, где на могиле выстроена мечеть его имени. (Прим. в подлиннике).

вают «накши-бэнди»,— говорит он в той же грамоте и причисляет к «накши-бэнди» Иноят-хана, назначая его своим хальфою. Орденским знаком «накши-бэнди» считается белый цвет, и такого цвета халаты и тюбетейки носились мюридами Могамед-Али.

Отличием последователей «накши-бэнди», по понятиям народной массы, не посвященной в тонкости схоластических учений, от последователей другого знаменитого средне-азиатского святого Ахмета-Ясави (султана), распространителя ислама среди кочевых тюркских племен, на могиле которого Тимур воздвиг величественную мечеть в г. Туркестане, считается самый способ моления [1]. «Накши-бэндисты» применяют тайную, сокровенную, внутреннюю молитву, не сопровождая ее резкими телодвижениями и жестами, тогда как кадриаты или ясавлеты произносят молитвы громогласно, с криком и резкими телодвижениями, переходящими у странствующих дервишей в какие-то беснования. По самому свойству характера ишана Могамед-Али, человека тихого и скромного, он уже по одному этому различию в способах моления должен был склониться на сторону последователей «накши-бэнди». Составляет ли средне-азиатский орден «накши-бэнди» разветвление более могущественной мусульманской организации, сходящейся в одном из заграничных мусульманских центров, установить не удалось.

Во всяком случае идея панисламизма распространена среди нашего мусульманского населения, и более интеллигентная его часть живо интересуется политическими событиями, волнующими мусульманский мир, даже в отдаленной Африке.

Лет 11 тому назад, т. е. уже сделавшись ишаном, Могамед-Али совершил хадж в Мекку, где и прожил некоторое время. Приближенные его говорили впоследствии [2], что у гроба пророка Могамед-Али имел откровение от бога, что он должен ишанствовать в продолжение десяти лет, завести большие котлы и кормить народ, а по истечении десяти лет — объявить газават; на слова Могамед-Али, что он — человек бессильный и бедный, бог обещал ему помощь и в подтверждение откровения дал ему золотой ковш. По возвращении на родину Могамед-Али завел котел и стал кормить народ, забирая первоначально, как человек бедный, необходимые припасы в долг [3]. Накормленный им бедный люд, расходясь в разные стороны, разносил о нем весть, как о добром ишане. Мало-по-малу, число посещающих его увеличивалось, увеличивались и пожертвования, дававшие ему возможность расплатиться с первыми долгами и расширить свою благотворительную деятельность.

Подобно многим другим ишанам, Могамед-Али занимался и врачеванием, и к нему стекалось множество всяких больных. Приемы врачевания отличались библейской простотой и наивностью: ишан брал щепотку соли или кусочек земли, дул на них и давал больному, приказывая принимать соль с пищей, а землю прикладывать к больному месту или сам хлопал болящего рукой, затем поглаживал свою бороду и со словами: «Алла акбар» — «бог велик» — отпускал больного. Бедный туземный люд, лишенный всякой научной медицинской помощи (один врач на 300 тыс. населения, как например в Андижанском уезде), конечно, вынужден искать исцеления и облегчения своих недугов у туземных знахарей или обращаться к ишанам, в надежде на

[1] Ахмет-Ясави принадлежал к ордену «кадрие», основанному в XII в. Абду-Кадыром-Гиляни и распространенному в настоящее время преимущественно в Африке, где последователи его образовали могущественное дервишское царство, с Махди во главе (Прим. в подлиннике).

[2] Показание Хант-бая, протокол № 47, л. 32 (Прим. в подлиннике).

[3] Показание Макамбая Кокибаева (Прим. в подлиннике).

их святость и силу творить чудеса. Исцеления, объясняющиеся глубокой верой самого больного и психическим воздействием на него ишана Могамед-Али, очевидно бывали нередки, так как репутация Могамед-Али, как врача, все разросталась и много больных было найдено в его доме даже в ту ночь, когда совершилось нападение на андижанский лагерь.

По мере распространения известности и славы ишана Могамеда-Али, увеличивалось и число его мюридов, последователей, избравших его своим духовным главой и руководителем в вопросах веры, нравственности и обычаев. Никаких особых клятв и обещаний с мюрида не бралось, и отношения его к ишану оставались совершенно свободными, основанными на доверии и могли прекратиться во всякое время. Само собой разумелось, что мюрид обязывался оказывать ишану материальную помощь, в виде посильных пожертвований, обращаться к нему за советами в различных случаях жизни и оказывать ему повиновение. Представляющий громадный интерес вопрос о границах повиновения мюрида своему ишану разрешается, повидимому, в том смысле, что повиновение это далеко не безусловное, слепое, а касается лишь тех религиозно-нравственных обязанностей, о которых ишан говорил в своем первоначальном наставлении.

На прямой вопрос военного следователя мюридам ишана, обязан ли мюрид исполнять беспрекословно всякое приказание ишана, даже если бы он приказал убить кого-нибудь или совершить другое преступление, получался ответ, что подобное приказание ишана для мюрида совершенно необязательно, и влияние ишана направлено, главным образом, на религиозную сторону, на выполнение правил шариата. Это показание мюридов подтверждается и целым рядом документов, найденных в числе бумаг ишана Могамед-Али. В документе с печатями многих должностных лиц туземной администрации об избрании раисом самого ишана Могамед-Али, составленном в 1895 г. [1], ишану предоставляется передавать свое уполномочие и другим лицам. Вероятно, в силу этого уполномочия, ишан и назначал в различные местности, где у него очевидно было много мюридов, раисами своих доверенных лиц или предоставлял избрать их своим мюридам, которые и считали нужным сообщать ишану о том, кто избран ими раисом.

Как духовный руководитель и наставник, блюститель веры, нравственности и обычаев предков, врач и советник в различных вопросах жизни, ишан Могамед-Али должен был пользоваться громадным авторитетом в туземном населении, даже и вне среды собственно мюридов, «протянувших ему руку». У одного из самых возлюбленных его мюридов, Иноят-хана, найдено письмо, в котором какой-то Могамед-Рахим суфий (ученик) сообщает своему святому ишану, что и в далеком Токмаке Пишпекского уезда все население — заочные его мюриды.

Такому распространению «славы» ишана Могамед-Али способствовала самая организация ишанизма, основанная на стройной системе «хальфов» (помощников) и «раисов» (блюстителей веры и нравственности). Избираемый самим ишаном «хальфа» все делает от имени своего «пира» (господина) и во имя его, как в благотворениях, так и в сборе пожертвований; раисы же наблюдают, чтобы святой огонь веры и твердость в исполнении религиозного обряда не ослабевали в сердцах добрых мусульман, поддерживая рвение к вере весьма чувствительными ударами раисовской плети (дарра), жалуемой ишаном при назначении раисом. Немало влияло на народ и видимое бескорыстие минь-тюбинского ишана, который, вопреки общему обычаю, никогда не ездил по

[1] Л. 475 андижанского производства (Прим. в подлиннике).

своим мюридам для сбора пожертвований, а довольствовался приносимым добровольно. В то же время устраивались именем ишана «хаджиханэ» и «шалямы», дававшие пристанище и даровую пищу бесприютному люду и путникам.

Изложенное ясно показывает, что ишану, завладевшему душой массы народной, ставшей его мюридами, весьма легко было провести в эту душу и политическую идею газавата, столь родную мусульманству. Органы для проведения ее были готовые, в лице «хальфов» и «раисов», а выборное начало отдавало ему в руки волостную и сельскую администрацию, зависевшую от его избирателей — мюридов. Уже в первое время после завоевания края сила и могущее быть антирусским влияние раисов были оценены по достоинству, почему администрация и уничтожила институт раисов. Тем не менее, при деле есть целый ряд документов, найденных в доме ишана и у некоторых обвиняемых, доказывающих, что избрание раисов не только широко практиковалось в среде населения, но и одобрялось волостной и сельской администрацией, удостоверявшей подлинность избрания своей должностной печатью.

Таким образом складывается готовый вывод, что распространению заговора минь-тюбинского ишана способствовала полная бесконтрольность проявлений духовной жизни народа, покоренного личными свойствами ишана, подпавшего под его руку в силу потребности в духовном руководительстве, причем громадное содействие оказывала ишану выборная волостная и сельская администрация, пассивно созерцавшая готовящийся заговор и много способствовавшая безнаказанности его участников... [1]

Военный прокурор ген.-майор Долинский.

Из объявления туркестанского генерал-губернатора, 31 августа 1898 г. [2]

Ныне объявляется во всеобщую известность нижеследующее:

Все арестованные участники позорного нападения на русский лагерь были разделены на 8 групп, о каждой из которых подробно публиковано в «Туркестанских ведомостях» и «Туркестанской туземной газете» на русском и сартовском языках.

Русскими и туземными властями были задержаны и привлечены к следствию всего 546 человек. Из них, по ближайшему расследованию, освобождены от судебного преследования 131 человек. Затем предано суду 415.

Военный суд, рассмотрев виновность каждого в отдельности из преданных на его суждение, совершенно оправдал 32 человека. Из остальных 383 виновных суд приговорил: трех к заключению в тюрьме и отдаче в исправительный приют, а остальных 380 — к смертной казни через повешение. Но вследствие ходатайства суда и моего, государь император соизволил даровать жизнь 362 [3] преступникам с заменой казни ссылкой в каторжные работы: трем — без срока, 147 — на 20 лет, 41 — на 15 л., 1 — на 13 л., 1 — на 8 л., 147 — на 7 л., 4 — на 4 г., в Сибирь на поселение — 15, заключение в тюрьме — 5 и одного в исправительный приют малолетних преступников. Из них уже выслано из края 360 человек.

Тяжкое горе этих несчастных людей и их семейств было последствием безумного фанатизма упомянутого выше дукчи-ишана Могамед-Али и его сообщников и легковерия увлеченных ими мусульман.

Участвовавших в нападении на андижанский лагерь и содействовавших таковому было, без сомнения, больше, чем осуждено. Знало же и

---

[1] Далее опускается оценка деятельности местной и русской администрации и краткое резюме изложенного выше.

[2] ЦВИА, д. № 85, ч. IV, л. 75.

[3] Казнено 18 (Прим. в подлиннике).

не приняло мер предупреждения безумному нападению еще более, а потому, кроме уголовной ответственности непосредственно виновных, за исключением волостей, невиновность которых вполне установлена администрацией, на все остальное население Ферганской области будет наложен денежный штраф [1], а место, где проживал дукчи-ишан, и ближайшие к нему кишлаки, где зародилась и созрела преступная мысль нападения, будет очищено, жители выселены и там будет водворено русское поселение.

Теперь суд закрыт. Население словесно и письменными адресами просит прощения. Заявляя о сознании своей виновности и повергая себя милосердию государя императора, выражает свое ничтожество сравнительно с силами великой России и с могуществом белого царя.

Но все дело кончится лишь тогда, когда все заслуженные наказания, в том числе денежный штраф и очищение места для русского поселения, выполнятся. До тех пор на значительной части ферганского населения будет оставаться несмытое черное пятно.

Из доклада военного министра ген.-лейт. Куропаткина Николаю II, 13 сентября 1898 г. [2]

По высочайшему вашего императорского величества повелению было предоставлено генерал-лейтенанту Королькову, временно исправляющему обязанности туркестанского генерал-губернатора, отправиться в Фергану и лично произвести расследование о виновности лиц, допустивших нападение на русские войска: выяснить виновность туземцев и чинов администрации, а равно и поведение войск и подвергнуть участников беспорядков полевому суду с предоставлением права конфирмации приговоров.

Ныне генерал-лейтенант Корольков, окончив высочайше возложенное на него поручение, представил отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области...

В означенном отчете, сообщая подробные сведения о личности главаря восстания ишана Могамеда-Али-хальфа, об обстоятельствах заговора, нападения на лагерь в Андижане, поимки ишана, не состоявшихся нападений на Ош и Маргелан, с указанием на признаки возбуждения мусульманского фанатизма вообще в Туркестанском крае и Бухаре, составитель отчета определяет степень виновности причастных к делу лиц, объясняет причину мятежа и внезапности нападения на Андижанский лагерь.

В заключение генерал-лейтенант Корольков указывает на необходимость для устранения возможности повторения подобных случаев принятия нижеследующих мер:

1) Отменив совершенно выборное начало, назначать на должности волостных управителей и народных судей туземцев по избранию начальников уездов с утверждением их в сих должностях начальниками областей, а сельских и аульных старшин по избранию участковых начальников, с утверждением избрания начальниками уездов.

2) Предоставить председательствование в съездах народных судей начальнику уезда или, по его назначению, участковому начальнику.

3) Восстановить в полной мере прежнее высокое значение уездной администрации и предоставить ей возможность близко стоять к народу и хорошо знать его жизнь, для чего: а) восстановить права уездных начальников по разбору брачных и семейных дел туземцев, б) освобо-

---

[1] Для удовлетворения семейств погибших нижних чинов и для покрытия расходов казны по успокоению края (Прим. в подлиннике).

[2] ЦВИА, д. № 85, ч. IV, лл. 37—44.— На документе помета Николая II: «Согласен».

дить уездных и участковых начальников от личного исполнения некоторых полицейских обязанностей, в) вместо нынешних участковых приставов иметь участковых начальников, с возложением на них прав и обязанностей земских начальников и довести число их, по крайней мере, до размеров предположенных в представленном ему по сему предмету ходатайстве, т. е. иметь 48 вместо ныне существующих 18 участковых приставов, г) возложить заведывание канцелярией уездного начальника на его помощника, д) увеличить содержание уездных и участковых начальников, а также усилить отпускаемые им средства на разъезды и на наем джигитов, часть которых особенно желательно иметь из надежных запасных нижних чинов.

4) Объединить в лице военных губернаторов военную и гражданскую административные власти в областях.

5) Несколько исправить дислокацию войск в Ферганской области в смысле усиления некоторых гарнизонов.

6) Установить, чтобы назначения на высшие в крае судебные должности происходили не иначе, как с предварительного на то согласия генерал-губернатора, а смещение со всех должностей — по первому его требованию, а также предоставить главному начальнику края право требовать к себе для просмотра всякого рода переписку судебной палаты и ее прокурора с министерством юстиции.

7) Предоставить туркестанскому генерал-губернатору безапелляционное право выселять из пределов края навсегда или на известный срок ишанов и всех вообще вредных в политическом отношении туземцев.

8) Предоставить ему же право воспрещать татарам и сартам жительство и торговлю в киргизской степи.

9) Не назначать мусульман на должности уездных и участковых начальников.

10) Не назначать классных чиновников на должности уездных и участковых начальников.

11) Обязать народных судей и волостных управителей, по истечении приблизительно пятилетнего срока, вести всю служебную переписку на русском языке, а лет через пятнадцать назначать на эти должности только лиц, хорошо владеющих русским языком.

12) Предоставить серьезные привиллегии детям туземцев, с успехом окончивших курс в русско-туземных школах и городских училищах.

13) Учредить для изучения духовной жизни туземного населения и наблюдения за ней: а) должность особого чиновника при главном начальнике края, б) особые отделения при областных управлениях с возложением на них и заведывания вакуфами (ст. 267 туркестанского положения) и в) должности особых чиновников в уездах по мусульманским делам.

14) Установить способы и правила для постоянного усиления русского элемента в крае.

15) Прилагать особые заботы для учреждения возможно большего числа амбулаторий, в особенности женских, с женщинами-врачами во главе.

16) Привлечь православное духовенство к делу культурного воздействия на туземцев в русско-православном духе, без преследования, однако, миссионерских целей...

...Такова сущность мнений туркестанского начальства.

Представляя при сем отчет генерала Королькова и рапорт генерала Духовского и вполне присоединяясь ко взглядам обоих генералов на истинные причины беспорядков, а равным образом, полагая существенно важным принятие на будущее время предупредительных мер, имею счастье всеподданейше доложить о нижеследующем:

Высочайше утвержденным вашим императорским величеством положением комитета министров о продлении усиленной охраны в Туркестанском крае сроком на один год, до 10 сентября 1899 г. права администрации сего края уже значительно увеличены в общем. Благодаря сему подлежащее в будущем году применение к Туркестану судебных уставов императора Александра II не может поколебать этой власти, пока сохраняется действие усиленной охраны.

Равным образом в отношении вредно действующего выборного начала уже приняты меры к ослаблению его предоставлением по высочайшему вашего императорского величества повелению туркестанскому генерал-губернатору права отсрочки выборов туземной администрации по его усмотрению.

Высочайше предоставлено ему же право изменять существующий порядок замещения волостных управителей, каковые могут быть ныне назначаемы уездными начальниками с соблюдением должностной осмотрительности.

Засим все поступившие ходатайства туркестанского генерал-губернатора об утверждении сделанных им распоряжений по отрешению от должности народных судей внесены мной на утверждение комитета министров, а общее представление о предоставлении туркестанскому генерал-губернатору права сменять народных судей уже внесено на уважение Государственного совета.

По вопросу об увеличении средств для надзора за населением учреждением должностей участковых приставов без предоставления им права земских начальников ожидается заключение от министра финансов, относительно отнесения вызываемых сим расхода на общие средства Государственного казначейства.

Временно же туркестанскому генерал-губернатору высочайше разрешено назначить для исполнения обязанностей дополнительных участковых приставов 17 человек офицеров из строя, с отнесением сего расхода на 25 тысячный кредит, ассигнованный на надобности, вызываемые андижанскими беспорядками.

Окончательные изменения в существующем положении об управлении краем, которое, по объяснению следствия по делу ишана Мадали, послужило причиной небывалой доселе дерзости туземной толпы, наэлектризованной фанатиком, должны быть сделаны установленным в законе порядком, почему полагалось бы предоставить туркестанскому генерал-губернатору войти с представлением о тех изменениях в действующем положении, о которых местным начальством не было возбуждено доселе ходатайства. Вместе с тем полагалось бы поручить туркестанскому генерал-губернатору, определив сумму дополнительных расходов, вызываемых сими изменениями, представить соображения, какая часть расходов могла бы быть отнесена на местные средства, путем соответственного увеличения взимаемых с населения налогов.

В отношении наложения взыскания с виновных чинов местной администрации я не могу разделить всецело мнение местного начальства и беру на себя смелость всеподданнейше ходатайствовать о нижеследующем:

1) Отставному генерал-лейтенанту Повало-Швейковскому объявить высочайший выговор.

2) Полковника Брянова, подполковника Коншевского и капитана Еникеева, допустивших в своих уездах и участке сформирование и вооруженное нападение шайки, отчислить от занимаемых ими должностей и зачислить в запас.

Начальнику же Ошского уезда подполковнику Зайцеву, за несообщение им своевременно полученного известия о шайке соседним уездным начальникам, объявить выговор.

3) Всем остальным уездным начальникам из состава уезда коих были участники в нападении на лагерь, объявить высочайший выговор.

4) Всех волостных и аульных старшин, из районов коих подведомственные им туземцы принимали участие в беспорядках, сместить с занимаемых ими должностей, разрешив однако туркестанскому генерал-губернатору, по его усмотрению, делать исключения для вполне достойных.

5) Одобрить проектированную генерал-лейтенантом Корольковым меру об отчуждении в казну всей полосы, по которой прошла шайка ишана Мадали от кишлака Минь-тюбе до Дон-кишлака, с выселением жителей и устройством русских поселений, но без переселения туземцев в пределы Российской империи.

Принимая вместе с тем во внимание объяснение генерал-лейтенанта Королькова о том, что нападение на Ош не имело места только вследствие заблаговременного предупреждения о заговоре, сделанного начальнику уезда волостным управителем Карабек-Хасановым в 1 час пополудни 17 мая, то-есть накануне, что и позволило подполковнику Зайцеву принять своевременно необходимые меры, полагалось бы наградить этого туземца пожизненной пенсией в 300 рублей в год.

Испрашивается: Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше соизволить на нижеследующее:

1) Одобрить вышеприведенное ходатайство мое в отношении наложения взыскания с виновных чинов туркестанской администрации и туземных жителей на пространстве от Минь-тюбе до Дон-кишлака, а равно о поощрении преданности русским властям волостного управителя Карабек-Хасанова пожалованием ему пожизненной пенсии в 300 рублей.

2) Поручить туркестанскому генерал-губернатору рассмотреть проектированные генерал-лейтенантом Корольковым меры и войти с представлением в установленном порядке о тех из них, кои будут признаны необходимыми.

Ген.-лейт. Куропаткин.

Докладная записка военного министра ген.-лейт. Куропаткина Николаю II, 13 сентября 1898 г.[1]

По обсуждении совместно с представителями местной администрации и суда платежных сил населения Ферганской области и по выяснении степени ответственности населения различных районов сей области в андижанских беспорядках, туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Духовской признал соответственным определить размер контрибуции, подлежащей взысканию с населения, для возмещения убытков казне и частным лицам, потерпевшим от упомянутых беспорядков, суммой в один миллион рублей, с распределением ее по степени виновности жителей следующим образом:

За исключением Памиров и волостей: Гульчинской и Алайской Ошского уезда, Лялякской, Исфаринской, Нангут-Кипчакской и Сохской Кокандского уезда и Аштской, Бабадарханской, Боистанской, Багишской, Кырк-Угульской, Сары-Суйской, Чадакской, Чаткальской, Кутукуль-Чаитской Наманганского уезда, все остальное оседлое население Ферганы подлежит материальной ответственности, причем по местностям должно составить четыре разряда:

I разряд: Куланская и Минь-тюбинская волости Маргеланского уезда и город Андижан.

II разряд: Ичкиликская и Ассакинская волости Маргеланского уез-

[1] ЦВИА, д. № 85, ч. VI, лл. 42—44.— На документе помета Николая II: «Согласен».

да, Кугартская, Сусамырская и Хакентская волости Андижанского уезда и Наукатская и Акбуринская волости Ошского уезда.

III разряд: Кувинская, Шариханская, Каратепе-Чаукетская, Аравинская, Обгазинская, Язъяванская и Яктатутская волости Маргеланского уезда, Кенкольская и Карагыльская волости Андижанского уезда, Булак-башинская и Ошская волости Ошского уезда и городов Маргелана и Оша.

И IV разряд: остальные волости и города района, жители которого подлежат ответственности.

Распределение контрибуции, с определением размера ее пропорционально степени ответственности каждого из этих четырех разрядов, предполагается возложить на туркестанскую казенную палату с утверждения генерал-губернатора, причем с оседлого земледельческого населения контрибуция будет распределена пропорционально окладам государственного поземельного налога и государственной оброчной подати; с лиц же купеческого сословия, выбравших гильдейские свидетельства до 18 мая 1898 г., предположено взыскать единовременно 50% цены означенных свидетельств. Взыскание всей контрибуционной суммы генерал-губернатор считает необходимым произвести в течение текущего 1898 г. и лишь в том случае, если единовременное взыскание будет признано им, генерал-губернатором, по соглашению с управляющим казенной палатой, для населения обременительным, рассрочить таковое на два года — 1898 и 1899 гг.

Упомянутая сумма в 1 миллион рассчитана туркестанским начальством приблизительно в соответствии с предстоящими расходами: 1) на обеспечение раненых нижних чинов, семейств убитых, убитых русских и туземцев, пострадавших за службу русскому правительству; 2) на покрытие всех расходов казны, вызванных андижанским восстанием и 3) на покрытие расходов по выселению туземцев из кишлаков Таджик, Кашгар, Минь-тюбе, где предположено русское поселение, на прибытие и водворение сюда русских переселенцев и другие надобности. Упомянутая сумма определена, сверх относимых, согласно постановлению военного суда, на имущество осужденных судебных издержек.

Расходование суммы туркестанский генерал-губернатор полагал производить по постановлениям совета генерал-губернатора, им утвержденных.

На сделанное по сему вопросу сношение с министром финансов, временно-управляющий сим министерством, тайный советник Романов, уведомил, что взыскание контрибуции могло бы быть оправдано лишь в завоеванной неприятельской стране, население которой все без исключения враждебно относится к своим завоевателям; по отношению же к своим подданным, из которых провинилась сравнительно небольшая часть, понесшая при том заслуженное наказание, по силе действующих на этот предмет уголовных законов, эту меру едва ли можно признать вполне уместной.

Министерство финансов ссылается на аналогичный пример восстания в 1877 г. в Дагестанской области[1], в котором приняла участие большая часть населения. Но и там правительство не сочло возможным установить какую-либо контрибуцию, а ограничилось лишь взысканием с населения убытков, причиненных восстанием казне и частным лицам и притом приступило к этой последней мере спустя долгое время после восстания, когда в точности были выяснены все вышесказанные убытки.

[1] В 1877 г. народы Чечни и Дагестана подняли вооруженное восстание против царизма; последний жестоко расправился с восставшими.

Предположенный туркестанским генерал-губернатором размер контрибуции, по соображениям министерства финансов, составляет более чем 50% годового оклада всех взимаемых в Ферганской области окладных казенных сборов, и многие из населения могут оказаться на будущее время несостоятельными плательщиками.

Министерство финансов полагает затем необходимым вполне точное выяснение убытка общественных установлений и частных лиц и высказывается против установления подымного сбора, считая предпочтительным установить сбор в виде добавочного к взимаемым ныне в крае налогам.

Имея затем в виду: 1) что установление особого сбора, имеющего по существу временное значение, на неопределенный срок представлялось бы неудобным и 2) что, за невозможностью ныне в точности определить размеры убытков, нельзя заранее установить продолжительность взимания и размеры этого сбора, тайный советник Романов, с своей стороны, предлагает вносить в местную земскую смету Ферганской области по мере выяснения убытков, вызванных бывшими в области этой волнениями, особые кредиты на возмещение означенных убытков и в то же время назначать по раскладке той же области соответствующие суммы, которые будут взиматься в виде дополнительного сбора к существующим земским сборам и, конечно, должны падать только на население этой области, не влияя на обложение земскими сборами прочих частей туркестанского генерал-губернаторства.

По докладе о соображениях туркестанского начальства, в 24 день минувшего августа вашему императорскому величеству уже благоугодно было всемилостивейше повелеть ограничить размер денежной ответственности, подлежащей взысканию с населения Ферганской области, суммой в 300 тыс. рублей и высочайше разрешить устройство русского поселения в 200 дворов на месте указанных в донесении туркестанского генерал-губернатора кишлаков с уничтожением сих последних.

Засим, что касается названия нового налога на население, против которого возразил тайный советник Романов, полагая более уместным наложить не «контрибуцию», а ввести дополнительный «земский сбор» с населения, я со своей стороны вполне присоединяюсь к его мнению.

Вместе с тем, согласно с заключением министерства финансов, я полагал бы нужным поручить туркестанскому генерал-губернатору определить более точно размер материального ущерба, причиненного казне и частным лицам андижанскими беспорядками, с распределением взыскания в пределах всемилостивейше ограниченной вашим императорским величеством суммы в 300 тыс. рублей и пропорционально со степенью ответственности жителей разных районов Ферганы, с причислением такового взыскания к земскому сбору, в виде дополнительной к нему суммы.

На основании изложенного полагалось бы:

1) предоставить туркестанскому генерал-губернатору приступить ныне же к взысканию с виновного в ферганских беспорядках населения суммы в 300 тыс. рублей, для возмещения убытков казне и частным лицам и для покрытия расходов по водворению русских поселенцев на месте кишлаков Минь-тюбе, Таджик и Кашгар.

2) Сбор означенной суммы произвести или полностью в нынешнем году, или в период нынешнего и будущего годов, без обременения общих платежных средств населения, по соглашению военного губернатора Ферганской области с туркестанской казенной палатой, утвержденном туркестанским генерал-губернатором.

3) Процентное распределение сбора по степени ответственности при-

знанных виновными районов Ферганской области, возлагаемой на туркестанскую казенную палату, утверждается туркестанским генерал-губернатором.

4) Всю сумму сбора в 300 тыс. рублей причислить в дополнение к земскому сбору соответственных периодов.

5) Предоставить туркестанскому генерал-губернатору представить на высочайшее вашего императорского величества утверждение подробные соображения о размерах сумм, подлежащих уплате казне и частным лицам из упомянутого дополнительного земского сбора в 300 тыс. рублей.

6) Если сумма в 300 тыс. рублей окажется недостаточна на покрытие упомянутых расходов, то туркестанскому генерал-губернатору предоставляется право вносить в земскую смету дополнительный сбор и в последующие за 1900-м годом годы, но в сумме не свыше 150 тыс. рублей в год.

7) Расходование суммы производить по постановлениям совета генерал-губернатора, утвержденным туркестанским генерал-губернатором, представляя заблаговременно военному министру предположения о сих расходах.

Испрашивается. Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше на сие соизволить.

Генерал-лейтенант Куропаткин.

К истории франко-русского соглашения 1859 г.

«Великая тайна, в которой рождается война», ни разу не была так хорошо соблюдена как в отношении франко-русского союза 1859 г., который дал возможность Наполеону III затеять, совместно с Сардинией, войну с Австрией. О существовании этого союза подозревали, а потом уже и достоверно знали, вследствие неосторожности или нескромности, вольной или невольной, французской стороны и вынужденного, в результате этого, подтверждения со стороны самого Горчакова, русского министра иностранных дел. Но ни тогда, ни впоследствии, в течение шестидесяти пяти лет, не было известно ни содержание соглашения, ни его история, ни даже момент его заключения. В этом можно убедиться как из переписки и статей того времени Маркса и Энгельса, этих внимательных наблюдателей современной им дипломатической истории [1], так и из работ последующих периодов, включая такие капитальные и серьезные труды как Дебидура [2], Файфа [3] и Лависса-Рамбо [4]. Предполагалось, что соглашение было достигнуто и даже подписано в Штутгардте в июле 1857 г. во время свидания, не оставшегося, конечно, незамеченным, между Наполеоном III и Александром II. Такое предположение как бы потверждалось последовавшим дружеским сотрудничеством Франции и России во время и после Парижского конгресса, нередко противоречившим пожеланиям Англии и Австрии; наконец, поведение России во время кризиса, предшествовавшего войне 1859 г., и во время самой войны заставило весь мир думать, что это соглашение носит характер наступательного и оборонительного союза.

Прошло много времени прежде, чем в эти представления стали вноситься поправки, на основании изучения французских и русских архивных материалов, но лишь в 1924 году наша соотечественница Л. Фейгина, использовав значительное количество документов из Архива внешней политики, сумела в работе «Из истории русско-французских отношений» в историческом сборнике «Века», т. I восстановить подлинное лицо этой политической комбинации. С тех пор появилось за границей несколько ценных работ по официальным и частным архивам; среди них весьма подробное исследование Эрнста Шюле (Schüle) под заглавием: Russland und Frankreich vom Ausgang des Krimkrieges bis zum italienischen Krieg, 1856—1859 гг., Берлин, 1933, в котором автор, кроме упомянутых выше работ, использовал французские архивы и дал подробную библиографию предмета.

Хотя тов. Фейгина изучила значительную часть документов из подбора, который ниже публикуется, она использовала, повидимому, не все, а те из них,

---

[1] См., напр., замечания Маркса в статьях: «Предстоящий мирный конгресс», «Перспективы войны в Европе» и др., т. XI, ч. II, «Русско-французский союз», «Налог на бумагу — Письмо императора» и др., т. XII, ч. II, письма Маркса к Энгельсу от 15.I.59, от 1.IV.59, от 22.IV.59 и т. д., т. XXII; также Энгельса «Савойя, Ницца и Рейн», т. XII. ч. I.

[2] Histoire diplomatique de L'Europe, v. I, La Revolution, стр. 172 и сл.

[3] «History of Modern Europe», III, стр. 257, где только говорится о том, что русское предложение о конгрессе с целью предупредить войну, было подсказано Наполеоном (что, между прочим, неверно), и ничего не говорится о каком-либо союзе.

[4] «Histoire générale», XI, стр. 268—269.

которые она использовала, она передает в собственном изложении и цитирует лишь в кратких выдержках. Со своей стороны, Э. Шюле лишь по работе тов. Фейгиной был знаком с русскими документами, вследствие чего кое-что осталось ему неизвестным, а кое в чем он и ошибся.

Печатаемые ниже документы также не охватывают всего предмета, и некоторые этапы освещаются лишь в примечаниях, основанных, впрочем, также на документах; но зато они не останавливаются на моменте заключения соглашения, как указанные выше работы, а доводят историю до более позднего периода. Они явятся таким образом ценным дополнением к сумме наших знаний об этом любопытном дипломатическом эпизоде, который однако еще ждет своего историка, так как лишь в сочетании с французскими материалами эти документы смогут дать исчерпывающий материал по этому вопросу.

Сама обстановка, в которой разыгрался этот эпизод, историку, конечно, известна. Еще старый Саллюстий говорил, что правительства могут держаться лишь тем, при помощи чего они пришли к власти, и Луи-Наполеон, этот «голландский племянник аустерлицкого победителя», по выражению Маркса, достигнув престола, не в малой степени, благодаря обаянию наполеоновского имени, должен был искать военной славы, чтобы укрепить свой не совсем прочный трон. И вот, не прошло еще и года с тех пор, когда он в Бордо провозгласил, что «империя — это мир», как он в союзе с Англией затеял войну с Россией. Война оказалась не совсем удачной: она длилась около трех лет, французские потери людьми и деньгами были огромны, а весь материальный выигрыш достался Англии. Франция осталась недовольной: авантюра оказалась далеко не наполеоновской, и «почет», выпавший на долю императора, в столице которого собрался мирный конгресс, не мог вознаградить страну ни за сомнительный характер военной славы, ни за отсутствие каких-либо реальных приобретений.

Приходилось думать о чем-то другом, и поход против Австрии за восстановление итальянской национальности показался самым подходящим делом.

Франция была традиционной противницей Австрии: в предыдущие века Франция вела не мало войн с Австрией, как главой Германской империи; с нею же Франции пришлось бороться как с предводительницей или участницей многочисленных коалиций в эпохи революции и Первой империи; наконец, во время Крымской войны поведение Австрии было так двусмысленно и нелойяльно, что она возбудила против себя ненависть всей антирусской коалиции, включая Францию. Разве не из-за этого поведения Наполеон III, отчаявшись в решительной победе над русскими, решил оборвать войну, вопреки всем настояниям английской союзницы? С другой стороны, Италия не была ли излюбленным чадом Франции с того времени, как Карл Валуа, этот «сын короля, брат короля, дядя трех королей и отец короля, но никогда сам не король», еще в начале XIV в. пришел в Италию спасать ее от немецкой партии гиббелинов? Разве Наполеон I не создал впервые итальянской национальности, не внес впервые единства в ее политическое устройство, не смел в ней феодальных оков? Наполеон I, можно даже сказать, был сам итальянцем, а Луи-Наполеон в молодости устраивал заговоры в рядах карбонариев.

Что бы ни говорили орлеанисты вроде Тьера и другие, боявшиеся образования в самом центре Средиземного моря соперницы Франции в лице объединенной итальянской державы, а национальное дело Италии было популярно среди республиканских и народных масс Франции, и, выступая за это дело против австрийской угнетательницы, Наполеон III мог рассчитывать на колоссальный успех. Правда, выступая за освобождение и объединение Италии, он не имел в виду выступить за итальянскую революцию и республику, за Мадзини и Гарибальди; он имел в виду освобождение и объединение Италии под сардинской короной, носители которой давно уже силились, но с незначительным успехом, «перехватить» национально-освободительное движение в своих династических интересах, как впоследствии это сделали прусские Гогенцоллерны в Германии. Такой «подход» казался вполне респектабельным и должен был обезоружить те французские буржуазные круги, которые боялись малейшего заигрывания с ре-

волюцией и народными массами, а также иностранных монархов, ненависть которых ко всякому нарушению принципа легитимизма была еще больше их ненависти к Австрии.

Но и тут имелось некоторое неудобство: Италия, даже объединенная под королевским скипетром, не примирилась бы с тем, чтобы Рим, этот «вечный» город, историческая колыбель Италии, остался за ее политическими рамками и не вошел в них в качестве столицы; а это означало бы ликвидацию папского государства, созданного еще Пипином в VIII в., это было бы величайшим ударом для папы и его авторитета. На это не могли пойти французские клерикалы, на которых с самого начала опирался Наполеон III и во главе которых стояла могущественная партия в самом дворе, предводимая императрицей Евгенией; они же заставили Наполеона еще в 1849 г. спасать «святейший престол» от революции и послать войска на помощь папе в Рим, где они пребывали с тех пор, и ради них же, во славу католической церкви, он затеял ссору с русским царем из-за «святых мест», приведшую к войне. Отречься теперь от всей прежней политики, вывести войска из Рима и восстановить против себя католическую церковь и собственных клерикалов, казалось, было равносильно политическому самоубийству.

Что было делать? Наполеон III колебался. С одной стороны, он уже давал итальянцам, в частности, сардинскому королю и его министру Кавуру полунадежды, полуобещания, приветствовал присоединение Сардинии к анти-русской коалиции в Крымской войне и открыто солидаризировался с ней на Парижском конгрессе против Австрии; с другой стороны, он боялся оппозиции клерикалов, которые находили союзников в рядах всех противников создания итальянской державы и могли таким образом сильно поколебать его трон.

Бомбы Орсини, мстившие ему за измену итальянскому делу (1858 г.), решили его сомнения и одновременно дали ему оружие против, по крайней мере, придворной оппозиции: его жизнь была столько же драгоценна для нее, как для него самого. С этих пор он стал действовать, но действовать все же осторожно: свидание и соглашение с Кавуром в Пломбьере (июль 1858) он проводит секретно; он уславливается с ним, что полное объединение коснется лишь северной Италии, что в числе других и папа останется при своем государстве, что политическая форма будущей Италии будет все же федерацией — из четырех государств, что Сардиния будет лишь первой среди равных в федерации, а председательствование в последней будет принадлежать папе. Этой хитроумной комбинацией Наполеон III думал успокоить оппозицию, а чтобы не повторить ошибки Крымской войны, из которой Франция вышла с пустыми руками, и дать французскому патриотизму материальное удовлетворение, он выговорил для себя у будущей Италии уступку областей Савойи и Ниццы. Эта уступка не совсем укладывалась в программу объединения итальянской национальности, за которую Наполеон собирался обнажить меч: Савойя была колыбелью сардинской династии, а Ницца — родиной народного героя Гарибальди. Но вместе с национальным принципом Наполеон исповедывал и мало согласный с ним принцип «естественных» границ, и Савойя с Ниццой очень хорошо округляли в стратегическом отношении французские позиции против той же Италии, что и должно было дать удовлетворение политической оппозиции. Таким образом, все это было продумано наилучшим образом.

Оставалось еще обставить предприятие соответствующими внешне-политическими гарантиями. Кого Наполеон мог опасаться? Прежде всего, Англии, которая косо взирала бы на усиление средиземноморских позиций своего недавнего союзника и не очень жаждала ослабления Австрии, которая все же была или могла быть союзницей против царской агрессии на Балканах. Но, во-первых, общественное мнение в Англии было сильно настроено в пользу объединения и освобождения Италии; во-вторых, Англия только что вышла из страшного кризиса, созданного восстанием в Индии, и не легко решилась бы воевать; в третьих же, Франция только что сражалась рядом с ней в Китае и могла рассчитывать на некоторое доброжелательство. Учитывая все эти обстоя-

тельства, Наполеон решил, что со стороны Англии большой опасности не будет. Другая опасность могла возникнуть со стороны Германии — в частности, со стороны Пруссии. Австрия была главой Германского союза и хотя по конституции последнего не могла призывать его на помощь к войне, которая велась бы не на германской территории и за владения, которые лежали также вне ее пределов, тем не менее солидарность могла возместить недостаток конституции, и, по крайней мере, южно-германские государства, обычно склонные итти рука об руку с Австрией, могли бы откликнуться. Многое в этом вопросе зависело от позиции Пруссии, так как по сути дела главная военная сила была в ее руках. Пруссия же могла вспомнить, что Франция, затевая войну с Австрией, да еще с захватом новых территорий, нарушала трактаты 1815 г., определившие раз навсегда ее государственные границы и поставившие ее поведение под коллективный надзор Европы. Конечно, это была лишь формальность, но если Пруссия договорится с Австрией о компенсациях вроде того, чтобы ей отдать Шлезвиг или позволить наложить руку на Ганновер, то и формальность могла пригодиться для того, чтобы мобилизовать весь Германский союз или получить от него разрешения на проход прусских войск через его территорию. Благоприятным моментом для Наполеона было однако то, что в Пруссии была сильная партия, настроенная против Австрии и жаждавшая ее ослабления с тем, чтобы устранить ее от предводительства в Германском союзе и посадить на ее место Пруссию. Удержит ли эта партия свое правительство от вмешательства в войну? Это был вопрос, и лучшим способом обеспечить его решение в пользу невмешательства было соглашение с Россией.

Россия, хотя и ослабленная поражением в Крымской войне, хотя и занятая внутренними экономическими и политическими проблемами, все же была могущественной державой, соседкой Пруссии, которая, кроме того, была с ней связана узами династической дружбы и родства, экономическими интересами и солидарностью по польским делам. Россия же пылала ненавистью к Австрии, проявившей столько «неблагодарности» и вероломства во время Крымской войны, а с другой стороны, уже накануне и во время Парижского конгресса искала сближения с Францией, которая, действительно, не раз оказывала ей услуги в ходе переговоров на конгрессе и при исполнении его постановлений. Как для того, чтобы разоружить Россию на случай — правда, мало вероятный,— если бы и она вздумала поднимать вопрос о трактатах 1815 г., так и для того, чтобы заручиться ее воздействием на Пруссию, если бы последняя вздумала вмешаться в войну, ее надлежало привлечь на свою сторону. Отсюда, через этапы штутгардтских и варшавских разговоров, о которых читатель найдет данные в печатаемых документах и примечаниях к ним, и выросло то соглашение, которое служит их основной темой. Прежде чем однако обратиться к последней, следует упомянуть, что державы и прежде всего Англия не оставались безучастными, когда вырисовалась перспектива войны: Англия стала усердно посредничать между Парижем и Веной, Германия и Пруссия заволновались, Россия то поддерживала Англию, то перебивала у нее инициативу, а во Франции поднялась огромная волна энтузиазма, охватившего одинаково воинствующих патриотов и республиканских друзей итальянской свободы, так что даже клерикалы на время замолчали.

Несмотря на это, Наполеон в последнюю минуту, не встречая активной поддержки, которую он ожидал от России, заколебался; но в это время сама Австрия, уверенная в своих силах и надеясь на эвентуальную помощь Германии, довела дело до войны, в которой она почти с первых же шагов стала терпеть поражение за поражением со стороны французов (итальянцев она сама била) и через десять недель предпочла искать мира. Со своей стороны и Наполеон, несмотря на удачи, боялся испытывать судьбу слишком долго и, находясь под усиленным давлением императрицы и двора, решил оборвать войну на высокой победной ноте. В Виллафранке в начале июля 1859 г. произошло, по примеру Пломбьера, тайное свидание между Наполеоном и австрийским императором Францем-Иосифом, на котором решено было, что Австрия уступит Ломбардию,

но оставит за собой Венецианскую область, вопреки обещаниям Наполеона своему сардинскому союзнику о присоединении к нему всей северной Италии. На этой основе и был заключен окончательный мир к вящщему негодованию обманутых партнеров, а через год Наполеон получил свою мзду в виде Савойи и Ниццы.

Теперь мы можем обратиться к нашей теме.

Как читатель увидит, соглашение о котором идет речь, можно назвать союзом лишь с большой натяжкой. Наполеон III, разочарованный в своих надеждах, назвал его однажды соглашением — мы сказали бы теперь,— пактом — о нейтралитете, т. е. нейтралитете России во время итальянской войны. Это было не совсем справедливо. Есть нейтралитет и нейтралитет, и та позиция, которую занимала Россия в 1859 г., была нейтралитетом особого рода. Самый акт соглашения называл его «благожелательным» нейтралитетом, а такой нейтралитет очень далек от позиции «скрещенных рук». Действительно, как читатель увидит, Россия оказывала Франции в 1859 г. активные дипломатические услуги, которые хотя и диктовались в первую очередь собственными интересами России,— без совпадения интересов не было бы и соглашения,— отнюдь не теряли от этого своего значения для партнера.

Но если франко-русское соглашение было нечто более значительное, чем простой пакт о взаимном нейтралитете, то это все же не был союз в обычно принятом, действенном, смысле этого слова. В первоначальном намерении Наполеона III было, действительно, сделать его таким: Россия должна была выставить у галицийской границы армию, достаточную, чтобы приковать на месте не менее 150 тыс. австрийцев, а затем, когда война разгорится, даже порвать с Австрией дипломатические сношения. Фактически, хотя Наполеон III уверял, что он этого не имел в виду, это означало войну, и на это Россия не пошла. Чтобы «иммобилизовать» 150 тыс. австрийцев, в условиях, когда они, вдобавок, стояли в укрепленных районах собственной территории, понадобилась бы армия, по крайней мере, в 250 тыс. с соответствующим артиллерийским и другим снаряжением, а в случае войны, которая легко могла бы превратиться в общеевропейскую присоединением Англии и Германии на стороне Австрии, Россия оказалась бы перед военной задачей, по сравнению с которой даже Крымская война была бы детской затеей.

Само собой разумеется, что Россия, истощенная и разоренная предыдущей войной, потрясаемая крестьянскими волнениями и сосредоточенная на задаче внутреннего экономического и административного переустройства, была не в состоянии брать на себя такие обязательства. Когда Наполеон указывал ей, что она за это получит Галицию, что легко будет, играя на национальных чувствах последней, оторвать Венгрию и сделать ее независимым государством, что урезанная таким образом Австрия перестанет быть для России опасной соперницей на Ближнем Востоке, русская дипломатия отвечала, что она не ищет территориальных приобретений, что ей Галиция не нужна, что если Галиция или Венгрия отпадут, то она возражать не будет, но что ради этого она войной рисковать не желает. На деле, конечно, Россия знала, что попытка присоединить Галицию непременно вызвала бы самое энергичное противодействие со стороны Пруссии, также заинтересованной в польском наследстве и отнюдь не склонной предоставить России новое приращение польской территории и что, с своей стороны, Венгрия не примет независимости из рук русского самодержавия, всего десяток лет назад подавившего ее движение за свободу, а напротив скорее бросится в объятия Австрии, в чем ее поддержит и Пруссия. Кроме того не в интересах России — тюрьмы народов — было заниматься разжиганием национальных стремлений того или иного народа.

При всем том Россия готова была выставить корпус на галицийской границе, но при условии, чтобы ей не приходилось рвать сношения с Веной, и требовала, чтобы Франция уже сейчас за это отказалась от известных статей Парижского трактата касательно Черного моря и Бессарабии — статей, которые давили кошмаром на царя, как он сам признавался. Но на это, в свою очередь, Наполе-

он не хотел итти, так как не хотел рвать с Англией. Таким образом, все дело свелось к обещаниям России что-то предпринять против Австрии в обмен за что-то, что Франция обещала дать при заключении мира. Напоследок Россия ограничилась представлением перед прусским и, отдельно, перед средними и мелкими германскими дворами относительно тех последствий, которые может повести за собой их выступление на стороне Австрии, и никакой армии на галицийской границе не выставила. Австрия же, вполне понимая нежелание России ввязываться в большую войну, которую ее агрессия сделала бы неизбежной, преспокойно оголила свой северный фронт и отправила галицийские части на Минчио, а Наполеон, сделав еще одну попытку гальванизировать русского партнера и убедившись в ее безнадежности, поспешил ликвидировать войну, считая не без основания, что одному, собственными силами ему не удастся надолго обеспечить себе tête-à-tête с Австрией и что, если он еще застрянет, как казалось неизбежным, перед пресловутым четырехугольником крепостей на Минчио и Адиже, то Пруссо-Германия и Англия непременно вмешаются, чтобы, по крайней мере, лишить его плодов победы, если не больше. Дело окончилось тем, что Россия ничего, кроме унижения своей австрийской соседки-соперницы, не получила, а Наполеон положил в карман Савойю и Ниццу и повернул обратно лицом к Англии и спиной к своей бывшей русской партнерше. В 1863 г. он уже выступил против России по польскому вопросу.

Печатаемые ниже документы дают полную картину этого оригинального «союза», которому благодаря таинственности, его окружавшей, приписывался современниками наступательный и оборонительный характер.

Маркс и Энгельс, как мы знаем, серьезно считались с наличием полного союза и соответственно этому настаивали на революционной войне против обоих агрессоров: для них такая война означала борьбу Европы против двух самых реакционных сил на континенте (бонапартизма и царизма), мобилизацию народных масс и демократических сил во всех странах, национальное объединение и демократизацию Германии и Италии, освобождение Польши и т. д. Против этой концепции выступал тогда Лассаль, который, отдавая дань своим малогерманским, т. е. прусским установкам и игнорируя роль России, стоял за присоединение Пруссии к Наполеону III против Австрии с тем, чтобы покончить с германской гегемонией последней и одновременно захватить Шлезвиг-Гольштинию. По его мнению, Наполеон делал «великое, справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое» дело и что, громя Австрию, он устранял главное препятствие к немецкому единству и поэтому осуществлял «немецкую задачу»[1]. Маркс и Энгельс резко осуждали эту позицию, и, как говорил Ленин, «...прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом»[2].

Но Пруссия, сдерживаемая руссофильской партией, к которой принадлежал и Бисмарк, не могла своевременно «раскачаться», продолжала сидеть на двух стульях, и Наполеон мог во-время остановиться, предать свою итальянскую союзницу, но все же добиться желаемого приращения территории и фактического аннулирования статуса 1815 года. Англия, покинутая Россией и Пруссией, двумя партнерами по созданию означенного статуса, в условиях поражения Австрии, третьего партнера, должна была в конце концов примириться с фактами и признать аннексию Савойи и Ниццы, укреплявшую средиземноморское положение Франции.

Последняя таким образом несомненно выиграла от соглашения с Россией; Россия же, которая обеспечила Франции тыл и в интересах ее отказалась фигурировать в дальнейшем в числе гарантов 1815 г., вышла из игры с пустыми руками. С формальной стороны это был провал ее дипломатии; по существу же

---

[1] См. Маркс и Энгельс, т. XI, ч. II, предисловие, стр. X.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 104 прим.

этот провал лишь отражал военную слабость России, обусловленную кризисом, наследием обанкротившегося николаевского режима во всех областях его экономической, социальной и государственной жизни. Чтобы выйти из вновь образовавшейся изоляции, ей пришлось вновь повернуться к Пруссии, прибегнуть к ее «добрым» услугам в 1863 г., когда ей угрожало вмешательство западных держав по польскому вопросу, и в 1871 г., когда с помощью Пруссии она, наконец, развязалась с «кошмарными» черноморскими статьями Парижского мира, заплатить за это «благожелательным» нейтралитетом во франко-прусской войне, создавшей на ее границе могущественную Германию, и за всем тем иметь удовольствие видеть торжество ненавистной Австрии на Берлинском конгрессе с помощью прусско-германского друга, а затем форменный союз обоих против нее. Дипломатия Горчакова оказалась бессильной против неумолимого рока, преследовавшего загнивающее царское самодержавие и сводившего Россию на зависимую роль в концерте западно-европейских капиталистических держав, от которой ее смогла освободить лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

Ф. Ротштейн.

Записка министра иностранных дел князя Горчакова [1] о секретных переговорах за 1859 г. *

В годовом отчете министерства иностранных дел я вынужден был обойти молчанием переговоры высокой важности, которые должны остаться секретными.

Они имели столь большое влияние на нашу позицию, что мной по этому поводу составлена особая записка **, дополняющая политическую картину, которую я повергаю к стопам вашего величества.

Во время свидания в Штуттгардте в 1857 году императором Наполеоном был затронут вопрос об Италии. В то время вы, государь, дали ему заверение, что не возобновите больше примера 1849 [2] г.

Нет сомнений, что это обещание способствовало тому, что император Наполеон направил свою деятельность в сторону Италии — к этому обязывало императора французов его личное положение [3].

Решив действовать, он не счел возможным удовольствоваться неопределенными обещаниями и захотел уточнить их, это побудило его послать принца Наполеона в Варшаву в сентябре 1858 г. [4].

Поручение, возложенное на принца Наполеона было вполне определенным. Оно свидетельствовало о том, что принято решение, выполнение которого зависело только от соглашения с нами. Принц получил от вашего величества дружественные заверения, оправдывавшие доверие, которое внушила императору Наполеону уверенность его в благосклонном отношении вашего величества к интересам Франции и наше желание все более и более тесного согласия с этой страной.

Таково, по крайней мере, было впечатление, которое император Наполеон, повидимому, вынес из отчета своего родственника. Это заставило его решиться на еще более определенное выступление.

В начале декабря 1858 г. он послал секретно в С.-Петербург капитана флота барона де Ля-Ронсьер ле Нури, якобы с целью изучения организации императорского морского министерства, ввиду предпола-

---

* Печатаемые здесь документы хранятся в Центральном архиве внешней политики. Все документы, так же как и надписи на них на французском языке. Здесь мы даем их в переводе на русский язык. Документы подготовлены к печати М. Бессмертной.

** Ниже печатается только часть записки, касающаяся секретных переговоров за 1859 г. Другая часть, касающаяся секретных переговоров, происходивших между Россией и Австрией относительно возобновления дружественных отношений, прерванных Крымской войной, здесь не дается.

гавшегося в то время назначения принца Наполеона на пост командующего морскими силами.

Он привез письмо императора Наполеона вашему величеству * и письмо принца Наполеона мне. Первое письмо осведомляло ваше императорское величество о предложениях, изложенных во втором письме, давая им тем самым необходимое подтверждение. Оно выражало надежду, что ваше величество пожелаете заключить союз, который должен был иметь большие последствия, и уверенность, что в этих важных обстоятельствах открытое и решительное поведение создаст узы, которые навсегда соединят интересы двух великих наций.

Второе письмо было более подробно. Оно заключало два проекта договоров,—одного секретного, другого, предназначенного оставаться личным между обоими государями.

Письмо представляло эти два договора как выражение самой сути взаимных обязательств, принятых в Штуттгардте и Варшаве, и добавляло к ним некоторые пояснения.

Первый проект договора гласил, что для того, чтобы остаться верным принятым в Штуттгардте положениям, оба государя сочли нужным договориться ввиду осложнений, которые император Наполеон предвидит в Италии.

Если вспыхнет война, интересы и традиции Франции заставят ее поддерживать Пьемонт.

С своей стороны Россия не сможет оставаться равнодушной к событиям, которые грозили бы отразиться на равновесии Европы. Если Франция выступит с оружием в руках, то не для того, чтобы изменить это равновесие в свою пользу, и не для того, чтобы выставить притязания, которые могли бы вызвать беспокойство России, Англии и Германии, а для того, чтобы Франция могла создать союзы, которые трактаты 1815 г. сделали для нее невозможными.

В виду одобрения этих намерений Россией, которая и сама имеет справедливое недовольство против Австрии, оба государя согласились о следующих пунктах.

С момента объявления войны Россия будет придерживаться в отношении Франции позиции благожелательного нейтралитета. Она обещает сосредоточить на своей Галицийской границе армию, достаточную для того, чтобы парализовать действие 150-тысячной австрийской армии. Русские суда будут продолжать оставаться в Тулоне или в Специи. При обеих армиях будут взаимно аккредитованы военные миссии. Наконец оба государя дают взаимные обязательства разъяснить это положение своим союзникам, т. е. Франция — Англии, Россия — Германии, и особенно Пруссии, дав им понять, что всякий агрессивный акт против одной из двух держав будет рассматриваться другой, как враждебный акт, направленный против нее самой.

Второй договор, основанный на личном обязательстве обоих государей, был предназначен уточнить возможные последствия войны и устранить всякие разногласия во время переговоров о мире. С этой целью договаривались о том, что, если Россия объявит войну Австрии, император Наполеон обещает оказать России свою поддержку, чтобы при заключении мира ей была уступлена Галиция. Россия дает согласие на присоединение к Франции Савойи и графства Ницца; она признает желательность укрепления Савойского дома, путем создания государства Верхней Италии, ориентировочно в 10 миллионов жителей[5]. Если обстоятельства будут этому благоприятствовать, она не

* Это письмо Наполеона III Александру II в Архиве внешней политики не обнаружено. Большинство документов, о которых упоминает в своей записке Горчаков печатаются ниже.

будет возражать против образования независимого Венгерского государства[6]. Со своей стороны император Наполеон при заключении мира обещает поддержку в вопросе изменения условий трактата 1856 г., которые ваше величество считает посягательством на свой суверинитет в Черном море.

Наконец император Наполеон берет на себя обязательство предупредить нас за месяц до начала войны, а мы даем обещание порвать наши дипломатические сношения с Австрией через несколько недель после начала военных действий.

Такова была совокупность этих предложений. Их исходная точка,— необходимость тесной близости между Францией и Россией,— отвечала принципам политики вашего величества. Но следовало тщательно взвесить условия, на которых обе стороны вступили бы в этот союз. В противовес к несомненным выгодам, которые извлекла бы из них Франция, получили ли бы мы не только компенсацию, пропорциональную тому риску, которому мы подверглись бы, но и гарантию столь же действенной поддержки, как та, которую у нас требовали?

Были основания полагать, что предложенный союз не отвечал бы такой справедливой программе. Помощь, которую от нас требовали, неизбежно ввергла бы нас в европейский пожар, который революция и общее пробуждение народностей сделали бы вдвойне опасным и который поглотил бы средства необходимые для проведения наших внутренних реформ, нанеся ущерб стране.

Что нам предлагали взамен таких жертв? Галицию, но ценою войны с неизвестным исходом; что касается тягостных для нас условий трактата 1856 г.[7], нам обещали при заключении мира эвентуальную поддержку, обусловленную обстоятельствами, не поддающимися никакому разумному учету. Совершенно ясно, что такое положение было для нас неприемлемо.

Однако, предлагаемый нам союз с другой стороны мог оказаться рифом, о который разбилось бы наше согласие с Францией. Отказаться от него значило бы снова толкнуть императора Наполеона в объятия Англии. Прошлое достаточно нам доказало, какие могут быть из этого последствия. Следовательно полное уклонение было также невозможно. Оно оттолкнуло бы от нас Францию, не привлекши к нам другие кабинеты, и уронило бы нас как в глазах наших друзей, так и в глазах наших врагов.

Оставалась только альтернатива — продолжать дружественное согласие с Францией, которое уже послужило нашим восточным интересам[8], и укрепить его, оказывая Франции все зависящее от нас содействие в ее интересах на Западе. В таком духе ваше величество приняло предложения капитана де Ля-Ронсьер и дало мне указания в отношении предложенных договоров.

Прежде всего ваше величество пожелали, чтобы был только один договор вместо двух и настаивали на том, чтобы без всяких недомолвок была установлена полная равноценность между обязательствами, которые ваше величество благоволите взять на себя в отношении Франции, и обязательствами, которые император Наполеон возьмет в отношении нас.

Установив этот принцип, необходимо было уточнить взаимные обязательства.

У нас просили обязательств сосредоточить на наших границах армию, достаточную, чтобы парализовать действие 150 тысяч австрийцев, то есть требовали у нас материальной, действенной, немедленной поддержки, что не обошлось бы без жертв для России.

Единственное условие, которое могло бы восстановить равновесие в нашу пользу, было несомненно то, чтобы в ожидании обстоятельств,

при которых император Наполеон смог бы оказать нам поддержку в отношении изменения двух статей Парижского трактата, Франция уже теперь отказалась бы от той гарантии, которую она несла наравне с другими, касательно выполнения этих двух статей [9].

Между тем это условие встретило решительное противодействие со стороны г. де Ля-Ронсьер и, чтобы не прерывать переговоров, я вынужден был предложить следующую редакцию щекотливого пункта, стоящего на обсуждении:

«Так как русский император рассматривает статью Парижского трактата, которая ограничивает его морские силы в Черном море, как посягательство на свои суверенные права, император Наполеон обещает при заключении мира поддерживать изменение трактата в смысле изъятия этой статьи и обязуется не придавать значения гарантии, которая лежит на нем, касательно сохранения этой статьи, если представится случай».

Та же самая декларация применяется к статье трактата, обуславливавшей уступку Россией части Бессарабии княжеству Молдавскому.

Слова: «Не придавать значения» умаляли обязательства, которые должна была принять на себя Франция, а заключительная фраза параграфа — «если представится случай» — отодвигала выполнение до возможно отдаленных пределов.

Несмотря на это, государь, капитан де Ля-Ронсьер, принимая эту редакцию, выразил сомнения относительно того, что она будет принята в Париже.

В связи с этим параграфом был сохранен тот, который обуславливал сосредоточение на наших границах армии достаточной, чтобы парализовать действие 150 тысяч австрийцев, тогда как мы отказались от того, который обещал нам эвентуально Галицию, а также от того, который касался Венгрии, отмечая только, что в случае если бы события опрокинули бы там существующее положение вещей, ваше величество не стало бы оспаривать совершившихся фактов.

Параграф, относившийся к разрыву наших дипломатических сношений с Австрией, также был изъят, а что касается статей, говорящих о разъяснениях, которые должны были быть даны союзникам, а также о позиции, которая должна была быть занята в отношении их, я сохранил их, но, несмотря на настойчивые уговоры капитана де Ля-Ронсьер, внес в них два существенных изменения:

1 — Обязательства Франции должны относиться не только к случаю нападения на нас со стороны Англии, но также и со стороны Германии, так как может случиться, что Англия, не принимая участия в войне, толкнула бы на нее Германию для того, чтобы принудить нас не вмешиваться.

2 — Соответствующее обязательство, которое мы принимали на себя, касалось исключительно агрессивных действий Германии против французских границ — это для того, чтобы избежать распространения нашей гарантии на все комбинации, могущие вовлечь нас в войну.

Даже с таким ограничением эта гарантия все же была не без опасности для нас и, соглашаясь на нее, ваше величество твердо решилось не преступать ее предела.

С чрезвычайной неохотой пришлось г. де Ля-Ронсьер проникнуться этим убеждением.

Остальные, не столь важные параграфы, также были изменены. Упоминание о наших претензиях против Австрии в предисловии было опущено. В Италии имелись только французские интересы. Мы не хотели смешивать с ними наши.

Наши военные суда, которые находились в Средиземном море, представляли серьезное затруднение. Это был залог в руках Франции,

и они могли оказаться вовлеченными в события в случае войны. Я озаботился ограничить их число теми, которые уже находились там, не указывая французских и сардинских портов, поименованных в проекте договора, и только до тех пор пока по общему соглашению не будет сочтено целесообразным указать им иное назначение.

Что касается военных агентов, я сохранил за обоими государями право посылки их в действующие армии.

В отношении территории, приобретаемой Францией, я выпустил упоминание Ниццы и Савойи, ограничивая наше согласие теми территориями, которые будут уступлены Италией.

Что касается расширения владений Савойского дома, я также воздержался от упоминания цифры населения и в особенности я озаботился оговорить, согласно указания вашего величества, права государей, не принявших участия в войне. Это ограничение чрезвычайно существенное; оно предвидело события, происшедшие с тех пор в Тоскане, Парме и Модене [10]. Даже теперь французское правительство делает из него вывод, что великие герцоги и принцы, находившиеся на полях сражения на стороне австрийцев, должны быть исключены из действия этой оговорки.

Такова была, государь, совокупность этих переговоров, результат которых вызвал в Париже, если судить по письму, присланному мне принцем Наполеоном, тягостное разочарование *.

Одновременно принц Наполеон передал нам, через посредство того же агента, новый проект, который нарушал всякое равновесие, аннулируя, с одной стороны, обязательство Франции, которое мы считали единственным равноценным нашему содействию, единственным условием, которое могло бы побудить нас пойти на жертвы, которых от нас требовали,—тогда как, с другой стороны, были сохранены все наши обязательства.

Ваше, величество сочло его совершенно неприемлемым.

Эти вторые переговоры потерпели бы, по всей вероятности, неудачу, если бы в письме, посланном одновременно вашему величеству **, император Наполеон не поставил этого вопроса в правильном освещении, на широких основах, соответствующих как достоинству обоих монархов, так и интересам обеих сторон.

Этим замечательным письмом, которое само по себе является программой высокой политики, император Наполеон прекращал споры о словах и дипломатических выражениях.

Он констатировал сходность позиций России и Франции, вытекающую из того, что в то время как мы желаем изменения договоров 1856 г., Франция также желает частичного изменения договоров 1815 года.

Представляется удобный случай достигнуть этой двойной цели. Чем больше обе стороны будут поддерживать друг друга, тем сильнее они будут в момент заключения мира, чтобы диктовать свои условия.

Договор о союзе оказывался таким образом естественно сформулированным.

1. Каждая сторона примет участие в борьбе в соответствии со своим желанием и со своими возможностями.

2. При заключении мира каждая сторона обязуется защищать интересы своей союзницы.

Такая точка зрения вполне соответствовала мнениям вашего величества, и под этим впечатлением вы приказали мне изыскать возможность согласовать с ней представленный нам проект.

Для этого можно было избрать только два пути.

---

* См ниже стр. 197.

** Письмо это в Архиве внешней политики не обнаружено.

По своему содержанию проект договора был, повторяю, неприемлем из-за неравноценности взаимных обязательств в нем.

Следовательно надо было восстановить эту равноценность, либо уменьшив наши обязательства, либо увеличив обязательства, которые возьмет на себя Франция.

Это подсказало мне два различных проекта.

Один из них был воспроизведением первого французского проекта со следующими изменениями: вместо того, чтобы определенно обуславливать сосредоточение на наших границах целой армии и число австрийцев, действие которых нам надлежало парализовать, проект гласил, что в случае войны мы займем позицию нейтралитета, благожелательный к Франции характер которого будет доказан политическими и военными мерами, которые мы примем.

Остальное было сохранено, включая взаимное обязательство поддерживать при заключении мира изменения существующих договоров, желательные в интересах обоих государств.

Второй проект наоборот сохранял в неприкосновенности все наши обязательства в отношении благожелательного к Франции нейтралитета, включая сосредоточение на границе нашей армии для отвлечения от фронта армии в 150 тысяч австрийцев.

Но взамен этого обязательства он предусматривал со стороны императора Наполеона сильно смягченное обязательство употребить при заключении мира все усилия, чтобы добиться аннулирования статей Парижского трактата, которые ограничивали наши морские силы в Черном море и обусловливали территориальную уступку части Бессарабии.

Остальные параграфы оставались без изменений.

Передавая первый из этих проектов императору Наполеону непосредственно, ваше величество выразили ему свое удовлетворение по поводу его письма. Принимая его мысль во всех ее оттенках, ваше величество не скрыли от себя всей серьезности предпринимаемого и полагались на мудрость императора французов в выборе подходящего момента. Выражая радость по поводу союза между двумя странами и принимая основы, на которых он базируется, ваше величество просили императора Наполеона согласиться на вышеуказанный нюанс по мотивам личных комбинаций вашего величества, чтобы не быть связанным в своих действиях. Готовое поддержать своего союзника, ваше величество желает сохранить за собой выбор средств, времени и пределов этой поддержки. Существенным является быть понятым и итти к одной цели.

Второй проект был передан в руки капитана де Ля-Ронсьер, для представления на выбор императора Наполеона.

Однако его одобрение получил первый.

Протекло еще некоторое время до подписания этого акта. Возникли затруднения из-за личной щепетильности кое-кого [11]. Вполне вероятно, что неопределенность положения также повлияла на решения французского правительства. В марте 1859 г. соглашение получило окончательную санкцию.

Оно послужило отправным пунктом и принципом нашего поведения в течение этого кризиса. Мне не надо к этому возвращаться, так как я уже изложил в общем обзоре этого года, каким образом мы выполнили свои обязательства в связи с течением событий и нашими интересами...

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова принцу Наполеону, 25 (13) ноября 1858 г.

Император, отвечая лично на письмо, которое император Наполеон доверил барону де Ля-Ронсьер ле Нури, приказал мне изложить в настоящем письме свои взгляды на документы, которые вы передали мне тем же путем.

Ваше императорское высочество, усмотрите их в прилагаемом проекте договора *.

Я совершенно откровенно объясняюсь относительно мест, опущенных мной и оттенков, отличающих прилагаемый договор от проектов, которые вы передали мне **.

Император желает один договор, а не два.

Принимая решение, которое может повлечь за собой для России чрезвычайно серьезные осложнения, его величество всегда имеет ввиду интересы своей страны, так же как император Наполеон всегда помнит об интересах Франции. Вследствие этого военная демонстрация России, которая явится весьма действенной поддержкой Франции в Италии, и уверенность, что Франция, со своей стороны, будет считать аннулированной свою часть гарантии касательно двух статей Парижского трактата и будет активно поддерживать их отмену,— остаются неразрывно связанными по мысли императора. Так как этот договор останется тайным, то такое слияние не представляет неудобства, зато оно имеет то преимущество, что устраняет всякую возможность недоразумения.

Император предлагает небольшие изменения параграфов V и VI вашего проекта [12]. Его величество считает более выгодным уточнить случай враждебного вмешательства Англии и Пруссии в конфликт, который должен оставаться австро-итальянским и для удержания которого в этих границах должны быть употреблены все наши усилия.

Статья, касающаяся разрыва наших дипломатических сношений с Австрией, опущена. Император считает ее совершенно несоответствующей интересам, которые преследует император Наполеон. Действительно, если мы возьмем на себя инициативу столь враждебной Австрии демонстрации, вряд ли можно ожидать, что Германия не вступится за нее. В Берлине последняя смена министерства особенно увеличивает шансы на сближение с Австрией [13]. В таком случае мы с Францией имели бы дело со всем Германским союзом.

В общих обоюдных интересах елико возможно изолировать события в Италии от немецких интересов. Мы добьемся этого преимущества, избегая давать повод венскому кабинету представить нас, как агрессоров.

Концентрация русской армии на галицийской границе получит особое значение ввиду самой неуверенности, каковы будут наши дальнейшие действия. Конечно, эта демонстрация вызовет необходимость с нашей стороны объяснений, каковые представят для нас некоторые затруднения; но так как в конце концов мы остаемся в пределах нашей собственной территории, то мы найдем ответ. Мы считаем, что нам следует придерживаться тактики, которой держалась Австрия во время Восточной войны [14], так как она будет наиболее благоприятствовать интересам императора Наполеона в Италии.

Если венский кабинет возьмет на себя инициативу разрыва, то роли изменятся, и тогда мы не останемся позади.

---

* См. ниже стр. 195.

** Мы не даем в публикуемых здесь материалах текста двух французских проектов договора, приложенных к письму принца Наполеона, так как их содержание изложено Горчаковым в его «Записке» (См. выше стр. 188—193).

Император не ищет увеличения территории. Его величество желает только возвращения ему его законных прав и считает помощь, которую ему окажет император Наполеон, равноценной тем жертвам, которые его величество принесет, и той опасности, которой он может подвергнуться.

Вот почему мы отказались от пункта об эвентуальном присоединении Галиции. Однако, если эта провинция, в связи с обстоятельствами, отпадет от Австрии, император не может согласиться, чтобы она объявила себя самостоятельным государством. В таком случае его величество вступит в переговоры с императором Наполеоном о том, какое решение следует принять.

Статья, касающаяся Венгрии, также опущена.

Император уже заявил, что не окажет никакой помощи Австрии. Если бы поражение в Италии привело к изменению современного положения в Венгрии, мы не станем оспаривать совершившихся фактов.

Я прошу вас, ваше высочество, соблаговолить представить это письмо на благовоззрение императора Наполеона. Оно полностью излагает мысли моего августейшего государя, без дипломатических тонкостей, безыскусно и без умолчаний, как то подобает двум государям, проникнутым взаимным доверием, и которые с той и с другой стороны, не станут, конечно, искать в более или менее двусмысленных дипломатических фразах возможности избежать честно принятых на себя обязательств. Тем более, что внимательно сравнивая текст проекта, который я посылаю, с теми, которые ваше высочество мне переслало по воле императора Наполеона, вы убедитесь, что они не отличаются друг от друга ни в одном существенном пункте. Поэтому мы надеемся, что этот проект, в том виде, в каком он составлен, отвечает взглядам и ожиданиям его императорского величества императора французов.

Барон де Ля-Ронсьер ле Нури произвел здесь хорошее впечатление. В первую минуту мы были несколько изумлены тем, что третье лицо допущено к столь близкому знакомству с вопросами, которые условлено было решать между государями лично. Но так как император Наполеон оказывает свое доверие лишь на веских основаниях, мы вполне уверены, что оно будет оправдано лицом, которое его величество избрало.

Горчаков.

Проект секретного договора между их величествами императором всероссийским и императором французов *.

Чтобы сохранить верность тому, что было условлено между двумя государями в Штуттгардте в 1857 г.— не принимать участия ни в одном крупном европейском вопросе, не посоветовавшись предварительно с полной откровенностью,— его величество император Наполеон сообщил его величеству императору Александру об осложнениях, которые он предвидит в Италии.

Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом, симпатии Франции, ее традиционная политика, ее интересы заставят ее поддерживать Пьемонт.

Если император французов выступит с оружием в руках, то это будет не для того, чтобы изменить равновесие Европы в свою пользу и не для того, чтобы выставить притязания, которые могли бы вызвать беспокойство России, Англии или Германии, а для того, чтобы создать Франции союзы, которые трактаты 1815 г. сделали для нее невозможными.

* Текст первого русского проекта; передан Ля-Ронсьеру в первый его приезд в Петербург. В оригинале царская помета «Быть по сему».

Император Александр признал со своей стороны, что Россия не может остаться равнодушной к событиям, которые оказали бы влияние на общее равновесие и на ее собственные интересы.

Ввиду такого положения, их величества император Александр и император Наполеон согласились на следующих условиях:

Статья I.

В случае войны Пьемонта и Франции против Австрии, Россия с момента объявления войны будет придерживаться позиции благожелательного нейтралитета по отношению к Франции.

Статья II.

Император всероссийский обязуется сосредоточить на крайней своей границе с Галицией армию, достаточную, чтобы принудить Австрию держать в бездействии в этой части ее государства армию по меньшей мере в 150 тысяч человек.

Статья III.

Русские суда, находящиеся в настоящее время в Средиземном море, останутся там до тех пор, пока обоюдным соглашением не будет решено дать им иное назначение, и в случае надобности могут зайти в французские порты.

Статья IV.

Оба императора взаимно аккредитуют друг к другу военных агентов, которых, если они найдут это нужным, они командируют в действующие армии.

Статья V.

Его величество император всероссийский признает при заключении мира территориальные приобретения, которые будут уступлены Франции со стороны ее итальянских границ.

Статья VI.

Его величество император Александр не будет противиться тому, чтобы Савойский дом расширился в Италии, при соблюдении прав монархов, которые не приняли бы участия в войне.

Статья VII.

Так как император Александр рассматривает статью Парижского трактата, ограничивающую его морские силы в Черном море, как посягательство на его суверенные права, император Наполеон обещает при заключении мира поддержать изменение трактата в смысле изъятия этой статьи, и обязуется не придавать значения гарантии, которая выпала на его долю касательно сохранения этой статьи, если представится случай. Та же самая декларация применяется к статье, которая обуславливает уступку Россией части территории Бессарабии княжеству Молдавскому.

Статья VIII.

Его величество император Наполеон обязуется дать объяснения Англии о тех мотивах, которые послужили основанием этого договора, и дать ей понять, что всякий агрессивный акт против России со стороны ли этой державы или со стороны Германии, будет рассматриваться, при данных обстоятельствах, как враждебный акт по отношению к Франции.

Статья IX.

Его величество император Александр обязуется со своей стороны объяснить создавшееся положение Германии и, особенно, Пруссии и дать им понять, что всякий с их стороны агрессивный акт против границ Франции будет рассматриваться, при создавшихся обстоятельствах, как враждебный акт против России.

Письмо принца Наполеона министру иностранных дел Горчакову, 23 (11) декабря 1858 г.

Князь,

Барон де Ля-Ронсьер вручил его величеству императору французов письмо его величества российского императора и доложил о тех разъяснениях, которые император Александр благоволил ему дать. Г-н де Ля-Ронсьер также передал мне ваше письмо и ваш контр-проект договора. Я представил все на усмотрение моего августейшего родственника и получил его распоряжения насчет ответа вам.

Император Наполеон был тронут письмом императора Александра, общие взгляды которого он вполне разделяет. Его целью является, если начнется война, ограничить ее поскольку возможно, пределами Италии, и все его усилия будут всегда направлены к этой цели.

Император французов остался очень удовлетворен той полной откровенностью, с которой вы излагаете свои взгляды. Но я не вправе скрывать от вас, что его величество был несколько разочарован вашим контр-проектом.

На самом деле император считал, что вся выгода договора, который он вам предлагал, на вашей стороне, Россия находила в нем благоприятный случай поднять свое влияние в Европе, увеличить свою территорию, уменьшить владения Австрийского дома, завязать с Францией почти нерасторжимый союз — и все это ценой даже не объявления войны, а простого разрыва дипломатических сношений.

Наоборот, Франция сразу же рисковала большой войной, и ее преимущества ограничивались лишь изменением договоров 1815 г., созданием себе союзника в лице Италии, ослаблением Австрии и, наконец, небольшим приростом населения, численностью от 600 до 700 тыс. жителей.

Вы не сочли возможным принять это предложение и ответили контр-проектом, который мы не отвергаем целиком, но который не имеет уже, надо сознаться, прежних преимуществ. Позвольте мне высказать мои соображения относительно него. Ваш контр-проект отклоняет какое бы то ни было предвидение разрыва сношений России с Австрией; он ограничивается тем, что обещает признать то, что будет сделано в Италии; он обусловливает статьей VII не только то, что Франция окажет вам поддержку в отношении изменения Парижского трактата, но еще,— что невозможно,— что Франция откажется уже с сего дня от своей доли гарантии, которую она несет совместно со своими союзниками в отношении выполнения этого трактата. Император Наполеон должен остаться верен обязательствам, которые он взял на себя, пока обстоятельства не освободят его от них.

Кроме того статьи VIII и IX должны быть очевидно вполне равноценными. Франция дает вам общую гарантию (ст. VIII), Россия же дает нам гарантию только на случай нападения на наши границы, в то время как наша армия будет вне этих границ и будет действовать в Италии.

Конечно, благожелательный нейтралитет России имеет немаловажное значение для нас, но мы все-таки боимся, что русская армия, сосредо-

точенная на самой границе Галиции, не выполнит своего назначения, пока русский двор будет иметь своего представителя в Вене.

Пример, который вы нам приводите,— поведение Австрии по отношению к России во время последней войны, как раз то, чего мы боимся и чего хотели бы избежать. Австрия не задержала ни одного русского солдата, заняв княжества. Она позволила вам перебросить всю вашу дунайскую армию в Крым с большей безопасностью, чем если бы лицом к лицу с вами продолжали оставаться турки; а какие последствия имело для Австрии это двойственное и выжидательное поведение?

Оно повлекло на себя справедливую вражду обоих сторон, и мне кажется, это не пример, которому стоит следовать.

Зачем опускать статью касательно Венгрии, которая свелась бы в договоре к фразе из вашего письма, откуда я ее списываю: «Император уже заявил, что он не окажет никакой помощи Австрии: если поражения в Италии привели бы к изменению настоящего положения в Венгрии, мы не стали бы возражать против совершившихся фактов».

Если эта статья будет изъята, присутствие вашей армии на самых границах может парализовать действия врагов Австрии, если мы не сможем им сказать: «не бойтесь русской армии, она не выступит против вас и император Александр не будет противодействовать тому, что будет совершаться в Венгрии».

Что же делать при таком положении?

Оба государя вполне солидарны в принципе в отношении цели. Они расходятся только в отношении роли, которую Россия должна и может играть. Каждый думает об интересах своей страны и обязан думать о них прежде всего. Поэтому мы предлагаем вам заключить соглашение по вопросам, относительно которых у нас нет разногласия, сформулировав простой договор о нейтралитете. Что же касается более или менее враждебного поведения России в отношении Австрии, мы полагаемся в этом отношении на императора Александра, он предпримет то, что будет считать необходимым, чтобы остаться верным данному слову, но в таком случае император Наполеон не может обещать считать себя свободным от соблюдения Парижского трактата. Все, что он может обещать,— это использовать первый же благоприятный случай, чтобы попытаться уговорить великие державы по своей доброй воле отказаться от статей этого трактата, которые вы считаете посягающими на суверенные права российского императора в Черном море.

Эти соображения заставили императора Наполеона дать мне распоряжение предложить вам договор о нейтралитете, в котором я постарался сохранить вашу собственную редакцию. Вследствие того, что вы мне писали о хорошем впечатлении, произведенном бароном де Ля-Ронсьер, я посылаю его к вам вновь с этими депешами. Это человек достойный доверия, преданный и вполне в курсе дела.

Позвольте мне, князь, лично настаивать перед вами на том, чтобы эти переговоры пришли к благоприятному завершению. При столь умеренных, столь откровенных и столь дружественных намерениях обоих императоров было бы очень прискорбно, если бы они не могли договориться о формулировке договора по итальянскому вопросу, который является постоянной причиной раздоров и беспорядка в Европе и который рано или поздно приведет к затруднениям, еще большим, особенно в том случае, если не будет предварительной договоренности относительно того, как их преодолеть.

Император Наполеон не хочет войны, но он считает ее неизбежной. Если силой обстоятельств он будет вынужден вступить в нее,

он хотел бы уже теперь обеспечить ее последствия для своих союзников и подготовить успех для своего оружия.

Я вспоминаю наш разговор в Штуттгардте в 1853 г.[15], да не будет так на этот раз! Мы говорим друг с другом без задних мыслей, правдивым языком, выражающим наши интересы, да приведет нас это поведение к успеху! Это мое самое горячее желание.

Примите, князь, уверение в моем совершенном почтении.

Наполеон (Жером).

Проект секретного договора между их величествами императором всероссийским и императором французов *.

Введение.

Чтобы сохранить верность тому, что было условлено в Штуттгардте между двумя монархами — не принимать участия ни в одном крупном европейском вопросе, не посоветовавшись предварительно между собой,— его величество император Наполеон сообщил его величеству императору Александру об осложнениях, которые он предвидит в Италии.

Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом, симпатии Франции, ее традиционная политика, ее интересы заставят ее поддержать Пьемонт.

Император Александр признал со своей стороны, что Россия не может оставаться равнодушной к этим событиям.

Ввиду такого положения их величества император Наполеон и император Александр договорились на нижеследующих условиях:

Статья I.

В случае войны Пьемонта и Франции против Австрии Россия будет придерживаться с момента объявления войны позиции благожелательного нейтралитета в отношении Франции.

Статья II.

Русский император обязуется сосредоточить на крайней своей границе с Галицией армию достаточную, чтобы принудить Австрию держать в бездействии в этой части ее государства армию по меньшей мере в 150 тысяч человек.

Статья III.

Их величества договорятся об изменениях в существующих договорах, которых они будут совместно добиваться в интересах обоих государств при заключении мира.

Статья IV.

Его величество русский император не будет противиться расширению Савойского дома в Италии при соблюдении прав монархов, которые не примут участия в войне.

Статья V.

Оба императора обязуются разъяснить положение, которое возникнет в связи с войной между Францией и Австрией, своим союзникам и дать им понять, что эта борьба не может нанести ущерб интересам великих нейтральных держав, равновесие которых не будет нарушено.

---

* Французский проект договора, привезенный Ля-Рошьером во второй его приезд в Петербург, в январе 1859 г.

Препроводительная записка министра иностранных дел Горчакова Александру II, 7 января 1859 (26 декабря 1858 г.)

Вот бумаги, государь.

Я осмеливаюсь считать, что следует вложить в письмо вашего величества только договор в том виде, в каком он был сформулирован вчера.

Что же касается варианта, не дозволит ли ваше величество передать его в руки г-на де Ля-Ронсьер, разрешив ему представить его, если император Наполеон будет настаивать на пункте об удержании на галицийской границе 150-ти тысячной австрийской армии. Это докажет ему, что по нашему мнению первый проект шире, но что мы не возражаем против принятия второго варианта, если императору Наполеону он больше по душе.

Такой порядок вполне удовлетворяет де Ля-Ронсьера, которому я только что сообщил, что ваше величество примет его завтра в $1^1/_2$ ч. Лично он предпочел бы наш первый проект, но он боится возражений в Париже. Они будут уничтожены нашим вторым проектом.

Ввиду представляемой ему вашим величеством свободы действий, император Наполеон сможет сделать выбор по своему усмотрению.

Горчаков.

Проект секретного договора между их величествами императором всероссийским и императором французов*.

Введение.

Чтобы сохранить верность тому, что было условлено между двумя государями в Штуттгардте в 1857 г.— не принимать участия ни в одном крупном европейском вопросе, не посоветовавшись предварительно с полной откровенностью,— его величество император Наполеон сообщил его величеству императору Александру об осложнениях, которые он предвидит в Италии.

Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом, симпатии Франции, ее традиционная политика, ее интересы заставят ее поддержать Пьемонт.

Император Александр признал со своей стороны, что Россия не может остаться равнодушной к этим событиям.

Ввиду такого положения их величества император Александр и император Наполеон договорились на нижеследующих условиях:

Статья I.

В случае войны Пьемонта и Франции против Австрии, император Александр займет с момента объявления войны политическую и военную позицию, наиболее ясно доказывающую его благожелательный к Франции нейтралитет.

Статья II.

Их величества договорятся об изменениях в существующих договорах, которых надлежит совместно добиваться в интересах обоих государств при заключении мира.

---

* На оригинале нет никаких надписей, но это, повидимому, тот из двух проектов, составленных Горчаковым, который был послан Александром II непосредственно Наполеону. Это видно из записки Горчакова, излагающей содержание этого русского проекта, и из сопоставления данного проекта с французским (см. выше стр. 193 и 199).

Статья III.

Его величество русский император не будет противиться расширению Савойского дома в Италии, при соблюдении прав монархов, которые не примут участия в войне.

Статья IV.

Оба императора обязуются разъяснить своим союзникам положение, возникшее вследствие войны между Австрией и Францией, и дать им понять, что эта борьба не может нанести ущерб интересам великих нейтральных держав, равновесие которых не будет нарушено.

Проект секретного договора между их величествами императором всероссийским и императором французов. 8 января 1859 г. (27 декабря 1858 г.)

(Вариант, переданный лично князем Горчаковым барону де Ля-Ронсьер для передачи в случае необходимости) *.

Введение.

Чтобы сохранить верность тому, что было условлено между двумя государями в Штуттгардте в 1857 г.— не принимать участия ни в одном крупном европейском вопросе, предварительно не посоветовавшись с полной откровенностью, его величество император Наполеон сообщил его величеству императору Александру об осложнениях, которые он предвидит в Италии.

Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом, симпатии Франции, ее традиционная политика, ее интересы заставят ее поддержать Пьемонт.

Император Александр признал, со своей стороны, что Россия не может остаться равнодушной к этим событиям.

Ввиду такого положения их величества император Александр и император Наполеон согласились на нижеследующих условиях:

Статья I.

В случае войны Пьемонта и Франции против Австрии, Россия с момента объявления войны будет придерживаться позиции благожелательного нейтралитета по отношению к Франции.

Статья II.

Его величество русский император обязуется сосредоточить на крайней своей границе с Галицией армию достаточную, чтобы принудить Австрию держать в бездействии в этой части ее государства армию по меньшей мере в 150 тысяч человек.

Статья III.

Со своей стороны французский император при заключении мира обязуется употребить все усилия с целью аннулировать статьи Парижского трактата, которые ограничивают русские морские силы в Черном море и обусловливают уступку части Бессарабии Молдавии.

Статья IV.

Их величества договорятся вообще касательно изменений в существующих договорах, которых они совместно будут добиваться в интересах обоих государств во время мирных переговоров.

* Заголовок и подзаголовок оригинала.

Статья V.

Его величество русский император не будет противиться расширению Савойского дома в Италии, при соблюдении прав монархов, которые не примут участия в войне.

Статья VI.

Оба императора обязуются разъяснить своим союзникам положение, которое возникнет вследствие войны между Австрией и Францией, и дать им понять, что эта война не может нанести ущерб интересам великих нейтральных держав, равновесие которых не будет нарушено.

Письмо Александра II Наполеону III, 7 января 1859 г. (26 декабря 1858 г.).

Государь, брат мой!

Письмо вашего величества вполне отвечает моим собственным убеждениям, и я ценю и принимаю его мысль со всеми ее оттенками.

Ваша мудрость поможет вам выбрать благоприятный момент, так как, подобно вам, я не скрываю от себя ни серьезности предпринимаемого, ни тех последствий, которые оно может за собой повлечь. Во всяком случае я могу только радоваться соглашению, основанному на взаимном доверии, которое все более упрочивается между нами, и я готов принять основы договора о союзе, которые вы предлагаете в своем письме. Я буду честно оказывать вам поддержку; но предоставьте мне выбор средств, времени и пределов ее. Несомненно, что ясный и искренний язык — единственно, что подобает государям двух великих наций, и наши взаимные обещания стóят, по моему мнению, больше, чем договор и разные дипломатические фразы. Если же ваше величество желает иметь документ, оно найдет при сем проект такового. Он совпадет с тем, что вы мне прислали, с одним только различием, на которое я прошу вас согласиться, ввиду моих личных соображений и для того, чтобы мы друг друга поняли и шли бы вместе к единой цели.

Благодарю ваше величество и императрицу за радушный прием, встреченный моим братом [16]: мы оба рассчитывали на него. Я прошу ваше величество верить чувству искренней дружбы, с которой я остаюсь вашего величества добрый брат и т. д.

Александр.

Доклад министра иностранных дел Горчакова Александру II, 9 января 1859 г. (28 декабря 1858 г.)

Г-н де Ля-Ронсьер, уезжающий завтра с первым поездом, только что получил шифрованную телеграмму из Парижа, в которой ему сообщают: «Уезжая, предупредите, что переговоры будет продолжать г. Валевский или непосредственно, через особого курьера, или через посредство графа Киселева [17]. Узнайте мнение князя Горчакова *.

Еще до свидания со мной г. де Ля-Ронсьер ответил:

«Выезжаю завтра. Везу с собой договор, который, я надеюсь, удовлетворит ваше величество» **.

После разговора со мной он протелеграфировал, чтобы до его приезда подождали бы принимать какие бы то ни было новые решения ***.

Пометы Александра II:

* Это повидимому указывает на то, что он хочет придать «им официальный характер».

** «Я этого желаю».

*** «Очень хорошо».

Я сказал ему, что ваше величество имеет к графу Киселеву полное доверие и что если до настоящего времени он не посвящен в это дело, то только в соответствии с желанием, выраженным императором Наполеоном, который не посвятил в него даже собственного министра иностранных дел *.

Ля-Ронсьер сказал мне, что император Наполеон, повидимому, окончательно решил действовать, что на Австрию будет совершено одновременно двойное нападение: на суше через Альпы и на море со стороны Венеции или Триеста, что для этого из Алжира будет переплавлена армия в 20—25 тысяч человек; что генерал Мак-Магон [18] вызван с этой целью в Париж, что для этого отовсюду собирают большие винтовые пароходы и т. д.

Если этот проект будет приведен в исполнение, он несомненно представит большие преимущества **: 1) большой моральный эффект,— десантная эскадра, пересекающая Средиземное и Адриатическое море на глазах у Англии, 2) потеря для Австрии оборонительной линии по Адижу [19], которая будет обойдена, 3) смелость и неожиданность задуманного.

Чего я больше всего боюсь, в связи с этими прекрасными планами,— это, принимая во внимание французскую болтливость, они не сумеют сохранить тайну, и неприятельская мина будет обнаружена раньше времени ***.

Доклад министра иностранных дел Горчакова Александру II, 11 января 1859 г. (30 декабря 1858 г.) ****

Г. Вертер [20] только-что прочел мне доверительное письмо барона Шлейнитца [21], предназначенное только для него одного, согласно которого Вертер должен постараться предугадать тайные намерения императорского кабинета.

Барон Шлейнитц задает два вопроса: 1) «правда ли, что Россия заключила договор с Францией, направленный против Германии»?

Я без колебания ответил, что никогда и ни в каком случае между императором Наполеоном и вашим величеством не было речи относительно коалиции против германских интересов, интересы Пруссии были особо оговорены вашим величеством во время свидания в Штуттгардте и что те же принципы и те же чувства преобладают и теперь.

2) «В случае войны в Италии между Францией, Пьемонтом и Австрией,— продолжал г. Шлейнитц,— позиция Германии окажется чрезвычайно затруднительной. Мы еще не хотим думать об этой возможности, хотя о ней повсюду говорят. Если она окажется реальностью, нам вряд ли удастся остаться нейтральными. Отсюда вы поймете, насколько нам важно заранее предугадать настроения петербургского кабинета».

Я ответил, что если г. Вертер предлагает мне обсудить гипотезы и возможные события, то я могу только повторить ему, что всякие враждебные немецким интересам намерения чужды вашему величе-

---

Пометы Александра II:
* «Совершенно правильно».
** «Несомненно».
*** «Я тоже этого боюсь».
**** «Вы очень хорошо ответили, за исключением выражения относительно немецких интересов, которые мне отнюдь не дороги, в особенности после событий последней войны. Все остальное совершенно правильно».

ству *, но что если Германия считала бы должным принять активное участие в борьбе, возникшей на негерманской территории и по вопросам, не касающимся Германии, то в таком случае она поддерживала бы уже не немецкие интересы, а политические комбинации, тенденции и значение которых нам еще пришлось бы взвесить; что в таком случае мы оставили бы за собой свободу решений и действий и положили бы на другую чашку весов наши отношения с различными европейскими государствами.

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 12 января 1859 г. (31 декабря 1858)

Граф,

Я диктую эти строки преданнейшему лицу и прошу отнестись к ним так, как если бы они были написаны моей собственной рукой.

Несмотря на появившиеся в газетах сообщения и дружественные проявления в отношении Гюбнера [22], тучи между Австрией и Францией серьезно сгущаются. Даже публика начинает понимать, что возможен в недалеком будущем разрыв. Вы знаете, какой линии поведения Вам следует держаться. Мы считаем, что разрыва можно избежать только в том случае, если это будет продиктовано императору Наполеону его собственными соображениями. Не выходите за пределы того, что мы просили вас сказать от вашего имени в нашем весьма доверительном письме от 20 декабря [23].

В самое последнее время снова имела место переписка между обоими монархами. Она еще больше укрепила узы между ними и поставила точки над «и». Неофициальным путем, помимо миссии, император Наполеон известил нас, что отныне переговоры могут вестись либо непосредственно графом Валевским через специального курьера, либо при вашем содействии.

Я ответил, по приказанию государя, что вы пользуетесь полным доверием нашего августейшего монарха и что если ни вы, ни граф Валевский не были посвящены до сих пор в это важное дело, то это единственно, вследствие просьбы самого императора Наполеона, желавшего, чтобы переговоры велись непосредственно между обоими монархами, без чьего бы то ни было посредничества. Я однако добавил, что нам было бы желательно, чтобы никакие новые решения не были приняты в этом отношении впредь до возвращения в Париж посланца императора Наполеона, выехавшего туда на этих днях.

Нам неизвестно, что предпримет император французов, повидавшись с ним. Наш августейший монарх желает, чтобы вы со своей стороны выжидали, не проявляя никакой инициативы, как в отношении императора французов, так и Валевского, и чтобы вы ограничились получением от императора Наполеона конфиденциального сообщения, когда он сочтет нужным его вам сделать.

Прилагаю при сем только что препровожденный императору отчет о моей беседе с прусским посланником. Вы им воспользуетесь лишь в том случае, если император Наполеон вступит на путь конфиденциальных признаний. В этом случае необходимо довести до его сведения все то, что нам самим известно об эвентуальных намерениях Пруссии, и я полагаю даже, что лучше всего было бы, если бы при случае вы прочли ему мой отчет, не оставляя, однако, документа в его руках

* Первоначальный вариант этой фразы: «я могу только повторить, что немецкие интересы дороги в. в. и что всякие враждебные им намерения вам далеки». По поводу этого варианта помета Александра II: «это слишком сильно сказано, мне дороги только интересы России».

и передав ему от моего имени убедительнейшую просьбу хранить в абсолютной тайне наше сообщение. (На этом я особенно настаиваю). Я придаю ему столь важное значение, что полагаю, вы могли бы просить специальной аудиенции у императора Наполеона для этого сообщения или по крайней мере с этой целью найти в ближайшем будущем удобный случай для беседы с глазу на глаз.

Горчаков.

Депеша посланника в Берлине Будберга [24] министру иностранных дел князю Горчакову, 20 (8) января 1859 г.*

В донесениях, которые я посылал императорскому министерству, я воздержался от упоминания о положении, созданном итальянскими делами, т. к. я не мог собрать достаточных данных, чтобы составить себе точное мнение о тенденциях, доминирующих здесь по этому вопросу. Разговор, который я недавно имел с его высочеством принцем-регентом [25], позволил мне, если не ясно представить себе позицию, которую займет берлинский кабинет, в случае событий, которые, как предполагают, угрожают югу Европы в Италии, то во всяком случае получить представление о тех чувствах, которые превалируют в берлинском кабинете, и о тех течениях, которые на него влияют.

Его высочество регент показался мне сильно озабоченным не только возбуждением, которое проявляется в Ломбардии, и поддержкой, которую оно встречает в Сардинии, но, главным образом, более или менее активным участием, которое император Наполеон повидимому желает принять в этих событиях. Его королевское высочество чувствует, с одной стороны, что национальное движение в Италии имеет опору в центре Парижа; с другой,— что Пруссии и Германии невозможно уклониться от роли, которую возложат на них события в случае возникновения войны в Ломбардии. Прусских государственных деятелей сумели убедить, что император Наполеон начнет с того, что нанесет смертельный удар мощи Австрии, чтобы затем напасть на Германию и уничтожить Пруссию, как то сделал его дядя. Это мнение стало аксиомой в этой стране; все доводы, которые стремятся доказать противное, установить отличие между характером и ходом политики обоих императоров, которые правили Францией на расстоянии приблизительно полувека друг от друга, остаются совершенно бесплодными.

Е. в. регент все же сказал мне: «я согласен, что наше теперешнее положение в отношении императора Наполеона отличается от того, в каком мы находились в отношении его дяди. Мы не можем на него жаловаться».

Я ответил: «Мне кажется даже, что вам следует быть довольным им. Он оказал много услуг Пруссии и еще много может сделать для нее».

«Пока война будет происходить между Австрией и итальянскими правительствами, я допускаю,— сказал его королевское высочество,— что шансы будут таковы, что мы сможем оставаться вне борьбы. Это дело Австрии. Но с момента, когда вмешается Франция, война примет европейские размеры, существование Австрии и Германии окажется под угрозой, и наш долг и в интересах сохранения нашего существования — не допустить этого... Франции нет никакого дела до отношений Австрии в Ломбардии. Следовательно ее вмешательство будет вызвано только желанием порвать существующие договоры и нарушить покой Европы. А мы заинтересованы в сохранении их. У Франции нет

* Помета Александра II: «Если есть еще что-либо, что может успокоить Францию, то это позиция, которую рассчитывает занять Пруссия в случае войны против Австрии, вот почему необходимо, чтобы мы не скрывали от нее то, что мы знаем».

никаких реальных оснований для обид против Австрии, которая своими действиями не подавала для них повода».

Я заметил е. в. регенту, что невозможно утверждать, что Франция должна остаться равнодушной к итальянским делам. Вся ее история доказывает обратное. Что же касается обид, которые император Наполеон может иметь против австрийского правительства, я напомнил е. к. в. поведение венского кабинета во всех вопросах, возникавших за последние годы между великими державами.

«Согласитесь, в. в.,— сказал я ему,— ведь было достаточно того, чтобы в каком нибудь вопросе Франция или Россия выразили свое мнение, как Австрия постоянно вставала в решительную оппозицию к ним. Это поведение, которое не может терпеть ни одна держава, и император Наполеон менее, чем кто-либо, потому что его положение принуждает его быть щепетильным, даже если б он не был таковым от природы» *.

Е. к. в. ответил: «Я не стану защищать политики графа Буоля [26], я осуждаю ее как в отношении Франции, так и в отношении вас. Не надо думать, что мы находимся на поводу у Австрии. Наоборот, мы не жалеем упреков, когда она их заслуживает. Еще вчера я приказал отправить в Вену очень резкую депешу касательно сербских дел. Буоль признал свою ошибку, он воздержится от всякого вмешательства, противного договорам [27]. Но в конце концов в случае войны, которую Франция вызвала бы в Италии, положение будет иное. Я еще надеюсь, что уговоры Англии удержат императора Наполеона. Если это не удастся, то мы не сможем смотреть, не берясь за оружие, как от Австрии будет отторгнута Ломбардия, ни допустить усиление Франции до такой степени, чтобы она стала для нас серьезной угрозой».

Е. в. регент при этом признал, что Австрии следовало изменить режим в Ломбардии. Он обвиняет эрцгерцога Максимилиана в том, что тот пытался приобрести популярность в ущерб своему правительству [28]. Е. к. в. также отметил недопустимость тона австрийских газет в отношении к Франции, но мне не трудно было убедиться, что сущность его мысли — это солидарность интересов Пруссии с Австрией в Италии.

Другое убеждение, которое я смог составить себе на основании слов регента и которое было подтверждено в моем разговоре, который я имел с бароном Шлейнитцем по тому же вопросу,— это что в настоящий момент берлинский кабинет еще не принял на себя обязательств в отношении Австрии. Его действия еще свободны от всякого стеснения, но он в глубине души чувствует, что не сможет удержаться в таком положении.

И только надежда, что тучи, которые заволакивают горизонт, рассеются, содействует главным образом тому, что Пруссия не связывает себе преждевременно руки. Наряду с почти всеобщим желанием придти на помощь Австрии, если возникнет угроза какой либо части ее территории, продолжает существовать известное недоверие к венскому кабинету. Совет, который дал регенту барон Мантейфель [29] относительно его взаимоотношений с Австрией,— не жертвовать единственным средством, которым располагает Пруссия, чтобы защищаться от австрийских претензий,— все еще действует в сознании регента. Но эта сдержанность будет продолжаться только до тех пор, пока события не выявят всей серьезности и угрозы настоящего положения.

Е. к. в. сказал мне, что согласно сведениям, присланным прусским военным агентом в Париже, Франция будет готова к войне лишь в будущем июне. Согласно его оценке она будет располагать тогда армией в 500 тыс. человек. Е. к. в. высказал при этом соображение, почерп-

* Помета Александра II: «совершенно верно».

нутое из опыта прошлого, что в период войны французское правительство обычно нуждается в меньшем количестве военных сил внутри страны, и вывел из этого заключение об огромных ресурсах, которые окажутся в распоряжении императора Наполеона. Мне кажется, что эти соображения являются в его глазах лишним доводом для Германии не отказывать Австрии в своей помощи, если она окажется под угрозой.

Имею честь и пр.

Будберг.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Будбергу, 29 (17) января 1859 г.

Ваше письмо от 20 (8) января тотчас было представлено его величеству императору.

Наш августейший монарх прочел его с живейшим интересом и соблаговолил приказать мне выразить вам его полнейшее удовольствие. Намерения Пруссии вырисовываются в нем достаточно ясно. Остается только выяснить, будут ли действия соответствовать намерениям. Берлинский кабинет приучил нас к тому, что первые сильно расходятся со вторыми и что не всегда можно предвидеть конечный результат по точке отправления. Однако не надо при этом предаваться иллюзиям и лучше расчитывать на наименее благоприятные шансы, чем быть застигнутым врасплох.

Поэтому я предпочитаю исходить из принципа, что в случае разрыва между Францией и Австрией в Италии, Пруссия встанет на сторону венского кабинета. Это не изменит позиции, которую мы решили занять,— позиции благожелательного к Франции нейтралитета.

Мой ответ Вертеру, который я вам сообщил *, дал вам о ней представление. Мне нечего в нем изменять и я не хочу ничего говорить больше.

Прочтите внимательно мое совершенно секретное письмо графу Киселеву. Занимая столь высокое положение, Вы должны в столь важный момент знать полностью мысли императора. Они вам раскроются в моем сегодняшнем письме графу Киселеву, а также в другом письме от 20 декабря, которое его дополняет **. Все это лишь исключительно для вашего личного сведения.

Вы видите, что мы имеем ввиду две цели. Сохранение мира, *если это возможно*, сохранение нашей близости с Францией, *во всяком случае*.

Подробности этого положения, способы достижения этой двойной цели изложены в моих письмах к графу Киселеву.

Я ставлю ему два вопроса ***, я сомневаюсь, чтобы на первый вопрос — о причинах безусловного доверия императора Наполеона к английскому правительству в случае войны в Италии, мы получили бы определенный ответ.

Что касается второго вопроса, то я также сомневаюсь, что уверения и гарантии, которые мы просим для Германии, будут достаточны для того, чтобы держать ее на позиции строгого нейтралитета.

Увидим, что ответит нам Франция.

Все желают, чтобы война, если она возникнет, была бы *локализована*. Но мне кажется, что в Берлине выражению *локализо-*

---

* См. выше стр. 203.
** См. примеч. № 23.
*** См. ниже стр. 210.

в а т ь придают такое значение, которое оно ни в коем случае не может получить в действительности.

Прусское правительство говорит, что оно и Германия останутся нейтральными, если война ограничится борьбой между Австрией и Пьемонтом, и что они вступят в войну, если Франция в нее вмешается. Это значит сделать невозможной локализацию и в таком случае надо примириться, не делая себе иллюзий, с всеобщим пожаром.

Пьемонт не начнет неравной борьбы с Австрией, не обеспечив себя материальной поддержкой со стороны Франции.

Мы желаем сохранения мира, но, преследуя эту цель, мы должны принять во внимание соображения весьма серьезного порядка, и считаем, что не можем в этом случае держаться иного образа действий, кроме того, который я, по приказанию императора, изложил в письме к графу Киселеву, т. е. ничего не скрывать от императора Наполеона, но вместе с тем также предоставить ему после этого быть единственным арбитром решений, которые он должен принять.

Если этого будет достаточно, чтобы удержать его, тем лучше; если нет, то он может расчитывать на наш благожелательный нейтралитет.

Мне кажется, что во втором случае, то-есть, если нельзя будет избежать разрыва, берлинскому кабинету надо будет серьезно взвесить свое решение, прежде чем дать себя увлечь на путь, возможно и рыцарский, в смысле средневековых понятий, привившихся в Берлине, но который отнимет у Пруссии наиболее благоприятный случай достичь цели ее постоянных усилий, а именно твердо установить свое преобладание в Германии на основе ослабления своей извечной соперницы.

Прежде, дорогой барон, и мы позволяли рыцарским идеям увлечь себя, и, вы знаете, к чему это нас привело.

Откровенно говоря, я считаю опасения о возвращении первого имперского режима, поскольку это касается Германии, химеричными. Это уже не тот человек, совершенно изменились обстоятельства, и слишком свежа еще память как об успехах, так и о поражениях Наполеона I, чтобы потерять свое влияние на умы современников.

Мы уверены в том, что получим из Парижа самые положительные заверения для успокоения Германии. Но, скажете вы, захотят ли им верить и следует ли довольствоваться словами, когда дело идет о существовании и достоинстве?.

Мы не придерживаемся политики, основанной на чувствах, и не требуем таковой ни от кого. Но здесь гарантии обещаний, которые дал бы император Наполеон, заключаются в самих обстоятельствах; его верность этим обещаниям является необходимостью в силу его положения, и в особенности, того положения, которое он себе создаст войной в Италии; потому что, начиная с этого момента, он почувствует, что за каждым его шагом с недоверием наблюдают, и сколько бы он ни искал, он в погоне за крайними вожделениями своего честолюбия не найдет себе ни одного союзника.

Даже мы не колеблясь встанем в ряды его противников, если мы заметим желание нарушить обязательства, с которыми связана наша честь, так как мы взяли на себя передать их правительствам Германского союза.

Все это, дорогой барон, исключительно для вас лично. Факты, о которых я отчасти даю вам понять и о которых отчасти вы сами догадаетесь, не должны никому стать известными. Что же касается политики, которой вы должны придерживаться, так как более чем вероятно, что вопрос о позиции, которую должна занять Пруссия, будет еще обсуждаться в вашем присутствии, будь то официально или неофициально,— вы можете черпать в идеях, которые я вам здесь набросал, все,

что вы сочтете полезным для основного интереса настоящего момента — локализации войны, если она возникнет. Но тогда эти идеи должны быть облечены в форму ваших личных соображений.

В отношении второстепенных вопросов позвольте мне сослаться на письмо мое к графу Киселеву, которое всех их касается.

Горчаков.

Из письма министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 29 (17) января 1859 г.

Я получил ваши депеши по № 6 включительно. Они были с живейшим интересом прочитаны его величеством императором [30].

Не вдаваясь в подробности, я приступаю к основному вопросу.

Если судить по внешним признакам, в Париже еще не принято определенного решения. Император Наполеон, повидимому, стоит на перекрестке и колеблется, какой путь выбрать, мир или войну...

С одной стороны, выступлениями и газетными статьями стараются внести успокоение в деловую жизнь страны, с другой — прибегают к юридическим тонкостям, чтобы не потерять выгодной в отношении Австрии позиции [31]. В этом есть или непоследовательность, чего я не думаю, или маневр, чтобы скрыть свою игру до решительной минуты.

Впрочем я не стану делать дальнейших предположений. Я предоставляю вам, находясь там на месте, заменить их, когда придет время, точными данными, которые вы соберете или которые вы сумеете обнаружить благодаря вашей личной проницательности.

Я только считаю нужным, ввиду серьезности и значительности момента, еще раз изложить мысли императора в том виде, в каком вы, граф, должны их выразить, чтобы мне не пришлось упрекать себя в том, что я опустил какой-либо мельчайший оттенок их, хотя ваша опытность и делала бы эту предосторожность излишней.

Я уже говорил вам, что наш августейший монарх имеет ввиду две цели: сохранение мира, если это возможно, и сохранение тесной дружбы с Францией, во всяком случае.

Для достижения первой цели наша роль сводится к тому, чтобы доводить до сведения императора Наполеона все, что становится нам известным насчет намерений Англии и Германии. Мы сообщаем ему эти сведения такими, как мы их получаем, без комментариев, чтобы умножить данные, на которых он призван строить свои расчеты.

Это значит выполнять долг настоящей и честной дружбы, но не следует идти дальше этого. Не надо сопровождать эти сообщения рассуждениями, которые могли бы вызвать мысль, что мы стараемся косвенно избавиться от выполнения обещания, хотя бы оно было дано эвентуально.

Не надо забывать, что мы имеем дело с характером подозрительным, обидчивым, что мы действуем в центре, где в ближайшем окружении императора Наполеона борются самые различные мнения. Мы должны стоять в стороне от этого.

Мы не даем советов, так как мы не можем этого делать, не давая повода подозревать нас в задних мыслях. Мы ограничиваемся тем, что ставим самого императора Наполеона перед зеркалом, которое отражает современное положение так, как оно есть. Он сам должен сделать выводы о последствиях и принять решения...

Я повторяю вам, мы желаем мира, мы считаем, что те, которые стараются направить мысль императора Наполеона в эту сторону, оказывают ему настоящую услугу, но мы также считаем, что эта услуга слишком противоречила бы сейчас его видам и вожделениям, чтобы он

воспринял ее как таковую, и что воспоминание, которое бы сохранилось у него об этом, могло бы впоследствии лишить нас поддержки императора Наполеона в деле защиты интересов Росссии. Поэтому он сам должен оказать себе эту услугу.

Я очень прошу вас, граф, обратить на этот оттенок самое серьезное внимание.

Если, несмотря на современное положение вещей, относительно которого император Наполеон может питать только произвольные иллюзии, он все же будет продолжать упорно преследовать свои планы, он должен знать и быть уверен, что император, наш августейший монарх, каково бы ни было его личное мнение в отношении своевременности осуществления этих планов, выполнит обещания, которые он дал, в пределах, которые он указал.

Мне кажется, что по тем соображениям, которые я вам развил по приказанию е. в. императора, наши действия в Париже обрисовываются вполне ясно. Мы будем продолжать снабжать французское правительство всеми сведениями, которые нам удастся получить, насчет морального и политического положения в Европе; мы будем молчать относительно линии поведения, которой следует придерживаться, если только император Наполеон по своей собственной инициативе не попросит нашего совета...

Если же, однако, вы увидите, что решения императора Наполеона окончательно склоняются к войне, есть два существенных пункта, которые вам придется затронуть и о которых вы тогда можете заговорить, не совершая нескромности.

1. Надо вызвать со стороны императора Наполеона объяснение относительно обстоятельств, которые, повидимому, внушают ему столь полную уверенность в моральном содействии или нейтралитете Англии. Я уже говорил вам, что неопределенные фразы, которые он сказал вам в Компьене, не могут служить основой серьезного расчета [32]. Надо предполагать, что император французов основывается на других данных; а эти данные мы имеем право знать.

2. Император Наполеон возлагает на нас заботу об успокоении Германии. Пусть он нам скажет, какие гарантии мы можем дать от его имени и какие положительные заверения мы можем сообщить немецким дворам. Я очень слабо надеюсь на то, что их окажется достаточно, чтобы локализовать войну и заставить Пруссию не прибегать к оружию. А действия Пруссии повлекли бы за собой действия всего Союза. Во всяком случае попытку надо сделать, и мы приложим к этому всю нашу добрую волю. Но основная тема должна быть дана нам из Парижа. Мы добавим к ней все те аргументы, которые подскажет нам наша дружба к Франции.

Примите и пр.

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 11 февраля (30 января) 1859 г.

Последней почтой я посвятил вас по приказанию государя в подробности миссии барона Ля-Ронсьера ле Нури [33].

Его величество предписывает мне в настоящее время препроводить вам весь комплект документов с тем, чтобы от вас не ускользнула ни одна из подробностей дела.

Государь желает, чтобы содержание этих документов было известно исключительно только вам, чтобы попрежнему никто не предполагал, что они находятся в вашем распоряжении и чтобы французскому императору была предоставлена возможность сделать вам конфиден-

циальные сообщения в тех пределах, в которых он это найдет удобным. Государь желает, чтобы эти указания были вами строго соблюдены. Мы не желаем делать ни одного шага более, и вы будете ждать проявления инициативы со стороны императора Наполеона.

Одним словом, благоволите придерживаться линии, предписанной мной в весьма доверительном письме, отправленном последней почтой.

Горчаков.

Письмо посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 13 (1) февраля 1859 г.

Князь,

После того, как я выполнил возложенное на меня поручение, подчеркнув, согласно инструкций, заключавшихся в вашем письме от 29 (17) января с. г., неизменное намерение нашего августейшего монарха относительно дружественных и близких отношений, которые он желает сохранить с императором Наполеоном, в чем я отдал отчет в своем письме от сего дня, я считаю нужным добавить, что я, так сказать, только вскользь упомянул о возможности взаимного обязательства, которое должно быть сформулировано между нами, если возникнет война в результате осложнений настоящего момента.

Я так поступил по двум причинам: во-первых потому, что важная почта, о получении которой я предупрежден [34], может дополнить или изменить ранее полученные данные; во-вторых потому, что предложение, которое мы делаем, мне кажется не пропорциональным нашим требованиям.

Постараюсь разъяснить свою мысль.

Император Наполеон мне как-то сказал, что политика в конце концов это сделка. Я предлагаю вам одно или другое; вы взамен этого даете мне то или иное. Сговариваются и затем действуют сообща, уже не страшась непредвиденных просчетов.

Император Наполеон упорен в своих идеях. Поэтому я считал бы предусмотрительным и полезным хорошенько взвесить наши предложения и тот эквивалент, на который мы вправе претендовать, не допуская, чтобы обязательства, выпавшие на долю нашего союзника, намного превышали наши, что привело бы его к желанию уравнять выгоду сделки.

На самом деле, что мы можем предложить? Благожелательный нейтралитет, который, конечно, явится для Франции могучей поддержкой и имеет свою цену *. А что мы желаем получить в обмен? Отказ от унизительных для России статей Парижского трактата.

Мне не понадобится долго доказывать, что этот нейтралитет не уравновешивает наши требования. Европейский договор не аннулируется в результате простых переговоров и даже, если император Наполеон возьмет на себя обязательство (в чем я сомневаюсь) добиться таких переговоров после удачной войны с Австрией, я бы не поверил такому обещанию. Даже если бы он и хотел, он не смог бы этого сделать без всеобщей войны, причем Россия была бы поневоле принуждена принять в ней активное участие,— по-моему, несвоевременное, принимая во внимание наши насущные в настоящий момент интересы.

---

* Помета Горчакова: «а Ницца и Савойя и политическое влияние? А расширение владений Сардинии? Ничто это не может быть сделано без нашего согласия, а в ответ император Наполеон обязуется только оказывать дружеские услуги и стараться добиться аннулирования унизительных статей».

Я знаю все значение, которое вы придаете пересмотру Парижского трактата; всем сердцем одобряю это; я полностью присоединяюсь к этому; я такой же русский, как и вы, князь, и я всей душой жажду окончательного результата, которого вы добиваетесь, но, наблюдая вблизи приемы личной политики императора Наполеона, я опасаюсь, что подобное обязательство увлечет нас дальше, чем мы желаем. Я говорю откровенно, что предпочел бы, по примеру Франции, чтобы мы оставались под действием Парижского договора до наступления более благоприятных обстоятельств, чем воспользовались обстоятельствами, которые может нам предложить всеобщая война сегодня *.

Возможно, что осторожность, которую я проявляю, чрезмерна, но чтобы иметь чистую совесть, я говорю с вами так, как чувствую.

Я не знаю, что принесет мне ваша почта, но я желал бы, чтобы письменный документ, который должен сформулировать наши взаимные обязательства с Францией, если император считает необходимым уточнить их письменно, не был бы слишком определенно выражен в отношении наших требований, для того, чтобы не вызвать в нашем союзнике желания одним ударом осуществить при нашем содействии фантастическую карту Европы 1860 г., которую я вам пересылаю сегодня ** [35].

Сообщая вам мои мысли, я воздерживаюсь от последующих рассуждений. Я исполняю долг, так как доминирующая у меня сейчас мысль — это то, что слишком определенный документ может завлечь нас дальше, чем то было бы в наших намерениях, и я счел нужным вас предупредить, сообщив вам результат моей личной оценки, сделанной мной здесь, на месте. Но я не настаиваю на этом и при моих разговорах с императором буду сообразоваться с указаниями, которые принесет мне ваша почта.

Примите и проч.

Киселев.

Из письма посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 19(7) февраля 1859 г.

Князь,

Как было между нами условлено, я побывал сегодня у графа Валевского. Он ознакомил меня с вашим последним проектом договора.

Император Наполеон принял ваш проект, за исключением небольшого изменения, которое он ввел в статью III ***, и которое касается только эвентуальности обязательств Франции по отношению к Пьемонту.

В вашем проекте было сказано «Франция будет вынуждена», это заменено словами: «Франция может быть вынужденной» — что больше отвечает положению, так как в действительности, как меня вновь уверял граф Валевский, французское правительство не дало сардинскому правительству обещаний, которые создали бы для него с настоящего момента ipso facto обязательства, вытекающие из войны между Авст-

---

Пометы Александра II:

* Я не желаю безусловно войны, но если война вспыхнет, я не отступлю и я верю императору Наполеону, что он выполнит то, что обещал, то-есть, аннулирование Парижского договора, который является для меня постоянным кошмаром».

** «Мне кажется, что проект договора в том виде, в каком мы его редактировали, достаточно широк».

*** Здесь, повидимому, описка, так как изменение, о котором идет речь, сделано не в ст. III, а в вводной части договора, во 2 абзаце.

рией и Пьемонтом. Мне кажется, что это изменение не имеет для нас значения, но я счел долгом указать вам на него *.

Граф Валевский придал вашему проекту, принятому отныне обоими сторонами, форму договора, чтобы можно было приступить к подписанию его.

По этому поводу он мне указал, что существуют два вида договоров: договоры, подписываемые самими государями, и договоры, подписываемые их уполномоченными представителями и санкционированные государями при посредстве взаимных ратификаций.

В дипломатической практике с конца последнего века существуют только два примера договоров, подписанных непосредственно государями. Договор, заключенный между императором Наполеоном I и папой в Фонтенебло [36], и договор Священного союза.

Император Наполеон готов сам подписать этот договор, если таково будет желание нашего августейшего монарха, но он предпочел бы, чтобы он был подписан полномочными представителями и ратифицирован государями **.

Со своей стороны граф Валевский считает, что можно обойтись без особых полномочий ввиду моего звания полномочного посла; однако он признает, что обычай часто берет верх. Этот вопрос о форме всецело зависит от мнения императорского кабинета ***.

В предположении, что его величество император также соблаговолит согласиться на подписание договора полномочными представителями, я имею честь препроводить при сем принятый обоими сторонами проект, которому граф Валевский придал внешнюю форму договора.

Ваше превосходительство найдет вынесенным на поля красными чернилами **** несколько пунктов, которые могли бы подлежать некоторым изменениям, но французский кабинет не придает этому никакой важности и предоставляет этот вопрос целиком на ваше усмотрение...

Если вы согласитесь на мое предложение уполномочить меня по телеграфу приступить без промедления к подписанию, я думаю, во избежание того, чтобы в канцеляриях стало известно о секретных переговорах, достаточно было бы сообщить шифром: «что вы получили мою сегодняшнюю почту и одобряете содержание моего письма от 19-го» *****. Я усмотрю в этом доказательство вашего согласия уполномочить меня подписать договор без промедления, а также ваше согласие на то, что особые полномочия не нужны.

Пересылая проект договора обсуждавшегося и сформулированного ранее, без моего прямого участия, я воздержусь от всякой оценки его значения. Я рассматриваю его как полезный первый шаг, предназначенный получить дальнейшее развитие.

Валевский сказал мне, что он посвятил в эти переговоры, для несения неизбежной, связанной с ними письменной работы, одного из

Пометы Александра II:

* «Мы можем на него согласиться».

** «Я тоже».

*** «Это надлежит решить нам».

**** Отметки красными чернилами сделаны на приложенном к письму экземпляре, который только редакционными изменениями отличается от русского проекта, посланного Александром II Наполеону III (см. выше, стр. 200 и дополнен 5 статьей, которая гласит:

«Высокие договаривающиеся стороны обязуются держать в секрете настоящий договор, который будет ратифицирован; и обмен ратификациями произведен будет в Париже в течение одного месяца или даже раньше, если это окажется возможным».

***** Помета Александра II: «Да».

своих служащих. Со своей стороны я с той же целью посвятил в них Убри[37], который только один о них знает.

Примите, князь, уверения в моей полной преданности.

Киселев.

Письмо посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 3 марта (19 февраля) 1859 г.

Князь,

Вечером 1 марта (17 февраля) я получил телеграмму вашего сиятельства, сообщавшую мне, что император соблаговолил одобрить проект секретного договора, приложенный к моему письму от 19 (7) февраля, и поспешил сообщить графу Валевскому, что я уполномочен заключить его, причем особых полномочий не нужно. Одновременно я сообщил ему, что собираюсь отправить курьера и могу поручить ему отвезти этот акт, если его подписание не потерпит промедления.

Мы договорились подписать его сегодня же.

Исполнив сегодня днем вместе с г. министром иностранных дел приказ, данный нам нашими августейшими повелителями, имею честь препроводить при сем экземпляр секретного договора, предназначенный для императорского министерства и который должен быть ратифицирован в течение одного месяца или скорее, буде то окажется возможным.

При этом случае граф Валевский настойчиво повторил мне, что из факта подписания этого договора не следует делать вывод, что положение чревато войной и что она близка. Он сказал мне, что он может меня наоборот заверить, что намерения императора Наполеона самые мирные, что его правительство не связано с Пьемонтом никаким формальным обязательством, что еще недавно его величество преподал сардинскому кабинету самые мудрые советы.

Я должен все таки добавить, что по имеющимся у меня сведениям доверительного характера подготовка к войне продолжает итти с большой энергией.

Заговорив с графом Валевским о «теме», которую он мне передал *, я все же ему заметил, что достаточно-законные причины войны, о которых в ней говорится, как могущие вызвать необходимость вмешательства Франции, мне кажется допускают довольно широкое толкование. Он попытался опровергнуть мой аргумент, уверяя меня, что император Наполеон принял твердое решение не допустить, чтобы внушения и пожелания графа Кавура[38] вовлекли его в войну **. Я выразил ему свою искреннюю радость по этому поводу.

Последние телеграфные сообщения Коулея[39] внесли, я полагаю, некоторое успокоение в оценки французского правительства.

Я пересылаю вашему превосходительству соображения графа Валевского, не желая, однако, оказывать им полного доверия. Обычно верят в то, чего желают. В непрестанных изменениях настоящего момента это очевидно новая миролюбивая пауза, но последующие события покажут, будет ли она продолжительной или кратковременной. Поэтому, несмотря на эти уверения, я передаю вам, в моей сегодняшней почте различные сведения[40] с тем, чтобы изменить или дополнить их впоследствии, в соответствии с ходом событий и позднейшими сведениями, которые я получу.

Примите и проч.

Киселев.

---

* См. ниже стр. 216 и прим. № 41.

** Помета Александра II: «Господь да сохранит его в этих намерениях».

Я только что узнал из очень верного и хорошо осведомленного источника, что в Вене настроены очень воинственно вот уже несколько времени и что это является результатом настроения самого императора Франца-Иосифа. Мне стало также известно, что Кавур предложил французскому правительству послать в Сардинию 40 тысяч человек, ввиду сосредоточения австрийских войск на границе Ломбардии. Эта просьба была отклонена.

Киселев.

Секретный договор.*

В соответствии с тем, что было условлено в Штуттгардте между его величеством всероссийским императором и его величеством императором французов,— не принимать участия ни в одном крупном европейском вопросе, не посоветовавшись предварительно между собой, его величество император французов сообщил его величеству всероссийскому императору о своих предположениях касательно осложнений, которые может вызвать положение в Италии.

Если между Австро-Венгрией и Сардинией вспыхнет война, традиционная политика Франции, ее интересы и симпатии смогут принудить ее поддержать Сардинию.

Так как его величество всероссийский император признает, что Россия, со своей стороны, не может остаться равнодушной к подобным событиям, вышеназванные государи решили, в предвидении возможности вышеупомянутых событий, сговориться между собой и назначили для сего своих полномочных представителей, а именно:

Его величество всероссийский император — его превосходительство графа Павла Киселева, кавалера российских орденов, награжденного двойным портретом, осыпанным бриллиантами, императоров Николая и Александра II и т. д., генерала — адъютанта государя, генерала-от-инфантерии, члена государственного совета, чрезвычайного и полномочного посла при особе его величества императоре французов.

Его величество император французов —его превосходительство графа Александра Колонна Валевского, кавалера ордена Почетного легиона, кавалера российских орденов и прочая, и прочая, сенатора империи, императорского государственного секретаря по иностранным делам, которые согласились в следующем:

Статья I.

В случае объявления войны между Францией и Сардинией — с одной стороны, и Австрией — с другой, его величество император всероссийский займет политическую и военную позицию, наиболее легко доказывающую благожелательный к Франции нейтралитет.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны договорятся касательно изменения существующих договоров, которого надлежит совместно добиваться в интересах обоих государств при заключении мира.

Статья III.

Его величество император всероссийский не будет противиться расширению Савойского дома в Италии при соблюдении прав монархов, которые не примут участия в войне.

* Оригинал с подлинными подписями, скрепленными печатями.

Статья IV.

Его величество император всероссийский и его величество император французов обязуются разъяснить положение, которое возникло бы в связи с войной между Францией и Австрией, своим союзникам и дать им понять, что эта борьба не может нанести ущерб интересам великих нейтральных держав, равновесие которых не будет нарушено.

Статья V.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются сохранить в тайне настоящий договор, который будет ратифицирован. Обмен ратификациями произойдет в Париже через месяц или скорее, буде это окажется возможным.

В подтверждение чего нижеподписавшиеся полномочные представители подписали настоящий договор и приложили к ним свои гербовые печати.

Граф Киселев, Валевский.

Париж, 3 марта 1859 года.

Конфиденциальная записка, переданная французским министром иностранных дел Валевским русскому послу в Париже Киселеву. * [41]

Когда император Наполеон написал в январе месяце императору Александру **, он был под впечатлением новостей, которые получил из Турина и которые представляли состояние Италии в таком беспокоющем виде, что все предсказывало на весну столкновение между Пьемонтом и Австрией. Предположения пьемонтского правительства были, действительно, следующие:

В итальянских государствах по правому берегу По произойдет восстание;

Австрия захочет вмешаться, Пьемонт этому воспротивится, так как не может допустить, чтобы австрийские войска окружили его со всех сторон и чтобы влияние Австрии распространилось на всю Италию.

С тех пор, благодаря распространившимся слухам, вопрос изменился в том направлении, что Австрия вступила на путь дипломатических переговоров. Англия взяла на себя инициативу переговоров, имеющих целью заставить Австрию отказаться от всех частичных договоров, которые поставили в зависимость от нее маленькие итальянские государства, и благоприятствовать бы реформам в Центральной Италии.

В результате этих переговоров произойдет одно из двух: или Австрия уступит и тогда ее влияние в Италии уменьшится в пользу Пьемонта, влияние которого в такой же мере возрастет — равновесие будет восстановлено; или Австрия откажется, и тогда Англия окажется морально обязанной поддерживать дело, которое она защищала.

Что касается Франции, то она не переставала на протяжении всего времени придерживаться в отношении Пьемонта одной и той же линии. Она рекомендовала ему величайшую осмотрительность, заявляя, что сможет его поддержать только, если он подвергнется нападению со стороны Австрии, или если он будет иметь против этой державы такой законный повод для войны, который позволил бы Франции вмешаться.

Однако дело все еще находится в неопределенном положении, что, надо признаться, имеет свою отрицательную сторону, так как французское правительство, не будучи уверено в исходе этого положения, только наполовину готовится к войне.

---

* Оригинал без заголовка, без подписи и без даты.

** Об этом письме см. выше стр. 192.

Несмотря на это французское правительство сможет иметь к началу июня 632 тыс. человек под ружьем; ей потребуется только месяц *, чтобы перебросить в Италию 200 тыс. человек. Через несколько недель Лионская армия в 90 тыс. человек сможет в 4 дня добраться по ж. д. до Турина. В Африке 30 тыс. человек готовы к отправке в назначенное место.

Общественное мнение в Германии тем не менее очень возбуждено против Франции. Австрийское влияние дает себя там сильно чувствовать благодаря большому количеству газет, финансируемых Австрией. Французская дипломатия прилагает все усилия, чтобы успокоить умы и доказать Пруссии, что Франция питает к ней только чувство дружбы, что у нее нет никаких замыслов против Германии, и что правильно понятые интересы Пруссии состояли бы в том, чтобы она связала себя с Францией.

Русское правительство оказало бы большую услугу императору Наполеону, указав своим дипломатам действовать в этом смысле. ** Если же война вспыхнет, Россия окажет ей не меньшую услугу, сосредоточив свою наблюдательную армию на границе Галиции *** и герцогства Познань **** и заявив, что она останется нейтральной, пока Пруссия сама будет сохранять нейтралитет. Она сможет таким образом сдерживать Германию и парализовать действия части австрийских сил. Заняв такую позицию Россия получит право на горячую признательность Франции.

Из письма министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 5 марта (21 февраля) 1859 г.

...Сообразуясь с мыслями императора, я теперь намечу вам линию поведения, которой, как этого желает наш августейший монарх, вам следует придерживаться. Я сделаю это кратко, без ненужных комментариев, чтобы избавить передачу приказаний его императорского величества от всех подробностей, которые могли бы быть в ущерб ясности и точности.

1. Тюльерийский кабинет обещал вам разослать мемуар, целью которого является успокоить Германию при посредстве французских миссий, и дать нам тему для поддержания их усилий [42].

Мы надеемся, что этот документ не будет составлен в таких общих выражениях, которые допускали бы двусмысленное толкование и вследствие этого совершенно не производили бы нужного впечатления. Основное в положении сегодняшнего дня — это создать незаинтересованность государств Германского союза. Повидимому, император Наполеон сам проникнут этим. Следовательно надо, чтобы заверения, которые будут даны Францией и от ее имени, сводились к положительному заявлению уважать неприкосновенность территории Германии.

Провозглашенное императором французов и поддержанное российским императором такое заверение было бы равноценно гарантии, которую государства, входящие в Союз, приняли бы, если только они не ослеплены неизлечимым страхом или страстями.

Чтобы придать этому заверению больше силы, мы не видели бы

---

* Помета повидимому Горчакова: «Месяц считая с июня или с любого числа? Я понимаю так, что с того числа, с какого она этого желает?

Пометы Александра II:

** «Я целиком на это соглашаюсь и я это сказал Вертеру перед его отъездом».

*** «Это уже решено».

**** «Что же касается того, какого тона держаться с Пруссией, то это еще заслуживает зрелого размышления. Сосредоточение войск на ее границах было бы угрозой, полезности которой я не вижу и которая могла бы, наоборот, еще легче привести ко всеобщей войне».

никакого неудобства, если бы к нему присоединился великобританский кабинет.

Граф Валевский обязался ознакомить вас со своим мемуаром перед его отправлением. Таким образом вы прочтете его раньше нас. Если вы найдете, что существенный пункт, который мы вам сегодня указываем, не выражен в нем со всей точностью, как это нам кажется необходимым, его императорское величество предлагает вам откровенно объясниться по этому вопросу с графом Валевским и побудить его взвесить серьезность доводов, которые заставляют нас настаивать на этом в интересах Франции.

2. Вы, конечно, оценили, до какой степени исход миссии лорда Коулея в Вене должен повлиять на разрешение основного вопроса настоящего момента.

Телеграфные сообщения, которые мы получаем из Вены, дают мало надежды на благоприятный исход этой миссии. Австрия уступит или уже уступила по вопросу об оккупациях. Но она, повидимому, решила отклонить предложение об аннулировании своих частичных договоров; и первым признаком той линии, которую она предполагает занять, является ее намерение мобилизовать 6 армейских корпусов, намерение, выраженное после приезда лорда Коулея. Это, несомненно, является шагом к войне.

При сложившихся в настоящее время обстоятельствах Австрия начнет эту войну при благоприятных для нее предзнаменованиях. Не будем строить себе никаких иллюзий в этом отношении. Она будет иметь на своей стороне всю Германию, так как у нее будет достаточно предлогов мотивировать свое решение причинами, с которыми государства, входящие в Германский союз, будут солидарны. А если Германия выскажется, Англия, которая и без того смотрит с завистью и опасением на возвышение Франции и которую связывают с Пруссией все более тесные узы, Англия, повторяю, вряд ли изберет роль, которая была бы благоприятна для видов французского правительства.

Нам кажется, что император Наполеон понимает это.

Его последний разговор с вами, граф, совершенно определенно носит отпечаток этого [43], и мы думаем, что после серьезных размышлений он укрепится в этой мысли и убедится, как выгодно было бы для него постараться ослабить сильную в настоящее время позицию Австрии перед тем, как начинать с ней войну.

Мы желаем, чтобы император Наполеон с блеском закончил путь, на который он встал, будь то путем мирного разрешения, соответствующего его видам, или путем войны, сведенной к таким пропорциям, чтобы ему пришлось сражаться лишь с одним противником.

Мы считаем, что для этого есть средство, во всяком случае его следует испробовать.

Одно из двух: или миссия лорда Коулея будет иметь успех, и Австрия откажется от преобладания, которое она постепенно приобрела в Италии, или венский кабинет отклонит уничтожение частичных договоров.

В первом случае основная цель императора Наполеона будет достигнута,— Пьемонт будет спокоен за свое существование, правительства Средней Италии вновь получат независимость, которую они утеряли, и Франция получит славу и удовлетворение, достигнув столь великого результата. А это все что и требуется.

Во втором случае Англия потерпит неудачу, и английское правительство под давлением общественного мнения по вопросу, которому не чужды симпатии страны, не смогло бы дальше оказывать поддержку венскому кабинету, и бездействие с его стороны, которое сейчас дает оружие в руки его противников, было бы тогда оправдано [44].

Пруссия, которая сейчас вращается в орбите Англии и которая также высказывается за отмену частичных договоров, окажется в аналогичном положении.

Это был бы уже выигрыш.

3. Однако останется предпринять еще один большой шаг: добиться осуждения Австрии на конгрессе великих европейских держав.

В прошлом конгресс был созван для восстановления мира [45]. Несомненно, что сейчас более чем когда-либо своевременно предложить созвать новый конгресс для предотвращения войны [46].

Опасности, которые тогда угрожали Европе, были скорее воображаемые. Те, которые надо предотвратить сейчас, реальны и могут, даже должны, принять громадные размеры.

Ни одному серьезно мыслящему человеку в Европе не следует создавать себе иллюзий по этому вопросу.

Император приказывает вам, граф, переговорить об этом с императором французов и его министром.

В принятии нашей идеи мы усматриваем лучший, если не единственный способ, или добиться мирного разрешения вопроса, в соответствии с видами императора Наполеона, или изолировать Австрию в такой мере, чтобы вызванная ее упорством война была бы в самом своем зародыше локализована.

Наш августейший монарх охотно предоставит инициативу подобного предложения своему высочайшему союзнику, а с этой инициативой — и возможность дать наиболее яркое доказательство своего желания сохранить мир.

Мы считаем, что подобная инициатива одновременно расширит базу его могущества во Франции и обезоружит недоверие, предметом которого он является в Германии.

В таком случае мы с своей стороны оставили бы за Наполеоном право выбора места созыва конгресса.

Если же Наполеон в силу расчетов, которые мы не можем оценивать, не пожелал бы взять на себя эту инициативу, вам разрешается, граф, как только он убедится, что миссия лорда Коулея потерпела неудачу или не достигла полных результатов, сделать от имени нашего августейшего повелителя формальное предложение созыва подобного конгресса, важность которого потребовала бы участия в нем лиц, стоящих во главе правительств.

С нашей точки зрения конгресс все же должен состояться, если даже Австрия откажется принять в нем участие. Вопросы, которые конгресс был бы призван обсудить, носят, бесспорно, общеевропейский характер. Каждая из европейских великих держав имеет жизненные интересы, подлежащие обсуждению на этом конгрессе, и вследствие этого упорство одного единственного правительства не может служить поводом отказа от попытки, которая является в настоящее время возможно последним средством, с одной стороны, сохранить мир и, с другой стороны, удержать войну в более узких рамках.

Горчаков.

Из письма посла в Вене Балабина [47] министру иностранных дел Горчакову, 18 (6) марта 1859 г. *

Князь,

...Какова будет роль России в назревающем кризисе,— вот загадка, которая тяготеет уже несколько месяцев над судьбами Австрии и ко-

* Помета Александра II: «Все его рассуждения совершенно правильны, и вы можете ему передать, что я прочел их с удовольствием»

торая уже стоила ей много миллионов, парализуя ее финансовые сделки, ее промышленность и ее действия. Если бы Австрия имела как прежде Россию в качестве опоры, она уже давно была бы в Париже. Без этой опоры она вынуждена держаться оборонительной позиции. Это уже первый результат. Несмотря на это вопрос сохраняет для нее свой полный объем и она должна резрешить его a priori, чтобы поступать впоследствии согласно своим предположениям.

Каковы же эти предположения? Они, если не ошибаюсь, соответствуют действительному положению вещей, то-есть что мы будем держаться позиции благожелательного к Франции нейтралитета, что мы отплатим Австрии таким же поведением, какого она держалась по отношению к нам, и что мы не перейдем границы. Это поведение, будучи политически целесообразным и разумным, находится как раз в соответствии с нашими возможностями в настоящее время, и австрийское правительство не могло ожидать ничего другого, а поэтому не могло и не предвидеть его. И правда, если бы оно полагало его иным, мы бы увидели сосредоточение войск и энергичную фортификационную деятельность вблизи наших границ и большие заготовки боеприпасов. Это обнаруживало бы опасения правительства.

До сих пор ничего подобного не происходит. Конечно, Галиция и север Венгрии не беззащитны и укрепления, энергично возводившиеся во время последней войны, находятся в хорошем состоянии и снабжены всем необходимым, но они незначительны и недостаточны для защиты территории.

Чтобы притти к такому заключению Австрия, очевидно, должна была рассуждать так:

Россия в своих интересах должна желать мира, а в случае невозможности мира — локализованной войны. Чего она не может еще желать — это всеобщей войны. Если же она перейдет границу, это станет неизбежно. Следовательно она не перейдет границы.

Конечно, есть способы лишить Австрию уверенности в своей безопасности, но мы можем только радоваться, что из конвенции изъята эта неудобная для нас цифра, которая связывала нам руки *.

Мы можем сказать то же и о параграфе, касающемся Венгрии.

Если до сих пор я не говорил вам о положении в этой стране, то потому, что до настоящего времени я не мог этого установить с уверенностью. Венгрия раздавлена налогами, плохо управляется, недовольство в ней всеобщее; но между недовольством и нелюбовью, с одной стороны, и восстанием, с другой,— целая пропасть. Я не вижу ни вождей, ни тайных обществ,— ничего, что предвещало бы близкое восстание. На юге, вдоль валашской границы, в Банате, в Далмации, события в Бухаресте произвели еще более глубокое и прекрасное впечатление, нежели события в Белграде [48]. Но оттуда до самого сердца Венгрии еще далеко. Поэтому правительство нашло в этом еще лишний повод, чтобы стянуть все свободные войска в южные провинции империи, что еще более способствовало обнажению северных границ.

Вся деятельность правительства сосредоточена сейчас в пунктах, где можно ждать нападения французов: в Италии, на Адриатическом побережьи от Венеции до самой оконечности Далмации. Я имел честь сообщить вашему превосходительству кое-какие сведения, собранные Петковичем [49], агентом столь же активным, сколь и умным. Около 6 недель тому назад я смог заметить своего рода тревогу, вызванную опасением десанта в Фиуме, который имел бы целью поднять восстание в этой области. Я не знаю, насколько он возможен, но что возможно без

* Речь идет об обязательстве России отвлечь от фронта 150-ти тысячную австрийскую армию путем сосредоточения русской армии на Галицийской границе.

трудностей,— это восстание в Боснии и Герцеговине. Эти провинции к нему совершенно подготовлены, и я пользуюсь всяким случаем, чтобы убедить князей Милоша и Данилу[50] использовать свое влияние, чтобы не допустить этого.

В общем, мне кажется, Австрия больше всего подвергается опасности со стороны своего населения на юге, такова на это точка зрения правительства, так как именно там оно концентрирует свои силы, оставляя на севере такое количество войска, которое не на много превышает количество, потребное для внутренних надобностей. Ввиду того, что эти обстоятельства несомненно были учтены императорским кабинетом, писать об этом больше, князь, было бы излишне.

Я хотел только подчеркнуть преимущества, полученные нами благодаря замене цифры менее определенными терминами, которые дают нам бóльшую свободу выбора методов, а также благодаря установлению молчаливого согласия насчет Венгрии, которое не предрешает вопроса формальным соглашением. Мы должны также радоваться вашему ответу по вопросу о Галиции. Мы не можем отказаться от солидарности в разделе Польши[51] и объединение ее под нашим скипетром или ее отделение возможно лишь при условии распада соседних государств. Мы можем создать новый порядок для этих стран лишь на развалинах.

В заключение я вижу только два случая, когда мы могли бы дать больше и обязаны были бы требовать больше. Первый случай,— это если бы настоящий кризис застал бы нас более подготовленными в смысле вооружений, финансов и железнодорожной сети. Второй,— если б этот кризис наступил при более благоприятных условиях и мы имели бы большие шансы на успех. Конвенция всегда должна иметь ввиду эти два соображения и действовать сообразно с ними.

В этом, по моему мнению, великое достоинство той конвенции, которую мы только что заключили с Францией: она соответствует нашим силам, оставляет возможность использовать обстоятельства и предоставляет нам выбор времени и средств, чтобы нанести решительный удар, если представится случай. В известные времена на это потребовалось бы напряжение всех сил империи; в другое время будет достаточно малой их части, действующей энергично и своевременно, и такой момент может наступить.

Таким образом, скрепляя союз двух империй, эта конвенция является первым шагом на пути, который приведет нас, этап за этапом, к той будущности, в которую я верю, которую открывает перед нами милосердное и славное царствование, и которой вы призваны содействовать в такой широкой и патриотичной мере.

Примите и пр.

Балабин.

Излагаю, князь, дислокацию военных сил на севере Империи.

В Богемии 1 корпус	20	тыс.	человек
В Галиции часть 4 корпуса (графа Шлик), т.-е. IV пехотный, всего 19 батальонов, 32 эскадрона, 96 пушек	24	»	»
В Краковском воеводстве одна дивизия 2 корпуса, 6 батальонов, 21 эскадрон .	8	»	»
В Венгрии около 32 тыс. пехоты, 15 тыс. кавалерии, 5 тыс. артиллерии	52	»	»

Значит всего около 100 тысяч человек в мирное время и около двух третей сверх того в военное.

Теперь, если Австрия подвергнется нападению в Адриатике, она вынуждена будет послать подкрепление на юг и обнажить север еще больше. Тем не менее внушительная демонстрация с нашей стороны, сделанная с явно враждебной целью, будет серьезно давить на положение, даже если она и не заставит Австрию пропорционально усилить свои военные силы у наших границ. Но было бы иначе, если в этих областях вспыхнули бы беспорядки, которые облегчили бы нашу задачу и сделали бы более затруднительной задачу Австрии.

Балабин.

Письмо посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 8 апреля (27 марта) 1859 г. *

Князь,

После последнего концерта во дворце в Тюльери 6 апреля (25 марта) император Наполеон отвел меня в сторону и сказал, что в Австрии, как я должен знать, царит полное спокойствие в отношении нашего поведения на границе Галиции.

Я ответил его величеству, что войска, предназначенные усилить наше военное положение в Польше, еще не могли прибыть на место назначения, так как настоящее время года не благоприятствует быстрым переходам; но что впрочем я могу вновь уверить императора, что мой августейший монарх полностью выполнит свои обязательства.

«Я никогда в этом не сомневался,— ответил его величество,— но в настоящее время дело идет о комбинациях более важных и более полезных для России, чем для Франции, если император Александр со своей стороны захочет на них согласиться.

Я не жду от конгресса,— продолжал император Наполеон,— ни удовлетворительных, ни определенных результатов. Вы видите наши, почти безуспешные старания собрать его[52]. Что же будет, когда приступят к серьезной части его работы. Если конгресс потерпит неудачу, то надо быть готовым ко всяким случайностям и заранее знать, чего можно желать и на что надеяться в соответствии со средствами, которые считают возможным применить для достижения намеченных целей».

«Современное положение в Европе,— сказал его величество,— мне кажется располагает пойти по такому пути, и если император Александр разделяет мое мнение по этому поводу, то наши, великие и благородные заботы по поводу договоров 1815 и 1856 гг. могут увенчаться успехом к выгоде и славе наших народов.

В первую очередь, сказал император,— не следует упускать случая, который возможно не представится вновь долгое время: «своевременность великих решений составляет основу всякой правильной политики» **.

Методы, которые следует применить, чтобы обеспечить себе возможность успеха, должны быть рассмотрены и решены совместно; это большое дело и надо будет обдумать его в подробностях, если откровенно договорятся по главному пункту. Я думаю, что наше совместное выступление возымело бы громадное действие».

Я ответил его величеству, что цель, которую он только что указал, является несомненно самым большим желанием России; что у нас мирятся с мыслью о войне, но спокойно выжидают, доверяя мудрости Наполеона, что война при современном положении внутренних дел, не входит, насколько я могу судить в предположения императорского

* В начале документа помета Александра II: «Это очень серьезно. Мы поговорим об этом во вторник. (19/7 апреля)».

** Помета Александра II: «совершенно верно».

правительства; но не беря на себя смелость предугадать намерения моего августейшего монарха, я сделаю личное и доверительное сообщение по этому поводу министру иностранных дел, который, при своем вероятном проезде через Париж [53], сможет передать его величеству, и лучше, чем я могу это сделать, все доверительные мысли нашего августейшего монарха.

Император Наполеон сказал мне, что это действительно вполне личный и доверительный шаг, о котором он просил меня сообщить князю Горчакову *.

После этого короткого, но очень значительного разговора я сказал императору Наполеону о сделанном графом Буолем лорду Лофтусу сообщении, по всей вероятности, имеющем в виду затруднить с самого начала если не созыв конгресса, то по крайней мере его работу [54].

«Я еще не знаю о нем,— ответил император. Впрочем, добавил его величество,— Австрия играет свою игру, должны ли мы позволить ей выиграть партию?»

Вечер заканчивался; император удалился.

Весь этот разговор, князь, из которого я передаю вам только наиболее существенную часть, чтобы избавить вас от ненужных повторений, еще раз подтверждает, что все мысли его величества направлены на войну, что в результате ее он желает увеличить свою мощь для того, чтобы осуществить давно лелеемые проекты. Подходящий случай, который он хочет использовать, это очевидно, итальянская война, цели которой до сих пор далеко еще ясно не поставлены, вследствие чего она еще мало понятна. И удивительно, что широкое общественное мнение во Франции, до сих пор столь противившееся войне, начинает становиться, если не благоприятным, то на много менее враждебным. Газеты выполнили свою задачу, громко провозглашая занозчивость Австрии, с одной стороны, и то, что честь Франции затронута,— с другой. Надо, чтобы Австрия добровольно уступила дипломатическому воздействию или французы сумеют дать ей хороший урок. Эти рассуждения, которые противоречат тому, что раньше говорилось, лучше всего показывают необычайное непостоянство французов и император Наполеон имел основание сказать мне в момент наивысшего возбуждения против войны: «французы будут громко и настойчиво кричать против войны пока длится мир; но с момента объявления войны они примиряются с ней и будут кричать еще громче за нее».

Тем временем подготовка к войне идет в широком масштабе. Армия хорошо организована и выполнит свой долг. Я не позволю себе судить заранее о том, хорошо ли будет ее командование.

В войне с Австрией Франции опасаться нечего; если Австрия будет поддержана Германским союзом, она сможет бороться на равных шансах; но если Англия решит присоединиться к германской коалиции, война примет совсем иной характер. В этой альтернативе, по моему мнению, следует искать объяснение предложения, которое мне сделал император Наполеон, о соглашении между Францией и Россией с целью аннулирования унизительных договоров, которые тяготеют над обоими государствами **.

Идея несомненно великая и благородная. Она будет понята обоими народами. Но не надо скрывать, что предприятие сопряжено с многими затруднениями ***. Если Англия вмешается, на нашу долю выпадет

Пометы Александра II:

* «Это одни только слова. Если он хочет действовать, пусть объяснится и тогда посмотрим».

** «Это очень возможно».

*** Помета Александра II: «Совершенно несомненно»

трудная роль, не столько в смысле равновесия сил, сколько в смысле внутреннего развития нашей страны, которое наш августейший повелитель так благородно предпринял и которое окажется парализованным с самого начала.

Кроме того, эта война неизбежно примет характер революционной войны, под знаменем национального пробуждения. Итальянский вопрос ее начало. Он должен будет вызвать последствия.

Экспедиция, проектируемая в Адриатику,— совершенно в духе императора Наполеона, который любит приключения. Она, кроме того, является, надо это признать, новым выражением той же идеи пробуждения национальностей.

Раз вступив на этот путь нельзя будет ограничиться одной прибрежной полосой моря. Вся Европейская Турция, населенная по большей части христианскими народностями, должна быть вовлечена в это дело эмансипации. Это, конечно, благородное желание, но его следует хорошо обдумать и оценить все его огромное значение *. Венгрия в свою очередь неминуемо будет призвана к своему возрождению. Император Наполеон сделал уже мне намек на это, но я в тот момент не счел возможным более подробно развить этой мысли, которая, очевидно бродит в его уме и может стать в связи с событиями войны методом действия, к которому он может оказаться вынужденным прибегнуть **.

Император в разговорах со мной всегда хранил молчание относительно Польши, давая однако понять, что приобрести Галицию для России было бы выгодно *** и что этим приобретением и освобождением христианских народов в европейской части Оттоманской империи, император Александр, уничтожив договоры 1856 г., впишет для себя еще одну славную страницу в книге истории.

Я сообщаю вам эти подробности, чтобы вы были в курсе сокровенных мыслей, которые занимают императора Наполеона в этот решающий момент, когда будущее Европы поставлено на карту. Его замечание касательно своевременности великих политических решений **** конечно весьма справедливо в теории, но в практическом применении заинтересованным правительствам надлежит обдумать это и принять решение.

Примите и пр.

Киселев.

Доклад министра иностранных дел Горчакова Александру II, 21 (9) апреля 1859 г. *****.

Монтебелло [55] хочет убедить меня в необходимости нового договора с Францией, составленного в более определенных выражениях, чем существующий. Я ответил ему, что наш теперешний секретный договор был составлен в предвидении войны между Австрией и Францией и что ничто с тех пор не изменилось, если не считать того, что возмож-

Пометы Александра II:
* «Это может стать весьма серьезным».
** «Мы уже знаем это от него самого».
*** «Тоже».
**** «В этом весь вопрос».
***** «Мне нечего добавить к тому, что вы уже сказали Монтебелло. Если другие державы присоединятся к нам, чтобы выступить с идентичными заявлениями в Вене, быть может, есть еще надежда предотвратить войну. Поэтому подождем, что скажут другие и тогда решим».

ность эта приблизилась. Он мне возразил, что это договор секретный, и что мы можем заключить другой, который может быть оглашен, и в котором мы укажем, что если, несмотря на сделанные Австрии уступки, она начнет войну, Франция и Россия вступят в соглашение о мерах, которые надлежит принять. Я ему заметил, что события идут слишком быстро, чтобы взрыв не опередил подобное соглашение; помимо этого, с нашей точки зрения, это даже значило бы оказать плохую услугу Франции, так как с этого момента вся остальная Европа будет думать, что между нами и Францией все договорено относительно территориальных изменений, мысль о которых приписывают императору Наполеону, и это явилось бы сигналом к сплоченной коалиции против Франции и России, тогда как, сохраняя нашу теперешнюю позицию, мы сохраняем возможность сдерживать Германию, которая, не будучи уверена в окончательном решении России, побоится зайти слишком далеко, опасаясь что мы можем с нашей стороны также слишком далеко зайти в другом направлении.

Я добавил, что более важным мне кажется возможно скорее добиться из Лондона и Берлина ноты в Вену, идентичной той, которую сегодня передал г. Балабин [56]. Если особенно Англия скажет графу Буолю, что Австрии придется держать строгий ответ перед Европой, он дважды подумает, прежде чем ослушаться. В заключение я ему сказал, что я сообщу вашему величеству телеграмму графа Валевского [57].

Что касается графа Бисмарка, то я ему только что ответил прилагаемой запиской [58]...

Горчаков.

Из телеграммы посланника в Берлине Будберга министру иностранных дел Горчакову, 21 (9) апреля 1859 г. *

Правительственная газета (Preussche Zeitung) сообщает о мобилизации трех армейских корпусов и о предложении, которое Пруссия внесет в ближайшем будущем в общесоюзный германский сейм [59] об общесоюзных германских вооружениях. Правительство будет продолжать примирительную акцию, возлагаемую на него договорами и дружественными отношениями, в которых оно находится со всеми заинтересованными сторонами. Надежда на созыв конгресса потеряна, ввиду невозможности до настоящего времени договориться относительно предварительного условия — разоружения. Принц-регент добросовестно выполнит свой долг перед Общегерманским союзом. Балабин сообщил мне об ультиматуме, посланном в Турин. Я выразил Шлейтницу мнение, что наш августейший повелитель примет к сведению этот агрессивный акт Австрии.

Будберг.

Телеграмма министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Будбергу, 24 (12) апреля 1859 г.

Мобилизация Пруссии и ее предложение государствам Германского союза последовать такому примеру серьезно осложняет положение. Фактом, действие которого не уничтожается словами, они поощряют Австрию нарушить мир и побуждают Англию заменить давление, кото-

* Помета Александра II: «Это чрезвычайно печально. Если наши последние усилия созвать конференцию в Лондоне потерпят неудачу [60], надо будет принять с нашей стороны меры, которые мы имели уже ввиду. Завтра мы об этом поговорим».

рое она оказывала на Австрию, пассивной позицией. Они могут побудить нас к более сильным мерам, чем мы желали и намеревались вначале принять. Выскажитесь в таком смысле.

Горчаков.

Доклад министра иностранных дел Горчакова Александру II, 25 (13) апреля 1859 г.*

Два запроса были мне сегодня неожиданно сделаны Бисмарком и Крамптоном [61], каждым из них в отдельности и один вслед за другим.

Бисмарк сказал мне, что один прусский дипломат сообщил своему двору, что между Францией и Россией заключен секретный договор и что в этом договоре Россия обязалась объявить Австрии войну через 10 дней после перехода австрийских войск через Тессин [62].

Эти фактические данные, приведенные им, позволили мне, не затрагивая вопроса о самом существовании договора, ответить Бисмарку простой шуткой, и я сказал ему, что его двору не следует назначать послом дипломата, который с такой точностью указал ему срок нашего выступления против Австрии.

Крамптон прочел и оставил мне телеграмму, которую я прилагаю к сему в подлиннике и дословный перевод которой я позволяю себе привести ниже:

«Попросите Горчакова сказать нам откровенно, какой характер имеет договор, заключенный между Россией и Францией, о существовании которого Валевский доверительно сообщил Коулею. Здесь создалось впечатление, что этот документ имеет целью враждебный союз, направленный при некоторых возможных обстоятельствах против Англии; такого отношения не должно существовать между двумя нациями, находящимися в дружеских отношениях».

В этом случае, государь, ответ был для меня более затруднительным: ведь Мальмсбери [63] ссылался на сообщение, сделанное Валевским.

Я ответил Крамптону, что очень возможно, что между Россией и Францией существует письменная договоренность, но что я самым категорическим образом отрицаю, что она может касаться враждебного, направленного против Англии, союза и что лорд Мальмсбери, если ему будет сделан по этому поводу запрос в парламенте, имеет мое безусловное согласие опровергнуть подобное утверждение. Крамптон будет телеграфировать в этом смысле.

Я не счел возможным, государь, оставить г. Монтебелло в неизвестности насчет двойного запроса, который был мне сделан. Он не допускает нескромности со стороны Валевского и предполагает, что этой уловкой английское правительство хотело получить подтверждение слухов, которые до него дошли.

Во всяком случае он сообщит об этом инциденте в Париж. Со своей стороны я не верю, государь, в абсолютную скромность Валевского, хотя расчет, который мог быть в этом случае у него или у его монарха, мне еще непонятен. Во всяком случае французское правительство должно было бы сперва запросить о нашем согласии.

Что бы ни было, я надеюсь, что ваше величество не сочтете неправильным, что я не ответил категорическим отрицанием на запрос Крам-

* Помета Александра II:

«Вы очень хорошо ответили обоим, но это очень неприятно. Возможно, что это маневр, чтобы добиться того, чтобы мы проговорились. Телеграфируйте Киселеву, чтобы он потребовал от Валевского объяснения его так называемого «доверительного сообщения Коулею», огласить которое он не имел никакого права без нашего согласия. Мне не хочется думать, что он сделал это по приказанию своего государя для того, чтобы нас сильнее скомпрометировать».

пгона, что не соответствовало бы истине. Никто не может требовать, чтобы мы говорили обо всяком деле всю правду. Но я не желал, чтобы кто-либо в Европе мог сказать, что министр вашего величества сделал ложное утверждение.

Я не произнес слова «договор», я не отрицал существование письменной договоренности, я говорил совершенно определенно только о вполне соответствующем истине факте, что между нами и Францией не было вопроса о враждебном Англии союзе. Мне кажется, что мой ответ не компрометирует нас и что если бы я хотел целиком все скрыть от Крамптона, это было бы более вредным.

Горчаков.

Г. Бисмарк только что снова был у меня. Он сказал мне, что ввиду важности вопроса, он, хотя и чувствует, что это нескромность, но просит меня уточнить мой ответ. Когда я его попросил уточнить свой вопрос, он сказал, что хотел бы знать, взяли ли мы уже на себя обязательство перед Францией вступить в войну, если она будет воевать. Я ответил ему категорически: «нет».

Горчаков.

Письмо посланника в Берлине Будберга министру иностранных дел Горчакову, 27 (15) апреля 1859 г. *

Я только что вернулся от Шлейнитца, которого я нашел весьма взволнованным двумя известиями, которые он получил.

Первое — это проход французов через Савойю, нарушивший ее нейтралитет [64]. Этот факт, как бы он ни казался серьезным тем, которые держатся системы традиционного недоверия в отношении императора Наполеона, мог бы быть улажен объяснениями из Парижа.

Вторая новость касается нас непосредственно. Шлейнитц сказал мне, что ему сообщают из Лондона,— что кажется несомненным,— будто между Россией и Францией заключен наступательный и оборонительный союз; что вы, будучи запрошены по этому поводу, не отрицали этого, а ограничились ответом, что наша договоренность с императором Наполеоном не включает ничего, что могло бы обеспокоить Англию.

Шлейнитц добавил: «если подтвердится то, что служит предметом беспокойства Англии, наша позиция станет невозможной. Мы можем удержать Германию от вмешательства в пользу Австрии, пока только другие не вмешаются; если же Россия выступит на арену или если убеждение в подобном вмешательстве укрепится в Германии, мы не сможем удержать течение, которое толкает Германский союз на вмешательство со своей стороны».

Последние известия от вас, князь, касающиеся наших секретных сношений с Францией,— от 1 марта. В них вы сообщаете мне: «Мы не имеем никакого намерения идти в наших обещаниях и обязательствах перед Францией дальше, чем мы пошли, но мы честно выполним и те и другие. Вы знаете их пределы».

Я не знаю, произошли ли с тех пор изменения в нашей позиции. Но основываясь на том, что я знаю, я ответил, что слух о подобном наступательном и оборонительном союзе, мне кажется, лишен всякого основания. «Мне кажется,— добавил я,— что никто не может предвидеть, куда приведет Европу война, в которую мы сейчас вступаем, поэтому позиция России может претерпеть в будущем изменения. Я также предполагаю, что, ввиду серьезности обстоятельств настоящего момента, мое правительство вступило в обмен мнениями и взглядами с Францией,

* Помета Александра II: «Можно ему ответить в том смысле, как он предлагает».

как, я предполагаю, вы продолжаете делать это с Англией, но делать вывод из этого положения о существовании оборонительного и наступательного союза между Россией и Францией мне кажется совершенно пустым измышлением. Нам часто говорили, что у вас существует такой договор с Англией, но мы этому не верим».

Шлейнитц горячо протестовал против предположения, что Пруссия могла связать себе руки соглашением с британским правительством. «Мы ни с кем не связаны,— сказал он мне,— но мы особенно желаем сохранить наши отношения с вами».

Мне кажется почти вероятным, князь, что Шлейнитц еще вернется к этому вопросу. Сомнения относительно наших намерений в отношении Пруссии могут очень неблагоприятно отразиться на ее позиции. Надо предвидеть последствия этого, пока не поздно.

Поэтому позволяю себе предложить,— в том случае, если мы не взяли на себя в отношении Франции обязательств больших, чем те, о которых я знаю, уполномочить меня официально опровергнуть слух, распространяемый Англией.

Исходя из принципа, что наш августейший монарх имеет намерение избежать разрыва между нами и Пруссией и что, следовательно, дело идет о том, чтобы елико возможно дольше локализовать войну в Италии, я осмеливаюсь просить его императорское величество разрешить мне в случае, если Шлейнитц сделает мне новый запрос, ответить ему письменно: 1) что Россия не думает активно вмешиваться в настоящие осложнения до тех пор, пора не будут затронуты ее интересы; 2) что в отношении Пруссии она желает сохранить позицию, предписываемую дружественными отношениями, которые она желает сохранить с этой державой; 3) что эта позиция может измениться лишь в том случае, если Пруссия сама вмешается на стороне Австрии, хотя бы границы Германского союза не были нарушены.

Если наш августейший монарх разрешит мне изложить эти мысли в доверительном письме Шлейнитцу в случае нового запроса с его стороны, я осмелюсь просить вас, князь, соблаговолить сообщить мне это телеграфно, так как случай сделать такую декларацию может представиться раньше, чем я успею получить ваш письменный ответ.

Примите и проч.

Будберг.

P. S. Перечитывая это письмо, я вижу, что можно бы изменить формулировку 3 параграфа так, чтобы включить в него Англию, роль которой, мне кажется, становится очень двусмысленной *.

Будберг.

Телеграмма посла в Берлине Будберга министру иностранных дел Горчакову, 1 мая (19 апреля) 1859 г. **

Мобилизация распространена на всю прусскую армию.

Шлейнитц сказал Мустье [65], что эта мера стала необходима, ввиду наших вооружений и неуверенности в наших намерениях. Блумфильд [66] усиленно толкает к вооружениям, он уверяет, что между Францией и нами заключен наступательный и оборонительный союз, и внушает недоверие к России. Осмеливаюсь настаивать на срочности заявления, которое я предлагал в своем последнем письме.

Будберг.

---

* Помета Александра II: «Да».

** Помета Александра II: «Поговорить с Бисмарком».

Телеграмма министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Будбергу, 1 мая (19 апреля) 1859 г.

Ответ на вашу телеграмму от сегодняшнего утра.

Категорически заявите Шлейнитцу, что между нами и Францией нет наступательного и оборонительного союза. Это слух, который использует Австрия. Объяснения, которые по приказанию своего двора дал нам Бисмарк относительно мобилизации прусской армии, удовлетворительны. Пруссия объясняет эту меру моральным состоянием Германии, где пришли в движение крайние течения, и необходимостью для нее сохранить в самом союзе такое автономное положение, которое бы позволило одновременно защищать интересы всех и интересы Пруссии,— следовательно эта мера скорее защита против крайних действий, чем их поощрение. Если бы Пруссия прислушивалась к инсинуациям Блумфильда, который вследствие его недоброжелательства к нам возможно превышает указания своего двора, это привело бы к тому, что война, которую все, за исключением Австрии, желают в настоящее время локализовать, превратилась бы во всеобщую.

Адресуйте Шлейнитцу доверительное письмо, включающее три пункта. Вы можете подтвердить, что Россия не только не связана никаким наступательным и оборонительным союзом, но располагает и сейчас полной свободой действий. В таком смысле я дал разъяснения здесь и всякая иная версия является пристрастным и недобросовестным маневром.

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Будбергу, 3 мая (21 апреля) 1859 г.

Так как почта в Берлин задержалась, я имею возможность подтвердить вам получение ваших депеш и личных писем от 27(15) апреля.

Как в тех, так и в других вы прекрасно поняли мысли императора, и я счастлив добавить, что наш августейший монарх соблаговолил приказать мне передать вам его самое полное одобрение.

У меня нет новых инструкций для вас, кроме того, чтобы предложить вам перечитать ваши депеши и письма от 27(15) апреля и считать их инструкциями, исходящими от императорского кабинета.

Что касается трех пунктов вашего весьма секретного письма, я уже передал вам по телеграфу разрешение изложить их в письме г. Шлейнитцу.

Я пригласил Крамптона и попросил у него объяснения о цели маневров английской дипломатии.

«Вы хотите локализовать войну,— сказал я ему,— мы тоже. А все, что делают у вас, направлено к тому, чтобы сделать ее всеобщей. Вы ссылаетесь на таинственную договоренность между нами и Францией. Я вам заявил и повторяю, что мы не состоим в оборонительном и наступательном союзе с кем бы то ни было и что мы сохранили полную свободу действий. Что вы еще хотите? Наши вооружения? Да, мы вооружаемся. Но разве вся Европа, включая и Англию, не поступает так же? И есть ли кто-либо в Европе, кто может требовать, чтобы при теперешних обстоятельствах Россия одна сидела, сложив руки?»

Факт, что английский кабинет поставил себя в такое положение, которое обнаружило всю слабость его позиций; вскоре будет доказано Европе, что после Австрии, которая никогда не хотела мирного конгресса, Англия больше всех содействовала тому, чтобы эта комбинация не имела успеха, и в то же время делала вид, что содействует созыву конгресса. Для того чтобы избежать строгого осуждения со стороны

собственной страны, английский кабинет усиливает в настоящее время свои махинации, надеясь, благодаря своим хитросплетениям, избежать разоблачений.

Примите к сведению ясное заявление барона Шлейнитца, опровергающее слух о возможной оккупации пограничных с Россией австрийских провинций прусскими войсками *. Скажите, что вы сообщили это императору и что наш августейший монарх, который, впрочем, никогда не верил таким слухам, чрезвычайно доволен, что его личное мнение подтвердилось опровержением, противопоставленным берлинским кабинетом распространяемым по этому поводу слухам.

Постарайтесь елико возможно подчеркнуть намерение императора сохранить в неприкосновенности близость наших теперешних отношений с Пруссией.

Вы усмотрите дружественное выражение этого чувства в ответе его величества принцу-регенту на письмо е. к. в., присланное с г. Бисмарком [67].

Я имею разрешение нашего августейшего повелителя переслать вам при сем копии этой доверительной переписки.

Его величество также одобряет ваши пожелания касательно шагов, которые могут быть сделаны в отношении Франции, и заявлений, которые следует от нее получить [68]. Если принц-регент напишет в этом смысле императору, его величество с удовольствием осуществит это.

Примите и проч.

Горчаков.

P. S. То, что я вам писал 1 марта, вполне отвечает положению в настоящий момент. Мы не взяли на себя никаких новых обязательств в отношении Франции и у нас нет намерения пойти дальше в отношении данных нами ей обещаний.

Горчаков.

Из письма министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 3 мая (21 апреля) 1859 г.

...Самый досадный инцидент в настоящее время,— это нескромность, допущенная в Париже относительно нашего секретного договора. Благодаря общественному мнению и стараниям заинтересованных держав этот договор тотчас же приобрел такие размеры, которых он никогда не имел, и придать ему которые не было ни в намерениях, ни в интересах обоих государств.

Вы усмотрите из прилагаемых документов, какие это имело последствия и к каким заявлениям мы вынуждены были прибегнуть, чтобы нейтрализовать неприятное впечатление.

Граф Валевский отрицает, что он что-либо доверительно сообщил Коулею. Я верю ему. Но все же ясно, что была совершена нескромность, и наш августейший монарх полагает, что император французов и граф Валевский придадут достаточное значение такому важному факту, чтобы распорядиться найти виновного.

Английское министерство очевидно ведет двойную игру. Потерпев неудачу в деле мира, в большой мере по собственной вине, оно хочет избегнуть приговора своего народа, стараясь спутать позиции.

Если им это не удалось в Берлине, как они того добивались, они все же посеяли сомнения и неуверенность, которые могут привести к самым неприятным последствиям.

* См. прим. 72.

Все это принудило нас быть более откровенными в наших объяснениях, чем мы этого хотели бы, а также приподнять с нашей позиции спасительную завесу полутьмы, потому что она давала простор опасениям. Поэтому я заявил представителям великих держав при нашем дворе, что Россия не связана с кем бы то ни было оборонительным и наступательным договором и что она сохраняет полную свободу действий.

Я распорядился поместить сообщение в этом смысле в газете министерства иностранных дел [69]. Наконец, по приказанию императора, я разрешил барону Будбергу изложить в доверительном письме барону Шлейнитцу три пункта, которые, по мнению нашего посла, смогут успокоить берлинский кабинет.

Г. Шлейнитц говорит, что позиция Пруссии станет невыносимой, если утвердится мнение о существовании оборонительного и наступательного союза между Францией и нами. «Невыносимой» в этом случае означает, что если берлинский кабинет не будет разуверен в этом, Пруссия постепенно будет втянута в коалицию против Франции.

Сейчас весьма важно помешать Германии активно присоединиться к Австрии. Единственное средство достичь этого, это удержать Пруссию в духе позиции, которую, как она нам заявила, она заняла. Для этой цели надо употребить любые усилия.

Намерение и интерес Австрии в том, чтобы война стала всеобщей. Манифест императора Франца-Иосифа не оставляет никаких сомнений на этот счет [70]. Наоборот, в интересах всех других держав локализовать войну и, мне кажется, почти все державы желают этого; но они выбирают разные методы, и между ними есть и такие, которые могут принести больше вреда, чем пользы, как из-за неумелости, так и из сознательного расчета.

В этом последнем смысле надо особенно опасаться Англии. Не знаю, существуют ли в Париже иллюзии относительно отношения великобританского правительства к современной власти во Франции. У нас нет никаких, и момент слишком серьезен, чтобы мы прибегли к словесным уловкам для выражения нашего мнения. Для Англии император Наполеон должен быть или послушным орудием, или жертвой. Альтернативы нет. Он слишком много сделал для поднятия авторитета Франции, чтобы Англия могла ему это простить. Он никогда не сможет в достаточной мере удовлетворить Англию, так как он не откажется от проявления качеств, которые упрочивают его положение на троне Франции. Чем больше в Париже будут смотреть в лицо этой истине, тем вернее будут их расчеты в настоящем и будущем.

Император уполномачивает вас текстуально довести до сведения императора французов прилагаемые здесь два письма барона Будберга [71]. Для этой цели вы испросите частную аудиенцию у его величества и прочтете ему эти письма, не оставляя их у него в руках. Поступите так же в отношении графа Валевского, которому прочтете депешу № 54 нашего посла в Берлине [72].

Воспользуйтесь этим случаем, чтобы внушить императору Наполеону желательность того, чтобы его кабинет министров и французская пресса не злоупотребляли термином «национальность», который, повидимому, стал лозунгом дня. Это неясное и неопределенное выражение всюду вызвало беспокойство. Оно сбивает к тому же политику с ее нормальных путей и дает в руки противникам французского правительства достаточный повод для обвинения его в сообществе с революционными течениями.

Я могу сказать то же про попытки, которые могут быть сделаны, чтобы поднять христианские народы Востока. Это было бы совсем не-

своевременно и безусловно вызвало бы Англию на арену активной борьбы. Сейчас английские министры испытывают затруднения со стороны своей собственной страны. Даже если бы они и хотели, они не решаются высказаться в пользу Австрии, но как только они смогут сказать, что существование Оттоманской империи поставлено под угрозу, эти затруднения отпадут, так как тотчас же им будет обеспечено согласие английской нации на активное участие в войне.

Примите и проч.

Горчаков.

Письмо Наполеона III Александру II, 5 мая (23 апреля) 1859 г.

Государь, брат мой,

Война, как то известно вашему величеству, началась, и я через два или три дня уеду, чтобы встать во главе войск. В теперешних обстоятельствах я снова вынужден просить поддержки в. в. и воззвать к чувству дружбы, которую вы мне выказали. Позиция России будет иметь естественно большой вес в событиях, которые подготовляются, но, да позволит мне в. в. это сказать, она должна быть совершенно ясной и точно обрисованной. Только в таком случае диверсия, которую в. в. обещали мне предпринять на границе Галиции, сможет привести к благоприятным результатам, так как в настоящее время Австрия, будучи совершенно спокойной за свою северную границу, целиком ее обнажила.

Повергая эти вопросы на рассмотрение в. в., повторяю, что я вполне полагаюсь на обещание, которое вы мне дали, и оставляю на решение вашего разума и сердца выбор средств для оказания поддержки моим действиям. Я возобновляю уверения в чувствах высокого уважения и искренней дружбы, в которых я пребываю, и проч.

Наполеон.

Письмо посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 17 (5) мая 1859 г.

Вашей экспедиции от 4 мая (22 апреля) мне было указано, по приказу императора, постараться выяснить виновного или предателя, который был причиной разглашения нашего секретного договора.

Как ни щекотливо подобное поручение, я употребил все усилия, чтобы достигнуть этой цели, поскольку это позволяли сделать вынужденные умолчания, к которым меня обязывало личное положение замешанных лиц.

Я решил приступить к этому вопросу прямо и откровенно, изложив графу Валевскому важное значение расследования, вызываемое серьезностью случая, и указав ему, что он один в состоянии выяснить дело.

Он ответил мне без всякого колебания: эта нескромность берет свое начало в королевском дворце; принц Наполеон в первом разговоре с Коулеем, не говоря, однако, о существовании договора, достаточно сказал по поводу отношений между Россией и Францией, чтобы вызвать со стороны посла запрос ему (Валевскому), в котором тот спрашивал, что в словах принца является правдой и соответствует фактам; на это он, Валевский, ответил Коулею, что отношения между обоими правительствами самые дружественные и откровенные, что существует полное согласие на случай некоторых возможных обстоятельств, но что он не выдал секрета и не сказал о существовании договора между нами и Францией.

Чтобы еще уточнить свой устный ответ, Валевский на следующий день послал Коулею записку, в которой он записал свой ответ, с просьбой исправить те выражения, которые отличаются от употребленных им вчера в устной беседе. Коулей ему ответил, что его записка ничем не отличается от его вчерашнего ответа.

«Я поэтому думал, — сказал мне Валевский,— что дело этим и ограничится, как вдруг через несколько дней Коулей явился ко мне и сказал, что Крамптон, которому было поручено запросить об этом петербургский кабинет, получил от князя Горчакова сообщение, что, не отрицая существования письменной договоренности ввиде договора, он может заверить его, что этот договор не представляет ничего враждебного английским интересам».

«Эта откровенность и произнесение слова «договор» *,— добавил граф Валевский,— поставили меня в необходимость сообразоваться с этим новым положением. Я это сделал, применяясь к тому, что было сказано в С. Петербурге».

Со своей стороны я заметил министру, что если слово «договор» действительно было вами произнесено, то это было лишь вследствие уверений Крамптона, которому было поручено заявить, чта таково было сообщение, сделанное в Париже.

Вместо ответа Валевский показал мне ответную записку Коулея, подтверждающую, что записка, которую ему прислал Валевский, вполне соответствует тому, что он ему накануне сказал.

Можно предполагать, князь, из того, что изложено выше, что слово «договор» было упомянуто в запросе, сделанном Крамптоном ** с задней мыслью, или без нее, но что совокупность всех предыдущих объяснений Валевского с Коулеем имела результатом если не твердое убеждение, то во всяком случае предположение о существовании договора, содержание которого остается однако до настоящего времени загадкой для всех тех, которые им заинтересованы.

Все это заставляет меня думать, что объяснения, которые были даны и переданы таким количеством высокопоставленных лиц и других, более или менее посвященных в существование письменной договоренности между Россией и Францией, оказались точкой отправления всех ошибочных предположений, которые с тех пор явились их следствием и которые произвели сенсацию, выгодную для одних и вызывающую тревогу в других.

Так как отъезд императора Наполеона произошел накануне получения вашей почты от 4/V (22/IV), я смог говорить об этом деле только с Валевским.

Я добавлю еще некоторые соображения.

Первые дошедшие до меня об этом слухи относятся ко времени обмена ратификациями.

Формальности для приложения государственной печати таковы, что хранитель печати должен был выполнить их лично у графа Валевского. Он был у него для этой цели дважды с одним из своих чиновников ***.

Не зная подробностей, они могли предполагать, что печать была приложена только к договору с Россией, и мои частые посещения Валевского, для той же цели, могли подтвердить это предположение.

Пометы Горчакова:
* «Оно не было произнесено».
** «Нет, так как мы прочли его телеграмму».
*** «Вот где беда. Это граф Киселев настаивал на приложении государственной печати, тогда как Валевский предлагал ему приложить личную печать императора Наполеона».

Около того же времени Коулей спросил меня между прочим, знаю ли я что-нибудь о слухах, которые ходят по поводу заключения наступательного и оборонительного договора между Россией и Францией.

Я ему без колебания ответил, что нет.

Впрочем не подлежит как будто сомнению, что убеждение в существовании договора между Россией и Францией опирается только на предположениях. В Лондоне заявляли намерение опубликовать этот договор. В то же время Крамптон просил вас сообщить ему его содержание. Не является ли это наилучшим доказательством, что существование договора было открыто скорее благодаря счастливому стечению обстоятельств, чем благодаря преступной нескромности*. До сих пор Валевский убежден, что текст его продолжает оставаться неизвестным.

Киселев.

Письмо Александра II Наполеону III, 18(6) мая 1859 г.

Государь, брат мой,

Герцог Монтебелло доставил мне письмо, в котором ваше величество сообщает мне о своем отъезде в армию. Мои добрые пожелания вам сопутствуют. Я искренно радуюсь вашему доверию моим чувствам; я прошу вас всегда полагаться на них. События оправдали предположения, которые заставили меня просить вас предоставить мне выбор средств. При колеблющемся политическом равновесии не всегда возможно заранее расчитать вес каждого выступления. Все зависит от оценки данного момента. Я думаю, что не ошибаюсь, утверждая, что благожелательный нейтралитет, который я вам обещал, и политические и военные меры, в которых он проявляется, приобрели сегодня двойную ценность. Если австрийское правительство сделало вид, что оно уверено в своей безопасности, это лишь видимость, которой не следует придавать значения. Но глубокой уверенности в этом нет, донесения моего посланника в Вене это подтверждают. Я убежден, что было бы невыгодно внести большую ясность в позицию, занимаемую мной. Неуверенность относительно моих намерений,— это узда, необходимость которой уже доказали события.

В настоящий момент существенно ограничить войну в ее естественных пределах и помешать тому, чтобы число ваших врагов увеличилось. Это соображение первостепенной важности не ускользнуло от мудрости вашего величества. Оно же продиктовало меры, которые я принял, им же руководился мой кабинет в своих заявлениях. Это будет предметом моих забот в дальнейшем, причем я буду сообразовываться с обстоятельствами, в соответствии с моими и вашими интересами. Теперь, когда решающее слово принадлежит военным событиям, я желаю, ваше величество, быстрых и решительных успехов для вашей славы и чести вашего оружия и надеюсь на мир, который нужен всем.

Я прошу ваше величество принять уверения в чувствах высокого уважения и дружбы, в которых я пребываю и пр.

Александр.

Из письма посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 18(6) июня 1859 г.**

Императрица сделала мне честь и пригласила меня к себе в Сен-Клу на обед 16(4) текущего месяца...

---

* Помета Горчакова: «Я продолжаю думать, что вина все же есть».
Помета Александра II: «Я тоже».

** Помета Александра II: «Это заслуживает быть принятым во внимание, особенно конец».

Ее величество начала беседу, заговорив со мной о циркулярном письме императорского кабинета немецким дворам [73]. Она его похвалила и, сказав мне, что со мной она приобрела хорошую привычку думать вслух, остановилась на заключительной части циркуляра. По ее мнению, эта последняя не была достаточно подчеркнута. В некоторых случаях, сказала ее величество, более ясный и твердый тон производит впечатление и предупреждает последствия, которые может вызвать туманное заявление.

Прервав императрицу, я заметил, что в дипломатической переписке часто надо читать между строк, и что немцы, живущие в Париже, прекрасно поняли значение нашего циркуляра. Одновременно я постарался обрисовать впечатление, которое должны были произвести наши слова на Германию, возбужденную свыше меры против Франции по многим причинам. Я вскрыл игру, которую ведут партии, и затруднения, которые это положение создает государствам, входящим в Германский союз, и в особенности Пруссии. Я подчеркнул, наконец, непрерывные усилия, которые вот уже четыре месяца прилагает императорский кабинет, чтобы успокоить всеобщее возбуждение в Германии; итог этим усилиям в известной мере подведен в нашем циркулярном письме, которое встретило очень хороший прием в Париже.

«Я это прекрасно знаю,— сказала императрица,— но в настоящее время в интересах мира, который я лично призываю всеми силами души, я бы хотела, чтобы ваша наблюдательная армия производила бы большее впечатление на ваших соседей; и кроме того вы знаете, что в течение двух лет мы не переставали, как бы сказать, заигрывать с Россией в ущерб союзу с Англией; поэтому мы надеялись и еще надеемся, что можем рассчитывать на открытую поддержку России, которая благодаря своей позиции парализовала бы по крайней мере часть направленных против Франции сил. До сих пор позиция, занятая Россией, мало беспокоит наших врагов. Вот почему я нахожу, что в упомянутом циркулярном письме, которое, между прочим, прекрасно составлено, чего то нехватает».

Я счел нужным, князь, точно передать вам замечания ее величества. Они показывают известную озабоченность, которую я уже заметил в словах императора и которая повидимому увеличивается, по мере того, как подходят к сильно укрепленным позициям австрийцев на Минчио [74].

Мои ответы императрице были приблизительно те же, которые я раньше дал императору.

В течение нашего разговора было произнесено слово «революционная война» по поводу событий в Романье [75]. Императрица прервала меня, сказав, что император никогда не хотел и не захочет употребить средство, которое он осуждает и которое, слава богу, не в его принципах. «Конечно, если только его к этому не вынудят,— добавила она,— в таком случае вина падет на тех, которые в ослеплении доведут его до этого» *.

Упомянув о заявлении Болонского муниципалитета, я заметил, что оно может приобрести большую важность благодаря своим последствиям. Папа может принять на себя роль мученика, и тогда все симпатии Франции и всего мира будут на его стороне. «В Турине,— сказал я,— на это возможно не обращают внимания; но в иных местах будет иначе».

---

* Помета Александра II: «Это подтверждает то, что я не переставал говорить относительно Германии».

«Я это знаю,— сказала ее величество,— но я прежде всего католичка, и хотя я говорю с вами по собственному почину, а не под диктовку императора, я тем не менее убеждена, что по этому вопросу, который по вашему собственному признанию очень серьезен, он думает то же, что и я...»

Вернувшись к утверждению императрицы, что император может оказаться вынужденным действовать революционно, я возразил на это, что его величество конечно заинтересован больше чем кто-либо в том, чтобы вести эту войну политично; что я в этом не сомневаюсь, если только другие не втянут его против его воли.

Я хотел этим направить внимание императрицы на тех близких советников из Турина и Флоренции, не называя их, которые могли бы своими действиями увлечь императора дальше его собственных предположений.

Но ее величество, не знаю, с умыслом или без него, живо мне возражала, что во Франции царят полнейшее спокойствие и доверие.

«У Франции,— добавила императрица,— одна забота, одна только тяжесть на сердце — договоры 1815 г. Для Франции война в Италии лишь средство от них избавиться; вот почему эта война приобрела популярность; по этому поводу император недавно сказал горячим головам, что никогда не следует доводить великую нацию до унижения»...

В заключение этого отчета я выскажу несколько своих соображений и резюмирую то, что, повидимому, больше всего заботит императрицу.

Прежде всего, что авансы, сделанные России, ослабили близкие отношения Франции с Англией, и что этот новый союз до сих пор еще не дал действенных результатов;

что за отсутствием действий, тон России мог бы быть более решительным;

что император отказывается от революционных методов действия, если только его к этому не вынудит враждебность противников Франции.

Как ни старалась императрица уверить меня, что все, что она говорит, является ее личными мыслями, но в ее речах я тем не менее нашел отголоски того, что я раньше слышал от ее августейшего супруга, и я думаю, что они заслуживают поэтому особого внимания.

При приезде моем во Францию императрица не скрыла от меня своей симпатии к союзу с Англией. С тех пор произошли большие события и так как мне не приходилось на них жаловаться, я не старался вызвать возобновление наших разговоров на эту тему.

Теперь снова императрица заговорила со мной о союзе с Англией и как раз в момент сформирования министерства Пальмерстона-Русселя [76] и после отъезда г. де Персиньи [77], приверженца этого союза. Г. де Персиньи в отсутствие императора имел по этому вопросу несколько разговоров с регентшей [78].

Я не могу также не сообщить, что узнал из хорошего источника, что г. Друэн де Льюис [79] перед отъездом императора был призван к е. в., их разговор касался возможных перемен в кабинете и желания императора Наполеона иметь возможность рассчитывать на его содействие.

Ничего больше я в настоящий момент не знаю, но мне кажется, что при сопоставлении всех этих обстоятельств, как бы незначительны они не казались порознь, взятые совместно они имеют характер, заслуживающий серьезного размышления.

Назначение г. де Персиньи на пост посланника в Лондон заставило меня предвидеть победу лорда Пальмерстона. Свидание с г. Бруэном де Льюисом заставляет меня предполагать, что восстановление близости с Англией дело недалекого будущего.

Следовательно, по моему мнению, было бы полезно подготовиться к новой политической фазе, в которую мы можем вступить. Мы далеки от того, чтобы стараться противодействовать сближению морских держав путем обвинений по адресу Франции или путем упреков, продиктованных ревностью, но было бы пожалуй выгоднее сделать наш союз более действенным, отвратив от Франции грозящие ей со стороны Германии затруднения, путем активных переговоров, неопровержимыми документами. Это было бы особенно своевременно, потому что если этого не сделает Россия, то сделает Англия, и тогда ее влияние возрастет в ущерб нашему.

Было бы по этой же причине желательно, чтобы наша наблюдательная армия оказывала большее давление на наших соседей, и что хотя бы в этом мы могли оказать императору Наполеону действенную поддержку и этим несомненным фактом были бы опровергнуты измышления наших недругов. Лозунг всех сторонников союза с Англией, что Россия более блюдет интересы Германии, нежели Франции, и что Франция, заключив союз с Россией, окажется в конце концов обманутой.

Высказывая эти пожелания, я однако не создаю себе иллюзий насчет затруднений, которые могут встретиться при их выполнении.

Я счел нужным не скрывать от вас эти мнения, которые доходят до меня со всех сторон, потому что мне кажется полезным, чтобы вы о них знали в интересах службы императору.

Моя цель, сообщая вам их, отнюдь не толкать вас к войне, которой я для России не желаю, но дать вам основания для верной и точной оценки положения.

Примите и проч. Киселев.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 1 июля/19 июня 1859 г.

Ваша экспедиция от 18 (6) июня и ваши личные письма от того же числа были представлены императору.

Я отвечу на них вкратце и постараюсь, не вдаваясь в подробности, исчерпать сущность вопроса.

Замечания, которые вам сделала императрица Евгения насчет нашего циркулярного письма и в особенности насчет заключительной части его, не отличаются от тех, какие уже были изложены герцогом де Монтебелло и которые граф Валевский со своей стороны высказал вам.

Мы их предвидели, и если не сочли своевременным принять их к руководству, то это было как в интересах русских, так и французских.

Русские интересы требуют, чтобы наш августейший монарх сохранил полную свободу действий и, чтобы честно выполняя взятые на себя обязательства в обусловленных пределах, он сам решал бы вопрос, принимать или не принимать активное участие в войне в зависимости от обстоятельств и от нужд собственной страны.

Французское правительство хочет бесповоротно скомпрометировать нас. В Варшаве эти именно слова вырвались у принца Наполеона. Однако если политика является сделкой — я принимаю это определение — то в той сделке, которая представляется сейчас, нет никакой ощутимой выгоды для России, исключая сохранения, в видах на более или менее отдаленное будущее, интимной близости с Францией. Сегодня мы не извлекли бы из нее никакой выгоды, так как боязнь перед Англией помешает императору Наполеону коснуться вопроса о Черном море в том смысле, как это отвечало бы нашим пожеланиям.

Все тяготы падают на нас, и при том в момент, когда они нам вдвойне тяжелы. Мы их принимаем, мы честно выполним договор, ко-

торым мы связали себя, но мы должны ограничивать наши жертвы в соответствии с выгодами, которые извлечет из них страна.

Я иду дальше и утверждаю, что и французские интересы требовали, чтобы наш циркуляр не переходил Рубикон решительным заявлением, что мы нападем на Германию, если она будет действовать агрессивно против Франции.

Германский союз правильно понял мысль, содержащуюся в заключительной части нашего циркулярного письма, и повсюду в Германии это вызвало большое беспокойство и пертурбацию умов. Если бы мы высказали прямую угрозу, эта угроза особенно поразила бы Пруссию, и мы бы содействовали результату диаметрально противоположному интересам Франции,— результату, к избежанию которого направлены сейчас все усилия тюльерийского кабинета, объединенные с нашими.

То, что я говорю, не является гипотезой, граф, сами факты доказали это. Пруссия, как видите, продвинулась еще вперед по наклонной плоскости, на которую ее толкнула боязнь показаться недостаточно немецкой.

За мобилизацией всей армии быстро последовала концентрация корпусов на Майне и на Рейне. Тенденция к сближению с Австрией находит только слабый отпор в сопротивлении барона Шлейнитца, и если эта тенденция сейчас временно приостановлена, то только потому, что принц-регент еще питает надежду сохранить дружбу с Россией. А эта надежда была бы разрушена, если бы мы встали в явно враждебную Германии позицию, и тогда не было бы сомнения в том, какой путь избрала бы Германия.

Я не думаю, что параллель, которую провела в разговоре с вами императрица, между союзом с Россией и союзом с Англией, основывалась бы на фактах. Не мы ослабили узы между Лондоном и Парижем. Они были разрушены антагонизмом интересов, давлением на волю императора Наполеона, которое английское правительство старалось произвести во всех направлениях; наконец традиционным отсутствием всякой верности со стороны английских правительств, которые выполняют даже самые торжественные обещания, только если они соответствуют английским интересам, и национальный эгоизм которых не знает стыда.

Я их за это не упрекаю. Я только констатирую факт, о нем свидетельствует история всех времен.

И у нас, граф, император выбрал своим девизом национальные интересы. Его величество не заключает союзов и не берет на себя обязательств, если они противоречат этим интересам, и перед тем, как принять решение, он внимательно взвешивает, находятся ли они в согласии с этими интересами или противоречат им.

Но раз слово нашего августейшего монарха дано, его величество остается ему верным, даже если это не соответствует его непосредственным интересам, и нас всегда найдут при любых обстоятельствах на том посту, на котором мы обещали быть.

Вот в чем разница.

Я не вижу, чтобы Франция получила много выгод от союза с Англией. Я не решаюсь зачислить в число этих выгод Крымскую войну, наиболее явственный результат которой, за исключением нескольких страниц военной славы, которыми история Франции и без того изобилует, и которую доблесть ее армий позволяет ей добыть и без чужой помощи,— уничтожение нашего черноморского флота,— даже в самой Франции в настоящее время не рассматривается как обстоятельство, способствующее ее мощи.

Я не стану останавливаться на перечислении выгод, которые Франция уже получила от своей близости с нами. Я отмечу только нашу

позицию в настоящее время, которая одна только дает ей возможность свободно бросить свои силы в Италию и сдерживает противников, которые давно уже сказали бы свое слово, если бы не боялись возможности военного вмешательства России.

Мне кажется, граф, что нам уже незачем представлять неопровержимые доказательства того воздействия, которое мы оказываем на Германию. Она проявляется, имею смелость сказать, ежедневно со времени начала войны,— и не только в наших официальных актах, и в моих беседах с членами дипломатического корпуса, которые я веду по приказу императора, но также в выступлениях наших агентов при различных немецких дворах.

Австрия, по словам императрицы, мало озабочена нашим обсервационным корпусом. Не таково мнение в Вене, и если австрийское правительство не концентрирует на наших границах более значительных сил, то это не потому, что оно спокойно, а потому, что хочет казаться спокойным, и что в отчаянном положении, в котором оно находится, оно вынуждено заботиться о наиболее неотложном, предаваясь на волю случая в отношении той опасности, которую Австрия не в состоянии от себя отвратить, но которой она от себя однако не скрывает, а именно — что участь ее может решиться на границе с нами.

К тому же опасность, которая грозит ей с этой стороны ее владений, скоро примет вполне ощутимую и ясно выраженную форму. Наши войска сейчас в походе и через скорое время они будут там, где их присутствие придаст нашей военной демонстрации ее настоящее значение.

Вы понимаете, граф, что мне, так же, как и вам, хочется сложить к ногам прелестной императрицы только выражение своих почтительных чувств, и что у меня нет ни малейшего желания вступить в политические пререкания с ее величеством. Поэтому эти рассуждения не относятся к ней. Но я решил, что вы не будете против того, чтобы узнать наши сокровенные мысли либо для применения их в разговорах с г. Валевским, либо для ответа на замечания, которыми заканчивается ваше весьма секретное письмо от 18 (6) июня.

Примите и пр.

Горчаков.

Письмо Наполеона III Александру II, 13 июля (21 июня) 1859 г.

Государь, брат мой,

Благодарю ваше величество, что вы послали представителя в мой главный штаб, мне кажется, я могу приветствовать выбор, который вы сделали [80].

Мы имели ужасное сражение [81], силы австрийцев по меньшей мере на треть превосходили наши, и кроме того, по несчастной случайности, столь частой на войне, корпус маршала Канробера, в ожидании врага, который не появлялся, оказал нам поддержку очень поздно и лишь с половиной своих сил. Если бы не это, то сражение имело бы очень большие последствия. Мне пришлось сражаться с корпусом, прибывшим по железной дороге из Галиции *. Я говорю вам это откровенно, чтобы ваше величество знали, что воздействие диверсии, которую вы мне обещали, очень долго не появляется **.

Несмотря на это, я благодарю ваше величество за дружеские чувства, которые вы ко мне питаете, и симпатию, которую вы мне выражаете, и возобновляю заверения в чувствах моего глубокого уважения и искренней дружбы, с которыми я пребываю и пр.

Валеньжио.

Наполеон.

* Помета Александра II: «Этот корпус прибыл из Богемии».

** Эта фраза отчеркнута и на полях поставлен восклицательный знак.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 21 (9) июля 1859 г.

Я получил вашу почту от 13 (1) июля и поспешил представить ее его величеству.

Из-за отсутствия императора Наполеона, вы не были в состоянии сообщить нам никаких сведений интимного порядка, которые уяснили бы нам, что было сказано в Виллафранке, помимо опубликованных прелиминариев [82].

Наш августейший монарх просит вас сосредоточить всю вашу бдительность и применить всю вашу проницательность, чтобы осветить эту сторону вопроса, которая находится в настоящий момент в тени, но узнать которую нам всего важнее.

Ум императора Наполеона плодовит на комбинации. Случай был слишком благоприятен, чтобы предположить, чтоб он их не делал. Но каковы они? Каковы будут его взаимоотношения с Австрией в будущем и для каких целей они будут ему служить? Вот что вы должны постараться узнать.

Убежденные в своей верности обязательствам и в сознании того, что мы оказали императору французов содействие, хотя и не материальное, но из-за того не менее действенное (факты это доказали), мы хотим верить, что, с своей стороны, император Наполеон будет действовать в отношении нас с той же прямотой. Доверие вызывает доверие.

Поэтому, граф, вы не должны обнаруживать никаких сомнений с нашей стороны, но вы будете искать случая дать монарху, при котором вы аккредитованы, возможность по собственному почину излить свои чувства в отношении нас.

Мир, прелиминарии которого только-что подписаны, содержит зародыш многих затруднений для императора французов. Он найдет нас рядом с собой, честно готовых содействовать их улажению. Но для того, чтобы это было так, надо чтобы его политика не имела сторон, скрытых от нас.

Этот монарх обладает слишком проницательным умом, чтобы не понять, что знание одних только основ Виллафранкского договора недостаточно при столь близких отношениях, которые существуют между обеими империями, и для поддержания отношений, которые служат в равной степени их обоюдным интересам.

В неоднократных беседах с вами и в частности в Фонтенебло он прекрасно доказал, что понимает этот оттенок [83].

Сейчас более чем когда-либо представляется случай остаться им верным. Мы ждем этого.

Мы примем с интересом, соответствующим серьезности обстановки, сведения, которые последуют после получения почты, которую посылаю вам сегодня. Император убежден, что ваше усердие и ваша преданность будут на высоте задачи, которую ставит вам доверие нашего августейшего монарха.

Примите и пр.

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 22 (10) июля 1859 г.

Герцог Монтебелло передал мне собственноручное письмо императора Наполеона нашему августейшему монарху в ответ на посылку подполковника графа Шувалова.

Я пересылаю вам копию исключительно для вашей личной информации.

Это письмо, как вы сами усмотрите, не такого характера, чтобы произвести на нас хорошее впечатление.

Мы хотим верить, что лагерная жизнь и волнения, связанные с войной, повлияли на его содержание и как в отношении самой сущности, так и формы. Если это не так, то император Наполеон единственный в Европе, который не признает практического значения моральной поддержки, которую оказал ему наш августейший монарх.

Для того, чтобы обеспечить ему эту поддержку, мы не останавливались перед жертвами и не отступили перед протестами, которые повсюду поднялись против нас, и все это, конечно, без всякой перспективы получить немедленную выгоду для наших национальных интересов.

Мы сожалеем об этом направлении, впрочем, надеюсь, кратковременном, мыслей императора французов.

Наши войска, укомплектованные до полного состава [84], не прекратили своего движения по направлению к границе. Если Австрия не сосредоточила больших сил на этой части своих границ, это не потому, как я вам уже сказал, что она имеет повод быть спокойной относительно наших намерений, но потому что, мало надеясь на успех, она предпочла предоставить свою судьбу с этой стороны на волю случая. Для всякого наблюдательного ума вполне очевидно, что эта держава не заключила бы столь невыгодного для нее мира, если бы она не опасалась возможных решений нашего августейшего монарха.

Те же опасения весьма сильно воздействовали на выжидательную позицию Германии, которой нужно было только иметь уверенность в нашей нейтральности, чтобы выступить агрессивно против Франции, и это опасение продолжалось достаточно длительное время, чтобы позволить императору Наполеону достигнуть тех результатов, которых он достиг.

Я сомневаюсь, чтобы Наполеон лично поднял этот вопрос перед вами. Но если так случится, вы не затруднитесь, граф, ответить ему доводами и данными, которыми я уже снабдил вас и которыми я вас снабжаю сегодня.

В заключение, я должен исправить ошибку, которая вкралась в письмо императора французов. Не австрийский корпус из Галиции, перевезенный по железной дороге, увеличил численность войск противников Франции, а корпус графа Клам Галас, который стоял в Богемии.

Горчаков.

22(10) июля 1859 г.

P. S. Я закончу несколькими рассуждениями.

Император Наполеон не мог ожидать, что мы будем действовать в его пользу агрессивно. Обещания, которые мы дали, не шли дальше благожелательного нейтралитета и наблюдательного корпуса. Это ясно и неоспоримо. Но я пойду дальше и скажу, что даже если бы мы объявили войну Австрии, подобное решение шло бы в разрез с интересами Франции, потому что, независимо от всей Германии, ей пришлось бы иметь дело еще и с Англией. Этого Наполеон больше всего опасается, последующие же заявления британского кабинета не позволяют больше в этом сомневаться. Я должен следовательно заключить, что письмо императора Наполеона является кратковременным настроением под влиянием неудобного бивуака и серьезных и неприятных размышлений, которые вызвали позиции Англии и Германии. Он лучше бы сделал, если б не написал его.

Когда мы издали указ о передвижке наших боевых сил, наш августейший монарх самолично предупредил г. герцога де Монтебелло, что нам понадобится три месяца, чтобы быть на месте. Трудно предположить, чтобы французский посол не сообщил об этом предупреждении. Тем, которые сказали бы, что мы могли двинуть наши войска, как только начались осложнения в Италии, и что в таком случае они были бы сосредоточены на границе в момент объявления войны или вскоре после него, я, отвечу, что в тот момент мы имели полное право предположить, что конгресс, признанный всеми державами, предотвратит враждебные действия. Следовательно нашим долгом было не требовать от страны жертв, которые вероятно могли бы оказаться ненужными.

Вы, граф, естественно будете избегать делать какие бы то ни было упреки. Но если император Наполеон даст вам малейший повод заговорить об этом, вы приведите все причины и все факты, которые я вам сообщил, не ослабляя энергии вашего выступления из-за соображений местного характера. Это может принести только пользу. У императора Наполеона ум ясный, практический и расчетливый. Гораздо лучше сказать ему с полной откровенностью то, что мы думаем, чем позволить ему предполагать, что мы не имеем мужества высказывать мнения, если они не совпадают с его, и что мы скрываем мысли, которые нас заботят. Он только станет больше нас уважать. Он должен был бы быть более уверен в союзе, в котором нет ни задних мыслей, ни уверток.

Горчаков.

Из письма посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 2 августа (21 июля) 1859 г.

Князь,

Я во время получил секретное письмо от 22 (10) июля...

Я вполне понимаю, что письмо императора Наполеона, которое было к нему приложено, не произвело на вас хорошего впечатления. Я сужу потому, что сам испытал такое же впечатление.

Это направление мыслей императора Наполеона однако не застало меня врасплох. Я уже дал вам точный отчет о словах императрицы Евгении. Давая его, я прибавил, что придаю им серьезное значение, так как в них следует видеть отголосок мнений императора. Теперь невозможно не признать положительной связи между происшедшими фактами.

В моих различных разговорах как с императором, так и с Валевским, я постоянно указывал на неудобства, связанные с расстояниями и обширностью России при том положении, в котором еще находятся пути сообщения. При случае я вновь подчеркну их.

Что касается причин, которые побудили Австрию не сосредоточивать войск в Галиции, гипотезы допустимы, но здесь, где недоверие стоит в порядке дня, с трудом поверят, что она решилась на это без того, чтобы ей не стали известны тайными путями, через третьих лиц, наши намерения.

Если же император Наполеон сочтет нужным заговорить со мной по вопросам, касающимся нашей позиции или позиции Германии, на которую мы несомненно оказали сдерживающее влияние, я нисколько не затруднюсь говорить с ним в смысле ваших замечаний. Но несомненно он ожидал положительных результатов, и трудно будет его удовлетворить объяснением причин, которые помешали реализовать

наше соглашение и заставить забыть разочарование, испытанное им в результате иллюзорного соглашения*.

Для него вопрос стоит так: «Отвратила ли Россия от Италии австрийские силы? Он говорит: нет. Его письмо доказывает это убеждение. Наши объяснения, как бы обоснованы они не были, не изменят этого его убеждения.

Что касается австрийского корпуса, перевезенного по ж. д. — это корпус графа Клам Галас, расположенный в Богемии и прибывший в Милан принять участие в сражениях при Турбиго и Маджента. Но известно, что позже австрийское правительство перебросило войска из Галиции, которые затем участвовали в битве при Сольферино. В Галиции остались только резервы. Балабин также сообщил вам об этом. Эти факты дошли также до сведения французского правительства, которое по обыкновению хорошо осведомлено. Они были также подтверждены пленными.

Император Наполеон не ожидал, что мы будем действовать в его пользу агрессивно. Наши обещания действительно не шли дальше благожелательного нейтралитета и наблюдательного корпуса. Но он рассчитывал на этот последний, который, по его мысли, предназначался для того, чтобы парализовать действие 150 тысяч австрийских солдат. Эта цифра была приведена мне Валевским, после возвращения принца Наполеона из Варшавы и приезда Монтебелло в Петербург. Я сам в свое время говорил об отвлечении австрийских сил, которое могло бы быть полезно Франции без того, чтобы мы оказали ей непосредственную помощь в возможной войне.

Все это давало право императору Наполеону, не думая, что Россия перейдет к агрессии, надеяться на большее, чем он получил. Это и заставило его написать императору.

Несмотря на это я вполне разделяю вашу точку зрения, когда вы говорите, что лучше бы было ему воздержаться от этого.

Я совершенно не знал о предупреждении, сделанном герцогу де Монтебелло, что потребуется три месяца, чтобы наши войска были на месте. Я надеюсь, что он сообщил об этом своему правительству. Я сожалею, что я не был поставлен в возможность в свое время указать здесь на это обстоятельство, хотя в общих выражениях предупредил императора о могущей произойти задержке в переброске наших войск.

Следуя вашему специальному упоминанию я буду избегать каких-либо упреков, тем более, что мы можем жаловаться только на письмо от 3 июля. Император Наполеон впрочем сам подал мне в этом пример, тщательно избегая всякого, даже отдаленного, замечания, которое имело бы характер упрека. Кроме того такие объяснения представляют серьезное неудобство, так как, что бы ни говорилось, они всегда будут носить характер извинения, чего особенно следует избегать.

Если представится случай, я по силе возможности использую аргументацию, которую вы приводите, чтобы вернуть его величество к справедливой оценке нашего содействия во время войны в Италии. Я постараюсь смягчить мнение, которое он себе составил о нашем содействии и которое было также высказано императрицей в беседе со мной. Судя по тому, что доходит до меня окольными путями, в окружении императора Наполеона высказываются те же сожаления по

* Помета Горчакова: «Но оно было реализовано. Германию удалось сдержать, а это не мало».

Помета Александра II: «Но такой упрямец, как Наполеон III, этим не удовлетворится».

поводу нашей сдержанности и необходимость закончить войну в большей мере приписывается позиции России.

Разочаровавшись в своих ожиданиях, император тотчас сделал шаг к сближению с Англией путем разоружения[85]. Персиньи толкает его все больше и больше на этот путь и может в этом добиться успеха, поскольку его поддерживает активная партия.

Боюсь, что доверие к нам императора Наполеона поколебалось. С разных сторон ему постарались представить нашу наблюдательную армию как миф, о котором Австрии нечего было беспокоиться.

В нашу пользу, конечно, говорит наша дипломатическая деятельность — наше циркулярное письмо немецким дворам. Но практический результат может показаться здесь недостаточным, поскольку Пруссия все же провела мобилизацию, а Австрия не побоялась оставить свою восточную границу незащищенной.

Валевский, который так горячо говорил о нашей наблюдательной армии, теперь не упоминает о ней вовсе, и мне не удалось вызвать его на разговор на эту тему. Император со своей стороны не упомянул мне ни о своем письме от 3-го, ни о нашей позиции.

Учитывая все это, я думаю, что наши близкие отношения от этого пострадают, и что император Наполеон сблизится с Англией и, возможно, даже с Австрией, пока непредвиденные обстоятельства не воспрепятствуют этому и не приведут его поневоле снова к нам. До тех пор надо наблюдать и использовать все представляющиеся случаи, чтобы подчеркнуть м о р а л ь н у ю п о д д е р ж к у, оказанную нами его делу. Это его не убедит, конечно, потому что, обладая в первую очередь практическим умом, он больше считается с р е з у л ь т а т о м, чем со средствами, употребляемыми для достижения цели. Если бы наш наблюдательный корпус был своевременно придвинут к границе, мы наше бездействие смогли бы прикрыть видимостью этой материальной помощи. Так как по недостатку времени это не было сделано, то нам остается ссылаться на наши дипломатические демарши, которые, кстати, подтверждаются донесениями французских агентов.

Моя цель, князь, отнюдь не начинать полемику относительно позиции, которую мы заняли во время итальянской войны. Я хотел только сообщить вам мнение императора Наполеона, как я его себе объясняю и как оно вытекает из оценки положения здесь на месте, и одновременно довести до вашего сведения мои мысли о будущем. Мне кажется, что мнение, сложившееся у Наполеона, не приведя еще сейчас к ухудшению наших отношений с Францией, вызывает, как я уже говорил, сближение с Англией, которая, со своей стороны, делает все для этого. Будущее уточнит значение и размеры этого сближения. Но почти невозможно, чтобы наши отношения с Францией не пострадали от этой новой ситуации.

Примите и проч.

К и с е л е в.

Из письма посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову, 10 августа (29 июля) 1859 г.

Князь,

... Моя телеграмма от 7 августа (26 июля) дала вам вкратце изложение моего последнего разговора с Валевским, касательно переговоров в Цюрихе и современного положения[86].

В течение этого разговора я пытался перевести министра на тему о наших отношениях, не давая ему заметить, что мне известно письмо от 3 июля.

Для этого я воспользовался, как исходной точкой, несколькими вскользь сделанными упоминаниями о спорах между венским и

берлинским кабинетами, которыми занята в настоящее время публика [87]. Я сказал, что распространяются также слухи об охлаждении, которое будто бы произошло между Францией, Россией и Пруссией.

Валевский тотчас же подхватил этот намек, сказав, что эти слухи были вызваны немецкими газетами; что после такого события, как Виллафранка, совершенно понятен общественный интерес к этому, но не знает абсолютно ничего, что могло бы оправдать подобные утверждения.

«Что же касается Пруссии,— добавил он,— мы продолжаем оставаться с ней в наилучших отношениях и мы понимаем, в какое затруднительное положение была поставлена эта держава в последнее время».

«Я это прекрасно понимаю,— ответил я,— так как после брошенных в лицо Пруссии Германией обвинений, которые отчасти были направлены и против нас, было бы неблагодарностью не воздать должное нашим усилиям по поддержанию мира на Рейне в интересах Франции».

Видя, что он не опровергает, но и не поддерживает это утверждение, я не счел нужным вызвать другие более категорические объяснения. Но я не могу удовлетвориться этими недостаточно определенными ответами *. При случае я возобновлю атаку, чтобы ясно дать понять наше суждение о значении поддержки, которую мы оказали Франции.

Если император Наполеон недоволен нашей позицией, как заставляет предполагать его письмо от 3 июля, мне кажется, он решил скрывать свое недовольство до более удобного для его высказывания момента **.

Предоставим ему эти поиски, князь, внимательно наблюдая за его действиями, и по мере сил постараемся внушить ему, а также его кабинету, что они могут вполне положиться на нас ***.

А пока несколько статей в независимой от правительства газете, которые бы разъяснили действительное положение взаимоотношений, пожалуй, были бы уместны. Кроме того, это соответствовало бы духу времени ****.

Примите и проч.

Киселев.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Париже Киселеву, 19(7) августа 1859 г.

Граф,

Его величество император прочел с живейшим интересом вашу экспедицию от 10 августа (29 июля).

Мы еще не можем отдать себе точного отчета о теперешних намерениях императора Наполеона и изменениях, которые могло внести свидание в Виллафранке в общее направление его политики. Мы даже предполагаем, что его собственное мнение еще не установилось, и что в настоящий момент он, главным образом, занят разрешением вопросов, поднятых в последних прелиминариях.

Однако сдержанность, которую он высказывает в отношении к вам, указывает изменение близких отношений, которые предшествовали итальянской войне.

Пометы Александра II:

* «Это отражение мыслей его повелителя».

** «Это вполне возможно и не удивило бы меня».

*** «Конечно, это единственное, что мы можем делать».

**** «Это несколько затруднительно, поскольку мы их сами не знаем».

Это может быть действительно переходной эпохой или просто минутным недовольством, не оправдываемым фактами, а может быть — пробой, с целью посмотреть, какое впечатление произведет на нас проявление менее дружественного отношения.

Император приказал мне наметить вам позицию, которую представитель нашего августейшего монарха при тюльерийском дворе должен соблюдать в этих различных предполагаемых случаях.

Мы не желаем ни сражаться с призраками, ни допускать уверенность в том, что мы принимаем призраки за действительность и что достаточно простого миража в Париже, чтобы возбудить у нас беспокойство. Его величество желает, чтобы вы сохраняли вид, что вас нисколько не беспокоит охлаждение в личном отношении к вам императора французов и его министра. Было бы ниже нашего достоинства и ни в коем случае не на уровне нашего могущества высказывать беспокойство по поводу преходящего недовольства, и если император Наполеон рассчитывал вызвать среди нас тревогу по этому поводу, надо чтобы он обманулся в своем расчете; ничто не будет так способствовать этому, как полное спокойствие с вашей стороны и продолжение прежних отношений.

Наш августейший монарх сознает, что он честно выполнил обещания, данные императору Наполеону. Дипломатические действия кабинета, управляемые волей его императорского величества, пошли дальше того, на что император Наполеон мог надеяться, и это не только в смысле усилий, но и в смысле успеха. Мы не поколебались ослабить, я почти мог бы сказать скомпрометировать, наши добрые отношения с Германией, которые сумели установить, благодаря нашим настойчивым усилиям, со времени Парижского мира, и это только для того, чтобы оказать с этой стороны императору Наполеону поддержку, действенность которой доказана фактами, хотя это не предписывалось нам каким-либо национальным интересом.

Невозможно, чтобы император Наполеон не разбирался в этом положении и чтобы он один в Европе не желал этого признать. Но вполне возможно, что в его расчеты входит высказывать недовольство ролью России в последней войне.

Если проявление такого недовольства имеет целью заставить нас занять скромную позицию, на каковую он может рассчитывать со стороны Австрии после подписания прелиминариев в Виллафранке,— то того спокойного достоинства, которое вы выказываете и будете продолжать соблюдать в Париже, будет достаточно, чтобы вернуть его к более верной оценке взаимных позиций. Императору Наполеону придется покориться необходимости принимать вещи таковыми, каковы они есть: характер нашего августейшего монарха во всем его величии и твердости, Россию во всем ее могуществе. Мы желаем оставаться его союзниками — союзниками искренними, лойяльными, не обещающими больше того, что мы желаем сдержать, добросовестно выполняющими то, что мы обещали, но мы никогда не снизойдем до роли соучастника. Наши национальные интересы указали нам на необходимость сердечного соглашения с Францией, как на базу рациональной политики; мы останемся верными этому, так как мы никогда не упускали из виду служение этим интересам. Одним словом император французов найдет нас всегда на своей стороне во всех вопросах, в которых это будет выгодно Франции и не будет в ущерб России, но не следует рассчитывать на нас, как на орудие в комбинациях личного честолюбия, из которых Россия не извлечет никаких выгод, а еще меньше — в таких, которые могли бы нанести ей вред.

Если по приказанию императора я рекомендую вам, граф, противопоставить спокойное равнодушие расчетам такого рода, совсем не то

должно быть в случае, если вы усмотрите зарождение комбинаций, противоречащих нашим прямым интересам,— в этом отношении я особенно имею ввиду какое-либо соглашение Франции либо с Австрией, либо с Англией на почве Востока. Здесь будет важно не только начало действий, но и самое умолчание в отношении к вам будет показательно. Благоволите поэтому посвятить всю свою бдительность тому, чтобы подметить всякий признак, который может проявиться в этом отношении, и сообщите нам об этом, не заботясь о кажущейся незначительности какой-либо подробности.

Я думаю, достаточно этих указаний, чтобы вы поняли всю мысль его величества. Нашему августейшему монарху было бы прискорбно чувство доверия, которое он питает к императору Наполеону, заменить недоверием или даже сомнением. Его величество даст доступ этим чувствам только тогда, когда факты будут свидетельствовать против его теперешних убеждений. Но неожиданности в действиях императора Наполеона и резкие перемены не позволяют полагаться с уверенностью на равномерный ход его политики. Позволить личным чувствам руководить собой при подобных обстоятельствах, значило бы упускать из виду положительные интересы империи. Быть бдительным — такова теперь наша первая обязанность. Мы не пойдем в настоящий момент дальше, но если мы получим доказательство, что, несмотря на последовательную лойяльность нашей политики, в Париже возникают комбинации, противоречащие интересам России, мы можем оказаться вынужденными со своей стороны на комбинации, которые отклонялись бы от общей политики, проводимой нами со времени Парижского трактата. Это было бы временно навязанной нам необходимостью, которой мы подчинились бы лишь с сожалением, потому что, повторяю, мы продолжаем считать, что Франция, проникнутая сознанием своих насущных интересов, была бы всегда лучшей союзницей России.

Горчаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Горчаков, князь Александр Михайлович. Русский государственный канцлер, министр иностранных дел с апреля 1856 г. до марта 1882 г.

2 Свидание в Штуттгарте Александра II с Наполеоном III состоялось 25/13 сентября 1857 г. Там же присутствовали русский и французский министры иностранных дел Горчаков и Валевский.

В докладе от 26 (14) сентября Александру II Горчаков излагает свою беседу с Валевским, в которой они пришли к соглашению относительно трех главных пунктов, резюмирующих переговоров в Штуттгардте:

«1) «Во всех вопросах европейской важности оба монарха будут предварительно договариваться между собой и исходя из этого принципа ни Россия, ни Франция не примут участия в коалиции, направленной против одной из них.

2) Россия и Франция будут действовать согласованно на Востоке и договорятся между собою, в случае если произойдет распад Турции.

3) Посланникам и консулам обеих держав в Турции будет предписано с сегодняшнего дня также действовать заодно...»

В этой же беседе Валевский сказал... Если Франция вынуждена будет воевать в Италии, император Наполеон желал бы договориться о позиции, которую займет Россия в этом случае».

В подлиннике в этом месте помета Александра II. «Он и меня спросил об этом напрямик, и я ему ответил, что не собираюсь повторить 1849 года». Упоминая о 1849 г., Горчаков имеет в виду помощь, оказанную Николаем I Австрии в подавлении революции в Венгрии.

3 Наполеон III, усматривая свою историческую миссию в продолжении дела Наполеона I, не мог не оказать поддержки Италии в ее борьбе против Австрии. Вместе с тем победа над Австрией, присоединение к Франции новых территорий должны были упрочить его личное положение и поднять его авторитет как в мнении французов, так и в глазах всей Европы.

4 Принц Наполеон — двоюродный брат Наполеона III (сын младшего брата Наполеона I, Жерома Наполеона). В письме от 20/8 ноября Киселеву Горчаков пишет, что истинные мотивы, побудившие Наполеона III послать в Варшаву принца Наполеона,

заключались в желании Наполеона III услышать непосредственно от самого Александра подтверждение о неизменности его дружественных намерений в отношении Франции.

Принц Наполеон получил лично от Александра II заверения, не оставлявшие места никаким сомнениям,— а именно: если Наполеон III вынужден будет начать войну с Австрией, Россия будет держаться дружественного в отношении Франции нейтралитета и придвинет к австрийской границе корпус русских войск, парализовав этим действие 150-тысячной австрийской армии. Русская эскадра, находящаяся в Средиземном море, будет там оставаться во всяком случае до ближайшей весны.

Взамен этого император Наполеон обещает свою помощь в вопросе об отмене статей Парижского трактата 1856 г. и, главным образом, статьи об ограничении русского флота в Черном море.

5 Савойский дом — династия, к которой принадлежал сардинский король Виктор-Эммануил.

Сардинское королевство явилось тем ядром, вокруг которого произошло воссоединение Италии.

До Итальянской войны 1859 г. Сардинское королевство, называвшееся иначе Пьемонтом, состояло из о-ва Сардиния, княжества Пьемонта, герцогств Савойя и Генуя, графства Ницца, герцогств Аоста и Монферрат.

Победы, одержанные объединенными войсками Пьемонта и Франции над Австрией, и мощный подъем национального движения, охватившего всю Италию, ускорили ход событий, и в начале 1861 г. вся Италия за исключением Рима и Венецианской области была объединена в единое Итальянское королевство. Савойя и Ницца отошли к Франции.

Здесь речь идет о согласии России на присоединение к Сардинии Ломбардо-Венецианских провинций, принадлежащих с Венского Конгресса 1815 г. Австрии, взамен чего Франции по договору Наполеона с сардинским министром иностранных дел Кавуром (август 1858 г.) должны быть уступлены Савойя и Ницца.

6 Самостоятельность Венгерского государства, иначе говоря, расчленение Австрии, целиком входило в планы Наполеона III.

Значительно сложнее было положение Александра II в этом вопросе. Так же, как и Наполеон, желая ослабления Австрии, Александр II боялся, чтобы примеру Венгрии не последовала Польша.

7 Речь идет об XI и XX статьях Парижского мирного трактата 1856 г. XI статьей России воспрещалось иметь военный флот в Черном море за исключением оговоренных в дальнейших статьях определенного количества и водоизмещения судов для несения береговой службы.

XX статьей определялась новая граница в Бессарабии, т. е. территория, отнятая у России и присоединенная к Молдавскому княжеству, теперешней Румынии.

8 После заключения Парижского мира Россия и Франция действовали в полном согласии друг с другом по всем вопросам, касающимся Балканского полуострова, а именно: по вопросу об объединении Молдавии и Валахии; о водворении династии Обреновичей в Сербии, о поддержке Черногории против турок и др.

9 Франция вместе с другими государствами, подписавшими Парижский трактат, гарантировала выполнение всех статей этого трактата, в том числе и тех двух, о которых идет речь.

В статье XIV Парижского трактата, предусматривающей заключение между Россией и Турцией особой конвенции о числе судов, которые они вправе держать в Черном море, прямо говорится, что «сия конвенция.... не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия держав, заключивших настоящий трактат».

10 Война Пьемонта с Австрией явилась сигналом к восстанию в государствах средней Италии — Тоскане, Парме и Модене против находившихся там у власти герцогов, ставленников Австрии.

Герцог Тосканский, Леопольд II, был свергнут образовавшимся там временным правительством и бежал в Австрию.

Туда же бежали Пармский и Моденский герцоги.

Смысл оговорки, сделанной Горчаковым, заключается в том, что Россия не хотела давать своего согласия на присоединение к Пьемонту тех территорий, государи которых не сражались на стороне Австрии. Этим самым Россия брала на себя защиту прав этих государей.

11 Здесь, возможно, подразумевается посол в Париже, граф Киселев. См. ниже его письмо от 13 (1) февраля, которое, вероятно, вызвало недовольство Горчакова.

12 V и VI статьи — две последние статьи первого французского проекта, по которым Наполеон III и Александр II берут на себя взаимные обязательства разъяснить положение, создавшееся в связи с войной, своим союзникам. См. «Записку» Горчакова.

13 В октябре 1858 г. в Пруссии было образовано новое либеральное министерство взамен реакционного кабинета Мантейфеля.

В донесении из Берлина от 8 ноября (27 октября) русский посол Будберг сообщает о перемене внешнеполитического курса Пруссии — о повороте Пруссии в сторону

Англии и Австрии и о вероятном осуществлении программы английского посла в Пруссии Мальмсбери, которую Будберг характеризует таким образом:

«Тесный союз между Пруссией, Англией, Австрией, в качестве противовеса возможного влияния, которое Россия и Франция, как предполагают, желают себе присвоить на европейские дела.

14 Австрия во время Крымской войны не принимая прямого участия в военных действиях, заняла враждебную по отношению к России позицию.

После очищения Россией дунайских княжеств (Молдавии и Валахии, нынешней Румынии) Австрия заняла эти княжества и оставалась там вплоть до окончания войны.

15 В октябре 1853 г. Наполеон III послал в Штуттгарт принца Наполеона для встречи с князем Горчаковым, бывшим тогда там русским посланником. Принцу Наполеону поручено было узнать мнение Горчакова относительно тех компенсаций, которые получила бы Франция, если бы она вступила в союз с Россией.

Приводим выдержку из донесения Горчакова об этой беседе: «Для упрочения нашей династии,— сказал принц Наполеон,— необходимо, чтобы Франция получила какие нибудь ощутительные выгоды. Что Вам стоило бы согласиться на занятие нами Ниццы и Савойи; если, далее, прекратят свое существование несколько маленьких герцогств в Италии, политический вес Австрии совсем от этого не пострадает, и не представило бы никаких затруднений вознаградить ее в другом месте».

«Никаких территориальных перемен в Европе, ваше высочество,— ответил Горчаков.— Для нас карта Европы уже установлена. Она утверждена потоками крови».

16 Речь идет о пребывании великого князя Константина Николаевича в Париже.

17 Киселев Павел Дмитриевич, граф. Посол в Париже с 1860 до 1862 г.

18 Мак-Магон — французский маршал. Участник Крымской войны. В 1858 г. был назначен главнокомандующим всех сухопутных и морских сил в Алжире. В войне 1859 г. получил командование корпусом.

19 Адиж или Эч — река протекающая по Тироли (Австрия) и Италии и впадающая недалеко от устья По в Адриатическое море (см. прим. 74).

20 Вертер Шарль, прусский посланник в Петербурге с 1854 г. до апреля 1859 года.

21 Шлейнитц, барон — прусский министр иностранных дел с 1858 до 1861 г.

22 Принимая новогодние поздравления дипломатического корпуса, Наполеон III во всеуслышание обратился к австрийскому послу Гюбнеру со словами: «Я сожалею, что наши отношения не так хороши, как я этого желал бы. Это не мешает тому, что мои чувства по отношению к императору Францу-Иосифу остаются прежними».

В донесении от 7 января (26 декабря) 1859/8 г. Киселев сообщает, что слова эти, истолкованные чуть ли не как разрыв дипломатических отношений с Австрией, вызвали страшную тревогу в Париже и отразились неблагоприятно как на бирже, так и вообще на всей деловой жизни.

В этом письме имеются ввиду — вероятно, официальные сообщения успокоительного характера, появившиеся в правительственной прессе после этого инцидента, а также дружественное обращение Наполеона к Гюбнеру на другой день после новогоднего приема, о котором упоминается в донесении Киселева от 16/4 января 1859 г.

23 Приводим выдержку из этого письма, где Горчаков резюмирует основные положения его:

«Наш государь желает сохранения мира и вместе с тем стремится к поддержанию союза с Францией. Если даже эти два его желания будут находиться в противоречии друг с другом, он сохранит верность обещаниям, которые он дал. Император желает, чтобы по этому поводу не возникало никаких сомнений у императора французов... Вы найдете случай в беседе с императором Наполеоном коснуться неопределенной политической позиции Англии и внушающей мало доверия позиции Германии в случае войны... Одним словом наш государь желал бы избежать разрыва и войны, и в то же самое время желал бы, чтобы император Наполеон сам пришел бы к убеждению о несвоевременности ее».

24 Будберг, барон, посланник в Берлине с 1852 по 1856 г. и с 1858 по 1861 г.

25 Вследствие болезни прусского короля Фридриха Вильгельма IV его брат, наследный принц Вильгельм, был назначен в 1858 г. регентом Пруссии. В 1861 г. он стал прусским королем, а в 1871 г.— германским императором.

26 Буоль-Шауенштейн, австрийский министр-президент и министр иностранных дел с 1852 по 1859 г. в качестве уполномоченного Австрии принимал участие в заключении трактата 1856 г.

27 В происходивших в Сербии событиях (см. прим. № 48) Австрия сделала попытку к активному вмешательству в защиту низложенного Александра Карагеоргиевича. Когда этот последний укрылся в Белградской крепости под покровительство турок (Белградская крепость оставалась в руках турок до 1867 г.), Австрия дала приказ коменданту Землина (Землин — австрийская крепость, расположенная напротив Белграда, на левом берегу Дуная), чтобы в случае нападения сербов на Белградскую крепость, он оказал бы помощь туркам, если они к нему обратятся. Это вызвало протест со стороны Франции, к которой присоединились Англия и Россия.

Австрии было предъявлено требование об отмене отданного приказа, как нарушающего трактат 1856 г. Это требование не было выполнено Австрией, но приказ не вошел в силу, так как Турция не обратилась за помощью к Австрии.

28 Австрийский эрцгерцог Максимилиан, брат австрийского императора, был назначен в 1857 г. генерал-губернатором Ломбардо-Венецианского королевства. Назначение эрцгерцога Максимилиана, известного своими либеральными тенденциями, вместо генерала Радецкого, ненавистного итальянцам, было вынужденной уступкой со стороны Австрии национальному движению в австрийских провинциях Италии.

29 Барон Мантейфель, президент совета министров и министр иностранных дел с 1850 до ноября 1858 г.

30 В донесениях от 16 (4) января (депеши №№ 1—5) Киселев сообщает: о настроениях во Франции в связи с угрозой войны; о нежелании французского народа воевать; о закулисных влияниях, толкающих Наполеона на войну; о все большем сближении между Францией и Пьемонтом; о стараниях Австрии и Франции заручиться поддержкой Пруссии в случае войны и пр.

31 Речь идет о позиции, которую занимала Франция в вопросе о попытке Австрии к вмешательству в сербские дела (см. прим. 27). Отказ Турции воспользоваться помощью Австрии против сербов не прекратил дипломатической акции Франции, которая продолжала настаивать на отмене Австрией приказа в Землине, доказывая, что самая попытка к вмешательству, сделанная Австрией, независимо от того, что она не осуществилась, является нарушением Парижского трактата.

Сообщая о своей беседе с Валевским по этому поводу, Киселев приводит юридическую аргументацию Валевского в пользу французской точки зрения.

32 В беседе Наполеона III с Киселевым в ноябре 1858 г. в компьенском дворце Наполеон, говоря об Англии, сказал: «Англия не имеет руководящего правительства. Министерство находится на поводу у партии и парламента. Парламентом же управляет пресса и город Лондон. Все это вместе составляет общественное мнение, которое иногда, нужно признать, действительно, определяет политическое положение. В настоящее время это общественное мнение — более могущественное чем когда-бы то ни было; в виду этого международные отношения становятся затруднительными. Отвечая на вопрос Киселева о взаимоотношениях Англии с Пруссией и Австрией, Наполеон сказал, что тесный союз между Пруссией и Австрией под покровительством Англии может быть и возможен, потому что «английской политике всегда было свойственно бросать на континенте семена раздора, чтобы, натравив государства друг на друга, извлекать из этого положения наибольшую выгоду для своей промышленности и торговли».

33 В письме от 6 февраля (25 января) Горчаков сообщает Киселеву, обо всех обстоятельствах, связанных с первым и вторым приездом Ля-Ронсьера в Петербург (см. «Записку» Горчакова).

Горчаков подтвердил в этом письме предписанную им ранее Киселеву линию поведения (см. выше письмо Горчакова от 29/17 января).

34 Киселев был извещен шифрованной телеграммой от 6 февраля (25 января) о том, что ему посылается «важная почта», повидимому, письмо Горчакова от того же числа.

35 К депеше от 13 (1) февраля № 33 Киселев прилагает карту Европы в 1860 г. Карта эта изъята из депеши и не найдена в архиве, но из текста депеши видно, что она появилась одновременно в Париже и в Лондоне, и была издана в Париже с ведома и при поддержке французского правительства.

Характеризуя эту карту, посол говорит, что «на ряду с эксцентричными комбинациями, каковы напр.: передача Египта австрийскому императору, Туниса неаполитанскому королю, компенсация Мекленбургского и Ганноверского дворов за счет Европейской Турции, есть и другие, не лишенные в настоящий момент серьезного значения. К числу последних относится образование итальянского королевства и переустройство Аппенинского полуострова, распространение европейской оккупации в бассейне Средиземного моря на африканское побережье, преимущества, получаемые Англией по течению реки Ефрата».

36 В январе 1813 г. в Фонтенебло был подписан конкордат между папой Пием VII и Наполеоном I, в котором папа под давлением Наполеона отказывался от некоторых существенных прав, полученных им в силу конкордата 1801 г.

Однако это соглашение осталось только на бумаге, так как два месяца спустя папа отказался от него.

37 Убри, Павел Петрович. Первый советник русского посольства в Париже, с 1856 по 1863 г.

38 Кавур (1810—1861) итальянский министр иностранных дел. Виднейший политический и государственный деятель эпохи воссоединения Италии.

Кавур являлся главным вдохновителем сближения Италии с Францией, при помощи которой он хотел вытеснить Австрию из Италии.

В августе 1858 г. в Пломбьере между Наполеоном III и Кавуром было заключено соглашение, по которому Франция обязалась содействовать присоединению к Пьемон-

ту Ломбардо-Венецианских провинций до Адриатического моря, взамен чего Пьемонт уступал Франции Савойю и Ниццу.

39 Лорд Коулей — английский посол в Париже с 1852—до 1867 г.

В феврале 1859 г. Англией была сделана попытка примирения Франции с Австрией. В Вену был послан лорд Коулей, который должен был добиться от Австрии уступок по трем пунктам:

1. Отозвание Австрией одновременно с Францией своих войск из Романьи (Романья — северо-восточная часть Папской области, оккупированная французскими и австрийскими войсками).

2 Отказ Австрии от заключенных ею после 1815 г. частичных договоров с государствами Центральной Италии.

3. Согласие Австрии на реформы в этих государствах и, главным образом, в Папской области.

Переговоры Коулея не дали никаких результатов; они были прерваны начавшимися вскоре по инициативе России переговорами между великими державами о созыве конгресса европейских держав для разрешения спорных вопросов в Италии.

40 В донесениях от того же числа Киселев сообщает, что Франция охвачена тревогой в связи с широко распространенным убеждением, что война неминуема; что это тревожное настроение гибельно отражается на промышленности и торговле; что французское правительство деятельно вооружается. Говоря о миссии Коулея, он выражает сомнение в успехе этого предприятия.

Записка секретного агента, приложенная к одному из его донесений, рисует картину все большего сближения между Францией и Пьемонтом.

41 Как видно из письма Киселева от 3 марта (19 февраля), это и является той «темой», которую Горчаков в своем письме от 29 (17 января) поручил Киселеву просить у Наполеона III и которая по мысли Горчакова должна была послужить базой для дипломатической акции России, имеющей целью успокоить германские государства и дать им гарантию безопасности для будущего.

42 Письмо от 5 марта (21 февраля) было написано Горчаковым до получения от Киселева конфиденциальной записки Валевского и является ответом на письмо Киселева от 22/10 февраля (не приведенное здесь).

В этом письме Киселев дает отчет о своем разговоре с Валевским, где этот последний сам поднял вопрос о «теме» и сообщил, что «по приказанию Наполеона он занят составлением циркуляра, который он предполагает разослать всем французским миссиям при германских дворах».

Мысли, выраженные в этом циркуляре и являются базой «темы», которую Валевский обещал передать Киселеву приблизительно в конце месяца.

43 Повидимому речь идет о беседе Киселева с Наполеоном 18/6 февраля. В письме от того же числа Киселев дает отчет об этой беседе, в которой Наполеон довольно глухо намекнул на неблагоприятную позицию, занимаемую в настоящее время Англией в итальянском вопросе.

44 В донесении из Лондона от 26/14 февраля русский посол Бруннов сообщает, что лорд Коулей был послан в Вену отчасти по соображениям «парламентского» характера. Бездействие министерства Дерби в итальянском вопросе явилось поводом для нападок на него со стороны парламентской оппозиции — вигов. Правительству необходимо было оправдаться перед парламентом и страной — это и явилось одним из мотивов для посылки Коулея в Вену.

45 Речь идет о Парижском мирном конгрессе европейских держав, созванном после Крымской войны.

46 Впоследствии, когда посредничество держав между Австрией и Францией не дало никаких результатов, и началась война, Англия обвинила Россию, что она, внеся предложение о созыве конгресса, прервала миссию Коулея, имевшую шансы на благоприятный исход.

В отчете по министерству иностранных дел за 1859 г. Горчаков оспаривал это утверждение, доказывая, что Россия выступила с предложением конгресса пяти держав после того уже, как Валевский сообщил Киселеву, что австрийский ответ на предложения Киселева «неопределенен и мало удовлетворителен».

47 Балабин — русский посол в Вене, с конца 1858 г. до 1864 г.

48 В Сербии в декабре 1858 г. первой же избранной скупщиной был низложен князь Александр Карагеоргиевич и вновь призван к власти Милош Обренович, бывший ранее сербским князем. Падение Александра Карагеоргиевича, являвшегося ставленником Австрии, было повидимому встречено с большим удовлетворением в Венгрии, которая в это время боролась с Австрией за восстановление своей конституции.

Несколько позже княжества Молдавия и Валахия, из слияния которых образовалась Румыния, сделали важный шаг в деле своего политического объединения. Представительные собрания того и другого княжества избрали господарем Александра Кузу и провозгласили его румынским князем.

49 Петкович — русский консул в Триесте.

50 Милош Обренович — сербский князь с 1817 г. по 1839 г. и с 1859 г. по 1860 г
Данила Петрович (Негош) — черногорский князь с 1852 по 1860 г.

51 3 мая 1815 г. на Венском конгрессе Россия, Австрия и Пруссия подписали трактаты, определившие раздел Варшавского герцогства, созданного Наполеоном по Тильзитскому миру в 1807 году. Россия получила 4/5 Варшавского герцогства под именем Царства Польского. Австрии была возвращена Галиция без г. Кракова, Пруссии — Познань, города Данциг и Тори.

52 Конгресс так и не удалось собрать.

После того как предложение России о созыве конгресса было принято всеми державами, Англией была выработана программа, относительно которой должны были предварительно согласиться все участники конгресса.

В течение почти двух месяцев продолжались переговоры с Австрией главным образом по двум пунктам этой программы: 1) предварительное разоружение Пьемонта и 2) допущение итальянских государств, а следовательно и Пьемонта, на конгресс.

В самый последний момент, когда Франция и Пьемонт пошли на уступки в вопросе о разоружении (была принята компромиссная формула о всеобщем разоружении, предложенная Австрией же), австрийское правительство внезапно прервало переговоры, заявив, что несовместимо с достоинством Австрии заседать вместе с итальянскими государствами, и послало Пьемонту ультиматум о разоружении в трехдневный срок (21/9 апреля). Через несколько дней после отказа Пьемонта подчиниться этому требованию начались военные действия.

53 Речь идет, повидимому, о предполагаемой поездке Горчакова в качестве уполномоченного России на конгресс по итальянским делам (см. выше письмо Горчакова от 5 марта (19 февраля).

54 Английский посол в Вене Лофтус представил от имени своего правительства австрийскому министру ин. дел. Буолю ноту относительно условий, которые должны были лечь в основу созываемого конгресса по итальянским делам. Основной пункт этой ноты гласил, что если австрийское правительство даст заверения, что оно не нападет на Сардинию, правительство Великобритании берет на себя обязательство, совместно с французским правительством, добиться согласия Пьемонта на разоружение.

В ответной ноте Лофтусу Буоль, якобы, согласившись в принципе на это предложение, сформулировал его таким образом, что оно стало неприемлемым как для Пьемонта, так и для Франции. Буоль поставил условием участия Австрии в конгрессе предварительное (еще до созыва конгресса) разоружение Пьемонта. Только по выполнении этого требования, Австрия соглашалась дать требуемое от нее обязательство, что она не нападет на Сардинию в течение времени, пока будет происходить конгресс.

55 Монтебелло — французский посол в Петербурге с мая 1858 г. до октября 1864 г.

56. Нота Балабина Буолю 22/10 апреля 1859 г.:

«Нижеподписавшийся во исполнение приказа своего двора сообщает его превосходительству графу Буолю, что просьба Австрии касательно предварительного общего разоружения, встретила согласие со стороны России, Франции, Великобритании, Пруссии и Пьемонта; с другой стороны, допущение на конгресс итальянских государств, которое предлагают перечисленные государства, соответствует дипломатическим прецедентам и санкционировано конгрессами, созванными самой Австрией; это допущение вытекает помимо этого из актов Аахенского конгресса, на которые ссылался венский кабинет в настоящем случае (Аахенский конгресс происходил в 1818 г. и имел целью освободить Францию от иностранной оккупации).

Вследствие этого нижеподписавшемуся поручено заявить е. п. графу Буолю, что если мир будет нарушен вследствие отказа согласиться на мирные предложения великих держав, вся ответственность падет на венский кабинет, и ему придется держать ответ перед Европой, интересы и покой которой он нарушил».

57 Валевский, сообщая в телеграмме от 21/9 апреля Монтебелло об австрийском ультиматуме Пьемонту, спрашивает: «Какова будет позиция России в случае войны? Необходимо принять какое-либо решение. Узнайте мнение его величества».

58 В записке этой Горчаков пишет:

«Если вы хотите, чтобы ваши вооружения не служили бы поощрением для Австрии вступить в войну... следовало бы, я полагаю, чтобы вы публично заявили, что эти вооружения имеют целью только защиту неприкосновенности германской территории. Вы знаете, что никто ей не угрожает. Австрия также в этом убеждена, но ей выгодно сеять путаницу.

Другое средство, необходимое для того, чтобы помешать взрыву — это, чтобы Пруссия, Англия и Франция предписали своим представителям в Вене вручить Буолю ноту, идентичную нашей».

59 Общесоюзный германский сейм во Франкфурте был составлен из представителей всех германских государств, входивших в Германский союз; просуществовал так же как и Германский союз с 1816 до 1866 г. с перерывом от 1848 до 1851 г.

60 В виду невозможности примирить требования Австрии и Франции, которые они ставили предварительным условием своего участия в конгрессе (Австрия — «разоружение» Франции и Пьемонта, а Франция — допущение Пьемонта на конгресс),

английский министр иностранных дел лорд Мальмсбери предложил такое компромиссное решение вопроса: предварительно созвать в Лондоне конференцию из представителей пяти великих держав с участием Пьемонта для разрешения одного только вопроса — общего сокращения вооружений. Достижение соглашения по этому вопросу должно было облегчить созыв конгресса. Однако австрийский ультиматум Пьемонту прервал переговоры по созыву как этой конференции, так и самого конгресса.

61 Крамптон, сэр Джон — английский посол в Петербурге с октября 1858 г. до 1861 г.

62 Тессин или Тичино — река в Сев. Италии, впадает в По.

63 Мальмсбери, граф — английский министр иностранных дел с февраля 1858 г. до июня 1859 г.

64 Часть Савойи, прилегающая к женевскому кантону (Швейцария), была признана трактатами 1815 г. нейтральной.

65 Мустье — французский посланник в Берлине с 1853 г. до февраля 1860 г.

66 Блумфильд, Джон Артур — великобританский посланник в Берлине с 1851 г. по 1861 г.

67 В письме Александру II от 21 марта Вильгельм приветствовал идею европейского конгресса по итальянским делам, выдвинутую Александром II, и давал свое согласие принять участие в этом конгрессе.

В этом письме он выражал надежду, что «объединенные усилия России и Пруссии, направленные к одной и той же цели — сохранению мира, будут увенчаны успехом, но что каков бы не был исход настоящего кризиса, Россия и Пруссия... всегда будут встречаться на пути чести, справедливости и права».

Александр II ответил на это письмо через $1^1/_2$ месяца, 4 мая (22 апреля), когда в Италии уже началась война.

Выразив сожаление по поводу неудачи, постигшей попытку предотвратить войну, он высказал уверенность, что Россия и Пруссия приложат все усилия к тому, чтобы война не вышла за пределы Италии, и предпримут совместные шаги для умиротворения Европы.

Доказательство миролюбивых стремлений Пруссии Александр II усматривал в позиции, занятой ею в отношении Германского союза.

68 Эти пожелания Горчаков, повидимому, усмотрел в том месте письма Будберга от 27/15 апреля (см. прим. № 71), где он, говоря о беспокойстве в Пруссии в связи с поведением французского правительства, вспоминает, что в прошлом Александром II уже была сделана попытка получить некоторые разъяснения у Наполеона относительно его намерений в отношении Пруссии, и что конфиденциальная записка, переданная Киселеву и долженствовавшая служить ответом на этот вопрос, оказалась настолько неудовлетворительной, что если бы она стала известной Пруссии, она только усилила бы ее беспокойство относительно позиции Франции.

69 «Journal de S-t Pétersbourg». Ежедневная официозная газета, выходила в Петербурге на французском языке.

70 В манифесте от 28 апреля 1859 г. Франц-Иосиф объявляет «народам» Австрии о причинах, приведших к войне с Францией и Сардинией. Рассматривая эту войну как общегерманское дело, манифест кончается призывом ко всем странам, входящим в Германский союз, сплотиться и общими силами отразить опасность, идущую из Италии.

71 Речь идет повидимому о двух письмах от 27 (15) апреля. Одно из них помещено выше. Во втором письме Будберг излагает свои соображения об обстоятельствах, побудивших Пруссию объявить частичную мобилизацию.

По мнению Будберга, это решение было принято по предварительному согласию с Англией, которая даже толкала Пруссию на это мероприятие. Касаясь позиции Пруссии в отношении Франции, Будберг сообщает свой разговор с Шлейницем, где этот последний намекнул, что «единственной гарантией, которую Пруссия имеет против Франции — это отношения России с Францией». Однако, по мнению Будберга, поведение Франции в отношении Германии и тон французской прессы создают беспокойство в Пруссии, которое усугубляется военными приготовлениями Франции. Все это должно оправдать те военные приготовления, которые сочла для себя необходимым сделать Пруссия.

72 К депеше от 27 (15) апреля № 54 Будберг приводит объяснения Шлейница по поводу объявленной Пруссией мобилизации трех корпусов и обращения прусского правительства к германскому союзному сейму о частичной мобилизации общесоюзных германских войск.

Объяснения Шлейница двоякого рода:

1. Необходимость привести вооружения Пруссии в соответствие с вооружениями Франции.

2. Опасения Пруссии потерять руководство в делах Германского союза, если инициатива перейдет к второстепенным германским государствам.

Вооружения эти однако, как заявил Шлейниц, имеют строго оборонительный характер, и Германия вступит в конфликт только в случае нападения на ее территорию.

Далее Шлейниц категорически опровергнул газетные слухи, что Пруссия, якобы, может занять своими войсками какую-то часть австрийской территории для того, чтобы дать возможность Австрии перебросить свои войска, находящиеся там, на театр военных действий. «Никогда,— сказал он,— не было сделано подобного рода предложения прусскому правительству, так как прекрасно знают, что оно не согласится играть роль австрийского жандарма».

Против этого места на полях помета Александра II: «Надо это принять к сведению».

73 15 мая 1859 г. (ст.ст.) Горчаков разослал представителям России в германских государствах циркулярную депешу, которую они должны были довести до сведения правительств, при которых они были аккредитованы.

В этом циркуляре Горчаков излагал свое мнение о положении германских государств в связи с происходящей войной.

Ссылаясь на заявления английского правительства, что ничто не могло бы оправдать нападения Германии на Францию, нападения, которое вызвало бы общеевропейскую войну, что Англия в этом случае будет держаться строгого нейтралитета и не окажет никакой помощи Германии,— Горчаков отмечал полное согласие России с Англией в этом вопросе.

Считая, что Германия не имеет никакого основания опасаться агрессии со стороны Франции, что неприкосновенность ее территории гарантирована Германии, с одной стороны, декларацией Франции, а с другой стороны — обязательством, взятым на себя Пруссией, Горчаков предостерегал германские государства от каких либо враждебных шагов против Франции.

В заключительной части циркуляра говорится: «Мы надеемся, что федеральные государства последуют голосу благоразумия и откажутся от решений, которые причинили бы им самим ущерб, а также не способствовали бы укреплению их внутреннего положения. Но если бы, сохрани боже, произошло иначе, мы выполнили бы во всяком случае долг искренней и свободной дружбы. Чем бы ни кончились осложнения настоящего времени, наш государь, не будучи связан никакими обязательствами, будет руководствоваться в решениях, которые он призван будет принять, исключительно интересами его страны и достоинством его короны».

74 Минчио — река в Италии между Ломбардией и Венецией.

У Минчио австрийцами был заложен укрепленный «четырехугольник»: Верона — Леньяно на Адиже и Пескьера — Мантуя на Минчио.

75 После победы, одержанной над Австрией при Мадженте (4 июня), в Романье, как и во всей остальной Средней Италии, началось сильнейшее движение за объединение с Пьемонтом.

Австрийцы, занимавшие своими войсками города Романьи (Романья — часть Папской области), эвакуировались оттуда, спровоцировав таким образом занятие их союзными войсками Пьемонта и Франции, что должно было вызвать выступление нейтральных стран в защиту папы.

Болонский муниципалитет после оставления города австрийскими войсками отказался от подчинения папскому правителю (легату) и послал делегацию королю Пьемонта Виктору Эммануилу для получения его согласия на присоединение Болоньи и других городов Романьи к Пьемонту.

76 Министерство Пальмерстона пришло к власти 5 июля 1859 г. Лорд Джон Рассель занял в нем пост министра иностранных дел.

77 Персиньи, Жан-Жильбер, французский посол в Лондоне с 1855 до 1858 г. и с 18 мая 1859 г. до 3 декабря 1860 г.

78 Во время военных походов Наполеона императрица Евгения управляла государством в качестве регентши.

79 Друэн-де Льюис — министр иностранных дел в первом кабинете Людовика Наполеона (1848 г.). В 1849 г.— посол в Лондоне. В 1852 г. стал вновь министром иностранных дел, способствовал заключению союза Англии и Франции против России. На венской конференции в 1855 г. выступал вместе с англичанами за принятие австрийских предложений. С 1855 г. находился не у дел и только в 1862 г. снова занял пост министра иностранных дел.

80 К ставке Наполеона III был прикомандирован граф Шувалов вместо находившегося там раньше русского военного атташе в Париже полковника Альбединского.

81 Сражение при Казальмаджоре. В результате его французы заняли 3 июля Валеджио и Виллафранка.

82 8 июля (26 июня) в Виллафранке было заключено перемирие между французским и австрийским генералами сроком до 15 августа. Вслед за этим 11 июля (29 июня) в Виллафранке же состоялось свидание Наполеона с Францем-Иосифом, и там без участия Пьемонта были подписаны прелиминарии мира, содержавшие следующие пункты:

1. Образование итальянской конфедерации под почетным председательством папы. 2. Уступка Ломбардии через посредство Франции Пьемонту (исключая крепостей Мантуи и Пескьеры). 3. Вступление Венеции, сохраняемой за Австрией, в качестве равноправного члена, в итальянскую конфедерацию. 4. Возвращение изгнанных гер-

цогов Пармы и Модены в их владения. 5. Введение папой реформ в его владениях. 6. Всеобщая амнистия.

83 Речь идет о беседах Киселева с Наполеоном в фонтенеблоском дворце, где Киселев провел несколько дней (в мае-июне 1858 г.) в гостях у Наполеона.

84 В отчете по министерству за 1859 г. Горчаков упомянул, что 5 корпусов русской армии были переведены на военное положение.

85 Охлаждение между Францией и Англией, вызванное войной и последовавшими в Италии событиями, поддерживалось тревогой Англии из-за усиленных морских вооружений Франции, которые не прекратились и после заключения мира. «Разоружение», вернее говоря, перевод всей армии на мирное положение, на которое Наполеон пошел с чрезвычайной неохотой, должно было повести к улучшению этих отношений.

86 6 августа 1859 г. в Цюрихе собрались уполномоченные Франции, Австрии и Пьемонта для выработки и подписания мирного договора между этими тремя державами.

Эта конференция однако признавалась неправомочной для разрешения итальянского вопроса в целом, и поэтому по инициативе России, главным образом, велись переговоры о созыве европейской конференции.

В телеграмме от 7 августа (26 июля) Киселев сообщает о трех договорах, которые должны быть подписаны на конференции в Цюрихе: 1) общий мирный договор; 2) договор между Австрией и Францией и 3) между Францией и Сардинией.

Далее Киселев сообщает со слов Валевского о согласии Австрии участвовать в европейской конференции по итальянским делам при условии, если принятые в Цюрихе решения не будут предметом обсуждения этой конференции.

87 После заключения мира австрийский президент-министр и министр ин. дел. граф Рехберг выступил с утверждением, что Франц-Иосиф вынужден был подписать мир, потому что он получил в Виллафранке неопровержимое доказательство того, что три державы — Россия, Пруссия и Англия, которые договорились между собой, по инициативе Пруссии, о посредничестве между воюющими державами, составили проект мирного договора в враждебном для Австрии духе.

Прусский министр иностранных дел Шлейнитц выступил с опровержением этого утверждения Рехберга и через некоторое время для успокоения общественного мнения должен был опубликовать в «Preussische Zeitung» депеши, которыми обменялись в последнее время прусский и венский кабинеты.

Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии[1]

(Окончание)

Рапорт маркшейдера С. Вонявина кизлярскому коменданту полковнику Паркеру, 19 декабря 1771 г.

(л. 181) Сего года прошедшего октября 15 дня насланным мне от вашего высокородия ордером объявлено, что указом ея императорского величества из государственной коллегии иностранных дел между прочим, предписано, что не можно ли воспользоваться известным в горах здешнего места изобилием в дорогих металлах, не тревожа тамошних варвар, но в сем деле поступить не только с крайнею осторожностию и без всякого разглашения, но и не спешить настоящим к тому преступлением, а сперва постараться надобно киштинцов (или осетинцов),— чрез которых в том надо и пример прочим народам показать, рассуждается,— как чрез удобнейших к исполнению здешних требований неприметным образом к тому расположить, и потом уже важное сие намерение и далее производить исподволь и всегда однако, чтоб горские жители опасности для себя не возымели, а потому б и не были подвигнуты на воспрепятствование. Но как теперь остается удобнейшее для сего случая время самое короткое и ничего другого начать нельзя, как только достать несколько руд, осмотреть их местоположение и сделать пробу сколько будут выгодны и полезны высочайшим ея императорского величества интересам, чем бы соображаясь, и в настоящее дело вступить лучше было можно. Итак, дабы сие важное намерение исполнить, и для того требовали от меня, ваше высокородие, для посылки в Осетинские местечки, в Хуртаты и Лагири, из команды моей трех или четырех человек, разумеющих сыскать руды.

И в силу того ордера и объявленного указа того ж октября 15 числа командированы в посылку и к вашему высокородию объявлены от меня при репорте с надлежащим наставлением (л. 181 об.) шихмейстер Александр Кирхнер, штейгера Иван Жилин, Федор Ворман и бергаур Макар Клюев, почему 20 числа и отправлены от вас обще со знающим в горах все обстоятельства и тамошние обхождения Терского войска ротмистром Афанасьем Батыревым, одним дворянином Васильем Николаевым и с двумя казаками, разумеющими говорить по черкесски, которые, будучи там, возвратились из помянутой Осетии и прибыв сюда ноября 24 числа, привезли с собою серебро и свинец, содержащие руды, найденные в Хуртатских жилищах, в осьми местах взятые с поверхности из осыпей гор, весом один пуд двадцать фунтов всех сортов, которая в силу насланного ж от вашего высокородия сего декабря 7 дня ордера от шихмейстера Кирхнера взята и из одной руды №№ 3, 6, 7 и 8 пробованы чрез огонь на серебро и свинец, при которой пробе находились бергшворен Иван Князев, шихмейстер Кирхнер и гитенмейстер Губанов, а что по пробе оказалось, о том значит в приложенном при сем особливом реестре[2], а протчие №№ 1, 2, 4 и 5 в рассуждении за

[1] См. «Красный архив», т. т. 4 (83) и 6(85).

[2] Приложен к тому же делу, л. 183 об

мало привезением руды, также и по недостатку, для сбережения на нужной случай, пробирных припасов, оставлены чрез огонь без пробы, а промываны только на ложке и то от половины и до одного фунта, что значит в приложенном же реестре.

Что ж принадлежит до благонадежности оных руд и какая из них казне может быть прибыль, как ваше высокородие последним показанным ордером предписали мне об оном объяснить, то хотя в обеих сих требованиях, как первое за неразработкою настоящим горным порядком тех рудных приисков, так второе — как дешево добывать можно из горы и какими людьми (л. 182) оные руды нахожу немалое к вероятному уверению рассуждение, как 1-е, ибо без настоящей горной разработки в глубине земли богатство показать по верховым рудам есть предмет не без сумнения; 2-е, также и как дешевым или дорогим коштом те руды из гор добывать и вывозить в Моздок было бы способно, без сведения привычки к трудам тамошнего горского народа, а потому им и платы положить теперь без настоящей пробы не можно, однако в первом случае принять можно в помощь примеры таких верховых или лежащих в отсыпях рудных приисков, смотря при том по положению их мест, что они жильные или гнездовые, в твердом камне или в мягком простирающиеся, из которых жильные, серебро и свинец содержащие, бывают надежнее, нежели гнездовые, а к тому нередко случается, что верховые руды сперва показывают хотя и малое содержание серебра и свинца, а по горной разработке открывают потом добрую и постоянную надежду богатством своим. Посему в пример поставить можно и показанные № 3, 6, 7 и 8 бленгланцевые руды, которые из описания шихтмейстера Кирхнера видеть можно, особливо № 3, что по примечанию его и штейгера Ивана Жилина оказалась руда жильная, которая и по пробе оказала против свинца больше половины серебра, также и № 7, бленгланцовая руда, коя значится по объявлению их жильная, а №№ 6 и 8 на подобие гнездовых, которые однако все содержат свинец и часть серебра. В протчих же № 1, 2, 4 и 5, хотя по видимости бленгланцу и не примечено, однако по промывке (л. 182 об.) от половины и до одного фунта в некоторых оказалось часть бленгланца и кису, почему и оные прииски, как лежащие в одном положении по обе стороны речки Фоки, без настоящей разработки оставить не должно, ибо все показанные руды набраны ими по малому числу, и то совсем крадучи от хуртатских жителей, а при том в короткое и осеннее неудобное уже время, что по такому случаю довольно служить могут со временем оные к настоящей разработке известными быть.

Итак следует неотменно, чтоб прежде хотя небольшую в показанных рудных приисках сделать разработку, или будущей весной послать как в оные по речке Фоке Хуртатские, так и в Лагирьские по реке Ердане жилища с команды моей горных служителей и там побыть довольное время, в которое б можно было порядочно тихим образом положение мест по обе стороны показанных речек, так и около их вершин осмотреть, а на пробу руд достать, по крайней мере, по пуду; сие все служить может, что чем больше открытых рудных приисков и положения мест сделаются известными, то тем со временем и в настоящее дело приступить будет способнее.

Наконец, для лучшего обо всех показанных рудах сведения и учинения с оными проб взношу их при сем вашему высокородию (л. 183) для отсылки в Петербург в государственную берг-коллегию с нарочно командированным от меня бывшим в оной посылке ундер-шихтмейстером и штейгером Иваном Жилиным, кои запечатаны все по номерам в одном ящике моею печатью, а ящик, обшитой холстом, сверху двумя печатьми

вашего высокородия, которого Жилина прошу ваше высокородие отправить как заблагоразсудите поспешением.

При сем также прилагаю вашему высокородию для ведома впредь по секретной экспедиции привезенных из показанных хуртатских жилищ каждого номера руд по небольшому кусочку.

(С. Вонявин.)

(л. 185). Записка, взятая в кизлярской секретной экспедиции Терского войска от ротмистра Батырева и дворянина Николаева в дополнение поданного от него доезда декабря 21 дня 1771 года[1].

По бытности их в Хуртатах и в Алагирях при набрании металлических руд тамошним жителям мы при случаях по пристойности проговаривали, могут ли они их, сами доставая, возить в Моздок, но они на сие отзывались, что до Моздока доставлять нет им способа, по причине как они не имеют у себя довольно лошадей, а могут носить на себе в бывшее Осетинское подворье, и тут бы от них принимать за даваемую им плату, однако о плате договора с ними не имели, а только примерно положить надо за одну человеку ношу в два пуда и более холста рубаху или по две, смотря по обстоятельству; от подворья ж до Моздока будет с девяносто верст, и можно свободно уже оттуда возить на арбах.

К разработке металлических руд и к ношению их до Осетинского подворья куртатцы, чимтеицы и кори охотно все примутся, а расстоянием они все от подворья простираются на пятидесяти верстах, где арбою ехать никоим образом не можно.

Около подворья жительствует Малой Кабарды Барукова Кабака уздени Девлетука и Батока Анзоровы с их братьями и подвластными в восьмидесяти дворах, почитающияся одним именем под властию Большей Кабарды (л. 185 об.) владельца Мисоста Баматова, и из них Батока при нынешнем случае во все время бытности их во всех местах употреблялся за проводника с крайним прилежанием и рачением, которые чаятельно и впредь при сей комиссии, если хотя небольшее сделается приласкание, будут употребляться проводниками от подворья к Моздоку и при самом подворье, а еще чаятельно примутся оттуда и возить на арбах. При сем подворье теперь никакого строения нет, почему и надобно сделать, какое ни есть, построение к приему и складыванию руд; однако кто б от построения тамо дома принел развратную мысль, сего нечаятельно, яко же, кроме оных анзоровых узденей, других там в близости живущих нет.

Чтоб из горцов кто предпринял себе от разработывания руд опасность и тем бы встревожен, сего нечаятельно, ибо где надо брать руды, то и должно самих их подряжать вырывать и в подворье доставлять, а они, как выше сказано, льстясь на заплату и не почитая за важную вещь, со охотою приступят; других же сторонних в тех местах совсем никого нет; а сверх, куртатской народ противу протчих в числе людьми превосходнее, и мелкие пред ними спорить не могут.

Реляция астраханского губернатора П. Кречетникова Екатерине II, 2 декабря 1774 г.[1]

(л. 186) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Об открывшихся в соседстве вверенной мне Астраханской губернии

[1] Дата отсутствует.— Заголовок подлинника.

металлических рудах в Кавказских горах вашему императорскому величеству по государственной коллегии иностранных дел довольно известно, что чрез учиненные нарочно посланными туда от государственной берг-коллегии мастерами опыты оные действительно нашлись в Осетинском жилище в Ингушевских Хуртатских и в Лагирских жительствах, где происходит от российской стороны учрежденная комиссиею проповедь слова божия и крещение тамошнего народа в православную греко-российского исповедания веру, и по пробам оказались в них серебряная, железная и свинцовые руды, о чем о всем по произведенным описаниям государственные иностранных дел и берг-коллегии в 1768 и 1772 годах с подробностию о их качестве и о могущей быть из того государственной пользе видеть могли, но по притчине изображенных в высочайшем вашего императорского величества рескрипте 1767 года декабря от 5 дня рассуждений (186 об.) приступление к сему делу оставлено впредь до усмотрения удобного времени по окончании начатой с турками войны.

Благостию божиею, а руководством вашего императорского величества по счастливом оной прекращении, и по заключении славного нынешнего мира [1] Большая и Малая Кабарды остались в точном подданстве вашего императорского величества, а как последняя из них осетинской народ, у коих те руды найдены, почитают своими подвластными, то и оной, с нею соединенный, надлежит к здешней стороне.

Сие то самое и долг звания моего по данному от вашего императорского величества всем губернаторам начальству, и что вышеупомянутые места прилежательны к здешней губернии да и ведением и делами сопряжены с Астраханским губернатором, побудили меня сделать опыт собственно собою, сколь бы легко было приступить к сей новоизобретенной комиссии (л. 187) в доставании тех важных руд и в заведении самой работы; но когда высочайшими вашего императорского величества повелениями предписано оное предприятие от всех тамошних чародов весьма скрыть, то я принял случаи проезда моего для осмотра Астраханской губернии городов и других мест, колми же паче о пограничных горах и народах полюбопытствовать, и в познании склонности в доброхотстве к нам осетинского народа, которого старшины и в верном подданстве вашему императорскому величеству присягали и дают в Кизляр аманатов.

Потому во-первых пред отъездом моим из Астрахани за временно ордировал кизлярского коменданта, чтобы послать в Осетию под видом покупки мне горских лошадей нарочно из тех самых людей, которые пред сим во употреблении были в посылке для доставания металлических руд — ротмистра Батырева или дворянина Николаева, а в самом деле приказать им внушить, будто от себя, тамошним старшинам (л. 187 об.) и владельцам, что я имею приехать в Кизляр, и как они почитаются верноподданными вашего императорского величества рабами, в соответствование тому и склонять их от себя ласковостию, дабы они по должной верности своей возимели со мною свидание, и яко со вновь определенным в губернию главнокомандующим оное учинить благопристойно, внушая им, что они тем и верность свою лучшее могут доказать и за то от меня пользоваться всякими к ним благодеяниями, и для того свидания съехались бы по близости своих жилищь в Моздок, а при том оному посланному постараться и из тех руд, сколько можно, по небольшому числу ради показания мне неприметным образом достать.

---

[1] Война с Турцией закончилась подписанием мира при Кучук-Кайнарджи 10 июля 1774 г.

По таковой посылке от него коменданта сперва охотно приехали в Моздок Малой Кабарды два владельца Кайтука и Келеметь Ахловы и с крайним прилежанием приносили свою просьбу, чтоб возобновлено было Осетинское подворье, кое пред недавними летами раззорено, и что они с своими подвластными из гор выйти желают и около оного поселиться (л. 188) и будут его хранить от разных нападений. Я, видя, что, не имев подворья, никак не можно получить в свои руки сих металлов, то их просьбу весьма апробовал, подкрепляя их и собственными выгодами, склонился у вашего императорского величества то исходатайствовать; к приобретению ж в свои полные руки сих гор, да чтоб им ни малого знания не подать, не нашел я при том лучшего способа, как велел им сказать, чрез служилых кизлярских нарочно употребленных и о сем деле прежде сведомых офицеров, будто я намерен строить себе в Астрахани каменное великолепное строение, и как в их местах ко украшению оного могут найтится курьезные каменья, каковых у нас нет, то и не могут они лучшее мне оказать своего благодеяния, как ими потребным количеством, какие надобно снабдить, на что они со усердностию не только согласились, но приняли на себя чтоб подвластными своими людьми оные камни и вывозить за постановленную плату, что напоследок подтвердили поданным ко мне и письмом своим, прося тем (л. 188 об.) местом владеть им попрежнему, где построено было Осетинское подворье, и от притеснения кабардинцев и ингушевцев и чеченцев их защищать, а оне, напротив того, обещаются все повеленное исполнить, за каковое их доброусердие и верность, похваля и обнадежа вашего императорского величества высочайшею милостию, не оставил я на первой случай подарить их для лучшего приласкания верхним и нижним богатым платьем, чем они, будучи довольны, в домы свои и отъехали.

Между тем по учиненной посылке приезжал ко мне из них осетинцев известный по прежним доездам крещеный валагирской старшина Алегука, а по российски Андрей Чаликов и с собою привез несколько камышков, содержащих в себе серебренную и свинцовую руду, представляя об них одно только то, что не потребны ль они мне, кои он охотно обещался доставлять, и я, похваляя усердие его, их принял, обнадеживая сделать ему за то всякое благодеяние.

(л. 189). По нем и протчие осетинские куртатского и волагирского уездов старшины числом 19 человек в Моздок у меня явились, с коими я обойдясь со всякою к ним ласковостию и снисходительством, принял от них прошение в той же силе, как и первое, чтоб Осетинское подворье возобновить и определить туда воинскую команду и от кабардинцев их защищать, а к тому и другие просьбы употребили, кои мне не затруднительными показались, и видя, что желание наше в приобретении гор успех свой имеет, то я и обещал ходатайствовать у вашего императорского величества к ним милосердие, а чтоб и от них те металлы в свои руки достать, то приказал тем же офицерам о моем построении сказать, и спрашивая у них в жительствах ко убору потребных каменьев, которые согласились со усердностию позволить нам в их горах всякие каменья брать, да и сами оные привозить, куды надобно, за положенную плату, только бы для показания их прислать к ним знающаго человека (л. 189 об.) по коего показанию те камни они ломать и возить будут, с которых прошений их в прозорливейшее вашему императорскому величеству усмотрение прилагаю точные копии, причем я то ж в приласкание их подарил каждого по верхнему и нижнему платью по приличеству их состояния, а узденей их наградил деньгами, и, сверх того, сделал им еще особое угощение.

После того прежде посланной по ордеру моему от кизлярского коменданта ротмистр Батырев в Моздок ко мне возвратился один и с собою

привез, доставши в Осетии тайно, несколько металлических руд из семи мест, между коею есть часть найденной им серной золы, коя также ко употреблению может быть годною, и доездом своим показал, что некоторые из осетинцев, в каменьях силу знающие, выговаривали ему, что естьли б в их местах началось делание из руд серебра или свинца, то б для них было полезное, да и стали бы вспомоществовать, и при том от многих слышал (л. 190) желание о сделании при Осетинском подворье крепости, где бы они и поселились, о чем с того доезда его копию, а те руды по №№, откуда которая взята, к высочайшему вашего императорского величества рассмотрению при сем подношу.

А понеже к сему нужно мне иметь план Осетинскому подворью со облежащими местами, то я Моздокскому коменданту дал ордер, чтоб инженер-прапорщика Неймана и с ним осетинского переводчика Пицхелаурова послать в Осетию под претекстом покупки мне горских лошадей, почему и может он, по деревням ездя, отыскивать, а в самом деле велено ему снять план на Антре, где было Осетинское подворье, с наблюдением пространства коль удобна ль та земля к хлебопашеству, есть ли луга, а паче довольно ль леса, в чем большая надобность настоит и вообще то осетинское место подворья довольно ль к заведению нарочитого поселения, и имеет ли то положение способность ко учинению какого-либо укрепления и текущая под ним из гор речка такие ль имеет берега, (л. 190 об.) где б можно было сделать хорошую и прочную мельницу, хотя б она и труда стоила, так же какие деревни около оного и чьего владения прилежат показать на плане, да и дорога ко оному удобная ль телегами к проезду, и буде где не способна, то можно ль поправить и план постараться наискорее ко мне прислать, и сие снятие плана сделать под крайним секретом, дабы не только там, ниже здесь, о сем никто не знал, которого по получении вашему императорскому величеству и поднесть не замедлю.

Касательно ж допрошения от осетинских старшин о выкупе одним старшиною из плена солдата за 60 рублев, и о возвращении захваченного старшинского сына Малой Кабарды владельцом Келеметем Ахлоевым и о приеме у оного сына в школу для обучения российской грамоте, то когда они старшины находятся в подданстве вашего императорского величества и состоят к нашей стороне доброжелательными и самоохотно (л. 191) принимают христианский закон, следственно и должно то их прошение уважить, и с нашей стороны необходимо показывать им удовлетворение и защищение, почему ко удовольствию в прошении их не оставил я моздокскому коменданту определить: 1-е: вышеупомянутой солдат по справке оказался, представленный сего 1774 года в июле месяце куртатским старшиною Панкратом Гуривиевым, выкупленной им у горского старшины Аймата Исламова, бывшей в Томском пехотном полку Родион Куликов, захваченной лезгинцами в полон, о котором с требованием резолюции донесено государственным иностранных дел и военной коллегиям, и по предписанному здесь повелению отдаван он был с заплатою тех денег во услугу впредь до воспоследования указа к христианам желающим людем, но ко взятию его охотников никого не явилось, то напоследок взял его к себе кизлярской комендант, от коего моздокскому коменданту и велено (л. 191 об.) те деньги 60 рублев тому приводчику за него выдать из казны, а во оную от него возвращены будут, о чем от меня и ордером подтверждено. 2. Захваченного старшинского сына от владельца Келеметя постараться как возможно высвободить, или захватом баранты или склонить его владельца добровольно отпустить, хотя и с некоторою из казны за него на счет иностранной коллегии дачею, смотря по обстоятельствам, как пристойнее может быть, да и впредь всей Малой Кабарды владельцам подтвердить, чтоб они от при-

чиняемых осетинцам обид конечно воздержались, дав им знать, что сие нашей стороне не без огорчения слышать принуждено.

3-е. Куртатского уезду старшина Андрей Чаликов сперва словесно, а после и письменно, просил меня о принятии сына его Ефрема для обучения российской грамоте в школу, и жить позволить в доме у ротмистра Казыханова, и когда выучится, употребить его в службу в толмачи, (л. 192) а до того, будучи во обучении, содержать его и при нем мамку и одного служителя пищею, а понеже сей старшина Чаликов по-видимости мною осетинских дел состоит по принятии им христианского закона весьма доброхотным, и особливо к вышеупомянутой восприемлемой о рудах секретной комиссии по его склонности несколько уже доказательным от него опытом признается весьма нужным, в чем он прежде обещевал, да и ныне меня самолично уверил, в том показать свое усердие по верноподданической к вашему императорскому величеству должности к немалой могущей быть пользе высочайшего интереса — в рассуждении сего и достоин он некоторого уважения и призрения показанием ему благодеяния, каковое и убытка казне нанести ни малейше не может, кроме единого странноприимством таких людей просящих милости в защищении покровом вашего императорского величества благодеяния, и потому моздокскому коменданту предписано реченного старшинского сына принять и для обучения его при тамошней канцелярии российской грамоте разговору и письму (л. 192 об.) поручить его кому способному из писарей под собственным его коменданта присмотром, стараясь, чтоб он ко утешению отца и к пользе нашей совершенное знание понять, и тем по времени в дело употребиться мог; на пропитание ж его давать ему Ефрему по пяти да мамке и служителю по толикому ж числу, итого по десяти копеек на день, из определенной по указу вашего императорского величества на употребление по казенным делам разным горским владельцам уздеям и старшинам годовой сумм, чрез что и особого казне убытка не воспоследует.

Но наконец главнейшая претензия настоит одного из них осетинских старшин куртатинского уезду Бахты-гирея Темир-булатова, которого брат родной при Осетинском подворье нашими гребенскими казаками убит, за что ему по указу государственной коллегии иностранных дел во успокоение происходящих от него негодований и дано в награждение сорок рублев, точию он оказывается сим недоволен, и единственно все они обще просят сделать удовольствие определить ему (л. 193) за него убитого погодную дачу жалования, хотя по десяти рублев, за что де он может еще при Осетинском подворье служить и за казака, а если сего учинено не будет, то он между ими во всяком случае станет делать разврат и несогласие, во отомщение ж крови брата своего иногда из лучших российских людей кого убить, чем он проезжающим в Осетию священникам и угражывал; сходственно сему и сам Бахты-гирей об оном меня просил, напротив чего, во отвращение той злодейственной мысли его, и сделано мною верное ему обнадеживание, что он без награждения конечно не останется, но не прежде, а как я получу на мои представления высочайшее вашего императорского величества повеление, коего бы он с терпением обождал; токмо при всем том по своей закоснелости и ветренному состоянию примечен он в своей мысли весьма упорным, требуя единственно дачи себе того погодного жалования, чем он, по многом увещании наиверно мною обнадежен, и по одарении его платьем казалось повидимости остался спокойным. (л. 193 об.). Но колико сие требование его за убитого брата награждения себе погодным жалованьем мнится мне маловажно по поводу сего нового дела, чтоб производить его было можно беспрепят-

ственно, потому что и один из них злоумышленник, по своему злонравию и ветренному состоянию, и сам стараться и других людей приводить будет на всякие против нас злодейственные содействии, во отвращение чего и во успокоение мятущагося духа его в толь малом требовании лучше и полезнее сделать ему удовлетворение тою самою годовою дачею, которая высочайшему вашего императорского величества интересу никаково убытка приносить не может, как он же сам всемерно останется благодарным и обязанным при Осетинском подворье продолжать казачью службу, сколько оную сам похочет показывать, а более все то предаю в премудрое и прозорливейшее вашего императорского величества благоволение, поколику все тамошние обращения по государственной коллегии иностранных дел весьма сведомы.

(л. 194). Затем осмеливаюсь вашему императорскому величеству все подданнейше донесть, поелику слабые мои таланты мне проникнуть сии народы позволили, но я крайнюю мою ревность и все силы напрягал, чтоб войтить и сведать их всю внутренность, и потому их усердию веру подавать; правда, что сии варвары есть самого грубейшего невежества и ни единого из их народа грамотного человека нет и никакого знания не имеют, а живут в едином воровстве и убийстве, но при всем том в крайней бедности и в несказанном недостатке и от Большей и Малой Кабарды в притеснении, то бедность и досады необходимо понуждают их искать себе верного покровительства и защищения к приобретению себе какого-либо лучшего пропитания, и потому в бытность их у меня являли себя ко мне с чрезвычайным усердием верностию повиновением, говоря, что они все рады то делать, что только от меня приказано будет, но только бы были защищены и содержаны в милостивом покровительстве, и тем паче (л. 194 об.) доказывали мне все охотно, а валагирцы и с грузинских границ без позыва, а только по единому слуху о моем приезде приехали, и один из них руды привез и сына отдает в наши руки; хотя им всем по их необузданной ветренности в верности верить и на обещании их полагаться никак не можно, однако, видя сей их поступок, не мог инако принять как с похвалою, обещая им вашего императорского величества монаршее покровительство.

Заключаю ж сие донесение моею всеподданнейшею рабскою просьбою, не только нам, но всему свету известно вашего императорского величества беспримерное и неутомленное рачение о благе всея империи, то и сие предприятие есть в числе быть источником ваших монарших важных трудов, то сколько бы я по рабской должности и по крайней ревности и разумению моему ни старался описывать, но всего того весьма не довольно, то припадая ко священным вашего императорского величества стопам с рабским благоговением всеподданнейшие прошу (л. 195) всемилостивейше позволить мне приехать в феврале или марте месяце в Москву и удостоить меня припасть к высокомонаршим вашего императорского величества стопам и о всем сем донесть, а я между тем будут стараться, елико слабые мои силы достигать могут, во всех частях описание к прозорливейшему вашего императорского величества усмотрению поднесть, коего высокоматернего милосердного дозволения ожидая, со всеподданнейшим рабским благоговением пребываю.

Вашего императорского величества
всемилостивейшей государыни
всеподданнейший раб

Петр Кречетников.

Перевод с письма татарского подданного Малой Кабарды от владельцов Кайтуки и Келеметя Ахловых на имя его превосходительства г. генерал-майора, кавалера и астраханского губернатора Петра Никитича Кречетникова, октября 24 дня 1774 г.[1]

Ее императорского величества интересных дел правителю превосходительному г. генерал-майору, кавалеру и астраханскому губернатору всепокорнейше доносим, что отцы и деды наши из древних лет состояли в подданстве ее императорского величества и служили во всяких случаях верно, за что и получали денежное жалованье, а наследники их, мы именованные, тоже состоим в подданстве и употребляемся в службах ее величества; того ради вашего превосходительства покорно просим, дабы повелено было определить нам отцовское жалованье. Засим еще не умалчивая вам изясняем, что на котором месте ныне состоит Осетинское подворье, а оное место было пред сим в подвласти отцов наших, для того вашего превосходительства покорно просим приказать тем местом владеть нам по прежнему, Осетинскому подворью быть тут же мы в том не препятствуем, только жили бы с нами во обществе, с тем, что паче чаяния, когда им от куртатцов и от наших подвластных горских народов причинятся какие обиды или притеснения, в таком случае должны мы их защищать, а ежели от кабардинцев и ингушевцов и чеченцов будет притеснение, то вашего превосходительства покорно просим соизволите как их, так и нас защищать, а мы по присяжной должности повеления вашего превосходительства всегда ко исполнению привесть (л. 196 об.) долженствуем. Да естли приказано будет нам изготовить для них лес и камень, оное по повелению вашему подвластные наши исполнить могут, буде им за то дана будет плата.

У подлинного с письма перевода подписано тако: Кайтука, и Келеметь Ахлоевы, а на обороте приложены чернильные печати, а в них заключены имяна их.

Подлинное переводил переводчик коллежский регистратор Халил Бодиров.

Прошение осетинских старшин астраханскому губернатору Кречетникову[2]

Прошение осетинских Куртатинского и Воллагирского уездов старшин состоит в нижеследующем.

1-е. Издревле мы были христианского закона и время от времени предки наши, за неимением просвещаемых духовных персон, оной потеряли. А как по высочайшему соизволению присланы от ее императорского величества духовные чины для просвещения нашего народа, коих радостно мы приняли и многие по прежнему по их наставлению в христианской закон весь наш народ обращается.

2-е. При таком ревностном нашем желании и со вступления духовных персон, ненавидя варвары христианского закона, яко то кабардинцы, время от времени ныне стали нас притеснять наложением тягости и ловя наших людей к себе в плен, а особливо принявших веру греческого исповедания и не допущают нас выезжать всегда в российские границы и отбивают нас, чтобы мы совсем незнакомы были, а как по высочайшему соизволению всегда нам объявляется, что мы противу желания нашего оставлены не будем и будем под протекциею

[1] Заголовок подлинника.
[2] Дата отсутствует.

всемилостивейшей нашей государыни, яко то вольные не зависящие в подданстве никому большой и малой Кабарды владельцы [1], а особливо Малой Кабарды владельцы, а имянно Ахлоевы и Мурадовы фамилей теснят ловлением проезжающих в Моздок и отъезжающих отсюда людей наших без всяких вин и продают временем в посторонние места, а иногда и нам на выкуп за дорогую цену отдают.

3-е. Как мы находимся под высочайшим ее императорского величества покровительством, то и просим, чтоб построить или возобновить прежнее Осетинское подворье и сделать оттуда в Моздок, Кизляр и обратно в жилища наши свободной проезд и дозволить нам покупать соль, железо по малому числу на удовольствие наше, и буде Осетинское подворье возобновится, то определить к нам пристойную команду, чтоб она о всех причиняемых нам Большой и Малой Кабарды владельцов обид защищала, и со обоих сторон между нами разобрание чинить мог начальник оной команды.

4-е. Из оных наших старшин Куртатинского уезду старшины Жага брат его Панкрат Гуривиев (который был при Осетинской комиссии дьячком и умре) выкупил из плена у горцев одного русского солдата, о чем не безызвестно моздокскому коменданту г. полковнику Иванову, за 60 рублей, коего и привез сюда и отдан ему коменданту, точию за выкуп его деньги ему не возвращены, почему и просим оные деньги приказать ему выдать.

5-е. Старшины ж Куртатинскому уезду Бахты-гирея Темирбулатова брат его родной при Осетинском подворье гребенскими казаками убит, за что ему и дано было 40 рублев, точию он сим недоволен, в таком случае просим сделать ему в том удовольствие определить ему за него погодную дачу жалованья, хотя по десяти рублев, за что он еще может при Осетинском подворье служить и за казака, а естьли сего учинено ему не будет, то он между нами станет во всяком случае делать разврат и несогласие, во отмщение ж крови брата своего может иногда из лучших российских кого убить.

6-е. Сего года Чимтинского уезду старшины Шико Джабоева при следовании отсюда в Осетию сын его родной новокрещенный пойман Малой Кабарды владельцем Келеметем Ахлоевым, который им и задержан и просим его возвратить.

(л. 198). 7-е. Всем нам Малой Кабарды бывшего владельца Расланбека уздени Муртазовы причиняют обиды и утеснения, просим, чтоб их от тех нападков защитить.

8. Воллагирского уезду старшины Георгий Агнаев, Карамурза Караев просят от общества всего их народа, чтоб определить к ним духовных чинов и для защищения их команду, так как и к хуртатцам.

При всем том чювствуя мы оказанные нам от вашего превосходительства многие милости и благодеяния в возблагодарение за то позволяем брать из горских наших мест потребное вам на построение дому всякие находящиеся тамо каменья, какие только потребны, и оные не довольны брать, но и сами обязуемся их сколько надобно возить во Осетинское подворье, за постановленную плату, точию какие те каменья вашему превосходительству угодны, то для показания их благоволите прислать к нам особливого человека, коего по указанию мы оные камни и возить будем, и все то заключа нашею самою верностию под сим прилагаем наши руки пальцом:

(Подписи.)

---

[1] Так в подлиннике.

Рапорт ротмистра А. Батырева кизлярскому коменданту полк. Штендеру, 10 ноября 1774 г.

(л. 200). Во исполнение вашего высокоблагородия данного мне повеления ездил я чрез Малую Кабарду в Куртаты и протчие тамошние осетинские места под претекстом приискания тамошнего произрастания досок, солода и ячменя, а притом и с письмами вашими уведомительными о заключении с Портою Отоманскою мира, а в самом деле поручено мне склонить тамошних старшин на приезд в Моздок для персонального свидания с его превосходительством г. генерал-майором и кавалером Петром Никитичем Кречетниковым и достать металлических руд, что исполняя отправился из Моздока 15 числа минувшаго октября. Первее, проезжая Малую Кабарду, тамошних владельцов никого не застал, а были в кошах, почему письма ваши отдал владельца Кайтуки Ахлова матери, и ей по пристойности собственно от себя объявлял о прибытии г. губернатора, склоняя, чтоб дала знать владельцам, и они б к свиданию приехали. Она при мне ж письма к ним отправила, но я, ответа не ожидая, оттуда следовал в Анзоровы кабаки, принадлежащие Малой Кабарды, живущие на месте, где прежде было Осетинское подворье. Тут переночевав у своего знакомца и спросив у старшего узденя Созоруки Анзорова проводника, прибыл в Хуртатской уезд, в деревню Ачаусу и, объявя старшинам и народу то ж самое, что и в Малой Кабарде, все старшины на приезд охотно согласились; оттуда переехал в самое жительство, называемое Хуртат, стал на квартире по знакомству тамошняго старшины Андрею Чаликову, где застал присланного от моздокского г. коменданта полковника Иванова ротмистра Казыханова, присланного с призывом к свиданию с г. губернатором старшин; после меня чрез день еще приехал тут же переводчик Пицхелауров (л. 200 об.) и обществом куртатских, валагирских, и чиметенских старшин склонили на отправление, с коими ротмистр и переводчик отправились. Я исполняя порученную комиссию, отстав от них, сказал, якобы для свидания с своим знакомцом, в Хуртатском же уезде живущим в деревне Чуаркау Исламом Батырь Мурзиным поехал туда, и прибыв, стал у него на квартире, и ездили с ним под видом любопытства по речке Ханакау, на коей состоит оная деревня по течению вверх, где по берегу по обоим сторонам множество цветных каменьев по примечанию моему металлические руды, из коих я взял в дву местах в первом от деревни с версту, в другом с четыре версты. Сказывают, в самой вершине сей речки от деревни с десять верст целая гора сей руды, може и по всей речке руды есть, как она течет между гор; мне ж в скорости обстоятельно рассмотреть было не можно. Чрез сутки, от него возвратясь, приехал на двор Андрея Челикова и, переночевав, по утру с его родственником Ачи-гиреем Челиковым ездили в деревню, называемую Коры, состоящую по реке Фоке, и выше ее версты с две подле реки от состоящей горы взял несколько цветных камней, и видится вся гора состоит из них. Оттуда переехал в Чимтенский уезд в деревню Калгон, состоящую вверх от Хуртат с три версты: против деревни за речкою от горы взял также несколько цветных камешков, однако тут лучших взять было не можно, потому что от коего места тамошние жители берут на делание свинца, то засыпало песком. Оттуда возвратился в деревню Коры, и как мне в Валагиры ехать самому было не можно, потому что в Хуртатах, видясь я прежде с их старшинами, на вопрос их ответствовал, якобы возвращаюсь из Хуртат в Моздок, не подать бы тем на себя подозрения, нанял Андрея Челикова холопа тайным образом достать оттуда цветных камней из состоящей горы возле жительства валагирского по реке Иордану, а он несколько и принес.

(л. 201). И все вышеописанные руды доставал я, сказывая якобы здесь употребляются на крашение обоев, для чего несколько и имел при себе разных манеров лоскутов бумажного обоя, показывая им к сокрытию сумнительства, чему они в самом деле верили, однако некоторые тайно, кои знают в них силу, по знакомству выговаривали, естли б в их местах началось делание из руд серебра или свинца, для них было бы полезнее и спомоществовать стали.

От многих я слышал желание, чтобы сделать от России, где прежде было Осетинское подворье крепость, иметь в ней командира с командою, где б они многие поселились и, не опасаясь бы никого, жили, как де теперь притесняются от Большой и Малой Кабарды, сожалеют и о том, что не имеют в их местах церквей, где б они лучшее в законе научились.

Но что следует до руд, все привезенные мною представлены его превосходительству г. губернатору, а хотя и еще там в других местах есть, но мне изо всех не было времени собирать, а паче опасался не подать бы подозрения на себя, что я нарочно за ними обращаюсь.

По всей моей там бытности и ото всех осетинцов слышал я, что они оказываются к России доброжелательными и весьма рады о заключении с Оттоманскою Портою мира, почитая тем и себя счастливыми.

Будучи в Куртатах, от моего проводника Аджи-гирея Челикова слышал я, грузинской царь Ираклий недавно нашел от Тефлиза ездою три дни,— но к коему месту ближе не сказывал,— металлические руды и делает уже золото и серебро, что сей Аджи-гирей сам видел.

(л. 201 об.). Кто старшие и доброжелательные к нашей стороне в Куртатах в Чимтеях и в Валагирах старшины, прилагаю при сем список равным образом и о издержанных мною деньгах на неминуемые расходы реестр[1], из коего ваше высокоблагородие соизволите усмотреть, что я издержал сверх данных от вас двадцати рублев еще собственных своих десять рублев, кои прошу ваше высокоблагородие мне выдать.

Реляция астраханского губернатора П. Кречетникова Екатерине II, 24 апреля 1775 г.

(л. 216) Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица и самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Как уже от 2 декабря 1774 года вашему императорскому величеству реляциею моею донесено, что сами Малой Кабарды два владельца Кайтука и Келеметь Ахловы, и потом все осетинские старшины двадцать человек письменно просили Осетинское подворье возобновить и в том строении помогать обещались защищением от разных нападений и сами вышед из гор около оного поселитца, а к тому всего больше желают, чтоб поставить над ними наших начальников, о чем бы нам всеми способами добиватца должно.

Посему осмеливаюсь вашему императорскому величеству всеподданнейше мое слабое о них описание, поелику мог в малое мое около их пребывание разведавать то о построении того двора и их около оного выселении слабии мои таланты предуспели, в мудрое и прозорливейшее вашего императорского величества соизволение поднесть.

Место, где прежде было и ныне должно быть Осетинскому подворью, обстоит от Моздока 90 верст и принадлежит так, как и все осетинцы, вышенаписанным двум владельцам, хотя они управляютца своими старшинами, не завися (л. 216 об.) ни от ково, однако ж сим владельцам дань дают; всего сего народа щитаетца мужеска пола до трех ты-

[1] Список старшин и реестр расходов приведен там же на л. 202.

сяч человек, имеют свой особенный язык, коего никто не знает или очень мало знающих его, но не имеют ни грамоты, ни книг и никакова почти закона, однако ж не надобно от них справедливости отнять, что оне весьма склонны к принятию нашего христианского закона, которой, при всей слабой от нас в Осети проповеди, принимают.

Народ горской крайняго невежества вообще, в том числе и сей не имеют никакова промысла, ни хлебопашества, хотя земля к тому чрезвычайно способна и жары от часто бываемых дождей не препятствуют к произращению всякого хлеба, но они сеют просо, пшеницу и ячмень, но чрезвычайно мало, а посему как владельца, так и поселяня, их подвластные, в несказанной бедности живут и все их богатство состоит в скоте разного звания, а по скотоводству от крайния бедности и происходят грабежи, воровства и междоусобная война и раззорение, отчего и называются храбрыми, но не должно умолчать и то, что я не приметил у них принадлежащия брони храбрым людям, а только есть весьма хорошия сабли и луки, а в протчем весь снаряд худой, и так мнитца мне, вся их храбрость происходит от сущия бедности, снискивая себе какого-либо прибытка, доставая оной отгоном, а естьли догнали, тогда с нахальною дракою один другого побеждает, а по сему безсильству сии народы крайне и притеснены от владельцов Большой Кабарды, кои гораздо их сильнея и не в дальном (л. 217) разстоянии живут и, набегая на их жительства, разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властью.

От какового Большой Кабарды сильного и варварского притеснения сии народы необходимо принуждены себе сыскивать защищения, и для сего-то самого и нужно им верное и надежное покровительство вашего императорского величества, кое по слабому моему мнению, и надобно им подать, а ис того произойдет слава вашего императорского величества, по всей той стране и приманит весьма многие народы и распространит пределы вашего императорского величества.

Государственная ж польза произойдет в приобретении сих руд, в коих горах надлежит ожидать, когда разработаютца, богатейших металлов, нежели те, которые уже видимыми есть, так как и народ просветитца верою христианскою и придут в лутчее обращение общежительства, а тем со временем доведены быть могут и в настоящия вашему императорскому величеству подданные.

Народ валагирцы живут близь грузинских границ, ис коих один и сына своего в науку в Моздок привесть обещал, и имеют они те ж самые руды, ис которых он же на пробу ко мне привез, сей народ тож управляетца старшинами и числом их будет до шести тысячь, но от Большой Кабарды притеснен, а к принятию (л. 217 об.) веры христианской склонен и многие из них крещены, хотя оне, равно первые, ни церквей, ни учителей не имеют, однако ж склонность к закону весьма оказывают и желают яко первые выселитца и быть под покровительством вашего императорского величества.

Затем весь горской народ под именем Малой Кабарды содержут в себе различное по народам название, о коем достаточное сведение есть в иностранной коллегии, для чего и не имею нужды их именовать; но только осмеливаюсь донесть, что все они по варварскому своему невежеству один против другого рода в злобе и крайнем несогласии и друг друга грабят, разоряют и невольниками делают, сами ж они все во особности безсильны, а потому и большого общества в них по родам быть не может, отчего оне все Большою Кабардою и притесняются и самые те набеги их необходимо понуждают искать надежнейшия себе защиты.

К тому ж некоторые из сих народов, также как и первые не имея ни книг, ни грамоты и будучи ни магометанами или только одним сло-

вом и склонностию владельцов магометанской закон носят, то лехко ожидать должно, что все примут христианскую веру, да и не трудно посредством сообщения нашего народа совсем их язык, яко не имеющий своего основания, то ж и обычаи истребить.

(л. 218) При том за нужное к сему прозорливейшему вашего императорского величества разсмотрению донесть осмеливаюсь: примечательные места, в границах Малой Кабарды состоящие, по реке Тереку на противной от нас стороне, а имянно, урочище Бештамак или Пятигорловина, город Татартуп и потом уже на нашей стороне на реке Куме город Маджары, первое от Моздока пятьдесят [верст] и впадают из гор пять рек, отчего и сие название получило; другой 120 верст старинной город с каменными развалинами и ныне имеет обветшалую христианскую каменную церковь, и сей уже лежит на границе з Большою Кабардою; места около сих мест преизобильныя как плодородием земли, так лесами и лугами, вообще всем произрастанием и к поселению наилутчайшия, последней же от Моздока назад 240 верст и сей лежит против степи Кубанской, ближе к Астрахани и Царицыну нежели все наши поселении, да и от Дону недалек; земля ж около оного то ж изобильная, хотя не так как первая, однако ж всем достаточная и к хлебородию весьма способна и лесу по Куме довольно находитца, хотя я в сих местах по притчине ближущейся зимы не был, однако ж у всех довольно бывалых людей о том пространно распрашивал и в том уверен.

И так елико слабые мои силы доставили объяснить вашему императорскому величеству о народах и местах Малой Кабарды, теперь я (л. 218 об.) всеподданнейше имею приступить к описанию поселения и заведению горного дела, естьли мудро провидящее вашего императорского величества соизволение будет, чтоб Осетинское подворье, по их прозьбе, возобновить в прежнем месте, коему на прозорливейшее вашего императорского величества усмотрение и план при сем подношу, то мнитца мне начать следующим образом. Во-первых, объявить им высочайшее вашего императорского величества монаршее покровительство и матернее на их прошение снисхождение, что соизволяете то возобновление учинить и чтоб они к оному на выселение шли напредь в самое то подворье, кое и должно заведено быть с нарочитым укреплением, сходствующим с силою тех народов, но только необходимо надлежит зделать довольные обширности, ибо в сих местах форштатам быть неприлично, а надобно быть всему внутри, притом иметь городок примкнутой к тому ж укреплению, где и может завестись горная работа, а имя свое иметь будет для коменданта, коего укрепления план и может сочинен быть с разсмотрения фортификационной команды и высочайшия вашего императорского величества апробации.

Ко обузданию сих народов, как то и они сами просят, начальников поставить, необходимо умножить двумя батальонами или полком (л. 219) моздоцкой гарнизон, да в подворье тож батальон и поставить в обеих местах комендантов с лутчим выбором, чтоб люди были попечительные о государственном благе и обращались бы с народом с крайнею тихостью, ласковостию и приветствуя, нашлись бы в состоянии вразумлять сих невежд к доброму общежительству, и чтоб трудами, а не воровством свое изобилие снискивали, к тому ж, как всем известно, что подлой народ ничем больше к власти и во обуздание не подчиняетца, как утверждением в них веры, то и необходимо нужно, чтоб правительствующий синод к тому просвещению веры христовой по долгу своему избрал лутчих проповедников, нежели каковые теперь в Осетии есть, единственно ссорющияся между собою, а не неприлично б быть и архимандриту, чрез чтоб большее велилепие церковное

произошло, а тем неоспоримо важное к вере почтение и повиновение от них произойдет, да церкви с пристойным украшением поделать.

Затем к сильнейшему воздерживанию и ко опровержению их языка и обычаев нужным почитаю те гарнизоны зделать поселенными между сими выходцами из гор и дать волю как им на салдацких дочерях, так и салдатам у них женитца и тем нечувствительно (л. 219 об.) язык и обычай их выводить, а их распределять по сотням, в ведомство наших служилых людей, под видом нечаянных набегов ко обороне, к чему они и обязаны сами защищать свои жительства и скот, что из них по их склонности кажетца и не трудно зделать, а тем самым и будут привыкать к повиновению и к нашему военному обряду.

Необходимо ж нужно содержать нарочитое число казаков или гусар при сем заведении, ибо не должно ожидать, чтоб от сих ветреных народов набегов и разных покушений не было, а паче от Большой Кабарды, за коими по горам уже пешей гарнизон не в состоянии гонятца, то и нужны легкие войски, между коими и сии поселянцы легко употребитца могут, а тем то соединением с нашими союз их усиливатца будет, хотя о числе легкого войска таперь точно положить невозможно, однако ж нужно, чтоб при первом приступе поставлено было твердое и надежное положение хотя б и со излишеством оных приведено, то тем обуздание лутчее будет, к чему и можно прибавить комплект казаков, находящихся в поселении по Терку из их малолетков, правда что должно ожидать от нарочитого числа войск, что б они в страх (л. 220) не пришли, но ко отвращению сего не иное нужно, как ласковое обхождение и приманка малыми дачами в награждение всяких разных мелочных вещей, коих они не имеют.

К сему нужно позволить рускому купечеству туда для торгу приезжать и тем приобучать их ко употреблению разных привозимых товаров, а паче к знанию и употреблению денег, коих они по се время никаких не имеют, а сие познание необходимо понудит их к снисканию работою своею, чем и привоз руд будет свободнея.

К заведению сего строения лесу в сих местах довольно, и они привозить оной подписками своими так, как руду, обязались, за которой привоз и должно с ними поставить цену по их обычаю рубашками или как усмотритца, но на первой случай всеми мерами старатца ввесть ее самую нискую, дабы тем не зделать им вдруг прибытка, коего они по се время еще не знают, а только дать приманку к трудам и чтоб сия воска была должностию, а не иначе, а за то ко утверждению их в должности можно делать владельцам старшинам и самым работникам по временам от имени вашего императорского величества или по дням высоких вашего величества торжеств малые награждения, (л. 220 об.) похваляя их в той должности ревность.

Ко устроению потребны всякого звания мастеровые люди, а больше слесари для мелочной железной работы, коим необходимо быть должно из России, ибо оных не только в тех местах, но и в самой Астрахани совсем нет, то и мнитца мне набрать их ис полков или гарнизонов бо избежание дороговизны наймом вольных, каковы конечно в такую даль или совсем не пойдут или же чрезвычайную цену требовать будут. Затем земляная работа должна быть велика, то ко оной необходимо надобно послать каторжных, им числа ныне верно положить не можно, однако на первой случай до осмисот человек употребить в работу как в сем новом селении, так в Моздоке, где тож укрепление еще не делано, а они за то должны быть кормлены указным правиантом и одежею да и к лучшему содержанию их в силе давать по два раза в неделю на мясо или сало по нескольку денег, а будет того числа каторжных будет недостаточно, то можно от правительства более вытребовать в свое время.

(л. 221) И потому надлежит там на правиант достаточные магазейны устроить, коих нигде поныне нет, и число правианта завесть со изобилием, что и может правианская канцелярия снабдить.

Когда с помощью божиею, мудрым вашего императорского величества призрением, сие поселение свое начало возьмет, то мнитца мне необходимым и важным делом, служащим к славе высокого вашего императорского величества имени и к распространению границ приносящим знатной государственной доход, чтоб при первом заведении сего двора, как уже обе Кабарды по благополучно-окончавшейся руководством вашего императорского величества войне мирным трактатом оставлены в нашей стороне, то не замешкавшись, начать население в Татартупе под претекстом веры и возобновления разоренных церквей, кои неоспоримо там есть, правда, сие предприятие не может не произвесть большого труда и крайняго прилежания, но напротив того, зделает великую славу и пользу государственную тем самым, что сии места есть наиизобильнейшие из всех, сей же город (л. 221 об.) лежит в самом сердце гор, прикрывает Малую Кабарду от Большой и делает лутчую дорогу в Грузию, то и неоспоримо, что Малая Кабарда будет совсем в наших руках, да и Большая в лутчее по соседству обуздание неминуемо придет, тогда ближний способ возымеем и о Грузии помыслить, как ей быть и от терпимых ею несносных от разных народов разорений охранить, ибо от Татартупа до меретинских границ только два дни езды; беспрекословное есть дело, что сие предприятие важного труда и прилежания требует, однако ж и то неоспоримо, что прилежание или пробу сделать и трудности преодолевать есть дело человеческое, а паче будучи под мудрым вашего императорского величества наставлением.

Когда к сему приступить, то уже необходимо оной город зделать знаменитым и устроить надежным укреплением и тем себя утвердить и завесть торги, коим удовольствием народ тамошней обольстить разными привозимыми изобилиями, чрез что они и успокоиться могут.

За нужное или и за необходимое почитаю к прикрытию от Кубани наших границ не оставить без занятия бывшей в старину город Маджары, кой лежит за спиною Моздока в 240 верстах на реке (л. 222) Куме, имея по ней довольно лесу, и земля к хлебородию способная и в протчих потребностях изобилует, то естьли сей город обнять способом условий с кубанцами для торгу с ними и от них домогаться согласия каким бы то образом ни удалось получить, то из сего поселения великая польза произойдет, тем самым, что уже от Маджар будет до Дону летней верховою ездою четыре, да до Царицына пять дней, в день же должно полагать 60 верст, чрез что от стороны Кубани будет безопасность, да и самые наши калмыки останутца в безопасности от кубанских набегов да и от своих легкомысленных покушений конечно удержаны будут.

Всемилостивейшая монархиня, естьли сии преднамерении мудрым вашего императорского величества провидением в высочайшее благоволение принять соизволите, то я, по слабости моего разумения, полагаю по всей сей линии, начав от фельтшанца, кой лежит от Кизляра к морю в 70, а от моря в 20 верстах по Терку зделать до Кизляра два или три поселения, от Кизляра ж до Моздока жительство предовольное состоит, и могу донесть, что я, быв там, сими поселившимися казаками, видя их исправности, как по службе, так и по изобилию земли, весьма утешался, то оное и должно оставить, как оно ныне есть, только старые станицы разпространить от их чрезвычайной тесноты, что учинить не трудно, ибо они и сами без всякия помощи исподволь распространятся, а затем за Моздоком по избираемым местам выселивать добровольно выходящих из гор от Осетинскова подворья по реке Терку до Бештамака и до Татартупа, делая те селения с таким укреплением, как

(л. 222 об.) наши казацкие станицы уделаны, но необходимым поставляю, чтоб во всяком таком поселении начальник был наш и в каждом бы месте не меньше третьей части поселенных наших солдат, а всего лутче гусар и казаков, х коей последней службе и самой тамошней народ весьма склонен, и что может быть в подобие того как и по Волге реке в новозаведенных станицах калмыки смешенно с казаками поселяютца, а тем самым их нравы, обычаи и язык истребитца, и лехко придут нечувствительным образом в существительные вашему императорскому величеству подданные.

Равным образом от Моздока к Маджарам надлежит такие ж поселении, по усмотрении мест назнача, завесть и сколько таковых найтитца может, в свое время представить можно будет.

На сие поселение потребны люди, коих изобресть нетрудно, как обыкновенно из разных полков отставные солдаты посылаются на поселение в разные места, а большею частию в Казанскую губернию, то сих обратить в сию сторону с тем только, чтоб избирать на первый случай людей поздоровея, потому, что оне в сих местах не могут быть без службы по необузданной ветренности живущих народов, а паче к сему употребить из гусарских полков, и буде возможно сыскать военной коллегии откудава-либо казаков, но всех таковых людей присылать з женами и детьми и снабжать их всеми оружейными и аммуничными вещьми и на первые годы определить гарнизонное жалованье, кроме их поселения, потому, что вся трудность и служба их должна быть в самые первые (л. 223) времена по точной притчине необузданных и непривыклых еще народов видеть таковые заведении, то и необходимо заслуживают ту милость те люди, кои все сии трудности преодолевать должны, и надлежит их селить напредь во Осетинском подворье, сообщая с выходцами из гор. потом к Татартупу, а тем самым умножением людей приобрящется большей привоз из гор руд и разработывание оных, да и самые те жители придут во обязанность с нашими, и так сие утвердитца, и дикость тех народов умяхчится, то и нетрудно уже повсеместное и к Маджарам по назначенным местам поселение зделать.

А к тому не неприлично б было зделать высочайщую милость пожалованием позволения служащим штаб- и обер офицерам или выехавшим из Грузии в вечное вашего императорского величества подданство дворяном, кто пожелает в сих местах собственные поселения зделать своими людьми или добровольно вышедшими к ним во услужение и для того давать им земли безденежно, где они пожелают, однако ж с тем разсмотрением, чтоб ис того не произошло обиды тамошним жителям, для чего те отводы и делать с их неспорного ведома; притом же хотя сия милость для лутчаго заведения жительств, хозяйства и служащим в тех местах спомоществования в их содержании будет полезною, однако ж и во избежание грабительств никогда не позволять селить хуторами или малыми скотскими дворами, но всегда им строитца с такими ж укреплениями, как и протчия селении учреждены будут, для чего и могут они, соглашаясь по нескольку человек, одно селение заводить.

(л. 223 об.) Ко обузданию сих варварских народов первым и главнейшим правилом поставляю старатца всеми способами их грубое невежество истребить, а способ приобретаю тот, чтоб с ними иметь на первой случай всевозможные ласки и приветство и делать им самые малые награждения; тем, кто склоннее с своими фамилиями преклонятца будут, завесть в Астрахани школы для их владельческих детей, с пристойным учением воспитывать их благородно и потом старатца их вводить в службу регулярную и нерегулярную, в какую чья склонность будет, не касаясь на первой случай ни до веры, ни до платья, и дозволить владельцам при детях своих, по их нынешнему обычаю, посылать дядек и

мамок, без коих они ни под каким видом никуда не отпускают; также позволить и самим отцам или матерям для свидания с своими детьми приезжать, а кто ис питомцев преуспеет в науке и поведении, тех на некоторое время отпускать в горы, дабы б, видя их, другие упорствующие владельцы в таковой же отдаче поощрены были,— то сим способом неоспоримо нравы и невежество их искоренятца и тем придут в вечное вашего императорского величества подданство да и преобрящете на вечные времена все горы с их сокровищами, к чему мне по бытности моей в Кизляре первый опыт был; там содержутся от разных владельцов дети в аманатах, взрослые и малолетние, ис коих один добровольно выучился по-русски чисто говорить, я видя ево в том успевающа, приласкал, и говоря с ними, советывал ему, чтоб он ко мне в Астрахань приехал, где б я его с моим сыном пристойным наукам учить стал; он на сие весьма свое желание изъявил и хотел у отца своего просить позволения, а сие самое и сходствовать (л. 224) будет с указом вашего императорского величества из государственной коллегии иностранных дел апреля от 8 1763 года, коим повелено, содержащихся в Кизляре горских аманатчиков стараться склонять ко обучению российской грамоте и приводить в людкость, а от варварских нравов отводить, о чем кизлярским комендантам и повеление дано; но такового не было их в том попечения, кроме что бывшия в крепости Святаго креста аманатчики некоторые самоохотно тому обучались, и так естьли б на первой раз двух или трех из них получить в Астрахань, то надеятца можно, что по небольшом времени их нарочитое число набралось, да и тогда б и в аманатах нужды не было, когда б дети их в училище были и могли б со временем совсем и к вере христианской прити, и естьли высочайшее вашего императорского величества соизволение на сие будет, тогда план и о сумме на то особо представить можно будет.

Подобно сему надлежит иметь в Моздоке для старшинских детей и других желающих, также и сирот школу, как то и ныне по осетинской проповеди комиссии она положена, однако ж ее совсем не состоит ни отчего иного, как от единого неприлежания, находящагося там протопопа и священников, а должно ей быть в лутчем призрении и порядке, где и могут обучаться по-русски говорить и писать, а по возрасте употреблятца в службу между казаков или в поселянские чины, а к тому желающие и в церковнослужители, как и по сей комиссии положено протопопу старатца из их детей церковников заводить, и на то и сумма от вашего императорского величества определена.

(л. 224 об.) На остаток за небезнужное признаю приступить к Большой Кабарде, которой дела недовольно мне сведомы, а по древней ее преданности х крымскому хану весьма сумнительною состоит, но по бытности моей в Моздоке в самое то время возвратился оттуда майор Таганов, определенной по указу коллегии иностранных дел к делам Большой Кабарды, и был посылан от генерал-порутчика де-Медема со объявлением турецкого мира и что они оставлены в стороне вашего императорского величества, коего я и распрашивал о их состоянии, силе, жительстве и с каким они усердием известие о мире приняли; хотя я толикого сведения, какого желал, от него не получил, однако ж, сколько его смысл и познание доставало, мне донес, что в Большой Кабарде находится верных вашему императорскому величеству и принявших то известие с охотою владельцев тринатцать с несколькими узденями и желание имели со мною видитьца, но по отдаленности и не имея о приезде своем от меня приказа, не поехали, а когда де приказано будет, то охотно исполнят; напротив того, противных и откладывающихся от вашего императорского величества, а прилепляющихся х крымскому хану состоит главной хан Мурза Разсланбеков с несколькими сообщниками,

коих щитаетца до пятнатцети человек; хотя сей к нему приезжал для выслушания тех пунктов, но объявил, что де мы тому не верим, а как возвратитца их посланник ис Крыма, и о том мире уведомит, тогда верить и с протчими согласны будут, и с тем отъехали, в коем числе есть из сильнейших сих противников Мисост Баматов и всегда иметь может до дву тысячь человек, протчие ж хотя равные (л. 225) по породам своим с ним, но уже все безсильная его, а егда б все кабардинцы соединились, то могут иметь до пятнадцати тысячь человек; следовательно, по сей их общей силе, в кое собрание, по необузданию своему, им притти не можно, то и оная есть не суть важная; в подкрепление ж нам в той же Кабарде есть верные, коих старатца утвердить в верности при первом свидании, поставя их равно с владельцами Малой Кабарды, то тем самым и зломыслящие успокоеватца принуждены будут, а в противном случае необходимо должно всех сурово упорствующих и пребывающих в своих невежествах наказывать таким образом: сколь скоро никакое увещание преклонить не может, то, взяв под караул, отсылать в Астрахань, где и содержать под присмотром по обстоятельству его упорства, но при всем том порядочно, как владельца, а детей его, взяв, приобщить в училище, чрез кое наказание последует очевидно ему и монаршее Ваше милосердие тем, что он содержитца по его званию, а дети во обучении, то лехко притти может в признание, а тогда его и отпустить в дом, отчего необходимо и будет в должном повиновении; сей штраф или, лутче сказать, смирение употребить на все тамошние народы, ни выключая никого, чем со временем до желаемого успеха и достигнуть можно, а естьли б из сих противников дерзнули вооруженною рукою покуситься, то натурально таковых тем же способом отражать и наказывать по военному обряду.

(л. 225 об.) По сим тамошним лехкомысленным народам на случай заведения толь важного необходимо на первый случай, пока все народы не приведены будут в желаемое спокойство, должно иметь нарочитой корпус конной, составляющей больше гусар и казаков, и несколько драгун, о чем положение с военной коллегиею учинить можно, к тому ж гусары и могут комплектоваться вольными людьми грузинами и армянами, коих людей без недостатка здесь иметь можно и надлежит сему корпусу состоять в точной команде той персоны, кому сие дело от вашего императорского величества по высочайшей милости вверено будет, как разпоряжающему все сии дела по их обстоятельствам.

Итак, поелику слабые мои силы достигли объяснить о всех местах, мною примеченных, в мудрое и прозорливейшее вашего императорского величества провидение и естьли высокомонаршее вашего императорского величества соизволение последует, чтоб горное дело самым делом начать и поселение заводить, к чему, кажется, теперь и приступ настоит неупорной, то и надобно по высочайшей вашего императорского величества воли избрать ту персону, кому высокомонаршая доверенность пожалована будет и потребно его снабдить горными мастерами и другими штаб и обер офицерами, избрав людей отличного в тихости и скромности поведения, а крайне старающихся о исполнении государственныя пользы и при том необходимо быть по горным делам и по поселениям особой экспедиции и особым приказным служителям, а затем необходимым же мнитца той управляющей (л. 226) персоне в рассуждении так великой отдаленности иметь полную власть на решение всяких встречающихся дел, коих предвидеть не можно и для поощрения к ревностным исполнениям награждать, а в случае разных нерадивостей наказывать и отрешать собою, чтоб тем по отдаленности как первых ободрять и приохочивать к должному рачению, так и ленивых и нерадивых от того страхом и наказанием отвратить, чтоб тако-

вые не имели случая, надеясь на отдаленность, нерадивостию своею, а не имея за то наказания, других соблазнять.

Вашего императорского величества
всемилостивейшей государыни
всеподданнейший раб П. Кречетников.

Содержание

Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. 3

О высшей школе. Речь тов. В. М. Молотова на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г. 5

Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова. Вводная статья *С. Нагорного* 16

К истории всеобщей стачки на юге России в 1903 г. Вводная статья *О. Чаадаевой* 76

Андижанское восстание 1898 г. Вводная статья *Е. Штейнберга* 123

К истории франко-русского соглашения 1859 г. Вводная статья *Ф. Ротштейна* 182

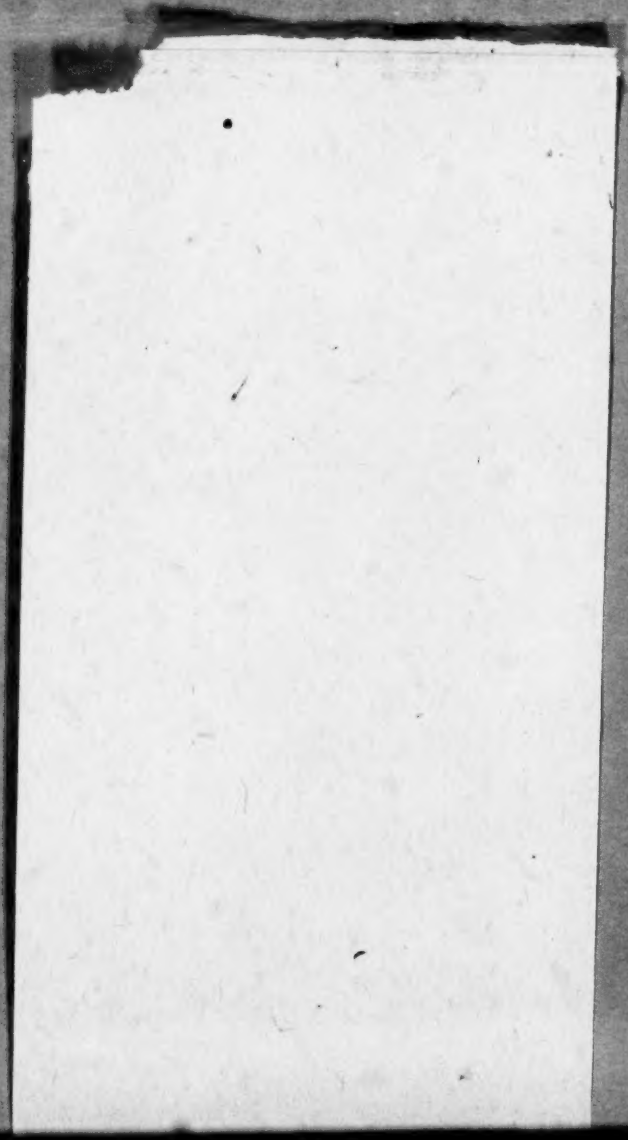
Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии (Окончание) . . 256

Редакционная коллегия

Сдано в производство 24/V 1938 г. Подписано к печати 23/VII 1938 г.
Статформат Б. 176×250. 17¼ печ. л. 61 880 зн. в печ. л. О.-Э. (п.) № 10. Заказ 645.
Уполномоч. Главлита РСФСР № Б—44668. Техред-выпуск. А. Налимов. Тираж 4 070 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
8	10 снизу	У нас немале учебников	У нас немало учебников
57	4—5 снизу (в сносках)	предлагавшего сократить	предлагавшего сохранить

«Красный архив» № 3 (88) Зак. 645